

Джеймс Фенимор Купер Пионеры, или У истоков Саскуиханний

Глава 1

*Взгляни, грядет угрюмая зима
В сопровождении могучей свиты
Метелей, туч и льда.
Тамсон, «Времена года»*

В самом сердце штата Нью-Йорк лежит обширный край, где высокие холмы чередуются с широкими оврагами или, как чаще пишут в географических книгах, где горы чередуются с долинами. Там, среди этих холмов, берет свое начало река Делавар; а в долинах журчат сотни кристальных ключей, из прозрачных озер бегут быстрые ручьи — это истоки Саскуиханни, одной из самых гордых рек во всех Соединенных Штатах.

И склоны и вершины гор покрыты плодородной почвой, хотя нередко там можно увидеть и зубчатые скалы, придающие этому краю чрезвычайно романтический и живописный вид. Долины нешироки, и по каждой струится речка, орошающая тучные, хорошо возделанные нивы. По берегам рек и озер расположены красивые зажиточные деревушки — они возникают там, где удобно заниматься каким-либо ремеслом, а в долинах, на склонах холмов и даже на их вершинах разбросано множество ферм, хозяева которых, судя по всему, преуспевают и благоденствуют. Повсюду виднеются дороги: они тянутся по открытым долинам и петляют по запутанному лабиринту обрывов и седловин. Взгляд путника, впервые попавшего в эти места, через каждые несколько миль замечает «академию» или какое либо другое учебное заведение; а всевозможные церкви и молельни свидетельствуют об истинном благочестии здешних жителей и о строго соблюдаемой здесь свободе совести. Короче говоря, все вокруг показывает, чего можно достичь даже в диком краю с суровым климатом, если законы там разумны, а каждый человек заботится о пользе всей общины, ибо сознает себя ее частью. И каждый дом здесь — уже не временная лачуга пионера, а прочное жилище фермера, знающего, что его прах будет покоиться в земле, которую рыхлил его плуг; или жилище его сына, который здесь родился и даже не помышляет о том, чтобы расстаться с местом, где находится могила его отца. А ведь всего сорок лет назад тут шумели девственные леса.

После того, как мирный договор 1783 года утвердил независимость Соединенных Штатов, их граждане принялись усиленно овладевать естественными богатствами своей обширной страны. До начала войны за независимость в Нью-Йоркской колонии была заселена лишь десятая часть территории — узкая полоса вдоль устья Гудзона и Мохока длиной примерно в пятьдесят миль, острова Нассау и Статен и несколько особенно удобных мест по берегам рек, — и жило там всего двести тысяч человек. Но за вышеупомянутый короткий срок число это возросло до полутора миллионов человек, которые расселились по всему штату и живут в достатке, зная, что пройдут века, прежде чем наступит черный день, когда принадлежащая им земля уже не сможет больше прокормить их.

Наше повествование начинается в 1793 году, лет через семь после основания одного из тех первых поселений, которые способствовали затем столь чудесному преобразению штата Нью-Йорк.

Холодный декабрьский день уже клонился к вечеру, и косые лучи заходящего солнца озаряли сани, медленно поднимавшиеся по склону одной из описанных нами гор. День для этого времени года выдался удивительно ясный, и в чистой синеве неба плыли лишь два-три облака, казавшиеся еще белее благодаря свету, отражаемому снежным покровом земли.

Дорога вилась по краю обрыва; с одной стороны она была укреплена бревенчатым накатом, а с другой склон горы был срезан, так что экипажи того времени могли передвигаться по ней довольно свободно. Но и дорога и накат были погребены теперь под толстым слоем снега. Сани двигались по узкой колее в два фута глубиной. В лежавшей глубоко внизу долине и по склонам холмов лес был вырублен новыми поселенцами, но там, где дорога, достигнув вершины, шла по ровному плато, еще сохранился столетний бор. В воздухе кружили мириады сверкающих блесков, а бока запряженных в сани благородных гнедых коней были покрыты мохнатым инеем. Из их ноздрей вырывались клубы пара, и одежда путешественников, так же как весь окружающий пейзаж, говорила о том, что зима давно уже вступила в свои права. Тусклая черная сбруя не блестела лаком, как нынешние, и была украшена огромными медными бляхами и пряжками, которые вспыхивали, словно золотые, когда на них падали солнечные лучи, сумевшие пробиться сквозь густые ветви деревьев. К большому, обитым гвоздями седлам на спинах лошадей было прикреплено сукно, заменявшее попону, и эти же седла служили основанием для четырех квадратных башенок, через которые были пропущены крепкие вожжи. Их сжимал в руке кучер, негр лет двадцати. Его лицо, обычно черное и глянцевитое, сейчас посерело от холода, и в больших ясных глазах стояли слезы — дань уважения, которую местные морозы неизменно взимают со всех его африканских сородичей. Тем не менее его добродушная физиономия то и дело расплывалась в улыбке: он предвкушал, как приедет домой, как будет греться у рождественского камелька и вместе с другими слугами весело праздновать рождество.

Сани представляли собой один из тех вместительных старомодных экипажей, в которых могло с удобством расположиться целое семейство, но сейчас, кроме возницы, в них сидело только двое пассажиров. Снаружи сани были выкрашены скромной зеленой краской, а внутри — огненно-красной, чтобы в холодную погоду создавать иллюзию тепла. Сиденье и пол были устланы большими бизоньими шкурами, отделанными по краям красными суконными фестонами. Эти же шкуры служили полостью, которой укрывали ноги седоки — мужчина средних лет и совсем еще юная девушка. Первый, по-видимому, отличался крупным сложением, однако судить о его наружности было трудно — так тщательно он укутался. Тяжелая шуба с пышной меховой оторочкой совсем скрывала его фигуру, а на голове красовалась кунья шапка на сафьяновой подкладке; наушники ее были опущены и завязаны под подбородком черной лентой. Верх шапки был украшен хвостом того же самого животного, чей мех пошел на ее изготовление, и хвост этот не без изящества ниспадал на спину ее обладателя.

Под шапкой можно было разглядеть верхнюю часть красивого мужественного лица; особенно его украшали выразительные синие глаза, говорившие о большом уме, лукавом юморе и доброте.

Его спутница совсем утонула в своих многочисленных одеждах: из-под широкого камлотового плаща на толстой фланелевой подкладке, который, судя по покрою и размерам, был сшит на мужчину, выглядывали меха и шелка. Большой капор из черного шелка, подбитый пухом, закрывал не только ее голову, но и лицо — лишь в узкой щелочке, оставленной для дыхания, порой блестели веселые черные глаза.

И отец и дочь (ибо именно в этой степени родства состояли наши путешественники) были погружены в свои мысли, и тишина нарушалась лишь еле слышным скрипом полозьев, легко скользивших по укатанному снегу. Первый вспоминал, как четыре года назад его жена прижимала к груди их единственную дочь, когда прощалась с ней, неохотно согласившись отпустить ее продолжать образование в одном из нью-йоркских пансионов (в те времена только этот город располагал подобными учебными заведениями). Несколько месяцев спустя смерть разлучила его с верной спутницей жизни, и он остался совсем один. Однако глубокая любовь к дочери не позволила ему увезти ее в эту глушь, пока не кончился срок, который он сам назначил для ее совершенствования в науках. Мысли девушки были менее грустными, и она с удовольствием смотрела на красивые виды, открывавшиеся перед ней с каждым новым поворотом дороги.

Гора, по которой они ехали, заросла гигантскими соснами, чьи стволы уходили ввысь на семьдесят — восемьдесят футов, прежде чем от них ответвлялся первый сук, а высота кроны тоже нередко достигала восьмидесяти футов. Гордые лесные великаны почти не закрывали далее, и наши путешественники могли видеть даже вершину горы на противоположной стороне долины, куда лежал их путь; лишь порой ее заслонял какой-нибудь отдаленный холмик. Темные стволы стройными колоннами поднимались над белым снегом, и лишь на головокружительной высоте взгляд наконец встречал ветви, покрытые скудной вечнозеленой хвоей, чей мрачный вид представлял меланхолическое несоответствие со всей погруженной в зимний сон природой. Внизу ветра не было, однако вершины сосен плавно раскачивались, глухо и жалобно поскрипывая, — звук этот удивительно гармонировал с окружающим пейзажем.

Сани уже несколько минут ехали по плато, и девушка с любопытством и некоторой робостью поглядывала на лес, как вдруг оттуда донесся долгий, протяжный вой, словно по длинным лесным аркадам мчалась свора гончих. Едва этот звук достиг ушей ее отца, как он крикнул кучеру:

— Стой, Агги! Гектор идет по следу, я его голос узнаю среди десятков тысяч. Кожаный Чулок решил поохотиться, благо денек сегодня выдался ясный, и его собаки подняли дичь. Вон там впереди оленья тропа, Бесс, и, если ты не побоишься выстрелов, на рождественский обед у нас будет жареное седло оленя.

Весело ухмыльнувшись, негр остановил лошадей и принялся похлопывать руками, чтобы согреть застывшие пальцы, а его хозяин встал во весь рост, сбросил шубу и шагнул из саней на снежный наст, который легко выдержал его вес.

Через несколько секунд ему удалось извлечь из беспорядочного нагромождения баулов и картонок охотничью двустволку. Он сбросил толстые рукавицы, под которыми оказались кожаные перчатки на меху, проверил затравку и уже собрался было двинуться вперед, когда из леса донесся негромкий топот и на тропу совсем рядом с ним большими прыжками выскочил великолепный олень. Хотя появился он совершенно неожиданно и мчался с невероятной быстротой, страстного любителя охоты это не смутило. В один миг он поднял двустволку, прицелился и твердой рукой спустил курок. Олень побежал еще быстрее — по-видимому, пуля его не задела. Не опуская ружья, охотник повернул дуло вслед за животным и выстрелил вторично. И снова, казалось, промахнулся, так как олень не замедлил бега.

Все это заняло одно мгновение, и девушка еще не успела обрадоваться спасению оленя, которому она в глубине души сочувствовала, как он стрелой пронесся мимо нее. Но тут ее слух поразил короткий сухой треск, совсем не похожий на грохот отцовского ружья; и тем не менее его могло породить только огнестрельное оружие. Олень высоко подпрыгнул над сугробом; снова раздался такой же треск, и олень, едва коснувшись земли, упал и покатился по насту. Невидимый стрелок громко крикнул, и два человека вышли из-за сосен, за которыми они, очевидно, прятались, ожидая появления оленя.

— А, Натти! Если бы я знал, что ты устроил здесь засаду, то не стал бы стрелять, — сказал хозяин саней, направляясь к убитому оленю, а сиявший от восторга кучер съехал с дороги, стараясь тоже приблизиться к этому месту. — Но, услышав лай старика Гектора, я не мог удержаться. Впрочем, я, кажется, его даже не задел.

— Да, судья, — с беззвучным смешком ответил охотник, бросая на него взгляд, полный торжества и уверенности в своем превосходстве, — вы спалили порох, только чтобы согреть нос. Оно и правда сегодня холодно. Неужто вы думали уложить этой хлопушкой взрослого оленя, да еще когда его настигает Гектор и он мчится изо всех сил? В болоте немало фазанов, а снежные куропатки слетаются прямо к вашему крыльцу. Кормите их крошками да постреливайте в свое удовольствие; а если вам вздумается раздобыть оленины или медвежатины, берите длинноствольное ружье и хорошо просаленный пыж, не то больше пороху потратите, чем мяса добудете.

Закончив свою речь, охотник провел рукой без перчатки у себя под носом и снова

беззвучно захохотал, широко открыв большой рот.

— У этого ружья хороший бой, Натти, и мы с ним подстрелили не одного оленя, — с добродушной улыбкой ответил хозяин саней. — Один ствол был заряжен крупной дробью, а другой — птичьей. Олень получил две раны — в шею и прямо в сердце. И еще неизвестно, Натти, может быть, в шею его ранил я.

— Ну, кто бы его ни убил, — ответил Натти угрюмо, — его мясо пойдет в пищу. — С этими словами он вытащил из заткнутых за пояс кожаных ножен большой нож и перерезал оленю горло. — Раз тут две раны, я бы на вашем месте спросил, не две ли пули в него попало; какой же дробовик оставляет вот такие рваные раны вроде этой на шее? И ведь вы не станете спорить, судья, что олень упал после четвертого выстрела, сделанного рукой потверже и помоложе, чем моя или ваша. Хоть я и бедняк, но без этой оленины обойдусь, да только с какой стати должен я отдавать свою законную добычу, если живу в свободной стране? Впрочем, коли уж на то пошло, и тут сила частенько берет верх над законом, как бывало в Старом Свете.

Охотник говорил угрюмо и злобно, но осторожность победила, и последние фразы он произнес настолько тихо, что слышно было лишь сердитое бормотанье.

— Не в том дело, Натти, — возразил его собеседник все так же добродушно. — Я только хочу знать, кому принадлежит честь удачного выстрела. Оленина стоит два-три доллара, но мне будет обидно упустить случай приколоть к моей шапке почетный трофей — хвост этого красавца. Только подумай, Натти, как я посрамил бы Дика Джонса: он только и делает, что насмехается над моей охотничьей сноровкой, а сам за весь сезон подстрелил всего-навсего сурка да пару белок!

— От всех этих ваших вырубок да построек дичь переводится, судья, — сказал старый охотник с безнадежным вздохом. — Было время, когда я с порога своей хижины подстрелил за один раз тринадцать оленей, не говоря уж о ланях! А когда тебе требовался медвежий окорок, надо было только посторожить лунной ночью, и уж наверняка уложишь зверя через щель в стене. И не приходилось опасаться, что заснешь в засаде: волки своим воем глаза сомкнуть не давали... А вот и Гектор, — добавил он, ласково погладив большую белую в желтых и черных пятнах гончую, которая выбежала из леса в сопровождении другой собаки. — Вон у него на шее рубец — это его волки порвали в ту ночь, когда я отгонял их от оленины, коптившейся на печной трубе. Такой друг понадежней иного человека: он не бросит товарища в беде и не укусит руку, которая его кормит.

Своеобразная внешность и манеры охотника заинтересовали молодую девушку. С той минуты, как он вышел из-за сосны, она с любопытством рассматривала его. Он был высок и до того тощ, что казался даже выше своих шести футов. Лисья шапка на его голове, покрытой прямыми рыжеватыми волосами, уже сильно поредевшими, была похожа на описанную нами шапку судьи, но сильно уступала ей по покрою и отделке. Лицо у него было худое, словно после длительного голодания, однако в нем нельзя было заметить никаких признаков болезни, наоборот — оно свидетельствовало о несокрушимо крепком здоровье. Ветры и морозы придали коже охотника медно-красный оттенок. Над его серыми глазами нависали кустистые брови, почти совсем седые; морщинистая шея по цвету несколько не отличалась от лица и была совсем открыта, хотя под курткой виднелся ворот рубахи из клетчатой домотканой материи. Куртка эта, сшитая из выдубленных оленьих шкур волосом наружу, была туго перепоясана пестрым шерстяным кушаком. Его ноги были обуты в мокасины из оленьей кожи, украшенные, по индейскому обычаю, иглами дикобраза; кроме того, он носил гетры из того же материала, перевязанные над коленями поверх потертых штанов из оленьей кожи, — за эти-то гетры поселенцы и прозвали его Кожаным Чулком. Через его плечо был перекинут ремень, на котором болтался большой бычий рог, столь тщательно выскобленный, что сквозь стенки просвечивал хранившийся в нем порох. С широкого конца к рогу было искусно приделано деревянное донце, а с узкого он был плотно закупорен деревянной же затычкой. Рядом с рогом висела кожаная сумка, и охотник, закончив свою речь, достал из нее мерку, аккуратно отмерил порох и принялся перезаряжать

свое ружье. Когда он поставил его перед собой, уперев приклад в снег, дуло поднялось почти до самого верха его лисьей шапки.

Судья, который все это время рассматривал раны на туше, теперь, не слушая угрюмой воркотни охотника, воскликнул:

— Все-таки мне хотелось бы, Натти, твердо установить, чей это трофей. Если оленя в шею ранил я, значит, он мой, потому что выстрел в сердце был излишним — превышением необходимости, как говорим мы в суде.

— Ученых-то слов вы много знаете, судья, — ответил охотник. Перекинув ружье через левую руку, он открыл медную крышечку в прикладе, достал кружок просаленной кожи, завернул в него пулю, с силой вогнал этот шарик в дуло поверх пороха и, не переставая говорить, продолжал заталкивать заряд все глубже. — Да только куда легче сыпать учеными словами, чем свалить оленя на бегу. А убила его рука помоложе, чем моя или ваша, как я уже сказал.

— А ты как думаешь, любезный? — ласково произнес судья, обращаясь к товарищу Кожаного Чулка. — Не разыграть ли нам наш трофей в орлянку? И, если ты проиграешь, доллар, который я подброшу, будет твоим. Что скажешь, приятель?

— Скажу, что убил оленя я, — с некоторым высокомерием ответил молодой человек, опираясь на ружье, такое же, как у Натти.

— Значит, двое против одного, — сказал судья, улыбнувшись. — Я остался в меньшинстве, а другими словами, мои доводы отведены, как говорим мы, судьи. Агги, поскольку он невольник, права голоса не имеет, а Бесс несовершеннолетняя. Делать нечего, я отступаю. Но продайте мне оленину, а я уж сумею порассказать о том, как был убит этот олень.

— Мясо не мое, и продавать его я не могу, — ответил Кожаный Чулок, словно заражаясь высокомерием своего товарища. — Я-то знаю много случаев, когда олень, раненный в шею, бежал еще несколько дней, и я не из тех, кто станет отнимать у человека его законную добычу.

— Наверное, ты от мороза так упрямо отстаиваешь сегодня свои права, Натти, — с невозмутимым добродушием ответил судья. — А что ты скажешь, приятель, если я предложу тебе за оленя три доллара?

— Сначала давайте к нашему взаимному удовлетворению решим, кому он принадлежит по праву, — почтительно, но твердо сказал молодой человек, чья речь и поведение никак не соответствовали его скромной одежде. — Сколько дробинок было в вашем ружье?

— Пять, сэр, — ответил судья, на которого манеры незнакомца произвели некоторое впечатление. — И, по-моему, этого достаточно, чтобы убить такого оленя.

— Хватило бы и одной, но... — тут товарищ Кожаного Чулка подошел к дереву, за которым прятался, ожидая оленя. — Вы стреляли в этом направлении, сэр, не правда ли? Четыре дробины засели вот здесь, в стволе.

Судья внимательно осмотрел свежие повреждения коры и, покачав головой, сказал со смехом:

— Ваши доводы обращаются против вас самого, мой юный адвокат. Где же пятая?

— Здесь, — ответил молодой человек, распахивая свою грубую кожаную куртку. В рубахе его виднелась дыра, через которую крупными каплями сочилась кровь.

— Боже мой! — в ужасе воскликнул судья. — Я тут спорю из-за какого-то пустого трофея, а человек, раненный моей рукой, молчит, ничем не выдавая своих страданий! Скорей! Скорей садитесь в мои сани — до поселка только одна миля, а там есть врач, который сможет сделать перевязку. Я заплачу за все, и, пока ваша рана не заживет, вы будете жить у меня, да и потом сколько захотите.

— Благодарю вас за добрые намерения, но я вынужден отклонить ваше предложение. У меня есть близкий друг, который очень встревожится, если узнает, что я ранен. Это всего лишь царапина, и ни одна кость не задета. Насколько я понимаю, сэр, теперь вы согласны

признать мое право на оленину?

— Согласен ли? — повторил за ним взволнованный судья. — Я тут же даю вам право стрелять в моих лесах оленей, медведей и любого другого зверя. До сих пор этой привилегией пользовался только Кожаный Чулок, и скоро настанет время, когда она будет считаться весьма ценной. А оленя я у вас покупаю; вот возьмите, эта банкнота оплатит и ваш и мой выстрелы.

Старый охотник гордо выпрямился во весь свой высокий рост, но ждал, чтобы судья кончил речь.

— Живы еще люди, — сказал он затем, — которые могут подтвердить, что право Натаниэля Бампо стрелять дичь в этих местах куда старше права Мармадьюка Темпла запрещать ему это. А если и есть такой закон (хотя кто когда слышал о законе, запрещающем человеку стрелять оленей где ему заблагорассудится?), то он должен был бы запретить охоту с дробовиком. Когда спускаешь курок этой подлой штуки, сам не знаешь, куда полетит твой свинец.

Не обращая внимания на монолог Натти, юноша поблагодарил судью легким поклоном, но ответил:

— Прошу меня извинить, но оленина нужна мне самому.

— Но на эти деньги вы сможете купить сколько угодно оленей, — возразил судья. — Возьмите их, прошу вас. — И, понизив голос, он добавил:

— Здесь сто долларов.

Юноша, казалось, заколебался, но тут же краска стыда разлилась по его и без того красным от холода щекам, как будто он досадовал на свою слабость, и он снова ответил отказом на предложение судьи.

Девушка, которая во время их разговора вышла из саней и, несмотря на мороз, откинула капюшон, скрывавший ее лицо, теперь сказала с большой живостью:

— Прошу вас... прошу вас, сэр, не огорчайте моего отца отказом! Подумайте, как тяжело будет ему думать, что он оставил в столь пустынном месте человека, раненного его рукой! Прошу вас, поедemте с нами, чтобы вас мог перевязать врач.

То ли рана причиняла теперь молодому охотнику больше страданий, то ли в голосе и глазах дочери, стремившейся сохранить душевный мир своего отца, было что-то неотразимое, — мы не знаем; однако после слов девушки суровость его заметно смягчилась, и легко было заметить, что ему одинаково трудно и исполнить эту просьбу, и отказать в ней. Судья (именно такой пост занимал владелец саней, и так мы будем впредь называть его) с интересом наблюдал за этой внутренней борьбой, а затем ласково взял юношу за руку и, слегка потянув его в сторону саней, тоже принялся уговаривать.

— Ближе Темплтона вам помощи не найти, — сказал он. — А до хижины Натти отсюда добрых три мили. Ну, не упрямитесь, мой милый друг, пусть наш новый врач перевяжет вам рану. Натти передаст вашему другу, где вы, а утром вы, если захотите, сможете вернуться домой.

Молодой человек высвободил руку из ласково сжимавших ее пальцев судьи, но продолжал стоять, не отводя взгляда от прекрасного лица девушки, которая, несмотря на мороз, не спешила вновь надеть капюшон. Ее большие черные глаза красноречиво молили о том же, о чем просил судья. А Кожаный Чулок некоторое время размышлял, опираясь на свое ружье; потом, по-видимому хорошенько все обдумав, он сказал:

— Ты и впрямь поезжай, парень. Ведь если дробина застряла под кожей, мне ее не выковырять. Стар уж я стал, чтобы, как когда-то, резать живую плоть. Вот тридцать лет назад, еще в ту войну, когда я служил под командой сэра Уильяма, мне пришлось пройти семьдесят миль по самым глухим дебрям с ружейной пулей в ноге, а потом я ее сам вытащил моим охотничьим ножом. Старый индеец Джон хорошо помнит это времечко. Встретился я с ним, когда он с отрядом делаваров выслеживал ирокеза — тот побывал на Мохоке и снял там пять скальпов. Но я так попотчевал этого краснокожего, что он до могилы донес мою метку! Я прицелился, ему пониже спины — прошу прощения у барышни, — когда он вылезал из

засады, и пробил его шкуру тремя дробинами, совсем рядышком, одной долларовой монетой можно было бы закрыть все три раны. — Тут Натти вытянул длинную шею, расправил плечи, широко раскрыл рот, показав единственный желтый зуб, и захохотал: его глаза, лицо, все его тело смеялось, однако смех этот оставался совсем беззвучным, и слышно было только какое-то шипенье, когда старый охотник втягивал воздух. — Я перед этим потерял формочку для пуль, когда переправлялся через проток озера Онайда, вот и пришлось довольствоваться дробью; но у моего ружья был верный бой, не то что у вашей двуногой штуковины, судья, — с ней-то в компании, как видно, лучше не охотиться.

Натти мог бы и не извиняться перед молодой девушкой — она помогала судье перекладывать вещи в сани и не слышала ни слова из его речи. Горячие просьбы отца и дочери возымели свое действие, и юноша наконец позволил себя уговорить отправиться с ними, хотя все с той же необъяснимой неохотой. Чернокожий кучер с помощью своего хозяина взвалил оленя поверх багажа, затем все уселись, и судья пригласил старого охотника тоже поехать с ними.

— Нет, нет, — ответил Кожаный Чулок, покачивая головой. — Сегодня сочельник, и мне надо кое-что сделать дома. Поезжайте с парнем, и пусть ваш доктор поглядит его плечо. Если только он вынет дробицу, у меня найдутся травы, которые залечат рану куда скорее всех его заморских снадобий. — Он повернулся, собираясь уйти, но вдруг, что-то вспомнив, опять приблизился к саням и прибавил:

— Если вы встретите возле озера индейца Джона, захватите-ка его с собой в помощь доктору — он хоть и стар, а всякие раны и переломы еще лечит на славу. Он, наверное, явится с метлой почистить по случаю рождества ваш камин.

— Постой! — крикнул юноша, схватив за плечо кучера, готовившегося погнать лошадей. — Натти, ничего не говори о том, что я ранен и куда я поехал. Не проговорись, Натти, если любишь меня.

— Можешь положиться на Кожаного Чулка, — выразительно сказал старый охотник. — Он недаром прожил пятьдесят лет в лесах и научился от индейцев держать язык за зубами. — Можешь на меня положиться и не забудь про индейца Джона.

— И еще одно, Натти, — продолжал юноша, не отпуская плеча кучера. — Как только вынут дробицу, я вернусь и принесу четверть оленя к нашему рождественскому обеду...

Он умолк на полуслове, заметив, что охотник многозначительно поднес палец к губам. Затем Кожаный Чулок осторожно двинулся по краю дороги, не отрывая взгляда от верхушки сосны. Выбрав удобное место, он остановился, взвел курок, далеко отставил правую ногу, вытянул во всю длину левую руку и начал медленно поднимать ружье, целясь в ствол дерева. Сидевшие в санях, естественно, обратили взгляд в ту же сторону и вскоре заметили добычу, соблазнившую Натти. На сухом сучке, горизонтально торчавшем в семидесяти футах над землей, там, где начиналась крона, сидела птица, которую местные жители именовали то фазаном, то куропаткой. Она была чуть меньше обыкновенной домашней курицы. Лай собак и голоса людей испугали ее, и она прижалась к стволу, отчаянно вытянув шею и задрала голову. Как только дуло оказалось точно направленным на цель, Натти спустил курок, и куропатка камнем упала со своего высокого насеста, так что совсем зарылась в снег.

— Лежать, зверюга! — прикрикнул Кожаный Чулок, грозя шомполом Гектору, который бросился было к подножию дерева. — Лежать, кому говорят!

Собака повиновалась, и Натти начал быстро и аккуратно перезаряжать ружье. Затем он поднял убитую птицу и показал ее остальным: головка была начисто срезана пульей.

— Вот и лакомое блюдо старику на рождественский обед, — сказал охотник. — Теперь я обойдусь без оленины, парень, а ты лучше поищи-ка индейца Джона — его травы посильней всякого заморского снадобья. Как по-вашему, судья, — добавил он, снова показав на свою добычу, — можно ли дробовиком снять птицу с дерева, не взьерошив на ней ни перышка?

Кожаный Чулок опять засмеялся своим странным беззвучным смехом, выражавшим веселое торжество и насмешку, покачал головой, повернулся и углубился в лес походкой,

которая больше всего напоминала неторопливую рысцу. При каждом шаге его ноги чуть сгибались в коленях, а все тело наклонялось вперед. Когда сани достигли поворота и юноша оглянулся, ища взглядом своего товарища, старик уже почти скрылся за деревьями; собаки трусили за ним, изредка нюхая олений след так равнодушно, словно они инстинктивно понимали, что он им уже ни к чему. Сани повернули, и Кожаный Чулок исчез из виду.

Глава 2

*Кто мудр, тот для себя отыщет пристань
Везде, где взор небес над ним сияет...
Считай, что не король тебя отринул,
А ты его.*

Шекспир, «Ричард III»

Примерно за сто двадцать лет до начала нашего повествования прапрадед Мармадюка Темпла приехал в Пенсильванию¹ вместе со славным основателем этой колонии, другом и единоверцем которого он был. Этот Мармадюк — в роду Темплов внушительное имя Мармадюк носили чуть ли не все мужчины — привез с собой в край, где искали приюта гонимые и обездоленные, все свое большое богатство, нажитое в Старом Свете. Он стал хозяином многих тысяч безлюдных акров и благодетелем несметного количества нахлебников и приживалов. Все почитали его за благочестие, он занимал в колонии немало важных постов и умер накануне разорения, о котором так и не узнал. Такова была судьба многих из тех, кто привозил сюда большое состояние.

Общественный вес переселенца обычно зависел от числа его белых слуг и прихлебателей, а также от занимаемых им должностей. Если судить по этим признакам, предок нашего судьи был важной персоной.

Однако теперь, обращаясь к истории первых лет существования этих колоний, мы не можем не заметить одну любопытную закономерность: почти все, кто приехал сюда богатыми, постепенно беднели, а зависевшие от них бедняки, наоборот, богатели. Изнеженный богач, не приспособленный к суровым условиям жизни, которая ждала его в совсем еще молодой стране, благодаря своим личным качествам и образованию еще мог, хотя и с трудом, поддерживать положение, приличествовавшее его рангу, но, когда он умирал, его избалованным и относительно невежественным отпрыскам приходилось уступать первенство энергичным, закаленным нуждой людям из низов. И в наши дни это явление не так уж редко, но в тихих и мирных квакерских колониях Пенсильвании и Нью-Джерси именно оно определяло дальнейшую судьбу высших и низших слоев общества.

Потомки Мармадюка не избежали удела тех, кто больше полагался на родовое богатство, чем на собственные силы, и в третьем поколении они были уже почти нищими — насколько в нашей благодатной стране могут быть нищими люди честные, умные и умеренные в своих привычках. Но теперь та же семейная гордость, которая, оправдывая самодовольное безделье, довела их до столь плачевного положения, пробудила в них энергию и желание вернуть утраченное, сравняться с предками в общественном положении, а если удастся, то и в богатстве.

Первым начал вновь подниматься по ступеням общественной лестницы отец судьи — нашего нового знакомого. Его успеху немало способствовала удачная женитьба — благодаря приданому жены он смог дать сыну прекрасное образование, которого мальчик не получил бы в довольно скверных учебных заведениях Пенсильвании, где в свое время учились и он сам и его отец.

¹ Пенсильвания — один из американских штатов, названный так по имени Уильяма Пенна (1644–1718), который был вынужден уехать из Англии, так как принадлежал к религиозной секте квакеров.

В дорогой школе, куда молодой Мармадюк был теперь послан, он подружился с одним из своих сверстников. Эта дружба оказалась очень полезной для нашего судьи и положила начало его дальнейшему преуспеянию.

Эдвард Эффингем принадлежал к семье не только очень богатой, но и имевшей большие связи при английском королевском дворе. Его родные, например, что в колониях было редкостью, считали торговлю унижительным для себя занятием и покидали уединение частной жизни, только чтобы заседать в законодательных собраниях колонии или с оружием в руках выходить на ее защиту. Отец Эдварда с ранней юности посвятил себя военной карьере. Шестьдесят лет назад, во времена владычества Англии, продвигаться по службе американскому офицеру было намного труднее, чем сейчас, и ждать производства приходилось гораздо дольше. Проходили многие годы, прежде чем такой офицер получал под свое командование роту, и тогда он считал само собой разумеющимся, что мирные труженики колонии должны относиться к нему с величайшим почтением. Те наши читатели, кому приходилось бывать за Ниагарой², несомненно, замечали, каким уважением пользуются даже в далекой Канаде самые, казалось бы, незначительные представители королевской армии и какого они о себе высокого мнения. Не так давно ту же картину можно было наблюдать и у нас в Штатах, хотя теперь, к счастью, все это уже в прошлом. И никто уже не носит мундира, кроме добровольцев, откликнувшихся на призыв свободного народа³. Вот почему, когда отец Эдварда после сорока лет службы в армии вышел в отставку в чине майора, он стал одним из виднейших граждан своей родной Нью-Йоркской колонии. Правда, этому немало способствовало и его весьма значительное состояние. Он пользовался репутацией храброго и находчивого офицера, и ему, по обычаю колоний, нередко доверялось командование самостоятельными отрядами, на что он по своему чину, казалось бы, не имел права; а когда возраст заставил его подать в отставку, он отказался от пенсии или какого-либо иного вознаграждения за свою долгую службу.

Военное министерство предлагало ему различные гражданские посты, не только почетные, но и доходные, однако он со свойственной ему благородной независимостью не принял ни одного из них. Вслед за этим проявлением патриотического бескорыстия старый воин и в своей частной жизни совершил столь же великодушный поступок, может быть не слишком осторожный, но зато вполне соответствовавший его прямой, бесхитростной натуре.

Эдвард был его единственным ребенком, и, когда он женился на девушке, которую выбрал для него отец, тот передал ему все свое имущество: деньги, городской дом, поместье, доходные фермы и огромные участки девственных лесов. Себе майор не оставил ничего, твердо зная, что сын с радостью будет покоить его старость. Когда майор Эффингем отклонил щедрые предложения военного министерства, многие решили, что рассудок его к старости ослабел: и в самых отдаленных уголках английских владений всегда находятся люди, которые больше всего на свете ценят милости двора и правительства. Когда же он затем добровольно отказался от всего своего состояния, никто уже не сомневался, что почтенный майор впал в детство. Вероятно, поэтому он вскоре утратил свое положение в обществе, и если его поступки диктовались стремлением к уединенной жизни, он мог теперь беспрепятственно ею наслаждаться.

Но как бы ни судил об этом свет, для самого майора и для Эдварда подобная передача имущества представлялась самым естественным поступком: для старика отца богатство стало теперь только обузой, и он возлагал заботу о нем на сына, потому что тот больше подходил для этого и по характеру и по воспитанию. Младший Эффингем не был смущен ценностью дара, так как считал, что отец избавляется таким образом от докучных хлопот, полностью сохраняя за собой если не юридическое, то моральное право распоряжаться этими

² По реке Ниагаре проходит граница между США и Канадой.

³ В описываемую эпоху в США не существовало регулярной армии.

деньгами. Короче говоря, их взаимное доверие было так велико, что, по мнению обоих, они всего лишь переложили кошелек из одного кармана в другой.

Вступив во владение фамильным состоянием, молодой человек первым долгом отыскал друга своих школьных лет и предложил ему всю помощь, какая только была в его силах.

Его предложение пришлось весьма кстати, ибо отец Мармадьюка незадолго перед этим умер, и после раздела скромного наследства молодой пенсильванец остался почти без средств к существованию. Мармадьюк трезво оценивал свои деловые качества и видел не только достоинства Эдварда, но и его немногочисленные недостатки. Его друг был по натуре очень доверчив и не отличался предприимчивостью, хотя порой неожиданно совершал необдуманные и опрометчивые поступки, в то время как он сам был очень уравновешен, проницателен и энергичен. Таким образом, их деловая связь могла послужить к обоюдной выгоде. Мармадьюк с радостью принял помощь Эдварда, и они без труда договорились об условиях. На деньги мистера Эффингема в столице Пенсильвании был основан торговый дом, единственным юридическим владельцем которого стал Темпл, хотя его друг негласно получал половину прибылей. Эдвард настаивал на том, чтобы все это сохранялось в тайне по двум причинам: во-первых (в этом он не признался своему другу), для гордого потомка храбрых солдат занятие коммерцией, даже через посредника, представлялось унижительным; а во-вторых, о чем он откровенно сказал Мармадьюку, если бы их уговор стал известен его отцу, тот никогда бы ему этого не простил. У старика были с пенсильванскими квакерами свои счеты.

Дело в том, что майор Эффингем одно время служил на западной границе Пенсильвании, которой грозило тогда нападение французов и индейцев, заключивших между собой военный союз. И вот миролюбие пенсильванских квакеров чуть не привело к тому, что и он и его солдаты едва не лишились жизни, не говоря уже о славе. Это, с точки зрения старого солдата, было настоящим предательством: ведь он сражался, чтобы защитить колонистов. К тому же он считал, что коварные и злобные враги не оценят их христианской кротости, а главное, не сомневался, что, отказывая ему в помощи, они не добьются мира, а только погубят его отряд. После отчаянной схватки ему с горсткой солдат удалось уйти от безжалостных преследователей, но он до конца своих дней не мог простить тех, кто оставил его одного в тяжелый час, хотя только ради них он подвергался опасности. Напрасно ему доказывали, что не по воле колонистов он был послан на их границу: это было сделано для их блага, утверждал майор, и «их религиозный долг повелевал им оказать ему помощь».

Старый воин всегда недолюбливал квакеров за их христианское смирение. Умеренность и здоровый труд наделили колонистов огромной физической силой, но ветеран смотрел на их богатырские фигуры с презрением: какой от всего этого толк, казалось, говорили его глаза, если голова у них забита всяким вздором? Он любил также повторять, что тщательное соблюдение внешних форм религии указывает на скудость веры. К этому можно было бы добавить еще многое, но мы вовсе не собираемся тут разбирать, каким должен быть истинный христианин, а просто сообщаем читателю взгляды майора Эффингема.

Вот почему Эдвард, хорошо зная, как относится его отец к колонистам-пенсильванцам, не решался сообщить ему о том, что заключил с одним из них деловое соглашение и что теперь их благосостояние зависит от честности какого-то квакера.

Мы уже упоминали, что эмигрировавший в Америку прапрадед Мармадьюка был близким другом Уильяма Пенна. Однако отец нашего героя женился на женщине, не принадлежавшей к секте квакеров, и поэтому его сын не получил обычного для них религиозного воспитания. Тем не менее детство Мармадьюка прошло в обществе, где все, даже самые будничные дела были пронизаны религиозным духом, и это не могло не наложить отпечатка на его манеры и речь. Правда, позже, вступив в брак с женщиной, которой квакерство было совершенно чуждо, он во многом избавился от этих привычек: но все же некоторые из них сохранились у него до самой смерти, а в минуты душевного волнения он обычно начинал говорить библейским языком своей юности. Но не будем

забегать вперед.

Как бы то ни было, в дни, когда Мармадюк стал компаньоном молодого Эффингема, внешностью и манерами он очень походил на квакера, и Эдвард опасался, что ему не удастся рассеять предубеждение своего отца. Поэтому их деловая связь сохранялась в глубокой тайне от всех, кого она прямо не касалась.

В течение нескольких лет Мармадюк благодаря своему трезвому уму и практической сметке очень успешно вел дела фирмы, и они получали большие прибыли. Он, как мы уже упомянули, женился на той, кому впоследствии суждено было стать матерью Элизабет, и друзья виделись все чаще. Мистер Эффингем, весьма довольный своим компаньоном, уже подумывал о том, чтобы предать их тайну гласности, но как раз в это время начались волнения, предшествовавшие войне за независимость⁴.

Мистер Эффингем, в котором отец воспитал глубокую преданность королю, с самого начала распри между колонистами и Англией выступил горячим защитником прав своего государя, а Мармадюк Темпл, человек с ясным умом, не зараженный аристократическими предрассудками, встал на сторону народа. Конечно, оба следовали взглядам, привитым им с детства: сын верного королю доблестного солдата считал волю монарха нерушимым законом, а потомок квакера, претерпевшего гонения вместе с Пенном, не мог забыть незаслуженные обиды своих предков.

Это расхождение во взглядах давно служило причиной дружеских споров между компаньонами, но теперь оно переставало быть их частным делом, так как Мармадюк со свойственной ему дальновидностью уже замечал первые признаки надвигающейся бури. Искры недовольства скоро разгорелись в пожар, и колонии, которые теперь стали называть себя Штатами, оказались ареной многолетней кровопролитной борьбы.

Незадолго до битвы при Лексингтоне⁵ мистер Эффингем, к тому времени уже овдовевший, передал Мармадюку на хранение все свои ценности и, простившись с отцом, покинул страну. Но в самом начале войны он снова появился в Нью-Йорке, уже в мундире офицера королевской армии, и, получив под командование полк, выступил с ним к театру военных действий. Мармадюк же открыто встал на сторону мятежников, как их тогда называли. Разумеется, всякие сношения между друзьями прекратились — полковник Эффингем не искал их, а Мармадюк проявлял благоразумную сдержанность. Вскоре последнему пришлось покинуть столицу Пенсильвании Филадельфию, но он успел спасти от королевской армии все свое имущество, а также ценности, принадлежавшие его другу. До конца войны он продолжал служить своей стране, занимал различные гражданские посты и исполнял поручавшиеся ему обязанности с большой добросовестностью и пользой. Однако Мармадюк не упускал из виду и собственной выгоды — так, во время распродажи поместий, конфискованных у сторонников короля, он приехал в Нью-Йорк и скупил большое количество земель по сравнительно низкой цене.

Когда Мармадюк стал хозяином имущества, насильно отнятого у его прежних владельцев, квакеры первое время смотрели на него довольно косо. Однако сопутствовавший ему успех, а может быть, и широкое распространение этого греха среди их единоверцев, скоро обелили его в глазах щепетильных сектантов; правда, кое-кто из тех, кому повезло меньше, иной раз намекал, что честным путем так быстро нажиться невозможно, но незапятнанное прошлое мистера Темпла да и его богатство вскоре заставили забыть о подобных подозрениях.

После окончания войны и утверждения независимости Штатов мистер Темпл оставил торговлю, ставшую в те дни весьма неверным и рискованным делом, и занялся освоением обширных земельных участков, которые он приобрел. Деньги и большая практическая

⁴ Война американских колоний Англии против британского владычества (1775–1783).

⁵ Первое сражение в войне за независимость (1775).

сметка помогли ему преуспеть в этом начинании, хотя суровый климат и дикая природа тех мест, казалось, не обещали ничего хорошего. Состояние его возросло в десять раз, и он считался теперь одним из самых богатых и влиятельных людей в штате. А наследница у него была одна — его дочь, с которой мы уже познакомили читателя, пока он везет ее из пансиона в свой дом, давно уже ожидающий хозяйку.

Когда население тех краев, где находилось его поместье, увеличилось настолько, что там можно было создать округ, мистер Темпл был избран его судьей. Это может вызвать улыбку у какого-нибудь ученого английского законника, но, во-первых, иного выхода не было, так как новые поселения не изобилуют юристами с университетскими дипломами, а во-вторых, умный и умудренный жизненным опытом человек может успешно справиться с любыми трудными обязанностями. И Мармадюк, отличавшийся, как мы уже говорили, острым и ясным умом, не только выносил справедливые решения, но и всегда мог достаточно логично их обосновать. Как бы то ни было, в те годы все судьи нашей страны назначались именно так, и судья Темпл оказался несколько не хуже остальных своих коллег и, по общему мнению, — которое он, впрочем, разделял и сам, — считался даже одним из лучших.

На этом мы закончим краткий рассказ о жизни и характере некоторых из наших героев и в дальнейшем предоставим им действовать и говорить самим.

Глава 3

*Все зримое тобой природа создала:
И скалы, что стремятся к небесам
Подобно башням замков вековых,
И мощные деревья, чьи стволы
Раскачивает ветер ледяной,
И блещущие искрами снега,
Чья белизна и мрамор посрамит.
Но грубый человек труды ее
Нередко за единый портит миг.
Дуо*

Прошло несколько минут, прежде чем Мармадюк Темпл немного оправился от пережитого волнения и смог рассмотреть своего нового спутника. Перед ним был молодой человек лет двадцати двух — двадцати трех, выше среднего роста. Ему пришлось ограничиться этими наблюдениями, так как фигуру юноши совершенно скрывала грубая куртка, туго перепоясанная шерстяным кушаком, точно таким же, как у Кожаного Чулка. Судья перевел взгляд на его лицо. Когда юноша сел в сани, черты его были омрачены странной тревогой, которую Элизабет сразу заметила, но, — как ни старалась, не могла понять. Эта тревога была особенно сильна, когда юноша умолял старого охотника не проговориться, но и потом, когда он, сдавшись на их просьбы, занял место в санях, нетрудно было понять, что это доставляет ему мало удовольствия. Однако постепенно хмурые морщины на его лбу разгладились, и теперь он сидел молча, по-видимому погруженный в глубокую задумчивость. Судья несколько минут внимательно смотрел на него, а затем улыбнулся, словно прося прощения за свою забывчивость, и сказал:

— Кажется, мой юный друг, от ужаса я совсем лишился памяти: ваше лицо мне знакомо, но, даже если бы мне предложили двадцать оленьих хвостов для украшения моей шапки, я не смог бы назвать вашего имени.

— Я приехал сюда всего три недели назад, — ответил юноша холодно, — а ваше отсутствие, если не ошибаюсь, длилось полтора месяца.

— Завтра исполнится пять недель со дня моего отъезда. И все же я вас где-то видел. Впрочем, я так испугался, что, того и гляди, увижу вас сегодня ночью в окровавленном

саване у своего изголовья. Что скажешь, Бесс?

Compos mentis⁶ я сейчас или нет? Сумел бы я сейчас обратиться с речью к присяжным или, что в эту минуту гораздо важнее, сумею ли я сегодня вечером как должно встретить сочельник в большом зале Темплтона?

— Вероятно, сумеешь и то и другое, папочка, — донесся из-под пышных оборок капора веселый голосок. — Это ведь легче, чем убить оленя из дробовика.

Наступило короткое молчание, потом тот же голосок продолжал уже серьезно:

— На этот раз у нас больше, чем обычно, поводов для благодарственной молитвы.

Лошади, казалось, чувствовали, что долгий путь близится к концу; налегая на постромки, они еще быстрее повлекли сани по ровному плато и скоро достигли места, где дорога круто уходила под обрыв и, извиваясь по склону, спускалась в долину. Увидев четыре столба дыма, поднимавшиеся из труб его дома, судья очнулся от своих мыслей. Указывая на внезапно открывшиеся перед ними дом, поселок и долину, он весело воскликнул, обращаясь к дочери:

— Смотри, Бесс, вот мирный приют, где ты можешь прожить всю свою жизнь. И вы тоже, мой друг, если пожелаете остаться с нами.

При этих словах молодые люди невольно посмотрели друг на друга, но взгляд Элизабет был холоден, хотя ее щеки вспыхнули румянцем, а странная улыбка, снова мелькнувшая на губах незнакомца, казалось, говорила, что вряд ли он согласится стать членом этой семьи. Однако вид долины мог растрогать сердце и куда более суровое, чем сердце Мармадьюка Темпла.

Склон горы, по которому спускались сани, был настолько крут, что приходилось соблюдать величайшую осторожность, да и дорога в те дни была всего лишь узкой тропой, пролежавшей в опасной близости к обрыву. Поэтому кучер сдерживал нетерпеливых коней, и у Элизабет было достаточно времени, чтобы рассмотреть пейзаж, столь быстро менявшийся под воздействием человека, что теперь он лишь общими чертами напоминал ту восхитительную картину, которой она так часто любовалась в детстве. Прямо под ними простиралась сверкающая снежной белизной равнина, окруженная со всех сторон горами. Склоны их были круты и обрывисты, и почти все они густо поросли лесом. Только два-три пологих отрога нарушали однообразие гряды, окаймлявшей огромную снежную равнину, на которой не было ни единого дома, дерева или забора, так что она казалась белым облаком, опустившимся на землю. Лишь несколько темных пятен перемещалось по ее ровной поверхности, и Элизабет без труда догадалась, что это сани, направляющиеся к поселку или, наоборот, выезжающие из него.

Горы в западном конце равнины, хотя и высокие, были не такими обрывистыми и образовали множество долин и овражков, а также пологих уступов, вполне пригодных для земледелия. Большинство гор по эту сторону равнины поросло хвойными деревьями, но менее резкие очертания противоположного склона давали отдых глазу: там на более плодородной почве произрастали буковые и кленовые леса. Видневшиеся среди них белые поляны, над которыми нередко вились струйки дыма, показывали, что там уже поселились трудолюбивые фермеры. Кое-где эти поляны сливались в обширные вырубki — плод объединенного труда, но по большей части они были невелики и разобщены; впрочем, изменения происходили так быстро, а люди, их производившие, трудились с таким усердием и настойчивостью, что Элизабет, казалось, видела, как эти вырубki расширяются прямо у нее на глазах, и она в немом изумлении замечала, насколько иным стал облик всего края за несколько коротких лет.

Отроги в западной оконечности этой необыкновенной равнины, лишённые всякой растительности, и по размерам и по количеству превосходили отроги восточной ее оконечности. Один из них, особенно далеко выдававшийся вперед, был довольно крут, и на

⁶ В здравом рассудке (лат.).

нем у самого обрыва над волной красивых сугробов высился гигантский дуб — он далеко простер свои ветви, словно стремясь хотя бы бросить тень на то место, куда не суждено было проникнуть его корням. Не стесненный, как его собратья в лесу, соседством других деревьев, он привольно раскинул могучие узловатые сучья, словно наслаждаясь своей свободой.

У южного края бесконечного белоснежного поля, почти под самыми ногами наших путешественников, виднелось пятно в несколько акров величиной — лишь его подернутая рябью поверхность да клубившийся над ним пар выдавали, что под ровной белой пеленой лежит горное озеро, скованное ледяным дыханием зимы. Там, где находилась эта полынья, из озера вырывался неширокий бурный поток, чей извилистый путь через настоящую долину к югу нетрудно было проследить по соснам и зарослям куги, окаймлявшим его русло, и по висящему над ним пару — ведь его вода была намного теплее морозного воздуха. Южный берег озера был обрывист, но невысок, а за ним простиралась долина, и рассеянные по ней многочисленные жилища поселенцев свидетельствовали о плодородии здешней почвы и относительно удобном сообщении с внешним миром.

У самого берега озера расположился поселок Темплтон. Он состоял примерно из пятидесяти строений самого различного вида, по большей части деревянных; архитектура их не отличалась большой изысканностью, и многие здания, казалось, не были закончены — очевидно, они возводились в большой спешке. Разнообразие их окраски поражало взгляд. Два-три дома были целиком выкрашены в белый цвет, но большинство могло похвастать только белым фасадом, а на остальные три стены их честолюбивые, но расчетливые владельцы потратили более дешевую красновато-бурую краску. Некоторые строения уже потемнели от непогоды, и через разбитые стекла в окнах вторых этажей виднелись голые балки незаконченных перекрытий, — видимо, легкомыслие или тщеславие заставило их хозяев взяться за задачу, которая оказалась им не по плечу.

Все эти здания были расположены наподобие городской улицы, и тот, кто так распорядился, очевидно, думал больше о нуждах грядущих поколений, чем об удобствах теперешних обитателей поселка. Три-четыре наиболее солидных дома щеголяли, помимо белой краски, еще и зелеными ставнями, представлявшими в это время года странный контраст с погребенными под снегом полями, лесами, горами и озером. Перед дверями этих домов были посажены молодые деревца, почти совсем лишенные веток, — они походили на высоких гренадеров, стоящих на карауле у входа в княжеский дворец. Да и то сказать, хозяева этих роскошных жилищ были знатью Темплтона — настолько же, насколько Мармадюк Темпл был его королем. В них обитали два молодых человека, искушенных в юриспруденции, два лавочника, державшие в своих руках всю торговлю поселка, и молодой эскулап⁷, который, в отличие от большинства его собратьев, чаще встречал тех, кто появлялся на свет, чем провожал тех, кто его покидал.

Над всей этой пестрой архитектурной коллекцией господствовал особняк судьи Темпла. Он был окружен большим фруктовым садом, занимавшим несколько акров. Часть деревьев в нем осталась еще со времен индейцев, и их обомшелые, уже клонящиеся к земле стволы являли резкий контраст двух-трехлетним деревьям, видневшимся почти за всеми изгородями поселка. Кроме того, от ворот к подъезду вела аллея из молодых ломбардских тополей, которые тогда только-только были завезены в Америку.

Дом этот строился по указаниям некоего Ричарда Джонса, о котором мы уже упоминали; он приходился судье двоюродным братом, считался мастером на все руки, был очень услужлив и занимался хозяйственными делами, не требовавшими личного вмешательства Мармадюка. Ричард любил повторять, что особняк судьи, это дитя его фантазии, состоит из начала и конца всякой ученой проповеди, а именно: из «во-первых» и из «в заключение». Он начал с того, что построил высокое бревенчатое сооружение, выходившее фасадом прямо на проезжую дорогу. В этом сарае (его трудно назвать

⁷ Эскулап — римское имя греческого бога врачевания Асклепия; в ироническом смысле — врач, лекарь.

как-нибудь иначе) семья прожила три года — именно такой срок понадобился Ричарду для осуществления его замысла.

В его тяжких трудах ему помогал некий странствующий ремесленник, который показал ему несколько заселенных гравюр с изображением известных английских зданий, а потом совсем покорила его учеными рассуждениями о фризах, антаблементах и, главное, о смешанном ордере. Он сделался для Ричарда непререкаемым авторитетом во всем, что касалось архитектуры. Правда, мистер Джонс тщательно скрывал это, держался с Хайремом Дулитлом покровительственно и выслушивал его пространные рассуждения о тайнах зодчества со снисходительной усмешкой. Однако то ли его собственные познания в этой области были настолько скудны, что он не мог найти веские возражения против доводов своего помощника, то ли он в душе проникался все большим восхищением перед ним, но он безоговорочно следовал всем советам Хайрема Дулитла.

И вот эта пара не только воздвигла дом для Мармадюка, но и определила архитектурный стиль всей округи. Мистер Дулитл заявил, что смешанный ордер — это мешанина из всех других ордеров и тем самым лучший из них, так как он разрешает вводить в план любые изменения в зависимости от обстоятельств или желания заказчика. Ричард был в этом с ним согласен, а когда два соперничающих гения, в чьем распоряжении находится наиболее значительный для их мест капитал, придерживаются одного мнения, им ничего не стоит положить начало моде даже в куда более серьезных делах. И вот, как мы уже намекали, особняк судьи Темпла, который соседи называли «дворцом», послужил образчиком для всех честолюбивых строителей в окрестностях — они непременно заимствовали те или иные из его многочисленных красот.

Этот воздвигнутый «в заключение» дом был каменный, большой, квадратный и, как ни странно, удобный — четыре требования, на которых Мармадюк настаивал с необычным для него упрямством. Но во всем остальном Ричарду и его помощнику была предоставлена полная свобода. Эти достойные зодчие обнаружили, что инструменты, которыми пользовались их рабочие, не подходят для обработки камня — они были рассчитаны на материалы не тверже местной белой сосны, дерева настолько мягкого, что охотники пользовались его обрубками вместо подушек. Если бы не это досадное затруднение, нам, вероятно, пришлось бы затратить куда больше места для описания их великолепного детища. Но стены дома не поддавались никаким усилиям, и наши зодчие были вынуждены довольствоваться крыльцом и крышей. Первое они решили выдержать в строго классическом стиле, а на примере второй — доказать высокие достоинства смешанного ордера.

Крыша, утверждал Ричард, была той частью здания, которую древние всегда старались сделать как можно незаметнее, ибо она является бельмом на глазу архитектуры и терпят ее только потому, что она полезна. Кроме того, не без остроумия добавлял он, дом надо строить с таким расчетом, чтобы, откуда на него ни смотреть, он был виден только с фасада: раз уж на него могут глазеть со всех сторон и в любую погоду, незачем оставлять фланги не защищенными от нападков завистливых соседей. Поэтому было решено, что крыша будет почти плоская. Но Мармадюк запротестовал: зимой толщина снежного покрова в этих краях достигала трех-четырёх футов. К счастью, на помощь пришли особенности смешанного ордера, которые позволили найти среднее решение, приемлемое для всех: стропила были удлинены, с тем, чтобы образовался скат для снега и льда. Но, увы, в расчеты их размеров вкралась какая-то ошибка, а так как Хайрем считался великим знатоком «работы с угольником», ее никто не обнаружил, пока все тяжелые балки не были водружены над стенами. Тут, однако, только слепой не заметил бы, что крыша, вопреки всем правилам, стала наиболее заметной частью здания. Ричард и его помощник утешились мыслью, что ее удастся замаскировать, удачно расположив кровлю; однако каждая драмка оказывалась лишь новой приманкой для глаз. Ричард попробовал исправить положение с помощью краски и четырежды собственноручно перекрашивал злосчастную крышу. Сначала он заставил ее заблестать небесной голубизной, тщетно надеясь обмануть зрителя и внушить ему, что просто над жилищем Мармадюка Темпла небеса нависают особенно низко; потом он

подобрал, по его словам, «облачный цвет», долженствовавший создать иллюзию дыма; третью краску Ричард назвал «зеленой невидимкой», но на фоне синего неба она оказалась более чем видимой. Убедившись, что крышу никак не скрыть, неукротимые зодчие пустили в ход всю свою изобретательность, чтобы как-то приукрасить дранку, оскорблявшую их изысканный вкус. После долгих размышлений и двух-трех проб при лунном свете Ричард наконец завершил дело, смело пустив в ход состав, который он окрестил «солнечным сиянием», не преминув при этом заверить судью, что это наиболее дешевый способ навсегда обеспечить себе ясную погоду над головой.

По краю крыши были воздвигнуты перила, блиставшие всеми цветами радуги, и тут Хайрем превзошел самого себя, изготавливая всяческие урны и лепные завитушки, которыми затем обильно украсил эту ограду. Сперва Ричард носился с оригинальнейшей мыслью: сделать печные трубы такими низкими, чтобы они казались частью этих украшений. Но соображения удобства заставили вместе с крышей поднять и трубы, иначе от дыма не было бы спасенья, и теперь при взгляде на особняк судьи вы прежде всего замечали четыре внушительные трубы.

Постройка этой крыши была наиболее важным событием всей архитектурной карьеры мистера Джонса, и неудача нанесла весьма болезненный удар его самолюбию. Сперва он намекал своим знакомым, что во всем виноват Хайрем, который оказался сущим невеждой в обращении с угольником. Но затем, привыкнув к виду этого сооружения, Ричард начал созерцать дело рук своих с гораздо большим удовлетворением. Вскоре он уже и думать забыл о некоторых погрешностях архитектуры «дворца» и принялся всю его расхваливать. Недостатка в слушателях не было, а поскольку богатство и комфорт всегда привлекательны, у него, как было упомянуто выше, нашлось в этих краях немало последователей. Не прошло и двух лет, как он уже мог, взобравшись на свою крышу, не без удовольствия созерцать три смиренных подражания полету своей фантазии. Вот так мода старается следовать даже недостаткам великих мира сего.

Неуклюжая крыша несколько не огорчила Мармадюка, и вскоре он с помощью некоторых изменений и добавлений сумел придать своему жилищу вполне солидный и достойный вид. Впрочем, подобными несоответствиями страдал не только дом судьи, но и весь окружающий пейзаж.

Среди вывезенных из Европы тополей и в зарослях молодых ив и других местных деревьев виднелись снежные бугры, скрывавшие пни срубленных сосен, а кое-где над белыми сугробами высились безобразные обугленные стволы деревьев, пострадавших от огня. Эти черные, лоснящиеся «столбы», как их называли местные жители, изобиловали в полях, окружавших поселок, и нередко рядом с ними торчала засохшая сосна или хемлок, с которых была содрана кора; их голые сучья, некогда одетые пышной хвоей, уныло раскачивались на ледяном ветру.

Однако Элизабет ничего этого не замечала. Пока сани спускались в долину, она восторженно любовалась общим видом поселка, словно карта, расстилавшегося у ее ног. Она видела только живописную группу домов; пятьдесят столбов дыма, поднимающихся из долины к облакам; замерзшее озеро, окруженное склонами гор в уборе вечнозеленых лесов; тени сосен, ложившиеся на его белую поверхность, — они с каждой минутой удлинялись, по мере того как солнце клонилось к закату; темную ленту потока, вытекавшего из озера и бежавшего своим извилистым путем к далекому Чесапикскому заливу. Ведь все это она помнила с детства и узнавала, несмотря на множество перемен. А за пять лет этих перемен тут произошло больше, чем могло бы произойти за целое столетие в какой-нибудь стране, где время и труд придали прочность творению человеческих рук.

Для молодого охотника и для судьи этот ландшафт давно уже стал привычным, и все же каждый раз, когда, оказавшись на опушке темного горного леса, они охватывали взглядом внезапно открывавшуюся перед ними прекрасную долину, они снова и снова испытывали все тот же восторг. Вот и теперь юноша восхищенно оглядел ее, прежде чем опять опустить голову на грудь, а судья с добродушным удовольствием продолжал созерцать эту картину,

говорившую о зажиточной и спокойной жизни, — ведь именно он основал этот поселок и именно ему были обязаны местные жители своим благосостоянием.

Тут наши путешественники услышали веселый перезвон бубенцов, и все повернули головы в ту сторону, откуда он доносился. Судя по звуку, вверх по склону неслись сани, запряженные сильными лошадьми, которых возница нещадно нахлестывал кнутом. Однако высокий кустарник, окаймлявший извилистую дорогу, заслонял встречный экипаж, пока он не оказался совсем рядом.

Глава 4

Что такое? Чья кобыла подохла? В чем дело?

Шекспир, «Король Генрих IV»

Вскоре за голыми прутьями кустарника мелькнули большие деревянные сани, запряженные четверней. Выносные лошади были серой масти, а задняя пара — черные, как уголь, вороные. Их сбруя была сплошь увешана бесчисленными бубенцами, которые трезвонили вовсю, — и возница гнал лошадей, не обращая внимания на крутизну дороги. Судье было достаточно одного взгляда, чтобы узнать седоков этого необыкновенного экипажа. Их было четверо. К передку саней был крепко-накрепко привязан конторский табурет, на котором восседал маленький человечек, совсем утонувший в тяжелой, подбитой мехом шубе, — из нее виднелось только его лицо, пылавшее багровым румянцем. Нетрудно было заметить, что этот господин обладает привычкой постоянно задирает голову, как будто хочет исправить ошибку природы, поместившей ее слишком близко к земле. Физиономия его выражала деловитую важность, и он бесстрашно понукал горячих коней, которые неслись над самым обрывом. Спиной к нему сидел высокий мужчина, закутанный в две шубы и лошадиную попону, но даже в этом наряде никто не принял бы его за широкоплечего силача. Когда сани совсем сблизилась и он повернулся к Мармадьоку, из-под вязаного шерстяного колпака выглянуло остренькое личико, словно приспособленное к тому, чтобы разрезать воздух с наивозможной легкостью, ибо выпуклыми на этом лице были только глаза, которые поблескивали по обеим сторонам переносицы наподобие двух голубых стеклянных шариков. Его желтую кожу не смог разрумянить даже жгучий мороз этого вечера. Напротив него сидел низенький толстяк, закутанный в тяжелую шубу. Лицо его дышало спокойствием и невозмутимостью, но веселые черные глаза показывали, что выражение это обманчиво. На нем, как и на двух его уже описанных спутниках, была кунья шапка, надетая поверх аккуратного светлого парика. У четвертого седока было кроткое продолговатое лицо; несмотря на холод, он был облачен только в черный сюртук довольно хорошего покроя, но сильно потертый и порыжевший от времени. Его шляпа была, бы вполне приличной, если бы давно уже не утратила ворс от частого знакомства со щеткой. Он был бледен и несколько меланхоличен — такой вид обычно бывает у людей, проводящих свои дни над книгами. От свежего воздуха щеки его слегка порозовели, но и этот румянец казался несколько болезненным. Он производил впечатление (особенно по сравнению со своим благодушным соседом) человека, которого терзает какая-то тайная грусть.

Не успели сани сблизиться, как маленький возница закричал во все горло:

— Съезжай в выемку! Съезжай в выемку, кому я говорю, греческий царь! Съезжай в выемку, Агамемнон⁸, а то мы не разъедемся! Добро пожаловать домой, братец Дьюк! Добро пожаловать, добро пожаловать в родные края, черноглазая Бесс! Как видишь, Мармадьук, я прихватил ценный груз, чтобы достойно тебя приветствовать! Мосье Лекуа успел натянуть

⁸ Агамемнон — в греческой мифологии царь Микен и верховный военачальник греков в Троянской войне. Американские рабовладельцы часто давали своим рабам мифологические и исторические имена.

только один колпак; старый Фриц не стал даже доканчивать бутылку, а мистер Грант так и не дописал «в заключение» к своей проповеди. И все лошади просто рвались к тебе навстречу... Да, кстати, судья, твоих вороных надо поскорее продать, и я сам этим займусь: они сбиваются с аллюра, а правая совсем не умеет ходить в упряжке. Я уже знаю, кому их сбыть...

— Продавай что хочешь, Дик, — весело перебил его судья, — только оставь мне дочку и землю... А, Фриц, старый мой друг! Поистине, семьдесят лет не могу оказать большей любезности сорока пяти. Мосье Лекуа, ваш покорный слуга. Мистер Грант, — при этих словах судья приподнял шляпу, — я высоко ценю ваше внимание. Господа, представляю вам мою дочь. А ваши имена ей хорошо известны.

— Топро пошаловать, сугья! — сказал старший из встречающих с сильным немецким акцентом. — Мисс Петси толшна мне поселуйшик!

— И будет очень рада отдать вам этот долг, сэр, — сказала Элизабет; ее нежный голосок прозвенел в горном воздухе, как серебряный колокольчик, и даже крики Ричарда не могли его заглушить. — У меня всегда найдется поцелуй для моего доброго друга майора Гартмана.

К этому времени господин на переднем сиденье — тот, кого называли «мосье Лекуа», — сумел наконец выпутаться из своих длиннополых шуб и подняться на ноги; затем он, опершись одной рукой на табурет возницы, другой снял шапку, любезно кивнул судье, поклонился Элизабет и начал приветственную речь.

— Прикрой макушку, дорогой француз, скорее прикрой! — крикнул возница, иными словами — мистер Ричард Джонс. — Не то как бы мороз не унес остатки твоих кудрей! Эх, будь у Авессалома⁹ такие редкие волосы, он и по сей день здравствовал бы!

Все шутки Ричарда непременно вызывали смех, во всяком случае — его собственный. И на этот раз он тоже не замедлил почтить свое остроумие взрывом оглушительного хохота, к которому из вежливости присоединился и мосье Лекуа, вновь опустившийся на сиденье.

Священник — мистер Грант был служителем церкви — в свою очередь смиренно, хотя и очень сердечно поздоровался с новоприбывшими, и Ричард приготовился повернуть лошадей, чтобы ехать домой.

Однако повернуть их он мог только в выемке или поднявшись на вершину горы. Выемка эта образовалась в склоне благодаря тому, что местные жители выламывали тут камень для постройки своих домов. Ричард нарочно остановил лошадей как раз возле нее, собираясь воспользоваться ею для поворота. На такой узкой дороге было не просто и даже опасно разъехаться двум экипажам, но Ричард, ничуть не смутившись, затеял повернуть тут сани, запряженные четверней. Негр услужливо вызвался отпрячь выносных лошадей, и судья от всего сердца одобрил его благоразумное решение, однако Ричард отнесся к нему с величайшим презрением.

— Да с какой это стати, братец Дьюк! — крикнул он в сердцах. — Лошади смирны, как овечки. Или ты забыл, что выносных я сам вышколил, а дышловым хорошо известно, что с моим кнутом шутки плохи? Спросите хоть у мосье Лекуа — он знает в этом толк, потому что не раз выезжал со мной. Вот пусть он скажет, опасно ли это!

Мосье Лекуа был истинным французом и, разумеется, не обманул ожиданий, возлагавшихся на его храбрость. Однако, когда Ричард завернул переднюю пару лошадей в каменоломню, он не мог оторвать взгляд от разверзшейся перед ним пропасти, и его рачьи глаза совсем вылезли из орбит. Немец сохранял полное спокойствие, но пристально следил за каждым движением возницы и лошадей. Мистер Грант ухватился за край саней, словно собираясь соскочить на землю, но, по робости душевной, не решался на прыжок, которого действительно требовал от него инстинкт самосохранения.

⁹ Авессалом — по библейской легенде, царевич, который был захвачен врагами и убит, потому что во время бегства его длинные волосы запутались в ветвях кустарника.

Ричард, неожиданно стегнув выносных, заставил их войти в заметенную снегом выемку. Однако наст проламывался под их копытами, ранил им ноги, и норовистые кони тут же остановились как вкопанные и упорно отказывались сделать еще хоть шаг вперед. Наоборот, испугавшись криков своего кучера и сыпавшихся на их спины ударов, они начали пятиться, прижимая дышловых к саням; дышловые, в свою очередь, тоже попятились, и сани, уже стоявшие поперек дороги, поползли назад. Верхнее бревно деревянного наката, укреплявшего дорогу со стороны долины, обычно выдавалось над краем обрыва, но теперь оно тоже было погребено под снегом и не представляло никакой помехи для скользящих полозьев. Ричард не успел еще сообразить, что произошло, как половина саней уже повисла над стофутovým обрывом. Француз, сидевший спиной к лошадям, первый измерил взглядом глубину зиявшей под ними пропасти, что есть мочи откинулся назад и закричал:

— Ah, mon cher monsieur Dick! Mon Dieu! Que faites vous?¹⁰

— Доннерветтер¹¹, Рихарт! — воскликнул немец, поглядывая с необычным для него волнением. — Так ты сломаешь сани и упьешь лошадей.

— Любезный мистер Джонс, — вздохнул священник, — будьте осмотрительны, мой добрый сэръ... будьте осторожны.

— Вперед, вперед, упрямые дьяволы! — возопил Ричард, заметив наконец, что под ними разверзлась бездна, и от горячего желания продвинуться вперед брыкая свой табурет. — Но-о, но-о! Братец Дьюк, я и серых продам. В жизни не видел таких необъезженных кляч! Мусью Леква! — От волнения Ричард забыл свое французское произношение, которым обычно очень гордился. — Мусью Леква, да отпустите же мою ногу! Вы так в нее вцепились, что понятно, с чего это лошади начали пятиться!

— Боже милостивый! — испуганно сказал судья. — Они все разобьются!

Элизабет громко вскрикнула, а черное лицо Агамемнона стало мутно-серым от ужаса.

В эту роковую минуту молодой охотник, который, пока все остальные обменивались веселыми приветствиями, сидел в угрюмом молчании, выпрыгнул из саней Мармадьюка и схватил под уздцы заартачившихся выносных. Лошади, которых Ричард продолжал бессмысленно хлестать кнутом, не понимали, чего он от них хочет, и топтались на месте, но в любую секунду неожиданный толчок мог сбросить сани с обрыва. Юноша сильным рывком заставил их вернуться на дорогу — на то место, откуда они начали поворот. Сани мгновенно оказались в безопасности, но при этом они перевернулись в противоположную от обрыва сторону. Немец и священник были бесцеремонно выброшены на утоптаный снег, не получив, по, счастью, никаких серьезных повреждений. Ричард описал в воздухе дугу — радиусом ей послужили крепко сжатые в его руках вожжи — и свалился на расстоянии пятнадцати футов от места катастрофы в тот самый сугроб, от которого попятнулись лошади. Но и упав, он продолжал цепляться за вожжи, как утопающий за соломинку, и поэтому оказался отличным якорем для саней. Француз, вскочивший было на ноги, чтобы выпрыгнуть на дорогу, тоже совершил воздушный полет — но в позе мальчугана, играющего в чехарду, и, описав сложную кривую, вонзился в снег головой вперед: теперь над белым сугробом торчали две длинные тощие ноги, точно два пугала над полем пшеницы. Майор Гартман, ни на йоту не утративший спокойствия во время всех этих кувырканий, первым поднялся на ноги и первым обрел дар речи.

— Шорт возьми, Рихарт! — воскликнул он полусерьезно, полушутливо. — Ты очень утчно разгрузил свои сани.

Мистер Грант, прежде чем подняться, несколько секунд простоял на коленях, то ли вознося благодарственную молитву творцу, который спас его от гибели, то ли не совсем очнувшись после удара о землю. Потом он медленно встал на ноги и, весь дрожа от

¹⁰ — Ах, дорогой господин Дик! Боже мой! Что вы делаете? (франц.)

¹¹ — Черт побери! (нем.)

пережитого испуга, начал с тревогой оглядываться, живы ли его спутники. Мистер Джонс тоже был несколько ошеломлен падением, но, как только туман, заставший его глаза, рассеялся и ему стало ясно, что все обошлось благополучно, он не замедлил самодовольно воскликнуть:

— Прямо сказать, ловко это у меня вышло, и как раз вовремя! Если бы я не сообразил покрепче сжать вожжи, эти бешеные дьяволы валялись бы сейчас под обрывом. Ну, не молодец ли я, Дьюк? Еще секунда — и было бы уже поздно. Но я знал, где пощекотать правую выносную: хлестнул ее справа под брюхо, рванул вожжи, и они, как овечки, вернулись на дорогу!

— Ты хлестнул! Ты рванул! Теперь я вижу, что с тобой ничего не случилось, Дик! — весело сказал судья, убедившись, что все остались целы и невредимы. — Если бы не этот храбрый юноша, и ты и твои, а вернее, мои лошади разбились бы вдребезги. Но где мосье Лекуа?

— Oh, mon cher Juge! Mon ami!¹² — раздался приглушенный голос. — Слава богу, я жив! Мой добрый мосье Агамемнон, может быть, вы спуститесь сюда и поможете мне встать с головы на ноги?

Священник и Агамемнон ухватили погребенного француза за ноги и извлекли его из трехфутового сугроба — недаром голос несчастного доносился словно из склепа. Но и после своего освобождения из снежного плена мосье Лекуа не сразу собрался с мыслями — некоторое время он простоял, задрав голову и стараясь разглядеть, с какой же высоты он свалился. Едва он убедился, что остался жив и здоров, как к нему вернулось хорошее настроение, но он долго не мог разобраться, где, собственно, он находится.

— Как, мосье! — крикнул Ричард, усердно помогая негру отпрягать выносных лошадей. — Как, мосье, вы тут? А мне показалось, что вы улетели на вершину горы.

— Слава богу, что я не улетел в озеро, — ответил француз, на чьем подвижном лице гримаса боли (он сильно поцарапался, пробивая головой твердый наст) не могла уничтожить обычное любезное выражение. — Ах, mon cher мистер Дик, что вы будете делать теперь? Я не знаю, чего вы еще не пробовали.

— Надеюсь, что теперь он будет учиться править лошадьми, — заметил судья, сбрасывая со своих саней тушу оленя и несколько баулов. — Тут хватит места для вас всех, господа. Мороз крепчает, мистеру Гранту надо торопиться, чтобы успеть приготовить проповедь, — пусть наш милейший Джонс с помощью Агамемнона поворачивает свои сани, а мы, не дожидаясь его, поспешим к теплому камину. Дик, будь добр, когда будешь готов, прихвати вот эти сундучки с нарядами Бесс и вот этого оленя, которого я убил. Агги! Не забудь, что сегодня ночью Санта-Клаус¹³ принесет подарки.

Негр ухмыльнулся, отлично понимая, что хозяин его задабривает, чтобы он не проговорился, кто на самом деле убил оленя; а Ричард, не дожидаясь конца речи судьи, уже начал свой ответ:

— «Будет учиться править лошадьми!»! Что это ты выдумал, братец Дьюк? Да кто лучше меня во всей округе разбирается в лошадях? Разве не я объездил ту кобылку, которая никого к себе не подпускала? Правда, твой кучер болтал, будто он ее уже укротил, когда я за нее взялся, но всякому было известно, что он врет, — продолжал он, не замечая, что сани судьи уже исчезают за поворотом. — Этот Джон был известный лгун... Смотрите-ка, да, никак, олень? — Оставив лошадей, Ричард подбежал к сброшенной на снег туше. — И то олень! Подумать только! И две раны — он стрелял из обоих стволов и оба раза попал. Черт побери, теперь Мармадьюк нам все уши прожужжит этим оленем! Он мастер хвастать по

¹² — О, мой дорогой судья! Друг мой! (франц.)

¹³ Санта-Клаус — сказочный персонаж вроде Деда-Мороза. По поверью, Санта-Клаус в ночь под рождество оставляет подарки в чулках, которые дети нарочно вешают для этого.

пустякам. Вот уж не поверил бы: Дьюк убил оленя в сочельник! От него теперь никому житья не будет. А выстрелы-то скверные — чистая случайность, что он не промазал. Я вот никогда не стреляю дважды в одного оленя: либо уложу его наповал, либо пусть себе бежит. Ну, будь это медведь или рысь, тогда другое дело, тогда можно и из второго ствола выстрелить. Эй, Агги! Как далеко был олень, когда судья стрелял в него?

— Ну, масса Ричард, ярдов этак пятьдесят, — ответил негр, подлезая под брюхо лошади, словно для того, чтобы подтянуть подпругу, а на самом деле — чтобы скрыть широкою, от уха до уха, ухмылку.

— Пятьдесят ярдов! — повторил Ричард. — А помнишь, Агги, прошлой зимой я убил оленя со ста ярдов... Да нет, пожалуй, со ста пятидесяти. А с пятидесяти ярдов я в оленя даже стрелять не стану — какой интерес? И ведь ты, наверное, не забыл, Агги, что я стрелял всего один раз!

— Как же, масса Ричард, не забыл! А вторую пулю послал Натти Бампо. Люди говорят, сэр, что оленя-то убил Натти.

— Все это вранье, черномазый черт! — крикнул Ричард, выходя из себя. — Вот уже четыре года, как я даже белки убить не могу без того, чтобы старый мошенник не заявил, что это его добыча, а когда он молчит, так другие это говорят. До чего же наш мир завистлив! Люди всегда спешат разодрать славу в клочки, чтобы никому не досталось кусочка хоть чуть больше их собственного. Вот по всей округе болтают, будто Хайрем Дулитл помогал мне с проектом колокольни для церкви святого Павла, а ведь Хайрем знает, что это все моя работа. Ну, не отрицаю — я кое-что позаимствовал у лондонского собора того же названия, но все, что в этой колокольне есть гениального, принадлежит только мне.

— Я не знаю, чья это колокольня, — ответил негр, на этот раз без улыбки и с искренним восхищением в голосе, — да только все говорят, что красивее ее не найти.

— И правильно говорят, Агги, — увлеченно воскликнул Ричард и, совсем забыв об олене, подошел к негру. — Скажу не хвастая, во всей Америке нет такой красивой сельской церкви, да к тому же еще построенной по всем правилам науки. Я знаю, что коннектикутские поселенцы чванятся своей молельней в Уэзерсфилде, но им верить нельзя — все они хвастуны, каких мало. И к тому же стоит им увидеть, что получается хорошо, как они сразу начинают вмешиваться и портить, чтобы потом присвоить себе половину заслуг, а то и все заслуги целиком. Может, ты помнишь, Агги, как я писал вывеску «Храброго драгуна» для капитана Холлистера? Помнишь, тот мазилка маляр, что красит дома под кирпич, как-то предложил помочь мне смешать состав, который я называю «черно-полосатый», для хвоста и гривы, а теперь, потому что лошадиный волос мне на диво удался, он направо и налево рассказывает, будто эту вывеску писал он со сквайром Джонсом. Если Мармадьюк не выгонит этого мошенника из наших мест, пусть сам свой поселок и раскрашивает, а я больше палец о палец не ударю!

Тут Ричард прервал свою речь, чтобы откашляться, а негр в почтительном молчании продолжал грузить сани. Религиозные убеждения судьи не позволяли ему иметь рабов, и поэтому Агги считался слугой Ричарда, причем было оговорено, что через определенный срок он получит свободу. Но как бы то ни было, Ричард имел на него права, и молодой негр обычно предпочитал держать язык за зубами, когда между его законным и действительным владельцем начинался спор. Ричард несколько секунд молча глядел, как Агги затягивает ремни и застегивает пряжки, а потом с некоторым смущением продолжал:

— Вот увидишь, если этот молодой человек в ваших санях тоже из коннектикутских поселенцев, он будет каждому встречному и поперечному рассказывать, что спас моих лошадей, а ведь на самом деле, не вмешайся он именно в эту минуту, я бы с помощью кнута и вожжей заставил их вернуться на дорогу без всяких толчков, и сани не опрокинулись бы. Если дергать лошадь под уздцы, ее недолго и испортить. Теперь из-за этого его рывка мне, того и гляди, придется продать всю упряжку... — Тут Ричард запнулся: ему стало совестно ругать человека, который спас ему жизнь. — А что это за парень, Агги? Я его вроде не видел в наших местах.

Негр, помня о предстоящем появлении Санта-Клауса, коротко ответил, что они встретили юношу на вершине горы, ни словом не обмолвился о неудачном выстреле судьи и добавил только, что, по его мнению, это человек не здешний. В те времена люди с положением не гнушались подвозить бедных путников, которых нагоняли на заснеженных дорогах, и Ричард был вполне удовлетворен этим объяснением. Он внимательно выслушал Агги, а потом сказал:

— Ну, если этот малый не избаловался у нас в Темплтоне и еще помнит свое место, то я, пожалуй, им займусь, тем более что намерения у него были самые похвальные. Может быть, он охотится за хорошим участком... Послушай, Агги, а не приехал ли он сюда поохотиться?

— А... да, масса Ричард, — ответил негр, смутившись. (Ричарда он боялся куда больше, чем судьи, потому что все экзекуции в поместье производил мистер Джонс.) — Да, сэр, наверное, поохотиться.

— У него что же, есть мешок и топор?

— Нет, сэр, только ружье.

— Ружье! — воскликнул Ричард, заметив смущение Агги, которое теперь уже перешло в ужас. — Ах, черт возьми! Так это он убил оленя? Я же знал, что Мармадьюку ни за что не попасть в скачущего оленя! Как было дело, Агги? Рассказывай побыстрее, и я досыта накормлю Мармадьюка его олениной. Как было дело, Агги? Этот малый подстрелил оленя, а судья его купил, да? И повез парня к себе, чтоб расплатиться?

Это открытие привело Ричарда в такой восторг, что негр немного оправился от испуга, вспомнил про чулок Санта-Клауса и, заикаясь, проговорил:

— Да ведь раны-то было две, сэр.

— Не ври, черный мошенник! — крикнул Ричард и отступил в снег, примериваясь, как бы ловчее вытянуть негра кнутом. — Говори правду, а не то я с тебя шкуру спущу.

Произнося эти слова, Ричард медленно поднимал кнутовище, пропуская кнут через пальцы левой руки, словно боцман, собирающийся пустить в ход линек. Агамемнон повернулся к нему сперва одним боком, потом другим, но не нашел успокоения ни в той ни в другой позиции и сдался. В нескольких словах он рассказал своему хозяину всю правду и принялся умолять Ричарда защитить его от гнева судьи.

— Я все улажу, Агги, я все улажу! — вскричал тот, потирая руки. — Ты только помалкивай, а уж я как-нибудь справлюсь с Мармадьюком. Вот возьму и оставлю тушу здесь, пусть он сам посылает за ней людей... Впрочем, нет, лучше я дам ему похвастать как следует, а потом изобличу его при всех. Живей, живей, Агги, не то рану этого бедняги начнут перевязывать без меня, а наш докторишка понятия не имеет о хирургии: он не сумел бы отнять ногу старику Миллигану, если бы я ее не поддерживал.

К этому времени Ричард уже опять взгромоздился на свой табурет, Агги расположился на заднем сиденье, и они тронулись в обратный путь. Лошади бежали быстрой рысью, а их неукротимый возница, то и дело оборачиваясь к Агги, продолжал болтать; недавнее недоразумение было забыто, и между ними снова установились наилучшие отношения.

— Это только доказывает, что лошадей повернул я: у человека, раненного в правое плечо, не достало бы сил сдвинуть с места этих упрямых дьяволов. Я с самого начала знал, что он тут ни при чем, но только не хотел спорить с Мармадьюком. А, ты кусаться, скотина! Но-о, лошадушки, но-о! И старик Натти здесь тоже замешан! Лучше и нарочно не придумаешь. Уж теперь Дьюку придется помалкивать про своего оленя, подумать только — выстрелил из обоих стволов, а попал всего лишь в беднягу, который прятался за сосной! Я должен помочь этому шарлатану-лекарю вынуть пулю из его раны.

Так Ричард несся вниз по склону: бубенчики не умолкали ни на минуту — и он сам тоже, пока сани не въехали в поселок. Тут уж он думал только о том, как щегольнуть своим кучерским умением перед женщинами и детьми, которые прильнули к окнам, чтобы поглазеть на судью и его дочку.

Глава 5

*У Натаниэля не готова куртка,
Разлезлись башмаки у Габриэля,
А Питер не успел покрасить шляпу,
И Уолтера кинжал еще в починке,
Лишь Ралф, Адам и Грегори одеты.*
Шекспир, «Укрощение строптивой»

У подножия горы, где кончался крутой спуск, дорога сворачивала вправо, и сани по легкому уклону покатали прямо к поселку Темплтон. Но сначала надо было пересечь бурный ручей, о котором мы уже упоминали. Через него был переброшен мост из тесаных бревен, излишне большие размеры и неуклюжесть которого свидетельствовали как о малом умении его строителей, так и об изобилии необходимого материала.

Этот узкий поток, стремительно мчавший свои темные воды по выстланному известняком ложу, был тем не менее одним из истоков Саскуиханны — могучей реки, навстречу которой даже сам Атлантический океан приветственно протянул руку¹⁴.

У моста быстрые кони мистера Джонса догнали менее резвых лошадей, запряженных в сани судьи. Обе упряжки поднялись по пологому откосу, и Элизабет очутилась среди домов поселка, столь не похожих друг на друга. Лежавшая между ними прямая дорога была неширока, хотя вокруг на сотни миль простирались леса, населенные лишь зверями и птицами. Но так решил ее отец и так хотели поселенцы. Им нравилось все, что напоминало условия жизни в Старом Свете, а городок, пусть даже лежащий среди глухих лесов, — это уже почти цивилизация. Улица (так называли эту часть дороги местные жители) была около ста футов шириной, но ее проезжая часть, особенно зимой, оказывалась гораздо более узкой. Перед домами громоздились огромные поленницы, которые, казалось, ничуть не уменьшались, а, наоборот, с каждым днем все росли, несмотря на то что в каждом окне можно было увидеть ярко пылающий очаг.

Когда сани судьи тронулись в путь после встречи с Ричардом на горе, Элизабет залюбовалась заходящим солнцем — приближаясь к горизонту, его диск становился все больше и больше, и по нему медленно поднимался темный силуэт могучей сосны, росшей на одной из западных вершин. Но его косые лучи еще озаряли восточный склон, на котором находилась сама Элизабет, играли на стволах берез, чья гладкая и сверкающая кора соперничала белизной с девственными снегами окрестных гор. Темные стволы сосен ясно рисовались даже в глубине леса, а обрывистые скалы, на чьих отвесных гранях не мог удержаться снег, празднично сверкали, словно посылая прощальную улыбку заходящему светилу. Однако сани продолжали спускаться вниз по склону, и царство дня, как заметила Элизабет, скоро осталось позади. Когда они достигли долины, яркие, хотя и не греющие лучи декабрьского солнца уже не разгоняли ее холодного сумрака. Правда, на вершинах восточных холмов еще лежали розовые отблески, но и они с каждой минутой поднимались все выше — с земли на гряды облаков; замерзшее озеро уже пряталось в синей мгле, очертания домов стали расплывчатыми и неясными, а дровосеки вскидывали на плечо свои топоры и расходились по домам, предвкушая, как весь долгий вечер они будут греться у яркого огня, для которого сами заготовили топливо. При виде саней они останавливались, снимали шапки, здороваясь с Мармадьюком, и дружески кивали Ричарду. Как только путешественники проезжали, во всех домах задергивались занавески, скрывая от зимней ночи уютные комнаты с весело пылающими каминами.

Сани быстро свернули в распахнутые ворота «дворца», и когда Элизабет увидела в дальнем конце безлиственной аллеи из молодых тополей унылые каменные стены

¹⁴ Автор имеет в виду узкий и длинный Чесапикский залив, в который впадает река Саскуиханна.

отцовского дома, ей показалось, что дивный вид, открывшийся ей с горы, был лишь мимолетным сном. Мармадюк еще настолько сохранял свои квакерские привычки, что не любил бубенчиков на упряжи, но от саней мчавшегося позади мистера Джонса несся такой трезвон, что через мгновение в доме поднялась радостная суматоха.

На каменной площадке, слишком маленькой по сравнению со всем зданием, Ричард и Хайрем воздвигли четыре деревянные колонны, которые поддерживали портик — так мистер Джонс окрестил весьма невзрачное крыльцо с кровлей из дранки. К нему вели пять каменных ступеней, уложенных в такой спешке, что морозы уже успели сдвинуть их с предназначенного для них места. Но неприятные последствия холодного климата и небрежности строителей этим не ограничивались: каменная площадка осела вместе со ступеньками, и в результате деревянные колонны повисли в воздухе — между их нижними концами и каменными основаниями, на которые они прежде опирались, появился просвет в целый фут. По счастью, плотник, осуществлявший величественные замыслы зодчих, так прочно прибил крышу этого классического портика к стене дома, что она, по вышеуказанной причине лишившись поддержки колонн, в свою очередь, сама смогла поддержать эти колонны.

Однако столь досадный пробел в колоннаде Ричарда, как часто бывает, возник, казалось, только для того, чтобы доказать необыкновенную изобретательность ее творца. На помощь снова пришли преимущества смешанного ордера, и появилось второе издание каменных оснований, как говорят книготорговцы — с добавлениями и улучшениями. Они, разумеется, стали больше и были в изобилии снабжены лепными завитушками. Но ступеньки продолжали оседать, и к тому времени, когда Элизабет вернулась в отчий дом, под нижние концы колонн были вбиты плохо отесанные деревянные клинья, дабы колоннада не болталась и не оторвалась от крыши, для поддержки которой она первоначально предназначалась.

Из большой двери на крыльцо выскочило несколько служанок, а за ними появился пожилой слуга. Последний был без шапки, но, судя по всему, ради торжественного случая облачился в парадное одеяние. Его наружность и наряд были настолько необычны, что заслуживают более подробного описания. Это был человек всего пяти футов роста, коренастый, могучего телосложения — его плечи сделали бы честь любому гренадеру. Он казался даже ниже, чем был на самом деле, благодаря привычке ходить сгорбившись, трудно сказать, откуда она у него взялась, — разве оттого, что так было удобнее при ходьбе широко размахивать руками, что он постоянно и проделывал. Лицо у него было вытянутое, когда-то белая кожа давно уже стала багрово-красной; короткий курносый нос напоминал картошку; в широком рту сверкали прекрасные зубы, голубые глаза смотрели на все с глубоким презрением. Голова его составляла четверть всего его роста, а свисавшая с затылка косица достигала талии. На нем был кафтан из очень светлого сукна, с пуговицами величиной с долларовую монету, на которых были выбиты адмиралтейские якоря. Длинные, широкие полы кафтана спускались до самых лодыжек. Под кафтаном виднелись жилет и штаны из красного плюша, довольно потертые и засаленные. Ноги этого оригинала были облачены в башмаки с большими пряжками и полосатые, белые с синим, чулки.

Он называл себя уроженцем графства Корнуэлл, что на Британских островах. Детство свое он провел в краю оловянных рудников, а годы отрочества — юнгой на судне контрабандистов, плававшем между Фалмутом и островом Гернеп. С этим ремеслом ему пришлось расстаться потому, что он не совсем по своей воле был завербован на службу в королевский флот. Так как никого лучше не нашлось, он был сначала слугой в кают-компании, а затем стал стюардом капитана. Он исполнял эти обязанности несколько лет и за это время научился готовить тушеную солонину с сухарями и луком и еще два-три морских блюда, а кроме того, повидал мир, — по крайней мере, так он любил утверждать. На самом деле ему довелось побывать в одном-двух французских портах, да еще в Портсмуте, Плимуте и Диле, а в остальном он был так же мало знаком с чужими землями и со своей родиной, как если бы все это время погонял осла на одном из корнуэллских оловянных

рудников. Однако, когда в 1783 году война окончилась и его уволили со службы, он объявил, что, хорошо зная весь цивилизованный мир, собирается теперь посетить дикие американские дебри. Мы не станем следовать за ним в его недолгих скитаниях, когда его увлекала та тяга к приключениям, которая иной раз заставляет лондонского щеголя отправиться в дальний путь и оглушает его ревом Ниагарского водопада, прежде чем в его ушах успеет смолкнуть шум столичных улиц. Достаточно будет сказать, что еще задолго до того, как Элизабет уехала в пансион, он уже числился среди домочадцев Мармадьюка Темпла и благодаря качествам, которые будут описаны в течение нашего дальнейшего повествования, скоро был возведен мистером Джонсом в сан дворецкого. Звали этого достойного моряка Бенджамен Пенгиллен, но он так часто рассказывал чудесную историю о том, сколько времени ему довелось простоять у помпы, спасая свой корабль от гибели после одной из побед Родней¹⁵, что вскоре приобрел звучное прозвище «Бен Помпа».

Рядом с Бенджаменом, но чуть выдвинувшись вперед, словно оберегая достоинство занимаемой ею должности, стояла пожилая женщина. Пестрое коленкоровое платье никак не шло к ее высокой тощей нескладной фигуре, резким чертам лица и его лисьему выражению. У нее не хватало многих зубов, а те, что еще сохранились, совсем пожелтели. От остренького носика по дряблой коже щек разбегались глубокие морщины. Эта особа столь усердно нюхала табак, что можно было бы подумать, будто именно он придал шафранный оттенок ее губам и подбородку; однако и вся ее физиономия была такого же цвета. Эта старая дева командовала в доме Мармадьюка Темпла женской прислугой, исполняла обязанности экономки и носила величественное имя Добродетель Петтибон. Элизабет видела ее впервые в жизни, так как она появилась здесь уже после смерти миссис Темпл.

Кроме этих важных персон, встречать хозяев вышли слуги попроще. Большею частью это были негры. Кто выглядывал из парадной двери, кто бежал от дальнего угла дома, где находился вход в кухню и кладовую.

Но первыми саней достигли обитатели псарни Ричарда, и воздух наполнился переливами самых разных собачьих голосов, от басистого рыка волкодавов до капризного тьяканья терьеров. Их господин отвечал на эти шумные приветствия столь же разнообразными «гав-гав» и «р-р-р», пока собаки, возможно пристыженные тем, что их превзошли, разом не смолкли. Только могучий мастиф, на чьем медном ошейнике были выгравированы большие буквы «М. Т.», не присоединился к общему хору. Не обращая внимания на суматоху, он величественно прошествовал к судье и, после того как тот ласково похлопал его по загривку, повернулся к Элизабет, которая, радостно вскрикнув: «Воин!» — даже нагнулась и поцеловала его. Старый пес тоже узнал ее, и, когда она поднималась по обледенелым ступенькам (отец и мосье Лекуа поддерживали ее под руки, чтобы она не поскользнулась), он грустно смотрел ей вслед, а едва дверь захлопнулась, улегся перед ближней конурой, словно решив, что теперь в доме появилась новая драгоценность, которую надо охранять особенно тщательно.

Элизабет прошла за своим отцом, на мгновение задержавшимся, чтобы отдать одному из слуг какое-то распоряжение, в прихожую — большой зал, тускло освещенный двумя свечами в высоких старомодных подсвечниках. Дверь захлопнулась, и все общество разом перенеслось из морозного царства зимы в область знойного лета. В середине зала высилась огромная печь, и бока ее, казалось, колыхались от жара. Дымоход был выведен в потолок прямо над ней. На печи помещался жестяной таз с водой, которая, испаряясь, поддерживала надлежащую влажность воздуха.

Зал был убран коврами, а стоявшая в нем мебель выглядела прочной и удобной — часть ее привезли из города, а остальное изготовили темплтонские столяры. Буфет красного дерева, инкрустированный слоновой костью и снабженный огромными медными ручками,

¹⁵ Родней, Джордж (1717–1792) — английский адмирал, отличившийся во многих сражениях против французов и испанцев.

стонал под тяжестью серебряной посуды. Рядом с ним стояло несколько больших столов, изготовленных из дикой вишни, чья древесина по цвету напоминала дорогой заморский материал буфета; они были сделаны очень просто и ничем не украшены. Напротив них располагался небольшой столик из горного клена; он был гораздо светлее, а волнистые волокна на его крышке образовывали красивый естественный узор. За ним в углу стояли тяжелые старомодные часы с медным циферблатом, в узком высоком футляре из черного ореха с побережья океана. Вдоль одной из стен тянулась огромная кушетка или, вернее, диван, имевший в длину двадцать футов; он был покрыт чехлом из светлого ситца. У противоположной стены среди другой мебели были расставлены стулья, выкрашенные в светло-желтый цвет; по их спинкам змеились тонкие черные полосы, проведенные довольно нетвердой рукой.

На стене вдали от печки висел термометр в футляре из красного дерева, соединенный с барометром; каждые полчаса, минута в минуту, Бенджамен приходил взглянуть, что показывает этот инструмент. По обе стороны печи с потолка свисали две стеклянные люстры, находившиеся на равном расстоянии между ней и входными дверями, расположенными в обоих концах зала, а к косякам многочисленных боковых дверей, ведущих во внутренние комнаты, были прикреплены золоченые канделябры.

Эти косяки, а также притолоки были выполнены весьма затейливо, и над каждой дверью находился выступ с миниатюрным пьедесталом посередине. На пьедесталах были установлены маленькие гипсовые бюсты, выкрашенные черной краской. И в форме пьедестала, и в выборе бюстов сказывался вкус мистера Джонса. Над одной дверью красовался Гомер, необыкновенно на себя похожий, утверждал Ричард, — «ведь с первого взгляда видно, что он слеп». Над другой виднелись голова и плечи гладколицего господина с остроконечной бородкой, которого он именовал Шекспиром. Над третьей высилась урна — ее очертания, по мнению Ричарда, неопровержимо доказывали, что в ее оригинале хранился прах Дидоны¹⁶. Четвертый бюст, вне всяких сомнений, был бюстом Франклина¹⁷ — это доказывалось колпаком и очками. Пятый столь же очевидно изображал исполненную спокойного благородства голову Вашингтона. Шестой же определению не поддавался и, говоря словами Ричарда, был «портретом человека в рубашке с расстегнутым воротом и с лавровым венком на голове. Моделью послужил не то Юлий Цезарь, не то доктор Фауст — и для того и для другого предположения существуют веские основания».

Стены были оклеены свинцово-серыми английскими обоями, на которых изображалась символическая фигура Британии, скорбно склоняющейся над гробницей генерала Вольфа¹⁸. Сам же герой располагался в некотором отдалении от рыдающей богини, у самого края полосы, так что его правая рука переходила на следующий кусок; когда Ричард собственноручно наклеивал обои, ему почему-то ни разу не удалось добиться точного совпадения линий, и Британии приходилось оплакивать не только своего павшего любимца, но и его бесчисленные зверски ампутированные правые руки.

Тут сам хирург, совершивший эту противоестественную операцию, возвестил о своем присутствии в зале, громко шелкнув кнутом.

— Эй, Бенджамен! Бен Помпа! Так-то ты встречаешь молодую хозяйку? — крикнул он. — Простите его, кузина Элизабет. Не каждому под силу устроить все в должном порядке, но теперь, когда я вернулся, досадных недоразумений больше не будет. Зажигайте люстры, мистер Пенгиллен, зажигайте их поживей, чтобы мы могли наконец разглядеть друг друга.

¹⁶ Дидона — мифическая царица древнего города Карфагена.

¹⁷ Франклин, Бенджамен (1706–1790) — американский политический деятель времен Войны за независимость и крупный ученый.

¹⁸ Вольф, Джеймс (1727–1759) — английский генерал, убитый в Канаде во время войны между Англией и Францией.

Ах да, Дьюк, я привез домой твоего оленя, что с ним делать, а?

— Господи боже ты мой, сквайр, — начал Бенджамен, предварительно утерев рот тыльной стороной руки, — коли бы вы об этом распорядились пораньше, все было бы по вашему желанию. Я уже свистал всех наверх и начал раздавать команде свечи, когда вы вошли в порт. Но чуть женщины слышали ваши бубенцы, они все кинулись бежать, словно их боцман линьком оглаживает; а если и есть в доме человек, который может сладить с бабами, когда они сорвутся с якоря, то зовут его не Бенджамен Помпа. Но мисс Бетси не рассердится на старика из-за каких-то свечей, или, значит, надевши длинное платье, она изменилась больше, чем корсарский бриг, который выдает себя за торговца.

Элизабет и ее отец продолжали хранить молчание. Им обоим взгрустнулось, когда они вошли в зал: они вспомнили дорогую умершую, чье присутствие еще так недавно согревало этот дом, в котором Элизабет успела прожить год, перед тем как уехать в пансион.

Но тут слуги наконец вспомнили, зачем в люстры и канделябры были вставлены свечи, и, спохватившись, бросились их зажигать; через минуту зал уже сиял огнями.

Печальное настроение нашей героини и ее отца исчезло вместе с сумраком, окутывавшим зал, и новоприбывшие начали снимать тяжелые шубы и шапки.

Пока они раздевались, Ричард обращался к слугам то с одним, то с другим замечанием и время от времени сообщал судье какое-нибудь свое соображение насчет оленя, однако весь этот монолог напоминал фортепьянный аккомпанемент, который слышат, но не слушают, и поэтому мы не станем приводить здесь его слова.

Как только Добродетель Петтибон зажгла отведенную ей порцию свечей, она не замедлила вновь подойти к Элизабет, словно для того только, чтобы принять ее шубку, на самом же деле не без завистливой досады желая получше рассмотреть ту, которой предстояло принять от нее бразды правления в доме. Экономка почувствовала даже некоторую робость, когда были сброшены плащ, шубка, теплые платки и чулки, снят большой черный капор и ее взгляду открылось личико, обрамленное блестящими черными, как вороново крыло, локонами; несмотря на нежную прелесть, оно свидетельствовало о твердом характере его обладательницы. Лоб Элизабет был безупречно чист и бел, но эта белизна не имела ничего общего с бледностью, говорящей о меланхолии или дурном здоровье. Нос ее можно было бы назвать греческим, если бы не легкая горбинка, делавшая его красоту менее классической, но зато придававшая ему гордое благородство. Рот ее был прелестен и выразителен, но, казалось, не чужд легкого женского кокетства. Он услаждал не только слух, но и зрение. К тому же Элизабет была прекрасно сложена и довольно высока — это она унаследовала от матери, так же как и цвет глаз, красиво изогнутые брови и длинные шелковистые ресницы. Но выражение лица у нее было отцовское: мягкое и привлекательное в обычное время, лицо это в минуты гнева становилось строгим и даже суровым, хотя и не утрачивало своей красоты. От отца же она унаследовала некоторую вспыльчивость.

Когда был снят последний платок, Элизабет предстала перед экономкой во всей своей прелести: голубая бархатная амазонка выгодно обрисовывала изящные линии ее стройной фигуры, на щеках цвели розы, ставшие еще более алыми от тепла, чуть увлажненные прекрасные глаза сияли. Взглянув на эту озаренную блеском свечей красавицу, Добродетель Петтибон почувствовала, что ее власти в доме пришел конец.

Тем временем разделись и все остальные. Мармадьюк оказался одетым в скромную черную пару, мосье Лекуа — в кафтан табачного цвета, под которым виднелся вышитый камзол; штаны и чулки у него были шелковые, а на башмаках красовались огромные пряжки — по общему мнению, украшавшие их алмазы были сделаны из стекла. На майоре Гартмане был небесно-голубой мундир с большими медными пуговицами, парик с косицей и сапоги; а короткую фигуру мистера Ричарда Джонса облегал щегольской сюртук бутылочного цвета, застегнутый на его округлом брюшке, но открытый сверху, чтобы показать жилет из красного сукна и фланелевый жилет с отделкой из зеленого бархата; снизу из-под него выглядывали штаны из оленьей кожи и высокие белые сапоги со шпорами — одна из них слегка погнулась от его недавних усилий пришпорить табурет.

Когда Элизабет сбросила верхнюю одежду, она внимательно оглядела не только слуг, но и зал, по которому она могла судить, как они относятся к своим обязанностям, — ведь теперь ей предстояло вести дом. Хотя в убранстве зала сквозило некоторое несоответствие, все здесь было добротным и чистым. Пол даже в самых темных углах был устлан коврами. Медные подсвечники, позолоченные канделябры и стеклянные люстры, быть может, не вполне отвечали требованиям вкуса и моды, но зато содержались в безупречном порядке. Они были отлично вычищены и ярко сверкали, отражая пламя бесчисленных свечей. После унылых декабрьских сумерек снаружи этот свет и тепло производили чарующее впечатление. Поэтому Элизабет не заметила кое-каких погрешностей, которые, надо признаться, там все-таки были, и смотрела вокруг себя с восхищением. Но вдруг ее взгляд остановился на человеке, который казался совсем чужим среди всех этих улыбающихся, нарядно одетых людей, собравшихся, чтобы приветствовать молодую наследницу Темплтона.

В углу возле парадной двери, никем не замечаемый, стоял молодой охотник, о котором на время все забыли. Но, если рассеянность судьбы еще можно было как-то оправдать сильным волнением, охватившим его в эти минуты, оставалось непонятным, почему сам юноша не хотел напомнить о своей ране. Войдя в зал, он машинально снял шапку, открыв темные волосы, не менее пышные и блестящие, чем даже локоны Элизабет. Трудно представить себе, насколько преобразил его такой на первый взгляд пустяк, как грубо сшитая лисья шапка. Если лицо молодого охотника привлекало твердостью и мужеством, то очертания его лба и головы дышали благородством. Несмотря на бедную одежду, он держался так, словно окружавшая его обстановка, считавшаяся в этих местах верхом роскоши, не только была ему привычна, но и вызывала у него некоторое пренебрежение.

Рука, державшая шапку, легко опиралась на крышку небольшого фортепьяно Элизабет, и в этом жесте не было ни деревенской неуклюжести; ни вульгарной развязности. Пальцы изящно касались инструмента, словно им это было не в новинку. Другой, вытянутой рукой он крепко сжимал ствол своего ружья, опираясь на него. Он, видимо, не замечал своей несколько вызывающей позы, так как был, казалось, охвачен чувством куда более глубоким, чем простое любопытство. Это лицо в сочетании с неприятным костюмом так резко отличалось от оживленной группы, окружавшей хозяина дома в другом конце большого зала, что Элизабет продолжала смотреть на него удивленно и недоумевающе. Незнакомец обводил зал медленным взглядом, и брови его все больше сдвигались. Его глаза то вспыхивали гневом, то омрачались непонятной печалью. Затем он снял руку с фортепьяно и склонил на нее голову, скрыв от взора Элизабет свои выразительные, говорившие о столь многом черты.

— Дорогой отец, — сказала она, — мы совсем забыли о благородном джентльмене (Элизабет чувствовала, что не может назвать его иначе), ожидающем нашей помощи, к которому мы обязаны отнестись с самой сердечной заботой и вниманием.

При этих словах глаза всех присутствующих обратились туда, куда смотрела Элизабет, и молодой охотник, гордо откинув голову, сказал:

— Моя рана совсем не опасна, и, если не ошибаюсь, судья Темпл послал за врачом, едва мы подъехали к дому.

— Разумеется, — ответил Мармадьук. — Я не забыл, мой друг, для чего пригласил вас сюда и чем вам обязан.

— Ага! — не без злорадства воскликнул Ричард. — Наверное, ты обязан этому парню оленем, которого ты убил, братец Дьюк. Ах, Мармадьук, Мармадьук! Что за сказку ты нам рассказал про своего оленя! Вот вам за него два доллара, молодой человек, а судья Темпл по справедливости должен будет оплатить докторский счет. За свою помощь я с вас ничего не возьму, но она от этого хуже не станет. Ну, Дьюк, не огорчайся: если ты и промазал по оленю, зато тебе удалось подстрелить этого молодца сквозь сосну. Признаю себя побитым: такого выстрела я за всю свою жизнь не сделал.

— И будем надеяться, не сделаешь и впредь, — ответил судья. — Не дай тебе бог испытать то, что испытал я после него. Но вам нечего опасаться, мой юный друг, — раз вы

так легко двигаете рукой, значит, рана не может быть очень серьезной.

— Не ухудшай дела, Дьюк, притворяясь, будто ты что-то понимаешь в хирургии, — прервал его мистер Джонс, презрительно махнув рукой. — Эту науку можно изучить только на практике. Как тебе известно, мой дед был врачом, но в твоих жилах нет ни капли докторской крови. А эти дарования передаются по наследству. Все мои родственники с отцовской стороны разбирались в медицине. Вот, например, мой дядя, которого убили под Брэндивайном: он умер легче всех в полку, а почему? Потому что знал, как перестать дышать. Очень немногие обладают подобным умением.

— Я ничуть не сомневаюсь, Дик, — заметил судья, отвечая улыбкой на веселую улыбку, которая, словно против воли, озарила лицо незнакомца, — что твои родственники до тонкости постигли искусство расставания с жизнью.

Ричарда эти слова нимало не смутили, и, заложив руки в карманы так, чтобы оттопырились полы, он принялся что-то насвистывать. Однако желание ответить было слишком велико, и, не выдержав этой философской позы, он с жаром воскликнул:

— Смейтесь, судья Темпл, над наследственными талантами! Смейтесь, сделайте милость! Да только в вашем поселке все до единого держатся другого мнения. Вот даже этот охотник, который ничего, кроме своих медведей, оленей да белок, не знает, даже он не поверит, если ты скажешь, что таланты и добродетели не передаются по наследству. Не правда ли, любезный?

— Пороки не передаются, в это я верю, — сухо ответил незнакомец, переводя взгляд с судьи на Элизабет.

— Сквайр прав, судья, — объявил Бенджамен, с самым многозначительным и дружеским видом кивая в сторону Ричарда. — Вот, скажем, его величество английский король вылечивает золотуху своим прикосновением¹⁹, а эту хворь не изгонит из больного и лучший доктор на всем флоте. Даже самому адмиралу такое не под силу. Исцелить ее могут только его величество король и повешенный. Да, сквайр прав, а то почему это седьмой сын в семье всегда становится доктором, хотя бы даже он поступил на корабль простым матросом? Вот когда мы нагнали лягушатников под командой де Грамсса²⁰, то был у нас на борту доктор, и он...

— Довольно, довольно, Бенджамен, — перебила его Элизабет, переводя взгляд с охотника на мосье Лекуа, который с любезным вниманием слушал все, что говорилось вокруг. — Ты расскажешь мне об этом и о прочих твоих замечательных приключениях как-нибудь в другой раз. А пока надо приготовить комнату, где доктор мог бы перевязать рану этого джентльмена.

— Я сам им займусь, кузина Элизабет, — с некоторым высокомерием заявил Ричард. — Молодой человек не должен страдать из-за того, что Мармадьоку вздумалось упрямыться. Иди за мной, любезный, я сам осмотрю твою рану.

— Лучше подождем врача, — холодно ответил охотник. — Он, вероятно, не замедлит с приходом.

Ричард застыл на месте, удивленно уставившись на говорящего: он не ожидал такой изысканной манеры выразиться и был очень обижен отказом. Сочтя за благо оскорбиться, он снова засунул руки в карманы, подошел к мистеру Гранту и, наклонившись к его уху, прошептал:

— Вот помяните мое слово — скоро в поселке только и разговору будет о том, что без этого малого мы все сломали бы себе шею. Словно я не умею править лошадьми! Да вы

¹⁹ В средние века существовало поверье, что король своим прикосновением может излечивать золотуху, которую поэтому называли «королевской болезнью».

²⁰ Франсуа де Грасс (1723–1788) — французский адмирал; в 1772 году потерпел поражение от английского адмирала Роднея.

сами, сэр, без всякого труда вернули бы их опять на дорогу. Это был суший пустяк! Только посильней потянуть за левую вожжу и хлестнуть правую выносную. От всего сердца надеюсь, сэр, что вы не ушиблись, когда этот малый перевернул сани.

Священник не успел ответить, потому что в зал вошел местный доктор.

Глава 6

...На полках

Склад нищенских пустых коробок, склянок,

Зеленых земляных горшков, бечевок,

Семян, засохших розовых пастилок

Убого красовался напоказ.

Шекспир, «Ромео и Джульетта»

Доктор Элнатан Тодд (так звался этот врачеватель) слыл в поселке человеком необыкновенной учености и, уж во всяком случае, отличался необыкновенной фигурой. Роста в нем без башмаков было шесть футов четыре дюйма. Его руки и ноги вполне соответствовали этой внушительной цифре, но все остальные части его тела, казалось, были изготовлены по куда меньшей мерке. Плечи его годились бы хоть для великана, в том смысле, что располагались очень высоко, но они были на редкость узки, и можно было подумать, будто длинные болтающиеся руки растут прямо из спинного хребта. Зато шея была на диво длинна, нисколько не уступая в этом отношении рукам и ногам. Ее венчала маленькая головка, напоминавшая по форме огурец; сзади она была покрыта жесткой каштановой гривой, а спереди являла миру веселую физиономию, на которой доктору никак не удавалось удержать премудрое выражение.

Он был младшим сыном в семье фермера из западной части Массачусетса, и его отец, человек весьма зажиточный, не заставлял его, как других своих сыновей, работать в поле, колоть дрова или заниматься каким-нибудь другим тяжелым трудом, который мог бы задержать его рост.

Впрочем, своим освобождением от домашних обязанностей Элнатан был отчасти обязан именно тому, что так быстро рос: из-за этого он был бледен, вял и слаб, и его сердобольная маменька объявила, что он «ребенок болезненный и в фермеры не годится. Пусть зарабатывает себе хлеб чем-нибудь полегче: пойдет в адвокаты, в священники или в доктора». Правда, сперва никто толком не знал, в какой, собственно, из этих областей лежит призвание Элнатана. А пока он бил баклуши, целыми днями слонялся по усадьбе, жевал зеленые яблоки и искал щавель. Зоркий глаз заботливой родительницы скоро заметил его излюбленные занятия и узрел в них предначертанный ему жизненный путь. «Элнатану на роду написано стать доктором, это уж так. Недаром он с утра до ночи собирает какие-то травы и пробует на зуб все, что растет в саду. И потом он еще сизмальства любил всякие лекарства и снадобья: приготовила я как-то своему муженьку пилюли от разлития желчи, обмазала их кленовым сахаром и оставила на столе, а Элнатан возьми да и проглоти их все, будто в мире ничего вкуснее нет. А ведь Айчебод (ее супруг) такие рожи корчит, когда их принимает, что смотреть страшно».

Это обстоятельство и решило дело. Когда Элнатану исполнилось пятнадцать лет, его изловили, словно дикого жеребенка, и остригли его косматую гриву, затем одели в новый костюм из домотканой материи, выкрашенной в настое ореховой коры, снабдили Евангелием и букварем Уэбстера и отправили учиться в школу. Будущий доктор был неглупым мальчиком, а так как он еще дома постиг, хотя и без всякой системы, начатки грамоты и арифметики, то вскоре стал первым учеником. Его маменька с восхищением услышала от учителя, что ее сын «на редкость способен и куда более развит, чем все его одноклассники». Учитель считал также, что мальчик проявляет природную склонность к медицине — «ему самому не раз доводилось слышать, как тот уговаривал младших товарищей есть поменьше,

а когда невежественные малыши оставались глухи к этим советам, Элнатан мужественно поглощал все присланные им из дому съестные припасы, дабы спасти их от пагубных последствий обжорства».

Вскоре после того, как его почтенный наставник столь лестно о нем отозвался, мальчика взяли из школы и пристроили в ученики к местному врачу, чьи первые шаги на поприще медицины весьма напоминали его собственные.

Теперь соседи постоянно видели, как наш герой то поит у колодца докторскую лошадь, то готовит облатки со всякими лекарствами — синие, желтые и красные; но иной раз они могли видеть, как он усаживается под яблоней, держа в руке «Латинскую грамматику» Раддимиена, а из кармана у него торчит уголок «Акушерства» Денмена, ибо его патрон полагал, что сперва он должен постигнуть науку о том, как помогать людям появляться на этот свет, и лишь потом — как по всем правилам спроваживать их на тот.

В таких занятиях миновал год, и вдруг однажды Элнатан явился в молельню, облаченный в длиннополый сюртук из черной домотканой материи и в сапожки, сшитые, за неимением красного сафьяна, из некрашеной телячьей кожи.

Затем соседи обнаружили, что он начал бриться — правда, старой и тупой бритвой. И не прошло и трех-четырех месяцев, как в один прекрасный день несколько старух с озабоченными лицами проследовали к домику некой бедной женщины, около которого сутились испуганные соседки. Двое мальчишек вскочили на неоседланных лошадей и поскакали в разные стороны. Но, сколько ни разыскивали доктора, найти его так и не удалось. Наконец из своих дверей торжественным шагом вышел Элнатан, а впереди него трусил запыхавшийся белобрысый мальчонка. На следующий день, когда Элнатан показался на улице, как именовалась там проезжая дорога, пересекавшая поселок, все обитатели последнего не могли не заметить, что в его манерах появилась какая-то особенная степенность. На той же неделе он купил себе новую бритву, а в следующее воскресенье вошел в молельню, сжимая в руке красный шелковый платок; на лице его были написаны важность и серьезность. Вечером он явился с визитом к одному фермеру, у которого была молоденькая дочка, — к сожалению, более знатных семей в окрестностях не проживало. И, оставляя молодого человека наедине с красавицей, ее предусмотрительная мамаша поспешила назвать его «доктором Тоддом». Первый шаг был сделан, и с этих пор все стали величать Элнатана только так.

Прошел еще год, в течение которого молодой врач продолжал учиться у того же наставника и «посещал больных вместе со старым доктором», хотя было замечено, что, выходя из дому, они поворачивали в разные стороны. К концу этого срока доктор Тодд достиг совершеннолетия. Тогда он отправился в Бостон, чтобы купить лекарств и, как утверждали некоторые, пройти курс при больнице; насчет последнего нам ничего не известно, но если это и так, то он прошел его не останавливаясь и через две недели уже вернулся домой с таинственным сундучком, от которого сильно пахло серой.

В ближайшее же воскресенье отпраздновали его свадьбу, а на следующее утро он и его молодая супруга отбыли куда-то в одноконных санях, в которые были погружены вышеупомянутый сундучок, баул с бельем из домотканого полотна, оклеенный обоями ящик с привязанным к нему красным зонтиком, две новехонькие кожаные седельные сумки и шляпная картонка. Через некоторое время его друзья получили письмо, извещавшее их, что новобрачные «поселились в штате Нью-Йорк и доктор Тодд с успехом практикует в городе Темплтоне».

Если ученый английский юрист с сомнением отнесется к праву Мармадьюка занимать судейское кресло, то уж, конечно, медики, окончившие Лейденский или Эдинбургский университет, от души посмеются над нашим правдивым рассказом о служении Элнатана в храме Эскулапа. Однако и им придется довольствоваться тем же самым ответом: в этих краях доктор Тодд был ничуть не хуже своих коллег, так же как Мармадьюк превосходил большинство своих.

Время и большая практика преобразили нашего доктора самым чудесным образом. Он

был от природы очень добр, но в то же время обладал немалым мужеством. Другими словами, он от души старался вылечить своих пациентов и, если дело шло о полезных членах общества, предпочитал не рисковать, пользуясь их только самыми проверенными средствами; однако в тех случаях, когда в его руки попадал какой-нибудь бродяга без рода и племени, он принимался испытывать на его организме действие всех лекарств, какие только хранились в кожаных сумках. К счастью, их было не так уж много, и почти все они были совершенно безвредны. Таким способом Элнатан научился неплохо разбираться в лихорадках и маляриях и мог с большим знанием дела рассуждать о перемежающихся, возвратных, ежедневных и повторяющихся приступах. В Темплтоне и окрестностях свято верили в его умение исцелять всяческие кожные заболевания, и, уж конечно, ни один младенец не появлялся на свет без его помощи. Короче говоря, доктор Тодд возводил на песке весьма внушительное здание, скрепленное цементом практики, хотя и слагавшееся из довольно хрупких материалов. Однако он время от времени перечитывал свои учебники и, будучи человеком весьма неглупым и наблюдательным, успешно согласовывал практику с теорией.

Не имея почти никакого опыта в хирургии, он остерегался делать серьезные операции, тем более что в подобных случаях пациент имеет возможность непосредственно оценить умение врача. Однако он успешно лечил мазями ожоги, уверенно разрезал десну, чтобы извлечь гнилые корни давно разрушившихся зубов, и умело зашивал раны неловких дровосеков. Но вот однажды некий поселенец, неудачно свалив дерево, раздробил себе ногу, и нашему герою пришлось решиться на операцию, потребовавшую от него напряжения всех его душевных сил. Однако в тяжкий час беды он не обманул возлагавшихся на него надежд. В новых поселениях и раньше нередко возникала нужда в ампутациях, и обычно их производил хирург-самоучка, который благодаря большой практике так набил руку, что сумел оправдать добрую славу, вначале вовсе им не заслуженную. Элнатану случилось присутствовать при двух-трех его операциях. Но на этот раз хирург оказался в отъезде, и доктору волей-неволей пришлось его заменить.

Элнатан начал операцию, испытывая невыразимое отчаяние и сомнение в своих силах, хотя ему вполне удалось сохранить самый спокойный и невозмутимый вид. Фамилия несчастного пациента была Миллиган, и именно ее упомянул Ричард, говоря о том, как он ассистировал доктору, поддерживая изуродованную ногу. Эта нога была благополучно отнята, и пациент остался в живых. Однако еще два года бедняга Миллиган жаловался, что его ногу закопали в слишком тесном ящике — недаром он по-прежнему чувствует в ней ужасную боль, от которой начинает ныть все тело. Мармадюк высказал предположение, что дело тут в нервах и сосудах, но Ричард, считавший эту ампутацию своим личным подвигом, презрительно отмел подобные оскорбительные домыслы, заявив, что ему не раз доводилось слышать о людях, которые безошибочно предсказывают дождливую погоду по тому, как у них ноют пальцы отрезанных ног. Года через два-три Миллиган совсем перестал жаловаться на боль, но его ногу все-таки выкопали и переложили в ящик попросторнее, и с тех пор, как мог подтвердить весь поселок, страдалец уже ни разу не упомянул о своих болях. Этот случай окончательно возвысил доктора Тодда в общем мнении, но, к счастью для больных, его умение росло вместе со славой.

Однако, несмотря на опытность доктора Тодда и успешную ампутацию пресловутой ноги, он все же почувствовал некоторый трепет, войдя в зал «дворца». В нем было светло как днем, его роскошная обстановка совсем не напоминала убогую мебель скромных, наскоро построенных домишек, в которых жили его обычные пациенты, а находившиеся в нем люди были так богато одеты и на лицах их было написано такое беспокойство, что крепкие нервы доктора не выдержали. От присланного за ним слуги он узнал, что речь идет о пулевом ранении, и, пока он, сжимая в руках кожаные сумки, шагал по снегу, в его голове вихрем проносились видения разорванных артерий, пробитых легких, продырявленных внутренних полостей, словно его путь вел на поле брани, а не в мирный дом судьи Темпла.

Едва ступив в зал, он увидел перед собой Элизабет, чье прекрасное лицо, обращенное к нему, было исполнено тревоги и беспокойства. Ее обшитая золотым шнуром амазонка

окончательно его доконала: огромные костлявые колени доктора застучали друг о друга — так сильно он вздрогнул. Дело в том, что в рассеянии чувств он принял ее за изрешеченного пулями генерала, который покинул битву в самом ее разгаре, дабы прибегнуть к его помощи. Заблуждение это, однако, рассеялось почти в то же мгновение, и мистер Тодд перевел взгляд на серьезное, благородное лицо ее отца, с него — на Ричарда, который, щелкая кнутом, прохаживался по залу, чтобы утишить раздражение, вызванное отказом охотника воспользоваться его помощью; затем он взглянул на француза, уже несколько минут державшего стул для Элизабет, которая этого совсем не замечала, затем — на майора Гартмана, невозмутимо прикуривавшего от люстры трубку с трехфутовым мундштуком, затем — на мистера Гранта, листавшего рукопись своей проповеди возле одного из канделябров, затем — на Добродетель, которая, почтительно сложив руки на груди, с восхищением и завистью разглядывала платье и очаровательные черты Элизабет, и, наконец, на Бенджамена, который, широко расставив ноги и уперши руки в бока своего короткого туловища, раскачивался с равнодушием человека, привыкшего к ранам и кровопролитию. Насколько доктор Тодд мог судить, все они были целы и невредимы, и у него отлегло от сердца. Но не успел он вторично оглядеть зал, как судья подошел к нему и, ласково пожав его руку, сказал:

— Добро пожаловать, любезный сэр, добро пожаловать. Мы ждем вас с нетерпением. Этого молодого человека я сегодня вечером имел несчастье ранить, стреляя в оленя. Он нуждается в вашей помощи...

— Зачем ты говоришь, что стрелял в оленя? — немедленно перебил его Ричард. — Как же он сможет лечить, если не будет точно знать всех обстоятельств дела? Вот как всегда люди думают, что могут безнаказанно обманывать врача, словно обыкновенного человека.

— Но я же стрелял в оленя, — с улыбкой возразил судья, — и, может быть, даже в него попал. Но, как бы то ни было, молодого человека ранил я. Я рассчитываю на ваше уменье, доктор, а вы можете рассчитывать на мой кошелек.

— И то и другое выше всех похвал, — вмешался мосье Лекуа, отвешивая изящный поклон судьбе и врачу.

— Благодарю вас, мосье Лекуа, — сказал судья. — Однако наш молодой друг страдает. Добродетель, не откажите в любезности принести полотна для корпии и повязок.

Эти слова прекратили обмен комплиментами, и врач наконец поглядел на своего пациента. Во время их разговора молодой охотник успел сбросить куртку и остался в простой светлой рубашке, очевидно сшитой совсем недавно. Он уже поднес руку к пуговицам, собираясь снять и ее, но вдруг остановился и взглянул на Элизабет, которая по-прежнему смотрела на него сочувственным взглядом. От волнения она даже не заметила, что он начал раздеваться. Щеки юноши слегка порозовели.

— Боюсь, что вид крови может испугать мисс Темпл. Мне лучше уйти для перевязки в другую комнату.

— Ни в коем случае, — заявил доктор Тодд, который уже понял, что его пригласили лечить человека бедного и незначительного, и совсем оправился от испуга. — Яркий свет этих свечей чрезвычайно удобен для операции, а у нас, ученых людей, редко бывает хорошее зрение.

С этими словами Элнатан водрузил на нос большие очки в железной оправе и тут же привычным движением спустил их к самому его курносому кончику — если они и не помогали ему видеть, то уж, во всяком случае, не мешали, ибо его серые глазки весело поблескивали над их верхним краем, словно звезды над завистливой грядой облаков. Все это прошло совершенно незамеченным, и только Добродетель не преминула сказать Бенджамену:

— Доктор Тодд прелесть как хорош, настоящий красавчик! И до чего же ему идут очки! Вот уж не знала, что они так украшают лицо! Я тоже заведу себе пару.

В эту минуту Элизабет, которую слова незнакомца заставили очнуться от задумчивости и густо покраснеть, поманила за собой молоденькую горничную в поспешно вышла из

комнаты, как приличествовало благовоспитанной девице.

Теперь интерес присутствующих сосредоточился на враче и раненом, и все столпились вокруг них. Только майор Гартман остался сидеть в своем кресле; он пускал огромные клубы дыма и то поднимал глаза к потолку, словно размышляя о бренности всего земного, то с некоторым сочувствием обращал их на молодого охотника.

К этому времени Элнатан, впервые в жизни так близко видевший пулевую рану, начал готовиться к операции со всей торжественностью и тщанием, достойными этого случая. Бенджамен принес старую рубаху и вручил ее эскулапу, который немедленно и с большой ловкостью разорвал ее на множество аккуратных бинтов.

После этого доктор Тодд внимательно осмотрел плоды своего труда, выбрал одну полоску, передал ее мистеру Джонсу и с полной серьезностью сказал:

— Вы, сквайр Джонс, имеете в этом деле немалый опыт. Не согласитесь ли вы нащипать корпии? Как вы знаете, дорогой сэръ, она должна быть тонкой и мягкой, а кроме того, последите, чтобы в нее не попали хлопчатобумажные нитки, которыми сшита рубаха. От них рана может загноиться.

Ричард бросил на судью взгляд, который яснее слов говорил: «Вот видишь, этот костоправ не может без меня и шагу ступить», а затем разложил тряпицу на колене и усердно принялся за работу.

На столе один за другим появлялись пузырьки, баночки с мазями и различные хирургические инструменты.

Доставая всякие щипчики и ножички из маленькой сафьяновой шкатулки, доктор Тодд по очереди подносил их поближе к люстре и заботливо осматривал со всех сторон. Красный шелковый платок то и дело скользил по сверкающей стали, смахивая малейшие пылинки — а вдруг они помешают столь тонкой операции? Когда довольно скудное содержимое сафьяновой шкатулки истощилось Элнатан раскрыл свои сумки и извлек из них флаконы, переливающиеся всеми цветами радуги. Расставив их в надлежащем порядке около зловещих пилоч, ножей и ножниц, он выпрямился во весь свой огромный рост, заложил руки за спину, словно для равновесия, и огляделся, очевидно желая узнать, какое впечатление эта коллекция произвела на зрителей.

— Шестное слово, доктор, — сказал майор Гартман, плутовски подмигивая, но в остальном сохраняя на лице полную невозмутимость, — очень красивые у вас инструменты, а эти лекарства так плещут, что они, наферное, полезнее для глаз, чем тля шелутка.

Элнатан кашлянул — возможно, это был тот звук, которым как говорят, подбадривают себя трусы, а может быть, он действительно прочищал горло, перед тем как заговорить. Последнее, во всяком случае, ему удалось, и, повернувшись к старику немцу, он сказал:

— Верно подмечено, майор Гартман, верно подмечено, сэръ. Осмотрительный врач всегда старается сделать свои лекарства приятными для глаза, хотя они не всегда приятны для желудка. Важнейшая часть нашего искусства, сэръ, — тут его голос зазвучал очень внушительно, — состоит в том, чтобы примирить пациента с неприятными на вкус средствами, к которым мы прибегаем для его же пользы.

— Вот уж верно-то! Доктор Тодд правду говорит, — вставила Добродетель. — И в писании то же сказано. Библия учит нас, что сладость для уст может обернуться горечью для внутренностей...

— Да-да, это так, — нетерпеливо перебил ее судья. — Но этого молодого человека незачем обманывать для его же пользы. Я вижу по его глазам, что более всего ему неприятно промедление.

Незнакомец без посторонней помощи обнажил плечо, открыв небольшую ранку, оставленную дробиной. Сильный мороз остановил кровотечение, и доктор Тодд, исподтишка взглянув на нее, пришел к заключению, что дело оказалось куда проще, чем он предполагал. Ободрившись, он подошел к пациенту, намереваясь с помощью зонда нащупать свинцовый шарик.

Впоследствии Добродетель частенько рассказывала все подробности знаменитой

операции и, доходя в своем описании до этой минуты, обыкновенно говорила: «...и тут доктор вынимает из шкатулки длинную такую штуковину вроде вязальной спицы с пуговкой на конце да как воткнет ее в рану, а у молодого человека так все лицо и перекошилось! И как это я тогда чувств не лишилась, сама не знаю. Я уж совсем обмерла, да только тут доктор проткнул ему плечо насквозь и вытолкнул пулю с другой стороны. Вот так доктор Тодд вылечил этого молодого человека от пули, и очень просто все было, ну, как я занозы иголкой выковыриваю».

Таковы были воспоминания Добродетели об операции. Этого же мнения, вероятно, придерживались и другие восторженные поклонники врачебного искусства Элнатана, но на самом деле произошло все совсем иначе.

Когда медик вознамерился ввести в рану описанный Добродетелью инструмент, незнакомец решительно этому воспротивился, сказав с легким презрением:

— Мне кажется, сэр, что зондировать рану незачем. Дробина не задела кости и засела под кожей с другой стороны. Извлекь ее, я полагаю, не составит особого труда.

— Как вам угодно, — ответил доктор Тодд, откладывая зонд с таким видом, словно взял его в руки просто на всякий случай; затем, повернувшись к Ричарду, он внимательно оглядел корпию и сказал:

— Превосходно нащипано, сквайр Джонс! Лучшей корпии мне еще не доводилось видеть. Не откажите поддержать руку пациента, пока я буду производить иссечение пули. Готов биться об заклад, что никто тут не смог бы нащипать корпию и вполтину так хорошо, как сквайр Джонс.

— Это наследственный талант, — отозвался Ричард и поспешно встал, чтобы оказать просимую услугу. — Мой отец, а до него мой дед славились своими познаниями в хирургии. Они бы не стали гордиться всякими пустяками, не то что Мармадьок, когда он вправил бедро человеку, упавшему с лошади, — это произошло осенью, перед тем как вы сюда приехали, доктор. Нет, это были люди, которые прилежно занимались наукой и потратили полжизни на постижение разных тонкостей. Хотя, если уж на то пошло, мой дед обучался медицине в университете и был лучшим врачом во всей колонии... то есть в тех краях, где он жил.

— Так устроен мир, сквайр! — воскликнул Бенджамен. — Коли человек хочет стать заправским офицером и разгуливать себе по квартердеку²¹, он туда через иллюминатор кают-компании не пролезет. Для того чтобы попасть на ют, надо начинать с бака, и пусть в самой что ни на есть последней должности, вроде как я — из простого марсового стал хранителем капитанских ключей.

— Бенджамен попал в самую точку, — подхватил Ричард. — Полагаю, что на множестве кораблей, на которых он служил, ему не раз доводилось видеть, как извлекаются пули из ран. Ему можно доверить таз, он крови не боится...

— Что правда, то правда, сквайр, — перебил его бывший стюард. — Немало я на своем веку пуль повидал, что доктора выковыривали, — и круглых, и с ободком, и стрельчатых. Да что далеко ходить — я был в шлюпке у самого борта «Громобоя», когда из бедра его капитана, земляка мусью Леквы, вытащили двенадцатифунтовое ядро.

— Неужели можно извлечь двенадцатифунтовое ядро из человеческого бедра? — в простоте душевной удивился мистер Грант, роняя проповедь, в которую он было снова углубился, и сдвигая очки на лоб.

— Еще как можно! — ответил Бенджамен, победоносно оглядываясь вокруг. — Да что там двенадцатифунтовое ядро! Из человеческого тела можно вытащить ядро хоть в двадцать четыре фунта, лишь бы доктор знал, как за него взяться. Вот спросите сквайра Джонса, он все книги прочел, так спросите его, не попадалась ли ему в них страничка, где все это

²¹ Квартердек — средняя часть палубы, бак — нос корабля, ют — корма. Помещения команды располагаются на баке, а офицерские каюты — на юте. На квартердеке парусного корабля находится капитан или вахтенный начальник.

описано.

— Разумеется, делались операции и куда более серьезные, — объявил Ричард. — В энциклопедии упоминаются совсем уж невероятные случаи, как вам, вероятно, известно, доктор Тодд.

— Конечно, конечно. В энциклопедиях рассказывается много невероятных историй, — ответил Элнатан. — Хотя, должен признаться, на моих глазах из ран никогда не вытаскивали ничего крупнее мушкетной пули.

Говоря это, доктор разрезал кожу на плече молодого охотника, обнажив дробину. Затем он взял сверкающие пулевые щипцы и уже поднес их к ране, как вдруг его пациент дернул плечом и дробина выпала сама. Тут длинные руки сослужили медику хорошую службу: одной он на лету подхватил злосчастную дробину, а другой сделал какое-то замысловатое движение, которое должно было внушить зрителям, что именно она произвела долгожданную операцию. Если у кого-нибудь и оставались в этом сомнения, Ричард тут же разрешил их, воскликнув:

— Превосходно сделано, доктор! Мне еще не приходилось видеть, чтобы пулю извлекали с такой ловкостью. Думаю, и Бенджамен скажет то же.

— Ну как же, — отозвался Бенджамен. — Сделано по-флотски и в аккурате. Теперь доктору останется только наклеить по пластырю на дырки, и малый выдержит любой шторм, какой ни разразится в здешних горах.

— Благодарю вас, сэр, за то, что вы сделали, — сдержанно сказал юноша, — но вот тот, кто позаботится обо мне, избавив вас, господа, от дальнейших хлопот.

Все в удивлении обернулись и увидели на пороге входной двери человека, которого в здешних краях звали «индейцем Джоном».

Глава 7

*И от истоков Саскуиханны,
Когда пора зимы настала,
Пришел лесов владыка старей,
Закутав плечи в одеяло.*

Филипп Френо, «Силы природы»

До того как европейцы, именовавшие себя христианами, начали присваивать Американский континент, сгоняя его коренных жителей с их исконных земель, те области, где ныне расположены штаты Новой Англии, вплоть до Аллеганских гор, принадлежали двум великим индейским союзам, в которые входили бесчисленные племена. Между союзами существовала давняя вражда, опиравшаяся на различие языков и все усиливавшаяся благодаря постоянным кровавым войнам; замирение произошло лишь с приходом белых, когда многие племена не только лишились политической независимости, но и были даже обречены влачить полуголодное существование, несмотря на то, что, как известно, потребности индейца очень скромны.

Один из этих союзов составляли Пять, а впоследствии, Шесть племен и их союзники, а другой — ленни-ленапы, или делавары, и многочисленные могущественные племена, родственные им и признававшие их своими прародителями. Англичане, а затем и американцы называли первых ирокезами, Союзом шести племен, а иногда мингами. Противники же именовали их менгве или макве. Первоначально это были пять племен (или, как предпочитали говорить их союзники, — наций): мохоки, онайды, онондаги, кейюги и сенеки, — если перечислять их согласно степени влияния, которым они пользовались в союзе. Через сто лет после возникновения союза в него было допущено шестое племя — тускароры.

К ленни-ленапам, которых белые называли делаварами, потому что они зажигали костры большого совета на берегах реки Делавар, примкнули племена могижан и нентигоев.

Эти последние жили у Чесапикского залива, а, могикиане обитали между рекой Гудзоном и океанским побережьем, то есть там, где теперь находится Новая Англия. Разумеется, эти племена были первыми, которых европейцы согнали с их земель и оттеснили в глубь страны.

Вооруженные стычки, результатом которых явилось изгнание могикиан, получили в истории Соединенных Штатов название «Войны короля Филиппа» — по прозвищу верховного вождя этого племени. Уильям Пенн, или Микуон, как именовали его индейцы, предпочитал мирную политику, но тем не менее точно так же сумел лишиться нентигоев земли, затратив на это гораздо меньше усилий.

Несколько могикианских семейств после долгих блужданий пришли искать приюта у костров племени делаваров, от которых они вели свое происхождение. К этому времени делаварам пришлось согласиться на то, чтобы их старинные враги ирокезы назвали их «женщинами». Не добившись первенства с помощью войны, ирокезы прибегли к хитрости и предложили делаварам заниматься мирным трудом, доверив свою защиту «мужчинам», то есть воинственным Шести племенам. Такое положение сохранялось до провозглашения независимости колоний, когда ленни-ленапы смело разорвали этот договор, заявив, что они снова стали «мужчинами».

Однако внутри индейских племен господствует полная демократия, и всегда находились воины, не желавшие подчиняться решению вождей. А когда к делаварам, отчаявшись прогнать белых со своей земли, пришли искать приюта знаменитые воины могикиан, они принесли с собой свои обычаи и нравы, так их прославившие. Им удалось пробудить в делаварах угасший боевой дух, и они не раз водили небольшие отряды против врагов, как старинных, так и новых.

Среди этих могикиан выделялся один род, знаменитый своей доблестью и всеми другими качествами, которые делают индейца героем в глазах его соплеменников. Но война, время, голод и болезни безжалостно истребляли его членов, и теперь в дверях зала Мармадьюка Темпла стоял последний отпрыск этого великого рода. Он уже давно жил среди белых, помогал им во время войн, которые они вели, и, так как в те дни, когда его услуги были им особенно нужны, они окружили его большим почетом, он даже крестился, получив имя Джон. Во время последней войны он потерял всех своих близких и друзей, и, когда его уцелевшие соплеменники погасили свои костры в долине Делавара, он не последовал за ними, твердо решив, что его кости будут покоиться в той земле, где так долго жили его предки, не зная над собой никакого ярма.

Однако в горы, окружающие Темплтон, он пришел совсем недавно. Больше всех привечал его здесь Кожаный Чулок, но это никого не удивляло, потому что старый охотник вел жизнь, немногим отличную от первобытной жизни индейцев. Они поселились в одной хижине, ели одну и ту же пищу, посвящали свое время одним и тем же занятиям.

Мы уже упоминали, что старому вождю дали при крещении имя Джон, но, разговаривая с Натти на языке делаваров, он называл себя Чингачгук, что в переводе означает «Великий Змей». Это имя он заслужил в юности своими военными подвигами и доблестью, но, когда время избородило его лоб морщинами и к нему пришло одиночество, последние делавары, его сородичи, которые еще не покинули верховьев своей реки, стали называть его могикианином. Может быть, это печальное имя будило в груди обитателя лесов горькие воспоминания, о его погибшем племени, но только он почти никогда не называл себя так, за исключением особо торжественных случаев; однако поселенцы, по обычаю белых, соединили имя, данное ему при крещении, с туземным именем и называли его Джоном Могикианином или еще проще — индейцем Джоном.

Долго прожив среди белых, могикианин усвоил некоторые их обычаи, но сохранил при этом большинство своих прежних привычек. Несмотря на мороз, голова его была непокрыта, и прямые черные волосы падали на лоб и щеки, скрывая их, словно густая вуаль. Тем, кто знал, кем он был прежде и чем стал теперь, иной раз казалось, будто он нарочно прячет за этой траурной завесой горе и стыд гордой души, тоску по утраченной славе. Лоб его был высок и благороден, а ноздри прямого римского носа и на семидесятом году жизни

раздувались и трепетали так же, как в юности. Рот у него был широкий, но тонкие губы, которые почти всегда оставались крепко сжатыми, были очень выразительны и свидетельствовали о сильной воле. Когда они приоткрывались, за ними сверкали белые и ровные зубы. Подбородок у него был тяжелый, но округлый, а скулы сильно развиты — особенность, характерная для всей краснокожей расы. Глаза его были невелики, но, когда он, остановившись на пороге, обвел взглядом ярко освещенную прихожую, в них вспыхнуло черное пламя.

Заметив, что люди, окружающие молодого охотника, смотрят на него, могоканин сбросил с плеч одеяло, прихваченное на талии поясом из березовой коры, так что оно прикрыло гетры из недубленой оленьей шкуры.

Он медленно прошел по большому залу, и зрители невольно залюбовались величественной грацией его неторопливой походки. Плечи и грудь его были обнажены, и среди старых боевых рубцов поблескивала подвешенная на ремешке серебряная медаль с профилем Вашингтона, которую он постоянно носил на шее. Плечи его были широки и сильны, но красивым тонким рукам не хватало мускулов, которые может породить только тяжелый труд фермера или кузнеца. Кроме медали, на нем не было никаких украшений, хотя сильно оттянутые ушные мочки и пробитые в них отверстия говорили о том, что раньше он ими не пренебрегал. В руке он держал корзинку из белой ясеновой коры, покрытую прихотливым узором из черных и красных полосок.

Когда этот сын лесов приблизился к маленькому обществу, все расступились, пропуская его к молодому охотнику. Индеец несколько минут молча разглядывал рану на плече юноши, а потом устремил гневный взгляд на лицо судьи. Тот был немало этим удивлен, так как привык к кротости и смирению старика. Но он все-таки протянул ему руку со словами:

— Добро пожаловать, Джон. Этот молодой человек, по-видимому, очень верит в твое искусство и, дожидаясь тебя, не позволил даже уважаемому доктору Тодду перевязать свою рану.

Тут наконец индеец прервал свое молчание. Он говорил на языке белых довольно грамотно, но глухо и гортанно.

— Дети Микуона не любят крови, и все же Молодого Орла поразила рука, которой не подобает творить зло.

— Могоканин Джон! — воскликнул судья. — Неужто ты думаешь, что я могу по доброй воле пролить человеческую кровь? Постыдись, Джон! Ведь ты же христианин и не должен давать волю таким дурным мыслям.

— Злой дух иной раз вселяется и в самые добрые сердца, — возразил индеец. — Но мой брат говорит правду: его рука никогда не проливали человеческой крови. Даже в те дни, когда дети Великого английского отца убивали его сородичей.

— Ужели, Джон, — проникновенно сказал мистер Грант, — ты забыл заповедь спасителя: «Не судите, да не судимы будете»? Зачем бы стал судья Темпл стрелять в этого юношу, которого он совсем не знает и который не причинял ему никаких обид?

Джон почтительно выслушал священника, потом протянул руку и торжественно сказал:

— Он не виноват. Мой брат не хотел этого сделать.

Мармадьок пожал протянутую ему руку с улыбкой, показывавшей, что он не сердится на индейца за его подозрения и только удивляется им. Все это время раненый переводил взгляд со своего краснокожего друга на судью, и на его лице были написаны живейший интерес и недоумение.

Обменявшись рукопожатием с судьей, индеец немедленно принялся за дело, ради которого пришел сюда. Доктор Тодд несколько не был обижен этим посягательством на его права. Он охотно уступил свое место новому врачу с таким видом, словно был только рад подчиниться капризу пациента, поскольку самая трудная и опасная для его здоровья часть дела осталась теперь позади, а наложить повязку может даже малый ребенок. Он не преминул шепотом сообщить об этом мосье Леуа:

— Хорошо, что пуля была извлечена до прихода индейца, а перевязать рану сумеет любая старуха. Этот юноша, как я слышал, живет в хижине Натти Бампо и Джона, а мы, врачи, должны считаться с прихотями пациента — конечно, соблюдая меру, мусью, соблюдая меру.

— Certainement²², — ответил француз. — Вы есть превосходный врач, мистер Годд. Я соглашаюсь: каждая старая дама сумела бы докончить то, что вы так искусно начали.

Ричард, в глубине души питавший большое почтение к познаниям индейца во всем, что касалось ран, и на этот раз, как обычно, не пожелал оставаться скромным зрителем. Подойдя к нему, он сказал:

— Саго, саго, могиканин! Саго, мой добрый друг! Я рад, что ты пришел. Самое лучшее — чтобы пулю вынимал ученый врач вроде доктора Годда, а рану лечил туземец. Помнишь, Джон, как мы с тобой вправляли мизинец Натти Бампо, который он сломал, когда полез за убитой куропаткой на скалу и сорвался? Я до сих пор не знаю, кто убил эту куропатку, Натти или я. Он, правда, выстрелил первым, и птица полетела вниз, но потом выровнялась, и тут выстрелил я. Конечно, это была моя добыча, да только Натти заспорил: дескать, рана для дробы слишком велика, а он, видите ли, стрелял пулей! А ведь мое ружье не разбрасывает дробы, и когда я стрелял по мишеням, то не раз оставалась одна большая дыра, точь-в-точь как от пули. Хочешь, я буду тебе помогать, Джон? Ты ведь знаешь, что я разбираюсь в таких вещах.

Индеец терпеливо выслушал эту речь, и когда Ричард наконец умолк, протянул ему корзинку с целебными травами, жестом пояснив, что он может ее подержать. Такое поручение вполне удовлетворило мистера Джонса, и впоследствии, вспоминая это происшествие, он всегда говорил: «Я помогал доктору Годду вытаскивать пулю, а индеец Джон помогал мне перевязывать рану». От индейца Джона пациенту пришлось вытерпеть куда меньше, чем от доктора Годда. Собственно говоря, терпеть ему вообще ничего не пришлось. Повязка была наложена очень быстро, а целебное средство состояло из толченой коры, смоченной соком каких-то лесных растений.

Врачеватели у лесных индейцев бывали двух родов: одни полагались на вмешательство сверхъестественных сил, и соплеменники почитали таких знахарей гораздо больше, чем они того заслуживали; другие же действительно умели лечить многие болезни, а особенно, как выразился Натти, «всякие раны и переломы».

Пока Джон и Ричард перевязывали рану, Элнатан жадно разглядывал содержимое ясеневой корзинки, которую ему передал мистер Джонс, решивший, что гораздо интереснее будет подержать конец повязки. Через несколько минут доктор без всяких церемоний уже засовывал в карман кусочки древесины и коры. Он, вероятно, не стал бы объяснять причины своего поступка, если бы не заметил, что на него устремлены синие глаза Мармадьюка. Тогда он счел за благо шепнуть ему:

— Нельзя отрицать, судья Темпл, что эти индейцы обладают кое-какими познаниями в медицине. Они передают их из поколения в поколение. Например, рак и водобоязнь они лечат весьма искусно. Я собираюсь сделать дома анализ этой коры. Она, конечно, не принесет ни малейшей пользы ране молодого человека, но зато может оказаться неплохим средством от зубной боли, ревматизма или еще чего-нибудь в том же роде. Не следует пренебрегать никакими полезными сведениями, даже если получаешь их от краснокожего.

Такое свободомыслие сослужило доктору Годду неплохую службу: именно оно в соединении с обширной практикой помогло ему набраться знаний, которые со временем превратили его в приличного врача. Однако похищенные им из корзинки образцы он подверг анализу отнюдь не по правилам химии — вместо того чтобы исследовать их составные части, он сложил их все воедино и таким образом обнаружил, целебными свойствами какого именно дерева пользовался индеец.

²² Разумеется (франц.).

Лет десять спустя, когда в поселки среди этих диких гор пришла, а вернее сказать, ворвалась цивилизация со всеми ее тонкостями, Элнатана вызвали к человеку, раненному на дуэли, и он приложил к его ране мазь, чей запах сильно напоминал запах дерева, из которого готовил свое целебное снадобье индеец. А еще через десять лет, когда между Англией и Соединенными Штатами вновь вспыхнула война и из западной части штата Нью-Йорк уходили воевать тысячи добровольцев, Элнатан, прославившийся двумя вышеупомянутыми операциями, решил отправиться на поле брани с бригадой милиции в качестве... хирурга!

Когда могиканин наложил пластырь из коры, он охотно уступил Ричарду иголку с ниткой, которой следовало зашить повязку, так как этим инструментом индейцы пользоваться не умели. Отступив на шаг, он молча и серьезно ждал, пока Ричард доканчивал начатое им дело.

— Передайте мне ножницы! — крикнул мистер Джонс, сделав последний стежок и завязав последний узел на втором слое полотняных повязок. — Дайте скорее ножницы! Если не обрезать эту нитку, она может попасть под пластырь и загноить рану. Вот посмотри, Джон, я положил между двумя повязками корпию, которую я нащипал. Толченая кора, конечно, очень полезна, но без корпии рану можно застудить. А лучше этой корпии не найти, я сам ее щипал и всегда буду щипать для любого жителя поселка. Тут уж за мной никому не угнаться, потому что мой дедушка был доктором, а отец от природы разбирался в медицине.

— Вот вам ножницы, сквайр, — сказала Добродетель, извлекая из кармана темно-зеленой нижней юбки огромные портновские ножницы, на вид совсем тупые. Подумать только! Да вы зашили повязки не хуже иной женщины!

— «Не хуже женщины!» — негодуяще повторил Ричард. — Да что женщины понимают в подобных делах? И ты тому примером. Разве можно орудовать возле раны эдакими тесаками? Доктор Тодд, будьте добры, одолжите мне ножницы из вашей шкатулки... Ну что ж, любезный, я думаю, тебе опасаться нечего. Дробина была извлечена превосходнейшим образом, хотя, разумеется, не мне это говорить, поскольку я сам принимал участие в операции; ну, а повязка не оставляет желать ничего лучшего. Ты скоро поправишься, если рана не воспалится из-за того, что ты тогда дернул моих серых под уздцы. Но будем надеяться, что все обойдется. Ты, наверное, не привык обращаться с лошадьми. Но я извиняю твою горячность, потому что намерения у тебя были, конечно, самые добрые. Да, теперь тебе нечего опасаться.

— В таком случае, господа, — сказал незнакомец, вставая и начиная одеваться, — мне незачем более злоупотреблять вашим терпением и временем. Нам остается решить только одно, судья Темпл: кому из нас принадлежит олень.

— Я признаю, что он ваш, — ответил Мармадюк. — И мой долг не исчерпывается одной только олениной. Но приходите утром, и мы договоримся и об этом и обо всем другом... Элизабет! — обратился он к дочери, которая, узнав, что перевязка окончена, вернулась в зал. — Элизабет, распорядись, чтобы этого юношу накормили, прежде чем мы поедем в церковь. И пусть Агги запряжет сани, чтобы отвезти его к другу, о котором он так беспокоился.

— Простите, сэр, но я не могу уехать совсем без оленины, — ответил юноша, видимо стараясь побороть какое-то сильное чувство. — Мясо нужно мне самому.

— О, мы не станем жадничать, — вмешался Ричард. — Утром судья заплатит тебе за оленя целиком. Добродетель! Последни, чтобы малому отдали все мясо, кроме седла. На мой взгляд, любезный, ты можешь считать, что тебе повезло: пуля тебя не покалечила, перевязку тебе сделали превосходную — нигде больше в наших краях, ни даже в филадельфийской больнице, тебя бы так не перевязали; оленя ты продал по самой высокой цене и все же оставил себе почти все мясо, да еще и шкуру в придачу. Добродетель, скажи Тому, чтобы он и шкуру ему отдал. Ты принеси ее мне завтра утром, и я, пожалуй, заплачу тебе за нее полдоллара или около того. Мне нужна как раз такая шкура, чтобы покрыть седельную подушку, которую я делаю для кузины Бесс.

— Благодарю вас, сэр, за вашу щедрость, и, разумеется, я рад, что этот злосчастный

выстрел не причинил мне большого вреда, — ответил незнакомец, — но вы собираетесь оставить себе именно ту часть туши, которая нужна мне самому. Седла я не отдам.

— «Не отдам!» — воскликнул Ричард. — Такой ответ проглотить труднее, чем оленье рога!

— Да, не отдам, — ответил юноша и гордо обвел глазами присутствующих, словно бросая им вызов, но, встретив изумленный взгляд Элизабет, продолжал более мягко, — То есть если человек имеет право на убитую им самим дичь и если закон охраняет это право.

— Да, конечно, — сказал судья Темпл огорченно и с некоторым изумлением. — Бенджамен, последи, чтобы оленя никто не трогал, и уложи его в сани целиком. И пусть этого юношу отвезут к хижине Кожаного Чулка. Но, молодой человек, у вас, наверное, есть имя? И я еще увижу вас, чтобы возместить причиненный вам вред?

— Меня зовут Эдвардс, — ответил охотник. — Оливер Эдвардс. А увидеть меня нетрудно, потому что я живу поблизости и не боюсь показываться на людях — я ведь никому не причинил зла.

— Это мы причинили вам зло, сэр, — возразила Элизабет. — И моему отцу будет очень тяжело, если вы откажетесь от нашей помощи. Он с нетерпением будет ждать вас утром.

Молодой человек устремил на прекрасную просительницу столь пристальный взор, что она смущенно покраснела. Опомившись, он опустил голову и, глядя на ковер, сказал:

— Хорошо, я приду утром к судье Темплу и согласен, чтобы он одолжил мне сани в знак примирения.

— Примирения? — переспросил судья. — Я ранил вас не по злобе, молодой человек, так неужели в вашем сердце подобная случайность могла породить вражду?

— Отпусти нам долги наши, яко же мы отпускаем должникам нашим, — вмешался мистер Грант. — Так учил нас Иисус, и нам следует смиренно хранить в сердце эти золотые слова.

Незнакомец на мгновение о чем-то задумался, затем обвел зал растерянным и гневным взглядом, почтительно поклонился священнику и, ни с кем более не прощаясь, вышел таким решительным шагом, что никто не посмел его остановить.

— Странно, что столь молодой человек может оказаться таким злопамятным, — сказал Мармадюк, когда наружная дверь закрылась за незнакомцем. — Надо полагать, у него сильно болит рана, вот он и сердится и считает себя обиженным. Я думаю, утром он будет мягче и сговорчивее.

Элизабет, к которой были обращены его слова, ничего не ответила. Она молча прохаживалась по залу, разглядывая прихотливый узор английского ковра, устилавшего пол. Зато Ричард, громко щелкнув кнутом, объявил:

— Конечно, Дьюк, ты сам решаешь, как тебе поступать, но на твоём месте я не отдал бы седла этому молодцу — пусть-ка он попробовал бы судиться со мной! Разве здешние горы не принадлежат тебе так же, как и долины? Какое право имеет этот малый — да и Кожаный Чулок тоже, если уж на то пошло, — стрелять в твоих лесах дичь без твоего разрешения? Я сам видел, как один фермер в Пенсильвании приказал охотнику убираться с его земли — и без всяких церемоний, вот как я велел бы Бенджамену подбросить дров в камин. Да, кстати, Бенджамен, не посмотришь ли тебе на градусник? Ну, а если на это есть право у человека, владеющего какой-то сотней акров, то какую же власть имеет собственник шестидесяти тысяч акров, а считая с последними покупками, так и ста тысяч? Вот у могиканина еще могут быть какие-то права, потому что его племя здесь жило искони, но с таким ружьишком все равно много не настреляешь. А как у вас во Франции, мосье Лекуа? Вы тоже позволяете всякому сброду шататься по вашим лесам, стреляя дичь, так что хозяину ничего не достается — хоть на охоту не ходи?

— Bah, diable!²³ Нет, мосье Дик, — ответил француз. — У нас во Франции мы никому

23 — Черт побери! (франц.)

не даем свободы, кроме дам.

— Ну да, женщинам — это я знаю, — сказал Ричард. — Таков ваш салический закон²⁴. Я ведь, сэр, много прочел книг и о Франции, и об Англии, о Греции, и о Риме. Но, будь я на месте Дьюка, я завтра же повесил бы доски с объявлением: «Запрещаю посторонним стрелять дичь или как-нибудь иначе браконьерствовать в моих лесах». Да я за один час могу состряпать такую надпись, что никто больше туда носа не сунет!

— Рихарт! — сказал майор Гартман, невозмутимо выбивая пепел из трубки в стоящую рядом с ним плевательницу. — Слушай меня. Я семьдесят пять лет прошивал в этих лесах и на Мохоке. Лютше тебе связаться с шортом, только не с этими охотниками. Они допывают себе пропитание рушьем, а пуля сильнее закона.

— Да ведь Мармадюк судья! — негодуяше воскликнул Ричард. — Какой толк быть судьей или выбирать судью, если всякий, кто захочет, будет нарушать закон? Черт бы побрал этого молодца! Пожалуй, я завтра же подам на него жалобу сквайру Дулитлу за то, что он испортил моих выносных. Его ружья я не боюсь. Я сам умею стрелять! Сколько раз я попадал в доллар со ста ярдов?

— Немного, Дик! — раздался веселый голос судьи. — Но нам пора садиться ужинать. Я вижу по лицу Добродетели, что стол уже накрыт. Мосье Лекуа, предложите руку моей дочери. Душенька, мы все последуем за тобой.

— Ah ta chere mademoiselle сотше je suis enchante! — сказал француз. — Il ne manque que les dames de faire un paradis de Templeton!²⁵

Француз с Элизабет, майор, судья и Ричард в сопровождении Добродетели отправились в столовую, и в зале остались только мистер Грант и могиканин — и еще Бенджамен, который задержался, чтобы закрыть дверь за индейцем и по всем правилам проводить мистера Гранта в столовую.

— Джон, — сказал священник, когда судья Темпл, замыкавший шествие, покинул зал, — завтра мы празднуем рождество нашего благословенного спасителя, и церковь повелевает всем своим детям возносить в этот день благодарственные молитвы и приобщиться таинству причастия. Раз ты принял христианскую веру и, отринув зло, пошел стезей добра, я жду, что и ты придешь завтра в церковь с сокрушенным сердцем и смиренным духом.

— Джон придет, — сказал индеец без всякого удивления, хотя он почти ничего не понял из речи священника.

— Хорошо, — сказал мистер Грант, ласково кладя руку на смуглое плечо старого вождя. — Но мало присутствовать там телесно; ты должен вступить туда воистину в духе своем. Спаситель умер ради всех людей — ради бедных индейцев так же, как и ради белых. На небесах не знают различия в цвете кожи, и на земле не должно быть раскола в церкви. Соблюдение церковных праздников, Джон, помогает укреплять веру и наставляет на путь истинный. Но не обряды нужны богу, ему нужно твое смирение и вера.

Индеец отступил на шаг, выпрямился во весь рост, поднял руку и согнул один палец, словно указывая на себя с неба. Затем, ударив себя в голую грудь другой рукой, он сказал:

— Пусть глаза Великого Духа посмотрят из-за облаков: грудь могиканина обнажена.

— Отлично, Джон, и я уверен, что исполнение твоего христианского долга принесет тебе душевный мир и успокоение. Великий Дух видит всех своих детей, и о жителе лесов он заботится так же, как о тех, кто обитает во дворцах. Спокойной ночи, Джон. Да будет над тобой благословение господне.

Индеец наклонил голову, и они разошлись: один вернулся в бедную хижину, а другой

²⁴ Мистер Джонс немного путает: салический закон не разрешал женщинам наследовать королевскую корону. (Примеч. автора.)

²⁵ — Я восхищен, дорогая мадемуазель! Чтобы Темплтон стал раем, здесь не хватало только дам! (франц.)

сел за праздничный стол, уставленный яствами.

Закрывая за индейцем дверь, Бенджамен ободряюще сказал ему:

— Преподобный Грант правду говорит, Джон. Если бы на небесах обращали внимание на цвет кожи, то, пожалуй, туда и меня не пустили бы, хоть я христианин с рождения, — и только из-за того, что я порядком загорел, плавая у экватора. Хотя, если на то пошло, этот подлый норд-вест может выбелить самого что ни на есть черного мавра. Отдай рифы на твоём одеяле, не то обморозишь свою красную шкуру.

Глава 8

Встречались там изгнанники всех стран

И дружбой чуждая звучала речь.

Томас Кэмпбелл, «Гертруда из Вайоманга»

Мы познакомили читателя с характером и национальностью главных действующих лиц нашего повествования, а теперь, чтобы доказать его правдивость, мы попробуем вкратце объяснить, каким образом все эти пришельцы из дальних стран собрались под гостеприимным кровом судьи Темпла.

В описываемую нами эпоху Европу сотрясали первые из тех бурь, которым затем суждено было так изменить ее политический облик. Людовик Шестнадцатый уже лишился головы, и нация, прежде почитавшаяся самой утонченной среди всех цивилизованных народов земли, преображалась с каждым днем: жестокая беспощадность сменила былое милосердие, коварство и ярость — былое великодушие и доблесть. Тысячам французов пришлось искать убежища в других странах. Мосье Лекуа, о котором мы уже не раз упоминали в предыдущих главах, также принадлежал к числу тех, кто, в страхе покинув Францию или ее заморские владения, нашел приют в Соединенных Штатах. Судье его рекомендовал глава крупного нью-йоркского торгового дома, питавший к Мармадьоку искреннюю дружбу и не раз обменивавшийся с ним услугами. Познакомившись с французом, судья убедился, что он человек воспитанный и, очевидно, знал лучшие дни. Из некоторых намеков, оброненных мосье Лекуа, явствовало, что прежде он владел плантациями на одном из вест-индских островов — в ту пору плантаторы бежали с них в Соединенные Штаты сотнями и жили там в относительной бедности, а то и просто в нищете. Однако к мосье Лекуа судьба была милостивее: правда, он жаловался, что сохранил лишь остатки своего состояния, но этих остатков оказалось достаточно, чтобы открыть лавку.

Мармадьок обладал большим практическим опытом и хорошо знал, что требуется поселенцам в новых краях. По его совету мосье Лекуа закупил кое-какие ткани, бакалейные товары, изрядное количество пороха и табака, железные изделия, в том числе множество складных охотничьих ножей, котелков и сковородок, весьма внушительный набор грубой и неуклюжей глиняной посуды, а также многое другое, что человек изобрел для удовлетворения своих потребностей, в том числе такие предметы роскоши, как зеркала и губные гармоники.

Накупив этих товаров, мосье Лекуа стал за прилавков и благодаря удивительному умению приспособляться к обстоятельствам исполнял столь новую для себя роль со всем присущим ему изяществом. Его любезность и изысканные манеры снискали ему всеобщую любовь, а кроме того, жительницы поселка скоро обнаружили, что он обладает тонким вкусом. Ситцы в его лавке были самыми лучшими, то есть, другими словами, самыми пестрыми, какие только привозились в эти края; а торговаться с таким «милейшим человеком» было просто невозможно. Так что дела мосье Лекуа шли отлично, и жители «патента» считали его вторым человеком в округе — после судьи Темпла.

Слово «патент», которое мы здесь употребили, а возможно, будем употреблять и впредь, обозначало обширные земли, которые были когда-то пожалованы старому майору

Эффингему английским королем и закреплены за ним «королевским патентом»; Мармадюк Темпл купил их после того, как они были конфискованы республиканским правительством. Слово «патент» широко употреблялось во вновь заселенных частях штата для обозначения таких владений, и к нему обычно добавлялось имя владельца, как-то: «патент Темпла» или «патент Эффингема».

Майор Гартман был потомком человека, который вместе с другими своими соотечественниками, забрав семью, покинул берега Рейна, чтобы поселиться на берегах Мохока. Переселение произошло еще в царствование королевы Анны²⁶, и потомки этих немецких колонистов мирно и в большом довольстве жили на плодородных землях красивой долины реки Мохока.

Эти немцы, или «западные голландцы», как их называли в отличие от настоящих голландских колонистов, были весьма своеобразным народом. Столь же трудолюбивые и честные, как и эти последние, они были менее флегматичны, хотя и отличались такой же серьезной важностью.

Фриц или Фредерик Гартман воплощал в себе все пороки и добродетели, все достоинства и недостатки своих земляков. Он был довольно вспыльчив, хотя и молчалив, упрям, чрезвычайно храбр, непоколебимо честен и относился подозрительно ко всем незнакомым людям, хотя его преданность друзьям была неизменна. Да он вообще никогда не менялся, и только изредка его обычная серьезность уступала место неожиданной веселости. Долгие месяцы он оставался суровым молчаливником и вдруг недели на две превращался в добродушного шутника. Познакомившись с Мармадюком Темплом, он проникся к нему горячей симпатией, и наш судья был единственным человеком, не говорившим по-немецки, которому удалось заслужить его полное доверие и дружбу. Четыре раза в год он покидал свой низенький каменный домик на берегах Мохока и, проехав тридцать миль по горам, стучался в дверь темплтонского «дворца». Там он обычно гостил неделю и, по слухам, проводил это время в пирушках с мистером Ричардом Джонсом. Но все его любили, даже Добродетель Петтибон, которой он доставлял лишние хлопоты, — ведь он был так искренне добродушен, а порою так весел! На этот раз он приехал, чтобы отпраздновать у судьи рождество; но не пробыл он в поселке и часа, как Ричард пригласил его занять место в санях и отправиться вместе с ним встречать хозяина дома и его дочку.

Перед тем как перейти к описанию обстоятельств, приведших в эти края мистера Гранта, мы должны будем обратиться к первым дням недолгой истории Темплтона.

Нетрудно заметить, что люди всегда склонны сначала заботиться о своих телесных нуждах и лишь потом вспоминают, что надо бы позаботиться и о душе. Когда поселок только строился, жители «патента Темплтона», рубя деревья и корчуя пни, почти не вспоминали о религии. Однако большинство приехало сюда из благочестивых штатов Коннектикут и Массачусетс, и, когда хозяйство их было налажено, они стали подумывать о том, чтобы обзавестись церковью или молельней и вернуться к исполнению религиозных обрядов, которым их предки придавали столь большое значение, что из-за них даже покинули родину и отправились искать приюта в Новом Свете. Впрочем, люди, селившиеся на землях Мармадюка, принадлежали к самым разным сектам, и вполне понятно, что между ними не было никакого согласия относительно того, какие именно обряды следует исполнять, а какие нет.

Вскоре после того, как поселок был официально разбит на кварталы, напоминавшие городские, жители его собрались, чтобы обсудить вопрос, не следует ли им открыть в поселке школу. Первым об этом заговорил Ричард (по правде говоря, он склонен был ратовать за учреждение в поселке университета или, на худой конец, колледжа). Этот вопрос обсуждался из года в год на одном собрании за другим, и их решения занимали самое видное место на голубоватых страницах маленькой газетки, которая уже печаталась каждую неделю

²⁶ Английская королева, царствовала с 1701 по 1714 год.

на чердаке одного из домов поселка. Путешественники, посещавшие окрестности Темплтона, нередко видели эту газету, засунутую в щель высокого столба, вбитого там, где на большую дорогу выходила тропка, ведущая к бревенчатой хижине какого-нибудь поселенца, — такой столб служил ему почтовым ящиком. Иногда к столбу был прибит настоящий ящик, и в него человек, «развозящий почту», засовывал целый пук газет, которые должны были на неделю удовлетворить литературные потребности всех местных фермеров. В вышеупомянутых пышных решениях кратко перечислялись блага образования, политические и географические особенности поселка Темплтон, дающие ему право основать у себя учебное заведение, целебность здешнего воздуха и чудесные качества здешней воды, а также дешевизна съестных припасов и высокая нравственность, отличающая его жителей. Под всем этим красовались выведенные заглавными буквами имена Мармадьюка Темпла, председателя, и Ричарда Джонса, секретаря.

К счастью, щедрые университетские власти не оставались глухи к таким призывам, если была хоть какая-то надежда, что расходы возьмет на себя кто-нибудь другой. В конце концов судья Темпл отвел для школьного здания участок и обещал построить его за свой счет. Снова прибегли к услугам мистера Дулитла, которого, впрочем, с тех пор как он был избран мировым судьей, называли сквайром Дулитлом; и снова мистер Джонс мог пустить в ход свои архитектурные познания.

Мы не станем перечислять достоинства и недостатки различных проектов, составленных зодчими для этого случая, что было бы и неприлично с нашей стороны, ибо проекты эти рассматривались, отвергались или одобрялись на собраниях древнего и уважаемого братства «Вольных каменщиков», возглавляемого Ричардом, носившим звание мастера. Спорный вопрос был, однако, решен довольно быстро, и в назначенный день из потайной комнаты, искусно устроенной на чердаке «Храброго драгуна» — гостиницы, которую содержал некий капитан Холлистер, — вышла торжественная процессия, направившаяся к участку, отведенному под означенное здание. Члены общества несли всевозможные знамена и мистические значки, и на каждом был надет маленький символический фартук каменщика. Когда процессия прибыла на место, Ричард, окруженный толпой зрителей, состоявшей из половины мужского и всего женского населения Темплтона и его окрестностей, с надлежащей торжественностью заложил первый камень будущей школы.

Через неделю Хайрем на глазах столь же многочисленных зрителей и прекрасных зрительниц показал, как он умеет пользоваться угольником... Фундамент соорудили благополучно, и вскоре весь каркас будущей «академии» был воздвигнут без всяких неприятных происшествий, если не считать того, что строители, возвращаясь домой по вечерам, иной раз падали с лошади. Работа кипела, и к концу лета уже было готово здание, поражавшее глаз своими необыкновенными красотами и оригинальными пропорциями, — предмет гордости поселка, подражания для тех, кто стремился к архитектурной славе, и восхищения всех жителей «патента».

Это был длинный, узкий деревянный дом, выкрашенный белой краской и состоявший по большей части из окон, — любитель солнечных восходов мог стать снаружи у его западной стены и все же почти без помехи наблюдать, как огненное светило поднимается на востоке: солнечные лучи проникали через это весьма неуютное открытое строение почти беспрепятственно. Его фасад изобиловал всевозможными деревянными украшениями, задуманными Ричардом и исполненными Хайремом. Однако главную гордость зодчих составляло окно второго этажа, которое было расположено над парадной дверью, и венчавший это сооружение «шпиль». Первое, по нашему мнению, явилось порождением смешанного ордера, ибо оно, помимо украшений, отличалось еще и удивительным разнообразием пропорций. Оно представляло собой полукруг, к которому по обеим сторонам примыкали небольшие квадраты; в тяжелые, густо покрытые резьбой рамы из соснового дерева были вставлены мутно-зеленые стеклышки размером восемь на десять дюймов. Окно это закрывалось большими ставнями, которые, по предварительному плану, для пущего

эффекта должны были быть выкрашены зеленой краской; однако, как всегда бывает в подобных случаях, выделенных денег для этого не хватило, и ставни сохранили свой первоначальный угрюмый свинцовый цвет.

«Шпиль» представлял собой небольшой купол, возведенный в самом центре крыши и покоившийся на четырех высоких сосновых колоннах, каннелированных²⁷ с помощью стамески и обильно украшенных резьбой. Венчавший их свод больше всего напоминал перевернутую чайную чашку без дна, а из середины его поднималось деревянное острие, пробитое наверху двумя железными прутами, которые были расположены под прямым углом друг к другу и оканчивались железными же буквами «С, Ю, В и З». «Шпиль» завершало изображение рыбы, собственноручно вырезанное из дерева Ричардом и выкрашенное, как он выражался, в «чешуйчатый цвет». Мистер Джонс утверждал, что это существо удивительно похоже на «озерную рыбку», которая считалась в здешних краях изысканным лакомством; и, надо полагать, он говорил правду, ибо, хотя рыба, по его мысли, должна была служить флюгером, она неизменно устремляла тоскливый взор в сторону чудесного озера, лежавшего среди холмов к северу от Темплтона.

После того как университетские власти дали свое разрешение на открытие здесь «академии», попечительский совет некоторое время пользовался услугами выпускника одного из восточных колледжей, дабы он в стенах описанного выше здания преподавал науку любознательным подросткам. Второй этаж школы представлял собой один большой зал и предназначался для всяческих праздников и торжественных собраний, а первый был разделен пополам — в одной комнате должны были заниматься ученики, изучающие латынь, а в другой — ученики, изучающие родной язык. Класс латинистов был с самого начала весьма немногочисленным, но все же из окон комнаты, где он помещался, вскоре начали доноситься слова вроде: «именительный падеж — реппа, родительный падеж — реппае», к большому удовольствию и назиданию случайных прохожих.

Однако за все время существования этого храма наук нашелся лишь один смельчак, который добрался до переводов из Вергилия²⁸. Он даже выступил на ежегодном публичном экзамене и, к большому восторгу своих многочисленных родственников (у его отца была ферма рядом с поселком), прочел наизусть всю первую эклогу, весьма бойко соблюдая интонации диалога. Однако с тех пор под крышей этого здания более не раздавались звучные строки латинских поэтов (впрочем, удивительный язык, на котором изъяснялся означенный юноша, вряд ли был бы понят Вергилием или кем-нибудь из его современников). Дело в том, что попечительский совет, не желая идти впереди своего века, заменил ученого латиниста простым учителем, который, руководствуясь принципом «тише едешь — дальше будешь» и не мудрствуя лукаво, обучал своих питомцев родному языку.

С тех пор и до дней, о которых мы ведем свой рассказ, «академия» оставалась простой сельской школой, а в зале на втором этаже устраивались иногда судебные заседания, если дело представляло особый интерес, иногда — назидательные беседы для людей серьезных, а иногда — веселые балы, душою которых был все тот же неутомимый Ричард. По воскресеньям же он превращался в церковь.

Если в окрестностях в это время оказывался какой-нибудь проповедник слова божьего, его приглашали вести службу, не особенно интересуясь, к какой именно из многочисленных пресвитерианских сект он принадлежит; после окончания проповеди один из прихожан обходил церковь со шляпой в руке, и собранные пожертвования вручались проповеднику в качестве вознаграждения за его труд. В тех случаях, когда настоящего священника под рукой не оказывалось, кто-нибудь из местных жителей произносил молитву, после чего мистер

²⁷ Каннелированная колонна — колонна с вертикальными желобками.

²⁸ Вергилий (70–19 гг. до н. э.) — знаменитый древнеримский поэт. В своих эклогах, обычно представляющих собой диалог между пастухом и пастушкой, он воспевал прелести сельской жизни.

Ричард Джонс прочитывал проповедь, принадлежавшую перу ученого богослова.

Как мы уже говорили, религиозные взгляды жителей поселка были самыми разнообразными и не одна секта не пользовалась там преобладающим влиянием. Мы уже упоминали о религиозных взглядах Мармадюка Темпла. Его женитьба не оказала на них никакого влияния. Семейные беседы, которые квакеры вели с богом на своих ежевечерних собраниях, внушали ему отвращение, и, хотя считалось, что он, так же как его жена и мать, принадлежит к епископальной церкви, он отнюдь не отличался большой религиозностью. В отличие от него, Ричард считал себя ревностным столпом этой церкви и даже пытался, если «академия» бывала свободна, устраивать по воскресеньям епископальные службы, но, как всегда, перегнул палку, отпугнул прихожан своими «римско-католическими» замашками, и уже на второе воскресенье в длинный зал «академии» почти никто не явился, а на третье проповедь Ричарда слушал только Бен Помпа, разделявший его взгляды.

Во времена британского владычества в североамериканских колониях большим влиянием пользовалась государственная англиканская (или епископальная) церковь, которую поддерживало правительство. Но после провозглашения независимости Соединенных Штатов эта церковь пришла в упадок, потому что ее служители могли получить сан только в Англии. В результате долгих переговоров американской епископальной церкви удалось добиться права самой назначать священника, и она поспешила послать своих служителей в глухие, вновь заселяющиеся области, чтобы возродить свое былое величие.

Одним из таких священников и был мистер Грант. Он был назначен в округ, центром которого стал Темплтон, и Мармадюк любезно пригласил его поселиться в поселке, на чем рьяно настаивал услужливый Ричард. Для священника приготовили небольшой домик, и мистер Грант приехал в Темплтон всего за несколько дней до того, как читатель познакомился с ним.

В предыдущее воскресенье школьный зал был занят заезжим проповедником, не принадлежавшим к епископальной церкви, и мистер Грант не смог приступить к исполнению своих обязанностей. Но теперь, когда его соперник унесся прочь, как метеор, лишь на мгновение озарив Темплтон светом своей премудрости, Ричард не замедлил вывесить объявление, гласившее, что «в сочельник в длинном зале Темплтонской академии состоится публичная служба по обрядам протестантской епископальной церкви; служить будет преподобный мистер Грант».

Эта новость вызвала большое оживление среди жителей поселка. Некоторые гадали, какой, собственно, будет эта служба, другие презрительно посмеивались, но большинство, несмотря на то что Мармадюк не вмешивался в религиозные споры, предпочитало, памятуя об убеждениях Ричарда, хранить на этот счет молчание.

Однако все с нетерпением ожидали воскресного вечера, и любопытство возросло еще больше, когда утром этого чреватого событиями дня Ричард и Бенджамен отправились в соседний лес и принесли оттуда две большие вязанки сосновых ветвей. Они отправились в школу, тщательно заперли за собой дверь, и никто в поселке не знал, чем, собственно, они там занимаются, так как мистер Джонс, прежде чем приступить к своим таинственным приготовлениям, объявил учителю, к большому восторгу его белобрых питомцев, что сегодня классов не будет.

Он своевременно написал обо всем этом Мармадюку, и тот обещал, что они с Элизабет приедут так, чтобы успеть к рождественской службе.

После этого отступления мы возвращаемся к нашему рассказу.

Глава 9

*С восторгом все начала тира ждут,
Мясные блюда, дичь и рыба тут.*

*Порядка должного не нарушая,
К столу спешит толпа гостей большая,
Чревоугоды радость предвкушая.*
«Гелиогабалиада»

Столовая, куда мосье Лекуа повел Элизабет, находилась за той дверью, которую украшала урна, скрывавшая, как предполагалось, прах Дидоны. Эта просторная комната отличалась благородством пропорций, но стоявшая в ней мебель была так же разнообразна и порой так же неуклюжа, как и мебель зала. Стол был покрыт большой скатертью, которая мешала разглядеть, из какого материала и как он сделан; видно было только, что он велик и тяжел. Вокруг него стояло двенадцать зеленых деревянных кресел с подушками, обтянутыми той же самой шерстяной материей, из куска которой сшила себе юбку Добродетель. На стене висело огромное зеркало в золоченой раме, а в очаге весело пылали кленовые дрова. Именно они привлекли внимание судьи, и он, повернувшись к Ричарду, сердито воскликнул:

— Сколько раз я запрещал пускать на дрова сахарный клен! Мне больно смотреть, Ричард, как закипает на них сок, который мог бы принести такую пользу! Раз я хозяин столь обширных лесов, я обязан подавать добрый пример всем жителям нашего поселка; ведь они рубят деревья так, словно лесу нет конца. Если этого не прекратить, через двадцать лет мы останемся без топлива.

— Останемся без топлива в наших горах, братец Дьюк! — насмешливо воскликнул Ричард. — Да ты бы еще предсказал, что озеро обмелеет и рыба в нем вымрет, потому что я собираюсь весной, когда земля оттает, провести из него в поселок воду по двум-трем лоткам! Но ты всегда говоришь чепуху, Мармадьюк, когда рассуждаешь о подобных вещах.

— Так, значит, я, по-твоему, говорю чепуху, — с горечью сказал судья, — когда возражаю против того, чтобы лес, этот драгоценный дар природы, этот источник удобств и богатства, без толку сгорал в печах! Нет, как только сойдет снег, я пошлю людей в горы искать уголь.

— Уголь? — переспросил Ричард. — Да кто, по-твоему, будет рыться в земле, чтобы раздобыть корзину угля, если ему придется для этого выкорчевать столько деревьев, что хватило бы топлива на целый год? Чушь, чушь! Нет, Мармадьюк, предоставь уж мне заниматься подобными вещами — у меня к ним природный талант. Это я распорядился развести такой огонь в камине, чтобы моя хорошенькая кухня Бесс скорее согрелась.

— Ну, пусть эта причина послужит тебе оправданием, Дик, — сказал судья, — Однако, господа, пора садиться за стол. Элизабет, душенька, займи место хозяйки; а Ричард, как я вижу, уже уселся напротив тебя, чтобы я не затруднялся резать жаркое²⁹.

— Само собой разумеется, — отозвался Ричард. — Сегодня у нас индейка, а никто лучше меня не сумеет разрезать индейку, да и гуся, если уж на то пошло. Мистер Грант! Где же мистер Грант? Вам надо благословить трапезу, сэр! Все стынет! Ведь в такую погоду стоит снять блюдо с огня, как оно через пять минут превратится в ледышку. Мистер Грант, мы ждем, чтобы вы благословили трапезу! «Благословен господь, ниспосылающий нам хлеб наш насущный!» Садитесь же, садитесь! Тебе крылышко или грудку, кухня Бесс?

Однако Элизабет не села и не изъявила никакого желания незамедлительно получить крылышко или грудку. Смеющимися глазами она оглядывала стол и дымившиеся на нем кушанья. Судья заметил ее веселое удивление и сказал с улыбкой:

— Ты видишь, дитя мое, что Добродетель поистине искусна в домоводстве: она приготовила для нас великолепный пир, который может утолить даже голод великана.

— Ах, — сказала Добродетель, — мне ли не радоваться, если судья доволен! Боюсь только, что подливка перестоялась. Раз Элизабет возвращается домой, так нам уж нужно

²⁹ Во многих странах существует обычай, когда хозяин дома сидит напротив хозяйки и разрезает поданное на стол мясо, дичь.

постараться, подумала я.

— Моя дочь больше не девочка и с этой минуты становится хозяйкой этого дома, — сказал судья. — Тем, кто в нем живет, следует называть ее мисс Темпл.

— Ах ты господи! — воскликнула Добродетель, немного растерявшись. — Да где же это слыхано, чтобы молоденьких девушек так величали? Ну, будь у судьи жена, я бы, конечно, не посмела называть ее иначе, как мисс Темпл, но...

—..но и к моей дочери, — перебил ее Мармадюк, — потрудитесь в дальнейшем обращаться как к мисс Темпл.

Судья всерьез рассердился, и на лице его появилась необычная строгость, поэтому хитрая экономка сочла за благо промолчать. Тут в столовую вошел мистер Грант, и все общество уселось за стол. Мы расскажем об этом ужине подробнее, потому что он был сервирован по моде той эпохи и гостям подавались обычные тогда кушанья.

Скатерть и салфетки были из прекрасного Дамаска, а тарелки и блюда — фарфоровые, что в те времена считалось в Америке большой роскошью. Ручки отлично отполированных стальных ножей и вилок были сделаны из слоновой кости. Таким образом, столовые приборы были не только удобны, но и элегантны — в этом сказывалось богатство Мармадюка. Однако яства изготовлялись по указанию Добродетели, и она же решала, в каком порядке разместить их на столе. Перед Элизабет была поставлена огромная жареная индейка, а перед Ричардом — вареная. На середине стола возвышались два тяжелых серебряных судка, окруженных четырьмя блюдами: на одном из них лежало фрикасе из белок, на втором — жареная рыба, на третьем — рыба вареная, а на четвертом — оленье филе. Между этими блюдами и индейками с одной стороны располагался огромный фарфоровый поднос с жареным медвежьим мясом, а с другой — вареная баранья нога, удивительно сочная. Вокруг этих мясных кушаний были расставлены тарелки поменьше со всеми овощами и зеленью, какие только можно было здесь раздобыть в это время года. По четырем углам стола красовались корзинки с печеньем. В одной находились хитрые завитушки, кружочки и полумесяцы, именовавшиеся «ореховым печеньем». Другую заполняли груды каких-то странных черных кусков, которые были обязаны своим цветом патоке и заслуженно звались «сладким печеньем»; это лакомство пользовалось особым расположением Добродетели и ее штата. В третьей корзинке лежали, как выражалась экономка, «имбирные квадратики», а в четвертой — «сливовое печенье», получившее свое название благодаря большому количеству чернослива, торчавшего из твердой массы, подозрительно схожей с ним по цвету. Рядом с этими корзинками стояли соусники, наполненные густой жидкостью непонятного цвета и происхождения, в которой плавали маленькие темные комочки, ничего, кроме самих себя, не напоминавшие; Добродетель называла их «засахаренными фруктами».

Тарелки гостей были перевернуты, и нож с вилок положены на доньшко аккуратным крестом; рядом с каждым прибором находилась тарелочка поменьше с разноцветным пирогом, составленным из треугольных кусков яблочного, мясного, тыквенного, клюквенного и даже кремowego пирога. Все оставшееся место занимали графины с коньяком, ромом, джином и виноградными винами, а также внушительные кувшины с сидром и пивом. В самом большом из них пенился флип — горячий напиток, изготовленный из пива, яичного желтка и кое-каких специй. Несмотря на размеры стола, он был так густо уставлен всеми этими блюдами, тарелками, бутылками и блюдами, что дорогая скатерть из Дамаска совсем исчезла под ними. Накрывавшие на стол, видимо, думали лишь об изобилии, принося ему в жертву не только элегантность, но даже порядок.

И судья и его гости, казалось, привыкли к такого рода блюдам, потому что все до одного принялись за еду с аппетитом, который делал честь вкусу и кулинарным способностям Добродетели. Немец и Ричард не отставали от других. Это могло бы показаться странным, если вспомнить, что они отправились встречать судью, едва встав из-за стола, но не в правилах майора Гартмана было отказываться от дружеского угощения, а мистер Джонс любил первенствовать в любом деле, каким бы оно ни было. Хозяин дома,

видимо, испытывал некоторую неловкость, вспоминая раздражение, с каким он упрекнул Ричарда за кленовые дрова в камине, и, когда все уселись и вооружились вилками и ножами, он сказал:

— Вы, наверное, заметили, мосье Лекуа, как варварски сводят поселенцы благородные леса, украшающие этот край. Я не раз видел, как фермер валил целую сосну, когда ему нужно было починить забор, и, обрубив несколько сучьев на жерди, бросал ее гнить, хотя мог бы продать ее в Филадельфии за двадцать долларов.

— А как, черт побед... прошу прощенья, мистер Грант! — вмешался Ричард. — А как бедняга доставит свои бревна в Филадельфию, скажи на милость? Сунет их в карман, словно горсть каштанов или ягод? Посмотрел бы я, как ты разгуливаешь по улицам Филадельфии с бревном в каждом кармане. Все это чушь, братец Дьюк! Деревьев хватит на всех нас и еще немало про запас останется. Да когда я хожу по вырубкам, то просто не знаю, с какой стороны ветер дует, — такой там высокий и густой лес. Только по облакам и разбираюсь. А ведь я знаю все румбы компаса наизусть!

— Так, так, сквайр, — подтвердил Бенджамен, который к этому времени уже вошел и занял свое место за креслом судьи, однако немного сбоку, чтобы вмешиваться в разговор, когда ему заблагорассудится. — Глядите на небо, сэр, глядите на небо! Старые моряки говорят, что даже из дьявола матроса не выйдет, пока он не научится глядеть на небо. А без компаса кораблем управлять и вовсе невозможно. Вот я, к примеру, как пойду в лес да потеряю из виду клотик грот-мачты — я так называю наблюдательную площадку, которую сквайр устроил у нас на крыше, — так вот, как потеряю я из виду клотик грот-мачты, так сразу достаю компас и определяю направление и расстояние, чтобы идти по курсу, даже если солнце спрячется за тучи или его заслонят верхушки деревьев. И колокольня церкви святого Павла, с тех пор как ее dokonчили, дюже помогает навигации в лесах, не то вот был со мной случай, клянусь сатаной...

— Довольно, довольно, Бенджамен, — перебил его Мармадьюк, заметив, что Элизабет неприятна развязность дворецкого. — Ты забываешь, что здесь дама, а женщины больше любят говорить, чем слушать.

— Что правда, то правда, судья, — подхватил Бенджамен, заливаясь своим хриплым смехом. — Вот, скажем, миссис Добродетель Выйдивон: только спустите ее язык со стопора, и пойдет такое «бла-бла-бла», какого не услышишь, даже проходя мимо французского корсара с подветренной стороны или если засунешь десяток обезьян в один мешок.

Вероятно, оскорбленная экономка не замедлила бы убедительным примером доказать справедливость этого утверждения, но строгий взгляд судьи остановил ее, и, не в силах сдержать ярость и в то же время боясь навлечь на себя неудовольствие хозяина, она бросилась вон из комнаты и при этом так вздернула голову, что чуть не оторвала ее вовсе.

— Ричард, — сказал Мармадьюк, предотвратив таким образом шумную ссору, — может быть, ты знаешь что-нибудь о юноше, которого я имел несчастье ранить? Мы встретили его на горе; он охотился с Кожаным Чулком и вел себя с ним так, словно они близкая родня. Однако между ними как будто мало общего. Молодой человек выражается с изысканностью, редкой для наших краев, и я не понимаю, где такой бедняк, добывающий себе пропитание охотой, мог этому научиться. Могиканин тоже его знает. По-видимому, он живет в хижине Натти. А вы обратили внимание на изысканность речи этого юноши, мосье Лекуа?

— Certainement³⁰, мосье Темпл, он выражается на превосходном языке.

— В этом нет ничего необыкновенного, — вмешался Ричард. — Дети фермеров, когда их рано посылают в школу, начинают говорить куда грамотнее его еще прежде, чем им исполнится двенадцать лет. Вот, скажем, Зейред Коу, сын старика Неемии, который первым поселился на Бобровой лужайке; так у него к четырнадцати годам почерк был только чуть

³⁰ Конечно (франц.).

хуже моего, хотя, правда, я сам с ним иногда занимался по вечерам. Но этого нашего господина с ружьем следует посадить в колодки, если он еще раз посмеет коснуться вожжей. В жизни не видел человека, который так мало понимал бы в лошадях! Да он, наверное, только волами управлял!

— Мне кажется, тут ты к нему несправедлив, Дик, — заметил судья. — Он очень находчив в решающую минуту. А ты что скажешь, Бесс?

Казалось бы, в этом вопросе не было ничего, что могло бы вызвать краску на лице девушки, однако Элизабет, очнувшись от задумчивости, вся вспыхнула.

— Мне, милый батюшка, он показался удивительно ловким, находчивым и храбрым, — ответила она, — но, возможно, кузен Ричард скажет, что я столь же невежественна, как и сам этот джентльмен.

— «Джентльмен»? — повторил Ричард. — Это тебя в пансионе, Элизабет, научили называть таких мужланов джентльменами?

— Каждый человек джентльмен, если он относится к женщине с уважением и вниманием, — быстро и несколько насмешливо ответила девушка.

— Вот ему и награда за то, что он постеснялся снять рубашку перед хозяйкой дома! — воскликнул Ричард, подмигивая мосье Лекуа, который подмигнул ему в ответ одним глазом, устремив другой на молодую девушку с выражением почтительного сочувствия. — Ну, а мне он джентльменом совсем не показался. Но стрелять он умеет, что правда, то правда. И метко бьет оленей на бегу, а, Мармадьок?

— Рихарт, — с большой серьезностью сказал майор Гартман, поворачиваясь к нему, — это хороший малшик. Он спас твою шизнь, и мою шизнь, и шизнь препотопного мистера Гранта, и шизнь француза. Рихарт, пока у старого Фрица Гартмана есть крыша над колофой, этот юноша не путет нушдаться в постели.

— Как тебе угодно, старина, — ответил мистер Джонс, стараясь сохранить равнодушный вид. — Пусть он живет в твоём каменном доме, если хочешь. Но помани мое слово, этот малый в жизни не спал в приличной постели и не знает другого жилья, кроме шалашей, крытых корьем, или в лучшем случае лачуг, вроде хижины Кожаного Чулка. Ты его скоро совсем избалуешь; или ты не заметил, как он зазнался только потому, что постоял рядом с моими серыми, когда я повернул их на дорогу?

— Нет, нет, мой старый друг, — сказал судья, — это я должен позаботиться о молодом человеке. Я не только обязан ему спасением моих друзей, но и должен искупить свою вину перед ним. Однако я опасаясь, что мне нелегко будет заставить его принять мои услуги. Не правда ли, Бесс, на его лице выразилось явное неудовольствие, когда я пригласил его навсегда поселиться у нас?

— Право, батюшка, — ответила Элизабет, выпятив нижнюю губку, — я не вглядывалась в его лицо и не могу судить, каково было его выражение. Я полагала, что рана причиняет ему страдания, и мне было жаль беднягу, вот и все. Впрочем, — при этом она с плохо скрытым любопытством поглядела на дворецкого, — Бенджамен, наверное, может вам что-нибудь про него рассказать. Если он приходил в поселок, Бенджамен, конечно, не раз его видел.

— Так оно и, есть, — ответил дворецкий, который только ждал удобного случая, чтобы вмешаться в разговор. — Он крейсировал в кильватере Натти Бампо, гоняясь в лесу за оленем. И стрелок он точно хороший. В прошлый вторник я сам слышал, как Кожаный Чулок говорил перед стойкой Бетси Холлистер, что парень бьет без промаха. А коли так, то пусть-ка он убьет пуму, которая все воеет на озере с тех пор, как олени из-за морозов и снега сбились в стада. Это было бы дело. С пумой на борту далеко не уплывешь, и нечего ей крейсировать вокруг честных людей.

— Так он и правда живет в хижине Натти Бампо? — с интересом спросил Мармадьок.

— Да, он там пришвартовался. В среду сровняется три недели, как Кожаный Чулок впервые привел его на буксире в поселок. Они вдвоем взяли на абордаж волка и принесли его скальп, чтобы получить награду. Этот самый мистер Бампо чистенько снимает скальпы с

волков, и в поселке поговаривают, что он набил себе руку на крещеных людях. Будь это правдой да командуй я здешним портом, вроде вашей милости, так я бы вздернул его на мачте. Рядом с колодками есть очень удобный столб, ну, а петлю я бы своими руками сделал, да и сам бы затянул ее потуже, коли бы другого никого не нашлось.

— Напрасно ты веришь глупым слухам, которые тут распускают про Натти. Он столько лет охотился в наших горах, что имеет право делать это и впредь. А если какие-нибудь бездельники в поселке вздумают учинить над ним расправу, он найдет надежную защиту у закона.

— Рушьё надешнее закона, — наставительно сказал майор.

— Боюсь я его ружья, как же! — воскликнул Ричард, презрительно щелкнув пальцами. — Бен прав, и я... — Тут он умолк, услышав звон корабельного колокола, который, несмотря на свое плебейское происхождение, имел честь висеть под «шпилем» «академии» и бойким дребезжанием возвещал теперь о том, что настал час церковной службы. — «Благодарим тебя, господи, и за эту и за все твои милости...» Ах, извините, мистер Грант, это вам надлежит прочесть благодарственную молитву. И надо торопиться, а то ведь в здешних местах епископальную церковь почитаем только мы с Бенджаменом да еще Элизабет. Полуквакеров вроде Мармадьюка я не считаю, — на мой взгляд, они хуже иного еретика.

Священник покорно встал и с благочестивым видом прочел молитву, после чего все общество поспешило в церковь — или, точнее говоря, в «академию».

Глава 10

Сзывая грешников к молитве,

Лился густой, протяжный звон.

Вальтер Скотт, «Дикий охотник»

Ричард и мосье Лекуа в сопровождении Бенджамена направились к «академии» напрямик по узкой, протоптанной в сугробах тропинке, а судья, его дочь, священник и майор предпочли круглой путь в санях по улицам поселка.

В небе плыла полная луна, и в ее серебристом сиянии сосновый лес на восточном склоне долины казался черной зубчатой стеной. Небо было ясным и прозрачным, каким в иных странах оно не бывает и в полдень. Звезды, усеявшие небосвод, мерцали, словно угли далекого гаснущего костра, не в силах соперничать с блеском ночного светила, чьи лучи словно обретали новую яркость, отражаясь от чистой белизны снегов, ровной пеленой укрывших замерзшее озеро и все окрестные поля.

Пока сани неторопливо скользили по главной улице поселка, Элизабет развлекалась тем, что читала вывески, украшавшие чуть ли не каждое крыльцо. Когда она уезжала, никто в поселке еще не занимался ремеслами, о которых оповещали эти вывески, да и многие фамилии были ей незнакомы. Самые дома, казалось, стали другими. Вон к тому добавили флигель, этот выкрасили в новый цвет, а вот тут на месте прежнего знакомца, который снесли, едва успев достроить, высилось совсем новое здание. И из всех этих домов торопливо выходили люди, направляясь к «академии», чтобы полюбоваться плодами совместных усилий Ричарда и Бенджамена.

Наглядевшись на дома, казавшиеся гораздо красивее обычного в ярком, но мягком свете луны, наша героиня в надежде заметить какого-нибудь знакомого обратила взор на пешеходов, которых они обгоняли. Но все они выглядели похожими друг на друга благодаря тяжелым шубам, длинным плащам, капорам и капюшонам, а кроме того, их заслоняли высокие сугробы, окаймлявшие узкие тропинки, проложенные вдоль домов. Раза два ей почудилось, что она узнает чью-то фигуру или походку, но этот человек тут же исчезал позади какой-нибудь из огромных поленниц, о которых мы уже упоминали выше. И только

когда сани свернули с главной улицы в пересекавший ее под прямым углом проулок, который вел к «академии», Элизабет наконец увидела знакомое лицо и знакомый дом.

Дом этот стоял на углу самого оживленного перекрестка в поселке, к нему вела хорошо утоптанная дорожка, на столбе перед ним висела вывеска, жалобно скрипевшая, когда с озера налетал ветер, и нетрудно было догадаться, что здесь помещается гостиница с трактиром, который местные жители предпочитали всем остальным. Дом был одноэтажным, но большие слуховые окна, свежая краска, аккуратные ставни и огонь, весело пылавший в очаге, видневшемся за открытой дверью, придавали ему куда более уютный и солидный вид, чем у многих его соседей. Вывеска изображала всадника, вооруженного саблей и пистолетами; на его голове красовалась меховая шапка, а своего горячего скакуна он вздернул на дыбы. Все эти подробности нетрудно было рассмотреть в ярком лунном свете, и Элизабет сумела даже прочесть сделанную черной краской надпись, правда давно ей знакомую: «Храбрый драгун».

В ту минуту, когда сани поравнялись с дверью трактира, из нее вышли мужчина и женщина. Первый держался очень прямо, и походка выдавала в нем старого вояку; к тому же он сильно хромотал, что усугубляло это впечатление. Его спутница, наоборот, шагала широко и быстро, словно совсем не заботясь о том, куда ступит ее нога. Луна озаряла ее толстую, красную, мужеподобную физиономию, чертам которой даже пышные оборки чепца не могли придать надлежащую женственность. Поверх чепца красовался черный шелковый капор, претендовавший на модный фасон. Он был сдвинут на затылок и нисколько не мешал своей хозяйке смотреть по сторонам. При взгляде на это лицо, освещенное встающей с востока луной, начинало казаться, что вы видите солнце, поднимающееся на западе. Дама эта решительной мужской походкой шла наперерез саням, и судья приказал тезке греческого царя придержать лошадей.

— С приездом вас, судья, добро пожаловать в поселок! — воскликнула женщина, и ее произношение сразу выдало в ней ирландку. — Все мы здесь рады вас видеть, а я больше всех. А мисс Лиззи-то как выросла! Совсем уже барышней стала! Эх, прислали бы к нам в поселок на постой полк, то-то бы по ней все офицеры сохли!.. Ай, да что же я это такое, бессовестная, говорю, когда колокол призывает нас к молитве! Вот так и господь нас к себе призовет, когда мы этого совсем ждать не будем... Добрый вечер, майор. Сварить вам сегодня горячего пуншика? Да вы небось у судьи будете праздновать сочельник, раз вы совсем недавно приехали.

— Здравствуйте, миссис Холлистер! — радостно отозвалась Элизабет. — Я всю дорогу высматривала знакомых, и вы первая, кто нам встретился. Ваш дом тоже остался совсем таким же, как прежде, а все остальные настолько переменились, что я их словно впервые вижу и догадываюсь, кто в них живет, только по их местоположению. И даже милая вывеска цела! Я ведь видела, как кузен Ричард писал ее. Вон и название вижу внизу, из-за которого вы тогда ссорились.

— Это вы про «Храброго драгуна» говорите? А как же его по-другому величать, коли такое у него было прозвище? Спросите хоть у моего мужа, капитана! Не видала я лучшего покупателя, да и из беды он всегда готов был выручить. А смерть за ним пришла без всякого предупреждения! Авось его грехи ему простились, потому как дело его было правое. Вот и его преподобие мистер Грант небось то же скажет. Ну, и когда сквайру Джонсу загорелось написать нам вывеску, я и подумала: пусть-ка он нам его лицо там нарисует, в память того, как он делил с нами радости и горе. Глаза, правда, не так чтоб очень уж большие вышли и не такие огненные, как у живого были, зато усы и шапка точь-в-точь настоящие... Да что же это я держу вас тут на холоде? Лучше уж завтра утром забегу к вам и поздорованюсь как следует. А теперь надо нам вспомнить, какой нынче день, и пойти в дом божий, чьи двери открыты для всех. Да благословит вас бог и да охранит он вас от зла!.. Так как же, сварить для вас нынче пуншику или нет?

На этот вопрос немец с важностью ответил утвердительно, и, после того как судья обменялся несколькими словами с супругом огненнолицей трактирщицы, сани снова

тронулись в путь. Вскоре они остановились у дверей «академии», и все общество поспешило в длинный зал.

Мистер Джонс и два его спутника, которые предпочли кратчайшую дорогу, добрались туда за несколько минут до прибытия остальных. Но Ричард не торопился войти внутрь, чтобы насладиться восторженным изумлением жителей поселка; вместо этого он заложил руки в карманы шубы и стал прогуливаться перед входом в «академию» с видом человека, которому церковная служба не в новинку.

Люди проходили мимо него в здание, сохраняя серьезность, как и подобает тем, кто идет молиться, но в походке их была заметна торопливость, порожденная любопытством. Окрестные фермеры сперва старательно закутывали своих лошадей в синие и белые попоны и лишь потом отправлялись посмотреть убранство зала, о котором уже успели столько слышать. Ричард подходил к ним и осведомлялся о здоровье их семейств. Он очень хорошо знал их всех и, не ошибаясь, называл по имени каждого ребенка, а их ответы показывали, что он пользуется в этих местах всеобщей любовью.

Наконец один из жителей поселка остановился неподалеку от Ричарда и устремил пристальный взгляд на новое кирпичное здание, которое купалось в лунном свете, отбрасывая поперек снежного поля длинную черную тень. «Академия» выходила на пустырь, где предполагалось в дальнейшем устроить городскую площадь, и по ту его сторону поднималась новая, еще не законченная церковь святого Павла. Сооружение ее началось прошлым летом, и средства для ее постройки были собраны, как говорилось, по подписке, хотя на самом деле почти все деньги дал судья Темпл. Дело это было затеяно потому, что длинный зал «академии», по мнению большинства, мало подходил для богослужения, а кроме того, освящение новой церкви должно было наконец решительным образом показать, какая же разновидность протестантской религии берет в поселке верх. Все это вызывало большой интерес и волнение среди сектантов, хотя вслух почти не обсуждалось. Если бы судья Темпл открыто высказался в пользу того или иного вероисповедания, сомнения немедленно рассеялись бы, ибо никто не посмел бы с ним спорить, но он не захотел вмешиваться и наотрез отказался поддержать Ричарда, который уже успел тайно заверить главу местной епархии³¹, что и новый храм и его прихожане с охотой войдут в лоно протестантской епископальной церкви. Но едва судья умыл руки, как мистеру Джонсу пришлось убедиться, что эти прихожане — весьма упрямые люди. Он начал с того, что попробовал уговорить их, учеными рассуждениями склонив к признанию его правоты. Его терпеливо слушали, ему не возражали, и, обойдя поселок, он решил, что добился своей цели. Считая, что железо надо ковать, пока оно горячо, Ричард поспешил объявить через газеты, что жителям поселка следует немедленно собраться и решить этот вопрос голосованием. На это собрание в «Храбром драгуне» не явилась, однако, ни одна живая душа, кроме него самого, и он провел пренеприятнейший вечер, тщетно пытаясь переспорить миссис Холлистер, которая утверждала, что наибольшее право на новую церковь имеют методисты (ее собственная секта). После этого Ричард сообразил, что радость его была преждевременна и что в открытую такого хитрого и осторожного противника ему не одолеть. Тогда он тоже надел личину, что ему, впрочем, не слишком удалось, и принялся добиваться своего исподволь.

Постройка была единодушно поручена мистеру Джонсу и Хайрему Дулитлу. Не они ли вместе воздвигали «дворец», «академию» и тюрьму? Кому, кроме них, была бы по плечу подобная задача? С самого начала они разделили свои обязанности. Мистер Джонс должен был представить проект церкви, а мистер Дулитл — надзирать за строительством.

Ричард про себя решил воспользоваться таким преимуществом и во что бы то ни стало снабдить окна романскими арками. Это был бы значительный успех³². Церковь строилась из

³¹ Епархия — церковная область, во главе которой стоит епископ.

³² Методисты и другие сектанты считали, что «дом божий» не должен иметь никаких украшений.

кирпича, и поэтому он смог скрывать свои коварные намерения до последней минуты, пока не настало время изготовлять рамы. Тут уж пришлось действовать напрямик. Он сообщил Хайрему о своем желании с большой осторожностью и, умалчивая о подлинной сути своего замысла, только горячо расхваливал красоту подобных окон. Хайрем терпеливо выслушал его и ничего не возразил, но Ричард так и не понял, какого, собственно, мнения придерживается его помощник в этом важнейшем вопросе.

Планировка здания была официально поручена Ричарду, и поэтому Хайрем спорить не стал, но сразу же начали возникать всякие неожиданные затруднения. Сперва оказалось, что для рам нет подходящего материала, но Ричард мгновенно нашел выход, одним взмахом карандаша уменьшив их длину на два фута. Тут Хайрем вздохнул, что они обойдутся очень дорого. Однако Ричард напомнил ему, что расходы оплачивает Мармадьюк Темпл, его двоюродный брат, а он, Ричард, исполняет при нем обязанности казначея. Этот намек возымел желаемое действие, и после безмолвного, длительного, но тщетного сопротивления окна были сооружены по первоначальному плану.

Вскоре начались неприятности с колокольной, которую Ричард скопировал с одного из малых шпилей, украшающих лондонский собор святого Павла. Правда, копия получилась не очень удачной, так как пропорции были соблюдены весьма приблизительно. В конце концов, однако, все трудности были преодолены, и мистер Джонс уже мог любоваться башней, которая по форме больше всего напоминала судок из-под уксуса. Впрочем, на этот раз Ричарду было легче преодолеть сопротивление, так как в поселке любили новинки, а такой колокольной свет, несомненно, еще не видывал.

Затем строительные работы прервала зима, и наиболее щекотливый вопрос — о внутреннем убранстве — остался пока нерешенным. Ричард отлично понимал, что, едва дело дойдет до анаоя и алтаря, ему придется сбросить маску, ибо ни одна церковь в Соединенных Штатах, кроме епископальной, их не признавала. Однако, ободренный своими прежними удачами, Ричард смело наделил свое детище названием «Церковь святого Павла», и Хайрем скрепя сердце согласился на него, но с добавлением, и храм стал именоваться «Новая церковь святого Павла», словно его назвали так в честь лондонского собора, а не в честь святого, что слишком уж оскорбило бы религиозные чувства мистера Дулитла.

Человек, который, как мы уже указали выше, остановился, чтобы посмотреть на эту постройку, и был тот самый Хайрем Дулитл, чье имя уже столько раз упоминалось.

Он был высок и тощ, с резкими чертами лица, благообразие которого сильно портила сквозившая в них хитрость. Ричард в сопровождении мосье Лекуа и дворецкого приблизился к своему помощнику.

— Добрый вечер, сквайр, — сказал Ричард, кивнув, но не вынимая рук из карманов.

— Добрый вечер, сквайр, — в тон ему ответил Хайрем, поворачиваясь к нему всем туловищем.

— Холодный сегодня вечер, мистер Дулитл, холодный сегодня вечер, сэр.

— Да, подморозило. И оттепели как будто не предвидится.

— Решили посмотреть на нашу церковь, а? Хороша она при лунном свете, ничего не скажешь. Посмотрите, как блестит купол. Их святой Павел небось никогда так не сверкает в лондонском дыму!

— Да, дом для молитвенных собраний получился ничего себе, — не сдавался Хайрем. — Я думаю, мусью Леква и мистер Пенгиллен то же скажут.

— О да! — согласился любезный француз. — Это очень красиво.

— Другого я от мусью и не ждал... В прошлый раз патока у вас была на редкость удачна. Остался у вас еще запасец?

— Ah! Oui, да, сударь, — ответил мосье Лекуа, слегка пожимая плечами и морща нос. — Запасец остался. Я весь в восторге, что вы ее любите. Мадам Дулитл есть в добром здравии, я надеюсь?

— Ничего, ползает себе, — отозвался Хайрем. — Как, сквайр, уже готовы у вас планы внутреннего убранства нашей молельни?

— Нет... нет... нет! — выпалил Ричард, для вящей убедительности делая между отрицаниями небольшие паузы. — Тут торопиться нельзя, надо все хорошенько обдумать. Места там много, и, боюсь, мы не сумеем использовать его с полной выгодой. Вокруг кафедры образуется пустота: я ведь не собираюсь ставить ее к стене, словно будку часового у ворот форта.

— По обычаю, положено ставить подле кафедры скамью диаконов, — возразил Хайрем, а затем, словно спохватившись, что зашел слишком далеко, добавил:

— Но в разных странах делают по-разному.

— Верно сказано! — вмешался Бенджамен. — Вот когда плывешь у берегов Испании или, скажем, Португалии, на каждом мысу, глядишь, торчит монастырь, и рангоута на нем понатыкано видимо-невидимо: всякие там колокольни да флюгерки — даже на трехмачтовой шхуне столько его не наберется. Что там ни говори, а за образцом для стоящей церкви надо плыть в старую Англию. Вот собор святого Павла, хоть я его никогда не видел, потому как от Рэдклиффской дороги³³ до него больно далеко, а все равно каждый знает, что красивей его в мире нету. А я вам одно скажу: эта наша церковь похожа на него, как морж на кита, ну, а между ними только и разницы, что один побольше, а другой поменьше. Вот мусью Леква ездил по всяким чужим странам, и хоть где им до Англии, но он небось и во Франции всяких церквей насмотрелся, так что должен в них понимать. Ну-ка, скажите, мусью, напрямик, хороша наша церквушка или нет?

— Она есть весьма кстати для этого места, — ответил француз. — Такое тут и надо. Но одна только католическая страна умеет строить... как это вы говорите... *la grande cathedrale*, большой собор. Этот святой Павел в городе Лондоне очень прекрасен, очень *belle*, очень, как вы говорите, большой. Но, мосье Бен, *pardonnez moi*³⁴, он не стоит Нотр-Дам!³⁵

— Каких таких еще дам, мусью! — вскричал Бенджамен. — Да кто же это собор с бабами сравнивает! Эдак вы еще скажете, что наш фрегат «Королевский Билли» хуже вашего «Билли Депари»³⁶, а он таких хоть два побьет в любую погоду! — И Бенджамен принялся размахивать кулачищами — каждый из них был величиной чуть ли не с голову француза.

Но тут поспешил вмешаться Ричард.

— Не горячись, Бенджамен! — сказал он. — Ты не понял мосье Лекуа, а кроме того, ты забываешься... А, вот и мистер Грант! Значит, служба сейчас начнется. Войдемте же!

Француз слушал ответ Бенджамена с улыбкой воспитанного человека, который может только пожалеть невежду; теперь же он наклонил голову в знак согласия и последовал за мистером Джонсом.

Хайрем и дворецкий шли вслед за ними, и последний бормотал себе под нос:

— Туда же, нос задирают, лягушатники! А ведь даже у ихнего короля нет дворца, который шел бы в сравнение с собором святого Павла. Да кто же это стерпит, чтобы французишка так поносил английскую церковь! Я своими глазами видел, сквайр Дулитл, как мы потопили два ихних фрегата, да еще с новыми пушками! А ведь будь такие пушки у англичан, они бы побили хоть самого черта!

С этим богохульственным словом на устах Бенджамен вступил в церковь.

³³ Улица в портовом районе Лондона.

³⁴ Извините меня (франц.).

³⁵ Собор Парижской богородицы.

³⁶ Искаженное французское «Виль де Пари» — «Город Париж».

Глава 11

*Глушцы, пришедшие, чтоб насмехаться,
Остались, чтоб молитву вознести.
Голдсмит, «Покинутая деревня»*

Несмотря на все соединенные усилия Ричарда и Бенджамена, длинный зал представлял собой удивительно убогий храм. Вдоль него тянулись ряды грубо сколоченных, неуклюжих скамей для прихожан, а священника вместо кафедры ожидал неказистый помост, приткнутый у середины стены. Перед этим возвышением было установлено что-то вроде аналая, сбоку от которого виднелся покрытый белоснежной скатертью столик красного дерева, принесенный из дома судьи. Он заменял алтарь. В щели, которыми зияли косяки, притолоки и мебель, наспех сооруженные из плохо высушенного дерева, были воткнуты сосновые ветки, а бурые, скверно оштукатуренные стены были в изобилии украшены гирляндами и фестонами. Зал смутно освещался дюжиной скверных свечей, ставней на окнах не было, и, если бы не яркий огонь, трещавший в двух очагах, расположенных в его дальних концах, более унылое место для празднования сочельника трудно было бы придумать. Но веселые отблески огня плясали на потолке, скользили по лицам прихожан, и от этого становилось как-то уютнее.

Места для мужчин и для женщин разделялись широким проходом, открывавшимся прямо перед кафедрой; в этом проходе стояли скамьи, предназначенные для самых влиятельных жителей поселка и его окрестностей. Надо сказать, что обычай этот был введен скорее беднейшей частью жителей, а привилегированная верхушка вовсе не настаивала на таком праве.

На одной из вышеуказанных скамей расположились судья Темпл, его дочь и его друзья, и, кроме доктора Годда, никто больше не посмел сесть в этой святой святых длинного зала, потому что никому не хотелось, чтобы его обвинили в чванстве.

Ричард, собираясь исполнять роль причетника, опустил в кресло, которое стояло возле стола неподалеку от кафедры, а Бенджамен, подбросив дров в огонь, устроился поблизости от мистера Джонса, чтобы быть под рукой, если понадобится.

Надо признаться, мы не в силах подробно описать прихожан, заполнивших скамьи, ибо костюмы их были столь же разнообразны, как и лица. Женщины были одеты просто и бедно, как обычно одеваются в лесной глуши, но почти каждая постаралась как-то принарядиться ради такого торжественного случая, вытащив из сундука украшение или какой-нибудь предмет туалета, хранившийся там с незапамятных времен. Одна облачилась в выцветшее шелковое платье, которое носила еще ее бабушка, а из-под него выглядывали грубые черные шерстяные чулки; другая поверх скверно сшитого платья из дешевой коричневой ткани накинула шаль, пестротой напоминавшую радугу. Короче говоря, и мужчины и женщины постарались чем-нибудь приукрасить свою грубую будничную одежду, сшитую из домотканой материи. Какой-то мужчина облачился в мундир артиллериста (некогда он служил волонтером в восточных штатах) только потому, что другой парадной одежды у него не было. Несколько молодых людей щеголяли синими панталонами с красным суконным кантом (часть формы темплтонской легкой пехоты), желая похвастать «купленной одеждой». А кто-то даже вырядился в «стрелковую рубаху» такой безупречной белизны, что при одном взгляде на нее становилось холодно; однако скрытая под ней теплая куртка из домотканого сукна вполне согревала ее владельца.

Все прихожане были чем-то похожи друг на друга, особенно те, кто не принадлежал к сливкам местного общества. Лица у них были обветренные от постоянного пребывания на воздухе, держались все степенно, но к обычному хитроватому выражению в этот вечер примешивалось сильное любопытство. Однако кое-где можно было заметить лицо и наряд, совершенно не похожие на описанные выше. Краснолицый рябой толстяк в гетрах и хорошо

сшитом сюртуке был, несомненно, английским эмигрантом, которого судьба занесла в этот глухой уголок, так же как и бледного костлявого шотландца с резкими, суровыми чертами лица. Невысокий черноглазый мужчина, смуглостью лица напоминавший испанца, который то и дело вскакивал, чтобы дать дорогу местным красавицам, входившим в зал, был сыном зеленого Эрина³⁷; несколько лет он торговал по округе вразнос, но недавно открыл в Темплтоне постоянную лавку.

Короче говоря, тут можно было отыскать представителей почти всех стран Северной Европы, но они ни платьем, ни наружностью уже не отличались от коренных американцев — никто, кроме англичанина. А этот последний не только сохранял свой национальный костюм и привычки, но некоторое время даже пытался пахать свое усеянное пнями поле точно так же, как он когда-то проделывал это на равнинах Норфолка. Но в конце концов дорого купленный опыт убедил его, что местные жители лучше случайного пришельца знают, как вести здесь хозяйство, и что ему следует поскорее побороть свое предубеждение, забыть упрямство, высокомерие и учиться у них.

Элизабет скоро заметила, что глаза всех присутствующих обращены только на мистера Гранта и на нее. Поэтому, охваченная смущением, она вначале лишь украдкой оглядывала зал и тех, кто в нем находился; но когда шарканье ног прекратилось, кашель замер и прихожане приготовились слушать службу с надлежащим благоговением, она осмелела и посмотрела вокруг. Постепенно шум совсем затих, и в наступившей глубокой тишине никто уже не решался громко откашляться. Слышно было только потрескивание дров в пышащих жаром очагах, и все лица и глаза обратились к священнику.

В эту минуту из нижнего коридора донесся топот, словно кто-то пытался отряхнуть снег, прилипший к обуви. Затем все стихло, не было слышно ничьих шагов, но тем не менее в зал вскоре вошел индеец Джон в сопровождении Кожаного Чулка и молодого охотника. Их ноги, обутые в мягкие мокасины, ступали совсем бесшумно, и даже теперь, когда они вошли, звук их шагов можно было различить только благодаря полному безмолвию, царившему в зале.

Индеец важно прошествовал по проходу и, заметив свободное место рядом с судьей, неторопливо уселся, сохраняя все то же спокойное достоинство. Он плотно укутался в одеяло, закрыв нижнюю часть лица, и в этой позе сидел неподвижно до конца проповеди, которую, впрочем, слушал очень внимательно. Натти прошел мимо скамьи, на которой так бесцеремонно расположился его краснокожий товарищ, и примостился на толстом чурбаке, лежавшем возле самого очага. Зажав ружье меж колен, он погрузился в размышления, очевидно не слишком приятные. Молодой охотник нашел место на одной из задних скамей, и снова наступила глубокая тишина.

Мистер Грант встал и произнес первые слова молитвы. Вид у священника был такой торжественный, что все присутствующие встали бы и без того примера, который поспешил подать им мистер Джонс. После короткого молчания мистер Грант продолжал молитву, и некоторое время слышался лишь его звучный и выразительный голос, но, к несчастью, Ричард в эту минуту заметил какое-то упущение в убранстве зала и, вскочив с места, на цыпочках выбежал за дверь.

Когда священник опустил на колени, его слушатели тоже опустились — но на скамьи, и до самого конца службы большинство продолжало сидеть, несмотря на все усилия священника. Кое-кто по временам вставал, но остальные не считали нужным даже склонять голову, и, хотя все слушали священника внимательно, это было скорее внимание зрителей, присутствующих на спектакле, нежели благочестие верующих. Мистер Грант продолжал службу, но причетник покинул его, и некому было повторить за ним слова молитвы, а прихожане и не думали прийти ему на помощь. После каждого обращения к богу он делал небольшую торжественную паузу, однако все хранили гробовое молчание.

³⁷ Эрин — поэтическое название Ирландии.

Губы Элизабет шевелились, но она не решалась произнести вслух нужные слова. Привыкнув к торжественной службе в нью-йоркских церквях, она испытывала теперь большую неловкость и жалость к священнику. Вдруг тихий, нежный женский голос повторил вслед за ним: «Мы не сделали того, что должны были бы сделать...» Удивленная тем, что здесь нашлась женщина, сумевшая побороть естественную робость, мисс Темпл поглядела в ту сторону, откуда донесся этот голос. Вблизи нее на коленях стояла молодая девушка, смиренно склонив голову к молитвеннику.

Незнакомка (Элизабет видела ее впервые) была тоненькая и хрупкая. Одеты она была скромно, но изящно, и ее бледное, несколько взволнованное лицо казалось особенно привлекательным благодаря грустному и кроткому выражению. Она подала ответ священнику во второй и в третий раз, но тут к ней присоединился красивый мужской голос, раздавшийся в другом конце зала. Мисс Темпл сразу узнала голос молодого охотника, и, преодолев робость, тоже стала негромко повторять слова молитвы.

Все это время Бенджамен прилежно листал молитвенник, но так и не сумел найти нужное место. Однако священник еще не кончил молитвы, когда в дверях появился Ричард и ничтоже сумняшеся принялся отвечать ему громовым голосом. В руках мистер Джонс нес маленький ящичек без крышки, на котором черной краской было написано: «8x10». Он поставил его перед кафедрой вместо скамеечки, чтобы священнику удобнее было преклонять колени, а затем вернулся к своему столику как раз вовремя, чтобы прогудеть заключительное «аминь». Все прихожане, естественно, оглянулись на мистера Джонса, когда он вошел в зал со своей странной ношей, но затем вновь обратили на священника взгляды, полные внимания и любопытства.

Большой опыт мистера Гранта очень помог ему в тот день. Он отлично понимал этих людей, весьма простодушных в вопросах религии, но ревниво оберегающих свои верования, — каждый из них считал свою секту единственно правильной и вовсе не желал выслушивать наставления какого-то нового пастыря. Мистер Грант приобрел этот опыт, изучая великую книгу человеческой природы, открытую для всех, и хорошо понимал, что всякое прямое наступление опасно и что добиваться своего ему следует исподволь. Однако он сам веровал искренне и не слишком дорожил обрядовой формой; он умел горячо молиться и без помощи причетника и был весьма красноречивым проповедником.

В этот вечер он во многом уступил предрассудкам своих слушателей, и, когда он кончил, все они пришли к заключению, что служба была куда менее «языческой», чем можно было бы ожидать от священника епископальной церкви.

Таким образом, мистер Грант, сам того не зная, оказался хорошим союзником Ричарда.

В проповеди мистер Грант тоже избрал средний путь и, не отступая от положений своей церкви, говорил больше об этических принципах, признаваемых всеми христианскими церквями. Мы уже упоминали, что в поселок приезжали служители самых разных сект, и жители его привыкли, что каждый из них утверждает превосходство своей догмы. Этому же они ждали и от мистера Гранта, но он избегал всех подводных камней так искусно, что проповедь его произвела на всех сектантов большое впечатление, никого при этом не отпугнув. Правда, Хайрем и два-три других влиятельных члена секты методистов обменялись недовольными взглядами, но этим дело пока и ограничилось, и собравшиеся, получив благословение мистера Гранта, разошлись в подобающем молчании.

Глава 12

*Пусть могут толпы ваших богословов
Сплести хитро вероучений ткань,
Но сатану один господь лишь может
Изгнать из глубины людских сердец.*
Дуо

После конца службы мистер Грант подвел к скамье, на которой сидели Элизабет и судья Темпл, юную особу, о которой мы упомянули в предыдущей главе, и представил им ее как свою дочь. Элизабет приветствовала ее со всей сердечностью, какую только позволяли местные обычаи и хорошие манеры, и девушки немедленно прониклись взаимной симпатией. Судья, который также впервые увидел дочь священника, с радостью заметил, что она по годам и по воспитанию может оказаться подходящей подругой для Элизабет и поможет ей свыкнуться с уединением Темплтона после шумной городской жизни. Элизабет, на которую кротость и благочестие мисс Грант произвели большое впечатление, скоро сумела дружеским обращением рассеять ее робость. Они принялись болтать и за те десять минут, пока расходились прихожане, уже успели договориться не только о свидании на завтра, но, вероятно, распределили бы и все оставшиеся зимние месяцы, если бы священник не перебил их, обратившись к Элизабет со следующими словами:

— Не увлекайтесь так, дорогая мисс Темпл, или вы совсем избалуете мою девочку! Вы забываете, что она ведет мое хозяйство, — если Луиза примет хотя бы половину этих любезных приглашений, наш дом придет в упадок...

— А почему бы вам и совсем его не покинуть, сэр? — перебила его Элизабет. — Вас ведь только двое, и я уверена, что мой отец был бы счастлив, если бы вы согласились поселиться под его кровом. В нашей глуши, сэр, общество — это большое благо, и светские церемонии здесь следует забыть. Мой отец не раз говорил, что в новых поселках гостеприимство — это не добродетель, а одолжение, которое гость оказывает хозяину.

— Я уже убедился, что и в этом отношении слово судьи Темпла не расходится с делом, но мы все же не должны злоупотреблять его радушием. О, вы и так будете видеть нас достаточно часто, особенно Луизу. Ведь мне нередко придется отлучаться, посещая дальние селения. Однако, чтобы заслужить доверие этих людей, — добавил он, оглядываясь на небольшую кучку любопытных, которые, остановившись в дверях, с интересом посматривали на них, — чтобы заслужить их доверие, священнику не следует возбуждать в них зависть или подозрение, ища приюта под крышей столь великолепной, как крыша вашего отца.

— Ах, так вам, значит, нравится наша крыша, мистер Грант! — воскликнул Ричард, расслышавший только последние слова священника (все это время он следил за тем, как гасили огонь в очагах, и распоряжался уборкой помещения). — Рад наконец встретить человека с тонким вкусом. А вот Дьюк, например, только и делает, что ругает ее по чем зря. Впрочем, оно и понятно: судья он неплохой, но плотник никуда не годный. Ну что ж, сэр, я думаю, можно сказать не хвастая, что служба прошла великолепно, не хуже, чем в любой столичной церкви, вот только органа не хватало. Но зато учитель очень неплохо задавал тон в псалмах. Прежде я сам это делал, но в последнее время я перешел на бас. Чтобы петь басом, требуется большое искусство, но зато можно показать всю силу голоса. У Бенджамена тоже приличный бас, хотя он порой перевирает слова. А вы когда-нибудь слышали, как Бенджамен поет песню «По Бискайскому заливу»?

— Если не ошибаюсь, мы имели удовольствие слушать отрывок из нее сегодня вечером, такие трели он испускал, — сказал, смеясь, Мармадьюк. — По-моему, мистер Пенгиллен, как все те, кто обладает каким-нибудь особым искусством, ничего другого, кроме этой песни, петь не умеет. Как бы то ни было, один мотив он знает превосходно и поет его с чувством: ревет, как северо-западный ветер над озером... Однако, господа, дорога уже свободна, а сани ждут. До свиданья, мистер Грант. До свиданья, милая барышня, и не забудьте, что завтра вы обедаете под коринфской крышей с Элизабет.

Судья, его гости и Элизабет покинули зал, и Ричард, спускаясь по лестнице, подробно объяснил мосье Лекуа, как следует петь псалмы, заключив свою речь горячим восхвалением известной песни «По Бискайскому заливу» в исполнении его приятеля Бенджамена.

Во время вышеприведенного разговора могиканин продолжал сидеть, опустив закутанную в одеяло голову и так же не обращая внимания на расходящихся жителей поселка, как они не обращали внимания на старого вождя. Натти тоже не встал со своего

чурбака; он сидел, опустив голову на руку, а другой рукой поддерживая ружье, которое небрежно положил поперек колена. На лице его было написано волнение, и во время службы он не раз оглядывался по сторонам — очевидно, старика что-то сильно тревожило. Но он продолжал сидеть из уважения к индейцу, с которым, несмотря на всю свою грубоватость, всегда держался очень почтительно.

Молодой товарищ этих двух дряхлых обитателей лесов тоже не покинул зала; прислонившись к стене возле погасшего очага, он, видимо, ожидал Натти и индейца. Кроме них троих, в зале теперь оставались только священник и его дочь. Как только общество из «дворца» удалилось, Джон встал, сбросил одеяло на плечи, откинул с лица густую черную гриву, подошел к мистеру Гранту и, протянув ему руку, торжественно сказал:

— Отец, я благодарю тебя. Слова, которые были произнесены со времени восхода луны, вознеслись к небу, и Великий Дух рад. То, что ты сказал своим детям, они запомнят и будут хорошими. — Он помолчал, а затем, выпрямившись со всем величием, присущим индейскому вождю, добавил:

— Если Чингачгук доживет до того, чтобы отправиться в сторону заходящего солнца к своему племени, и если Великий Дух проведет его через озера и горы, он передаст своему народу эти добрые речи, и они поверят ему, потому что все знают, могиканин не лжет.

— Пусть он больше полагается на милосердие божье, — ответил мистер Грант, которому такая гордая уверенность индейца показалась не слишком благочестивой, — и господь его не покинет. Когда сердце полно любовью к богу, в нем нет места греху. Мой юный друг, — обратился он к спутнику Натти, — теперь я обязан вам не только спасением, как и все те, кого вы встретили сегодня вечером на склоне горы, — я должен еще поблагодарить вас за вашу своевременную помощь в весьма трудную и неловкую минуту. Я был бы рад, если бы вы стали навещать меня в моем жилище: ведь беседы со мной помогут вам укрепиться на той стезе, которую вы, кажется, избрали. Я никак не ожидал, что человек вашего возраста и вашей наружности, живущий в лесной глуши, может так хорошо знать обряды нашей церкви, и я чувствую, что это как бы сокращает расстояние между нами, и мы не должны более считать, что незнакомы друг с другом. Кажется, вы прекрасно знаете слова службы: я не видел в ваших руках молитвенника, хотя добрейший мистер Джонс и разложил их по скамьям.

— Было бы странно, если бы я не знал епископальную службу, сэр, — ответил юноша скромно, — ибо я принадлежу к этому вероисповеданию и никогда не посещал иных церквей. Всякая другая служба показалась бы мне столь же странной и непривычной, как была непривычна наша для тех, кто сегодня присутствовал здесь.

— Я счастлив слышать это, мой дорогой сэр! — воскликнул священник, сердечно пожимая ему руку. — Вы сейчас пойдете ко мне. И, пожалуйста, не отказывайтесь — моя дочь еще должна поблагодарить вас за спасение ее отца. Я не принимаю никаких отговорок. Этот почтенный индеец и ваш друг пойдут с нами. Подумать только, человек вырос в этих краях и ни разу не бывал на молитвенных собраниях сектантов!..

— Нет, нет, — перебил его Кожаный Чулок, — мне пора возвращаться в наш вигвам; там меня ждет работа поважнее молитв и всяких праздников. А малый пусть идет с вами, он умеет водить компанию со служителями божьими и говорить с ними о разных разностях. Да и Джон тоже — он ведь крестился у моравских братьев во время той войны. Ну, а я человек простой, неученый и хоть послужил в свое время королю и родине против французов и краснокожих, но в книги никогда не заглядывал и даже ни единой буковки не знаю. И что толку сидеть над книгами в четырех стенах? Этого я никак понять не могу, хоть давно уже облысел и, бывало, за один сезон убивал по двести бобров, не считая всякой другой дичи. А коли вы мне не верите, то спросите Чингачгука: я ведь охотился в стране делаваров, и старик может подтвердить каждое мое слово.

— Я не сомневаюсь, друг мой, что в молодые годы вы были и храбрым солдатом, и искусным охотником, — сказал священник, — но этого мало теперь, когда вам пора подумать о том, что конец ваш близок. Быть может, вы слышали изречение: «Молодой

человек может умереть, но старик умрет обязательно».

— Я никогда не был так глуп, чтобы надеяться жить вечно, — сказал Натти, рассмеявшись своим беззвучным смехом. — Такие мысли не приходят в голову тем, кто выслеживает индейцев в лесу или проводит самые жаркие месяцы на озерных протоках. У меня здоровье крепкое, я знаю, что говорю: разве я не пил сотни раз воду из Онондаги, поджидая оленей у солончаков? В ней полным-полно было семян лихорадки, словно гремучих змей на Крамхорне. А я пил — ведь все равно когда-нибудь помирать придется. Правда, и посейчас живы люди, которые еще помнят лес на Немецких равнинах, да к тому же люди ученые и понимающие в религии. А теперь там неделю ищи — ни одного пня не найдешь, хоть они еще по сто лет стоят, когда само дерево уже давно сгнило.

— Вы говорите о нашем земном времени, друг мой, — сказал мистер Грант, который начал тревожиться за душу своего нового знакомого, — а я хотел бы, чтобы вы приготовились к вечности. Вам следует аккуратно посещать церковь, и мне очень приятно, что сегодня вы исполнили свой долг перед богом. Разве пошли бы вы на охоту, оставив дома шомпол и кремень? И так же тщательно должны вы готовиться к переходу в мир иной.

— Ну, только желторотый птенец не сумеет вырезать себе шомпол из молоденького вяза или отыскать в горах «огненный камень», — ответил Натти, снова засмеявшись. — Да-да, я не собираюсь жить вечно, но эти горы сильно изменились за последние тридцать лет, а особенно за последние десять. Но кто силен, тот и прав, и закон всегда возобладает над стариком, учен ли он или такой же бедняк, как я. А мне теперь куда легче поджидать в засаде на тропе, чем гнаться за оленем вместе с собаками, как бывало. Ох-хо-хо! Я уж знаю: когда в поселке начинаются проповеди, дичь исчезает, а порох дорожает; а вот порох-то не так просто изготовить, как шомпол или индейский кремень.

Священник, заметив, что его неудачное сравнение обратилось против него самого, благоразумно не стал спорить, хотя в то же время принял твердое решение вернуться к этому разговору при удобном случае. Он снова начал убеждать молодого охотника, и тот в конце концов сдался на его просьбы и согласился вместе с индейцем проводить священника и мисс Грант до скромного домика, который временно предоставил ему заботливый мистер Джонс. Кожаный Чулок не отказался от своего намерения вернуться в хижину и расстался с ними у дверей «академии».

Миновав несколько домов, мистер Грант, который шел первым, свернул в поле и, пройдя через калитку, оказался на узкой тропке, где можно было двигаться только гуськом. Луна уже достигла зенита, лучи ее падали в долину почти совсем вертикально, и черные тени наших путников скользили по серебристому снегу, словно бесплотные духи, спешащие к месту своего ночного сборища. Мороз все не ослабевал, но в неподвижном воздухе не чувствовалось ни малейшего дыхания ветерка. Извилистая тропинка была так плотно утоптана, что юная девушка ступала по ней без всякого труда, но снег скрипел даже под ее легкими шагами.

Во главе этой странной процессии шел священник, одетый в черный суконный сюртук; время от времени он оглядывался на своих спутников, и на его кротком ласковом лице снова можно было подметить выражение тайной грусти. За ним шагал индеец, кутавшийся в одеяло; голова его была непокрыта, и длинные черные волосы свободно падали на плечи. Пока лунные лучи освещали его смуглое, непроницаемо спокойное лицо сбоку, он казался воплощением смирившейся старости, которая выдерживала бури чуть ли не целого столетия, но стоило ему повернуть голову так, чтобы свет луны упал прямо на его темные гордые глаза — и в них можно было прочесть повесть безудержных страстей и мыслей, вольных, как ветер.

Тоненькая фигурка мисс Грант, слишком легко одетой для такой суровой зимы, являла собой резкий контраст живописному одеянию и угрюмому лицу делаварского вождя, и замыкавший шествие молодой охотник, тоже не отличавшийся заурядной внешностью, во время пути не раз задумывался о многообразии человеческого облика, невольно сравнивая лицо индейца и нежное личико мисс Грант, чьи глаза соперничали цветом с голубизной

небес, когда шедшие впереди него оборачивались, чтобы полюбоваться ярким светилом, которое освещало тропу, бежавшую по полю в некотором отдалении от окраины поселка. Они коротали путь разговором, то стихавшим, то вновь оживлявшимся.

Первым молчание нарушил священник.

— Поистине, — начал он, — трудно представить себе юношу вашего возраста, который хотя бы из любопытства не зашел на молитвенное собрание людей другого вероисповедания, и я с большим удовольствием послушал бы историю жизни, свидетельствующей о такой твердости в вере. Судя по вашим манерам и речи, вы, должно быть, получили превосходное образование. Скажите мне, мистер Эдвардс, — если не ошибаюсь, вы так назвались судьей Темплу, — какого штата вы уроженец?

— Этого.

— Этого? А я никак не мог догадаться: вы говорите на очень чистом языке, совсем не похожем на диалекты тех штатов, где мне приходилось бывать. Так, значит, вы жили больше в городах? Ведь, к сожалению, только там верные сыны епископальной церкви и могут постоянно молиться в своих храмах.

Молодой человек выслушал речь мистера Гранта с улыбкой, но по причинам, возможно связанным с его теперешним положением, ничего ему не ответил.

— Я очень рад познакомиться с вами, мой юный друг, — продолжал священник, — ибо я не сомневаюсь, что ум столь острый, как тот, которым вы, несомненно, обладаете, явится благим примером преимущества наших доктрин и нашей службы. Вы, разумеется, заметили, что мне сегодня вечером пришлось приспособливаться к заблуждениям моих слушателей. Добрейший мистер Джонс непременно хотел, чтобы я дал сегодня причастие и вообще прочитал всю утреннюю службу, но, к счастью, во время вечерни это необязательно. Так можно было бы отпугнуть моих новых прихожан, но завтра я это сделаю непременно. Вы причащаетесь, мой друг?

— Боюсь, что нет, сэр, — ответил юноша неуверенным голосом и еще больше смутился, когда мисс Грант от неожиданности остановилась и удивленно на него посмотрела. — Я не считаю себя достойным. Я никогда еще не приближался к алтарю и не хочу этого делать, пока сердце мое полно мирскими заботами.

— Разумеется, каждый решает за себя, — заметил мистер Грант, — хотя мне кажется, что человек, никогда не осквернявший слуха ложными доктринами, человек, столько лет бывший верным сыном истинной церкви, мог бы ничего не опасаться. Однако в одном вы правы, сэр: таинство причастия надлежит принимать с чистым сердцем, дабы не обратить его в пустую форму. Я же заметил сегодня вечером, что вы питаете к судье Темплу неприязнь, близкую к одной из самых дурных страстей человеческих — к ненависти... Ручей мы перейдем по льду, который достаточно крепок и не провалится под нами. Осторожнее, не поскользнься, дитя мое. — С этими словами мистер Грант свернул с тропы, спустился в небольшой овражек и перешел один из ручьев, впадавших в озеро.

Обернувшись, чтобы посмотреть на дочь, он увидел, что молодой охотник уже приблизился к ней и помогает ей перебраться на другой берег.

Когда переправа благополучно закончилась, священник, взбираясь по крутому откосу, продолжал свою речь:

— Дурно, любезный сэр, очень дурно поддаваться таким чувствам при любых обстоятельствах, а особенно, когда обида нанесена без злого умысла, как это было с вами.

— Мой отец хорошо сказал! — воскликнул индеец, внезапно останавливаясь, так что другим тоже пришлось остановиться. — Так говорил и Микуон. Белый должен поступать, как его учили предки, но в жилах Молодого Орла течет кровь делаварского вождя, она красна, и пятно, которое она оставляет, может быть смыто только кровью какого-нибудь минга.

Мистер Грант, изумленный этими словами, повернулся и поглядел на могиканина. В глазах вождя он увидел яростную решимость, и на его кротком лице отразился ужас: не таких слов ждал он от дикаря, принявшего христианство. Воздев руки к небу, мистер Грант

воскликнул:

— Джон, Джон! Ужели этому учили тебя твои наставники в вере — моравские братья? О нет, я не оскорблю их таким подозрением. Они люди благочестивые, кроткий и смиренные, они не потерпели бы таких греховных мыслей. Вспомни, чему учил спаситель! «А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». Это заповедь божья, Джон, и, если человек не будет ей следовать, он не узрит лика господня.

Индеец внимательно выслушал священника. Яростный огонь в его глазах померк, и лицо снова стало непроницаемо спокойным; однако он ничего не ответил и только сделал мистеру Гранту исполненный достоинства знак продолжать путь. Священника так взволновало упрямство могиканина, что он, сам того не замечая, ускорил шаги; индеец легко держался наравне с ним, но молодой охотник с удивлением заметил, что девушка начинает отставать.

— Вы устали, мисс Грант, — сказал он. — Снег тут недостаточно утоптан, и вам трудно поспевать за нами, мужчинами. Прошу вас, обопритесь на мою руку и попробуйте идти по насту. Вон тот огонек, я думаю, светит в доме вашего батюшки, но до него, кажется, еще не близко.

— Я совсем не устала, — ответила она тихим, дрожащим голосом, — но меня испугал этот индеец. Какие страшные были у него глаза, когда он повернулся к моему отцу и луна осветила их... Ах, извините меня, сэр, я забыла, что он ваш друг, а, судя по его словам, может быть, даже и родственник.

Молодой охотник поднялся на сугроб, который легко выдержал его вес, и почтительно, но настойчиво заставил девушку последовать своему примеру. Осторожно поддерживая ее за локоть, он снял шапку и откинул со лба черные кудри, словно гордо разрешив ей проникнуть в самые тайные свои мысли. Луиза, однако, бросила на него лишь один короткий взгляд и ускорила шаги, что благодаря его помощи ей было нетрудно сделать.

— Вы мало знаете этот своеобразный народ, мисс Грант, — сказал он, — иначе вам было бы известно, что индейцы считают месть делом праведным. Их с младенчества учат, что ни одна обида не должна остаться неотмщенной и охранять обидчика, когда он в их власти, может только закон гостеприимства, который они чтут еще выше.

— Неужели, сэр, — воскликнула мисс Грант, невольно отнимая у него свою руку, — вам тоже внушили уважение к такому безбожному обычаю?

— Вашему почтенному батюшке я ответил бы просто, что меня воспитывали в лоне епископальной церкви, — ответил охотник, — но вам я скажу, что жизнь преподала мне много суровых уроков, которые научили меня прощать. Тут, я полагаю, мне не в чем себя упрекнуть, и надеюсь, что так будет и впредь.

Говоря это, он остановился, держа свою руку наготове, и, когда он кончил, девушка снова оперлась на нее, и они продолжали свой путь.

Индеец и мистер Грант уже дошли до домика и остановились перед дверью, поджидая молодых людей. Мистер Грант не стал тратить времени зря и тут же приступил к исправлению дурных наклонностей своего спутника, которые он обнаружил во время их беседы у ручья. Индеец слушал его поучения почтительно, хотя и хранил глубокое молчание. Но тут к ним присоединились мисс Грант с охотником, и все вошли в дом.

Жилище священника стояло в стороне от поселка, посреди поля, где повсюду торчали толстые пни, увенчанные высокими белоснежными шапками. Кругом нельзя было заметить ни деревца, ни даже кустика, а самому дому был присущ тот вид угрюмой незавершенности, который столь обычен в недавно заселенных местах, где все возводится в спешке. Внутри, однако, он производил совсем другое впечатление благодаря царившим там безукоризненному порядку и благодатному теплу.

Все общество очутилось в комнате, обставленной как гостиная; впрочем, она нередко служила и кухней, о чем свидетельствовали кастрюли и сковородки, которые помещались возле большого очага. В нем пылал такой веселый огонь, что Луиза могла бы и не зажигать

свечи: его света было вполне достаточно, чтобы разглядеть скудное убранство комнаты. Посреди чисто выметенного пола лежал лоскутный коврик, какие и до сих пор можно видеть в фермерских домах. Чайный столик, пьалы Луизы и старомодный книжный шкаф красного дерева говорили, казалось, о некотором достатке, но обеденный стол, стулья и остальная мебель были очень простыми и дешевыми. На стенах висели вышивки и карандашные рисунки, но если первые, не отличаясь большой оригинальностью, показывали некоторое искусство в выполнении, вторые были лишены даже и такого достоинства.

На одном из них изображена была могильная плита, над которой склонилась рыдающая девушка, а в отдалении виднелась церковь с романскими окнами. На плите можно было различать написанные столбиком даты рождений и смертей, и каждый умерший носил фамилию «Грант». Бросив беглый взгляд на этот рисунок, молодой охотник узнал все, что можно было узнать о семье священника. Он понял, что мистер Грант вдовец, схоронивший пятерых детей, и что эта скромная и робкая девушка, которой он помог перебраться через ручей, была единственной из его близких, кого смерть пощадила. Они остались совсем одни на свете, и от этого нежная заботливость, которой Луиза окружила отца, казалась еще прекраснее.

Молодой охотник успел заметить все это, пока они усаживались у очага и беседа еще не возобновилась. Затем, когда каждый устроился как мог удобнее и Луиза, сняв выцветшую шелковую мантилью и широкополую шляпу, которые хотя и шли к ее милому личику, все же мало годились для такой холодной зимы, опустилась на стул между молодым охотником и ее отцом, последний вернулся к прерванному разговору.

— Надеюсь, мой юный друг, — сказал он, — что полученное вами воспитание заставило вас забыть о мстительности, которую вы могли унаследовать от ваших предков, — ведь, насколько я понял из слов Джона, некоторые из них принадлежали к племени делаваров. Не поймите меня ложно: добродетели души, разумеется, не зависят от цвета кожи или от происхождения, и, может быть, потомок народа, некогда владевшего этими горами, как никто другой, имеет право считать свою совесть чистой.

Индеец торжественно повернулся к священнику и, сопровождая свою речь величественными жестами, свойственными его племени, произнес:

— Отец, лето твоей жизни еще не прошло, и тело твое молодо. Поднимись здесь на самую высокую гору и погляди кругом. Все, что ты увидишь между тем краем неба, где солнце поднимается, и тем, где оно садится, между тем местом, где родятся истоки Кривой реки³⁸, и тем, где ее путь заслоняют горы, принадлежит ему. В его жилах течет делаварская кровь, и право его велико. Но брат Микуона справедлив, он разделит эти земли на две равные части, как река делит долину пополам, и скажет Молодому Орлу: «Сын делаваров! Возьми ее, владей ею и будь вождем в стране своих отцов!»

— Этого никогда не будет! — вскричал молодой охотник с такой яростью, что священник и его дочь, замороженные речью индейца, невольно вздрогнули. — Скорей лесной волк откажется от добычи, чем этот человек расстанется со своим богатством, к которому он подобрался извилистым путем змеи.

— Умолкни, сын мой, умолкни! — перебил его мистер Грант. — Искорени гнев из своего сердца. Вред, который судья Темпл случайно причинил тебе, усилил боль от обид, нанесенных твоим предкам. Но помни: поступок судьи был следствием простой неосторожности, а твои предки лишились своих земель из-за политических перемен, которые уже не раз смиряли гордость царей и стирали могучие царства с лица земли. Где теперь филистимляне, столь часто державшие в рабстве детей израилевых? И где Вавилон, купавшийся в роскоши и пороке и в безумной гордыне своей нарекавший себя повелителем народов? И не забывай молитвы, с которой мы обращаемся к вседержителю: «Прости врагов

³⁸ «Саскуиханна» означает «Кривая река»; «ханна» или «ханпок» значит «река» на многих индейских наречиях. Так, даже далеко на юге, в Виргинии, есть река Раппаханнок. (Примеч. автора.)

наших, и гонителей наших, и обижающих нас и смягчи их сердца». Не судья Темпл обездолил твоих соплеменников, но весь его народ, рана же твоя заживет очень скоро.

— Рана! — повторил юноша, в сильнейшем волнении расхаживая по комнате. — Или вы полагаете, сэр, что я считаю его убийцей? О нет! Он слишком хитер и слишком труслив для такого преступления. Однако пусть он и его дочь купаются в роскоши, возмездие их не минует. Нет, нет, — продолжал он уже спокойнее, — это могиканин заподозрил его в желании убить меня, я же не придаю своей ране никакого значения.

Он снова сел и, закрыв лицо руками, низко опустил голову.

— Эту несдержанность и вспыльчивость, дитя мое, он унаследовал от своих предков, дикарей, — шепнул мистер Грант дочери, которая в испуге схватила его за руку. — Ты ведь слышала, что говорил индеец о его происхождении. И ни образование, ни наша святая религия не смогли до конца изгнать дурные страсти из его души. Но время и попечительные заботы еще могут его исправить.

Хотя священник говорил шепотом, юноша расслышал его слова и, подняв голову, с загадочной улыбкой сказал довольно спокойным голосом:

— Не бойтесь, мисс Грант, ни моей дикарской несдержанности, ни моего дикарского наряда. Я поддался чувству, которое должен был бы побороть. Ваш батюшка прав, в этом повинна кровь моих предков, но я не хотел бы запятнать честь моего рода — это единственное, что у меня осталось. Да, я горжусь тем, что происхожу от делаварского вождя, благородного и доблестного воина. Старик могиканин был его другом и может подтвердить правдивость моих слов.

Затем заговорил мистер Грант. Заметив, что юноша совсем успокоился, а старый вождь слушает его внимательно, он воспользовался случаем и произнес длинную, наполненную богословскими рассуждениями речь о том, что высший долг христианина — прощать обиды. Беседа эта длилась более часа, а затем гости поднялись, попрощались с хозяевами и удалились. Едва выйдя из дома священника, они разошлись: индеец направился к поселку, а юноша — к берегу озера. Священник долго стоял на пороге, глядя вслед старому вождю, который шел по тропе быстрым я твердым шагом, удивительным для человека его возраста. В серебристом свете луны его одеяло сливалось с сугробами, зато черные волосы казались еще чернее.

В задней стене дома было окно, выходившее на озеро, и у этого окна мистер Грант, вернувшись в комнату, застал Луизу, которая стояла, устремив взор на темное пятно, двигавшееся по направлению к восточному склону долины. Приблизившись к дочери, он разглядел фигуру молодого охотника — последний успел уже пройти полмили и быстро шагал теперь по твердому снежному покрову, скрывавшему озеро, к восточному мысу, где под поросшим сосной и хемлоком утесом уютилась, как было известно священнику, хижина Кожаного Чулка. Через мгновение их недавний гость скрылся в тени деревьев на дальнем берегу.

— Удивительно, как долго люди с индейской кровью сохраняют дикарские наклонности, — заметил добрый священник. — Но, если он не сойдет с избранного им пути, он еще победит их. Напомни мне, Луиза, когда он снова посетит нас, дать ему почитать проповедь «О грехе идолопоклонства».

— Неужели, батюшка, вы думаете, что он может вернуться к вере своих предков — идолопоклонников?

— Нет, нет, дружок мой, — ответил мистер Грант, ласково поглаживая дочь по льяным кудрям и улыбаясь. — Этому помешает его белая кровь, но порой мы творим идолов из наших страстей.

Глава 13

*Пинту пива я осушу
За здоровье ячменного солода!*

Застольная песня

Там, где перекрещивались две главные улицы Темплтона, находилась, как уже было сказано, гостиница с трактиром, называвшаяся «Храбрый драгун». По первоначальному плану предполагалось, что поселок расположится вдоль потока, струившегося по долине, а улица, ведущая от озера и «академии», должна была стать его западной границей. Но соображения удобства часто разрушают самые лучшие планы. Дом мистера Холлистера (впрочем, с тех пор как он был назначен начальником местной милиции, его чаще называли капитаном Холлистером, хотя в регулярной армии он дослужился только до чина сержанта) еще в самые первые дни существования поселка был воздвигнут прямо поперек главной улицы, тем самым замкнув ее. Однако всадники, а затем и возчики, ехавшие в западном направлении, воспользовались узким проходом сбоку от этого здания, чтобы сократить свой путь, и со временем там образовалась настоящая проезжая дорога, вдоль которой начали строиться дома, так что исправить эту погрешность уже не представлялось никакой возможности.

Это искажение плана будущего города, составленного Мармадюком, имело два следствия. Во-первых, главная улица на половине своей длины вдруг суживалась тоже наполовину, а во-вторых, «Храбрый драгун» оказался самым заметным зданием в поселке, если не считать «дворца».

Такое преимущество, а также характеры хозяина и хозяйки заранее обеспечили трактиру верную победу над всеми его будущими соперниками. Однако соперники в свое время все же появились, и теперь на углу наискосок от «Храброго драгуна» уже возвышалось новое здание, которое, по мнению его владельцев, должно было сокрушить всякую конкуренцию. Это был деревянный дом, украшенный по тогдашней моде, — его крыша и балюстрады были скопированы с «дворцовых», да и вообще он принадлежал к числу тех трех зданий, которые, как мы уже упоминали, строились под влиянием архитектурного гения мистера Джонса. Верхние его окна были накрепко заколочены досками, чтобы в помещение не проникал холодный воздух, — дело в том, что новая гостиница еще не была достроена, хотя стекла в нижних окнах и огонь, пылавший в нескольких очагах, доказывали, что в ней уже живут. Фасад и стена, выходящая на боковую улицу, блистали белой краской, а задняя стена, так же как и правая, к которой впоследствии должен был примкнуть соседний дом, были кое-как вымазаны темно-бурым составом. Перед входом красовались два высоких столба, соединенных сверху балкой, с которой спускалась огромная вывеска в сосновой раме, покрытой, затейливой резьбой и вся размалеванная по краям масонскими эмблемами. Между этими таинственными символами большими буквами было написано:

ТЕМПЛТОНСКАЯ КОФЕЙНЯ И ГОСТИНИЦА ДЛЯ ПРОЕЗЖАЮЩИХ

А ниже: «Содержатели Хабаккук Фут и Джошуа Напп».

Это был опасный соперник «Храброго драгуна», в чем наши читатели без труда убедятся, когда мы добавим, что те же звучные имена украшали вывеску новой деревенской лавки, мастерской шапочника, а также ворота кожевенного завода. Однако то ли, когда берешься за многое, все делаешь плохо, то ли «Храбрый драгун» успел уже заслужить столь высокую репутацию, что нелегко было ее подорвать, — во всяком случае, не только судья Темпл и его друзья, но и все жители поселка, кроме тех, кто был в долгу у вышеупомянутой могущественной фирмы, предпочитали заведение капитана Холлистера.

В тот вечер, о котором идет рассказ, хромой ветеран и его супруга едва успели раздеться, вернувшись из церкви, как на крыльце послышался громкий топот — это завсегдатаи трактира, прежде чем войти, отряхивали снег с обуви; возможно, их привело сюда желание поскорее обменяться впечатлениями о новом священнике.

Общий зал трактира представлял собой обширное помещение, где вдоль трех стен были расставлены скамьи, а четвертую занимали два очага. Эти последние были так велики, что оставляли место только для двух дверей да для уютного уголка, который был огражден невысокой решеткой и обильно украшен бутылками и стаканами. Миссис Холлистер величественно опустилась на сиденье у входа в это святилище, а ее муж принялся размешивать огонь в очагах, пользуясь вместо кочерги обожженным с одного конца колом.

— Сержант, душечка, — сказала трактирщица, когда решила, что огонь уже разгорелся, — довольно мешать в очаге, дрова и так хорошо горят, а то смотри, как бы ты их не погасил. Поставь-ка на стойку стаканы с того стола и вон ту кружку — из нее доктор пил сидр с имбирем, сидя у огонька. Уж поверь мне, скоро сюда явятся и судья, и майор, и мистер Джонс, не говоря о Бенджамене Помпе и наших законниках. Так что прибери-ка в комнате да положи прутья для флипа на угли и скажи этой черной лентяйке Джуди, что, если она не приберется на кухне, я ее выгоню и пусть идет себе работать к господам, которые завели кофейню, — только ее там и не хватает. Нет уж, сержант, куда лучше ходить на молитвенные собрания, где можно сидеть себе спокойненько, а не плюхаться то и дело на колени, как этот мистер Грант.

— Что за важность, миссис Холлистер. Молитва всегда во благо, стоим ли мы или сидим. Вот наш мистер Уайтфилд, как разобьем лагерь после тридцатимильного перехода, бывало, всегда становился на колени и молился, как древле Моисей³⁹, когда его солдаты помогали ему воздевать руки к небу, — ответил ее муж, покорно выполнив все ее приказания. — Эх, до чего же, Бетти, был хороший бой между израильтянами и амалекитянами в тот день, когда Моисей молился! Дрались-то они на равнине, потому как и в Библии упоминается, что Моисей поднялся на вершину холма, чтобы глядеть на битву и молиться. Как я понимаю — а я в этом деле немножко смыслю! — у израильтян была сильная кавалерия: там ведь написано, что Иисус Навин поражал врагов острием своего меча. Стало быть, под его командой были не просто всадники, а регулярная кавалерия. Недаром в Библии они так прямо и называются «избранными». Наверное, это все были настоящие драгуны, потому что рекруты редко наносят удар острием сабли, особенно когда она очень кривая...

— И чего это ты, сержант, приплетаешь священное писание по таким пустякам! — перебила трактирщица. — Чего тут дивиться! Просто им помогал бог — он им всегда помогал, пока они не впали в смертный грех отступничества. И, значит, неважно, кем там Иисус командовал, раз он повиновался воле господней. Даже эта проклятая милиция, которая погубила моего капитана своей трусостью, в те времена тоже бы всех побеждала. Так что нечего думать, будто у Иисуса солдаты были обученные.

— Это ты зря говоришь, миссис Холлистер. В тот день левый фланг милиции дрался так, что любо-дорого! А ведь солдаты там были совсем зеленые. Они шли в атаку даже без барабанов, а это не так-то просто, когда в тебя стреляют. И дрогнули, только когда убили капитана. А в писании лишних слов нет, и, как бы ты ни спорила, я одно скажу: если кавалерист умеет наносить удар острием сабли, значит, его хорошо обучили. И сколько проповедей читалось про слова куда менее важные, чем «острие»! Если бы это слово ничего не значило, можно было бы просто написать: «поражал мечом». Чтобы нанести длинный укол, нужно долго практиковаться. Господи помилуй, сколько бы мистер Уайтфилд мог порассуждать о слове «острие»! Ну, вот если бы капитан вызвал драгун, когда поднимал в атаку пехоту, они бы показали врагу, что такое острие меча; ведь, хотя с ними и не было настоящего офицера, все же, мне думается, — тут старый вояка потуже затянул шарф, обвивавший его шею, и выпрямился во весь рост, словно сержант, обучающий

³⁹ По библейскому сказанию, вождь израильтян (которых Библия называет «избранным народом») Моисей во время битвы их войска, под предводительством Иисуса Навина, с амалекитянами стоял на холме и молился, воздев руки. Стоило ему опустить от усталости руки, как амалекитяне начинали одолевать, и поэтому двое приближенных поддерживали его локти.

новобранцев, — могу сказать, что во главе был человек, который сумел бы перевести их через овраг.

— Да что там говорить! — вскричала трактирщица. — Будто ты не знаешь, что его жеребец хоть и юркий был, как белка, а от пули увернуться не мог. Ну, да что там... Сколько уж лет прошло с тех пор, как его убили! Жалко, конечно, что не успел он узреть света истинной веры, да господь его, верно, помилует, потому что он умер, сражаясь за свободу. И памятник-то на его могиле поставили плохонький. Зато на нашей вывеске он очень похож. И я ее не уберу, пока найдется в поселке кузнец, чтобы подправлять крючки, за которые ее прицепляют. Да, не уберу, сколько бы кофеен ни развелось отсюда и до Олбани.

Неизвестно, о чем заговорили бы дальше почтенные супруги, но в эту минуту люди, которые сбивали на крыльце снег с обуви, прекратили свое занятие и вошли в зал. Минут через пятнадцать почти все скамьи уже заполнились гражданами Темплтона, которые сошлись к очагу «Храброго драгуна», чтобы поделиться новостями или послушать чужие новости. На деревянном диване с высокой спинкой, в самом уютном уголке зала, расположились доктор Тодд и неряшливого вида молодой человек с замашками щеголя. Он беспрестанно нюхал табак и доставал из кармана модного сюртука заграничного сукна большие серебряные французские часы на волосяной цепочке и с серебряным ключиком, — короче говоря, он настолько же отличался от окружавшего его простого люда, насколько сам не был похож на настоящего джентльмена.

На стойке появились большие глиняные кружки с пивом и сидром. Посетители, передавая их друг другу, разбивались на кучки и начинали беседовать между собой. Никто не пил в одиночку; да и то сказать, на каждую кучку приходилась только одна кружка, которая ходила вкруговую, причем последний глоток доставался тому, кто оплачивал находящийся в ней напиток.

То и дело провозглашались тосты, а порой какой-нибудь шутник, считавший себя редким остроумцем, заявлял: «И пусть он (угощавший) превзойдет своего отца», или: «Пусть он живет, пока все его друзья не пожелают, чтобы он помер». А собутыльники поскромнее удовлетворялись пожеланием: «За ваше здоровье» или говорили еще что-нибудь столь же общепонятное. И каждый раз почтенный трактирщик в ответ на приглашение вроде: «Без вас мы не пьем», должен был, словно королевский кравчий, пригубить разливаемый им напиток; от этого он обычно не отказывался и, перед тем как отхлебнуть пива или сидра, восклицал: «Ну, желаю вам!» — предоставляя своим слушателям мысленно закончить эту фразу пожеланием, наиболее для них приятным. Тем временем трактирщица собственноручно изготовляла всяческие огненные смеси, здоровалась с завсегдатаями и осведомлялась у тех, кто подходил к стойке, о здоровье их жен и детей.

Когда наконец все немного утолили жажду, не замедлил завязаться общий разговор. Вели его доктор и сидевший рядом с ним молодой человек, один из двух юристов поселка, ибо они считались наиболее значительными персонами среди присутствующих, да порой осмеливался вставить словечко мистер Дулитл, который, по всеобщему мнению, уступал им только в образованности. Стоило юристу открыть рот, как кругом воцарилось глубокое молчание, и все внимательно выслушали слова, с которыми он обратился к эскулапу:

— Я слышал, доктор Тодд, что сегодня вам пришлось совершить серьезную операцию, что вы благополучно извлекли заряд дроби из плеча Кожаного Чулка.

— Да, сэр, — ответил доктор, важно задирая свою маленькую головку, — мне действительно довелось проделать в доме судьи нечто подобное. Впрочем, это пустяк: было бы куда хуже, если бы дробь попала в грудь или живот. Плечо же не относится к жизненно важным органам, и я думаю, что молодой человек скоро будет здоров. Однако я не знал, что он приходится сыном Кожаному Чулку. В первый раз слышу, что Натти был женат.

— Не о том речь, — возразил его собеседник, подмигивая присутствующим. — Я полагаю, вы слышали, что в юриспруденции существует такое понятие, как *filius nullius*...⁴⁰

⁴⁰ Ничей сын (лат.).

— Да говорите вы по-человечески! — перебила его трактирщица. — Чего это вам вздумалось говорить на индейском наречии среди добрых христиан, пусть даже этот бедный охотник и вправду ничем не лучше диких индейцев! Будем надеяться, что миссионеры со временем обратят их в истинную веру, а уж тогда неважно будет, какого цвета у тебя кожа и что у тебя на голове — шерсть или волосы.

— Я говорил по-латыни, а не по-индейски, миссис Холлистер, — возразил законник, снова хитро подмигивая в сторону присутствующих, — а доктор Тодд понимает латынь, не то как бы он читал ярлыки на своих банках и склянках? Не беспокойтесь, миссис Холлистер, доктор меня понимает, — а, доктор?

— Гм, гм... Не могу этого отрицать, — ответил Элнатан, тоже пытаясь придать своему лицу шутовское выражение. — Латынь, господа, очень странный язык, и я не побоюсь сказать, что в этой комнате только сквайр Липпет сумеет понять, что *far. av.*⁴¹ в переводе на наш родной язык значит «овсяная мука».

Тут пришлось, в свою очередь, смутиться молодому юристу, никак не ожидавшему от доктора такой учености; хотя он действительно с грехом пополам окончил один из восточных университетов, но латынь доктора несколько сбила его с толку. Однако ему вовсе не хотелось, чтобы кто-нибудь превзошел его в познаниях на глазах стольких клиентов, и поэтому он поспешил загадочно рассмеяться, словно в этих словах заключалась шутка, понятная только ему и доктору. Все присутствующие, которые жадно слушали эту беседу, одобрительно переглянулись, и повсюду раздались восхищенные возгласы:

«Уж он-то языкам обучен!», «Сквайр Липпет ни перед кем лицом в грязь не ударит!», свидетельствовавшие о глубоком уважении, которым здесь пользовался юрист. Последний, весьма этим ободренный, встал с места, повернулся спиной к огню, обвел взглядом своих слушателей и продолжал:

— Ну, сын он Натти или не сын, а я надеюсь, что малый не оставит этого дела так. У нас в стране мы почитаем законы, и мне хотелось бы в суде решить, имеет ли человек, владеющий — по его словам, владеющий — сотней тысяч акров, имеет ли он особое право стрелять в людей. А вы что думаете об этом, доктор Тодд?

— Ну, сэр, я уже сказал, что этот молодой человек скоро поправится. Пуля не задела жизненно важных органов, и к тому же она была извлечена очень скоро, а на рану наложена повязка по всем правилам врачебного искусства, осмелюсь сказать. И я не думаю, чтобы его здоровью угрожала теперь какая-нибудь опасность.

— А вы что скажете, сквайр Дулитл? — спросил юрист, повышая голос. — Вы у нас мировой судья, вы знаете, что разрешено законом, а что нет. Я спрашиваю вас, сэр, можно ли оставить без последствий стрельбу по человеку? Предположим, сэр, что у этого юноши были бы жена и дети; и предположим, что он был бы ремесленником, как вы сами, сэр; и предположим, что он был бы единственным кормильцем всей семьи; и предположим, что пуля, вместо того чтобы пронзить мякоть, разбила бы ключицу и лопатку, оставив его калеккой на всю жизнь, — я спрашиваю вас всех, господа, предположим, дело обстояло бы так. Неужели присяжные не присудили бы ему щедрого возмещения за причиненное ему тяжкое увечье?

Поскольку в конце своей речи юрист обратился уже ко всему обществу, Хайрем сперва решил было не отвечать, но, обнаружив, что все вокруг смотрят на него с живейшим любопытством, он вспомнил о своей репутации человека, искушенного во всяких юридических тонкостях, и величественно заговорил.

— Что ж, — сказал он, — если бы один человек застрелил другого, и если бы он сделал это умышленно, и если бы на это обратили внимание власти, и если бы присяжные нашли его виновным, то это дело пахло бы тюрьмой.

⁴¹ Овсяная мука по-латыни — *farina avenica*. Доктору известно только ее сокращенное наименование, употреблявшееся в рецептах.

— Само собой разумеется, сэръ! — подхватил юрист. — В свободной стране, господа, закон беспристрастен и нелицеприятен. Это одно из величайших благ, какое мы получили от наших предков, а именно: в глазах нашего закона все люди так же равны, как в глазах природы. Хотя некоторые наживают свое богатство неизвестно как, тем не менее они так же не имеют права нарушать законы, как и самый бедный гражданин нашего штата. Вот мое мнение, господа, и, по-моему, если этот малый решит обратиться в суд, он сможет щедро заплатить за свою перевязку. А, доктор?

— Ну, видите ли, сэръ, — возразил врач, которого немного смутил такой оборот разговора, — судья Темпл обещал мне в присутствии свидетелей (хотя, конечно, для меня его слово стоит столько же, сколько его вексель), обещал мне перед свидетелями заплатить за мои услуги. Дайте-ка мне вспомнить... Ну да, мусью Леква, сквайр Джонс, майор Гартман, мисс Петтибон и два или три черномазых слышали, как он сказал мне, что в смысле вознаграждения я могу рассчитывать на его кошелек.

— А он обещал это до или после оказания желаемой услуги? — спросил юрист.

— Точно не помню, — ответил врач, — но, во всяком случае, он сказал это до того, как я наложил повязку.

— Однако, мне кажется, он сказал, что вы можете рассчитывать на его кошелек, доктор, — заметил Хайрем. — И я не вижу, как закон может заставить человека выполнить такое обещание. Он возьмет да и даст вам кошелек с какой-нибудь медной монетой. И скажет, чтобы вы взяли столько, сколько вам следует...

— Но это не будет считаться вознаграждением в глазах закона, — перебил юрист. — Кошелек не может рассматриваться как самостоятельное лицо, но лишь как часть имущества его владельца. И поэтому я считаю, что вы можете подать в суд, основываясь на подобном обещании, и берусь вести дело, а в случае проигрыша не потребую ни гроша за свои услуги.

Доктор ничего не ответил на столь любезное предложение, хотя было замечено, что он внимательно огляделся по сторонам, словно запоминая на всякий случай свидетелей, чтобы можно было потребовать выполнения и этого обещания. Однако никто из присутствующих не испытывал большого желания обсуждать в столь людном месте, стоит ли предъявлять иск судье Темплу, и наступило неловкое молчание. Правда, длилось оно недолго: дверь отворилась, и в зал вошел не кто иной, как сам Натти.

Старый охотник держал в руке ружье, с которым никогда не расставался; и, хотя в трактире было тепло и лишь один юрист из щегольства не захотел снимать заливчатски сдвинутую на ухо шапку, Натти подошел к одному из очагов во всем своем зимнем наряде.

Его стали расспрашивать о дичи, которую он убил, и он отвечал на эти вопросы охотно и даже с некоторым воодушевлением; затем трактирщик, питавший слабость к Натти и пользовавшийся его симпатией, потому что оба они в молодости служили в армии, предложил ему кружку с напитком, который, судя по быстроте, с какой он поглощался, отнюдь не был неприятен старику. Утолив первую жажду, Натти уселся на полено, лежавшее у очага, и разговор возобновился с того места, на котором его прервали.

— Показания негров недействительны, сэръ, — заметил юрист, — ибо все они — временные рабы мистера Джонса. Но есть способ заставить судью Темпла, да и любого другого человека, который ранит кого-нибудь, заплатить и за это и за лечение. Вот это сделать можно, говорю я вам, и притом не опасаясь никаких судебных ошибок.

— А вот вы, мистер Тодд, большую ошибку сделаете, — вмешалась трактирщица, — если подадите в суд на судью Темпла, у которого денег больше, чем игл на соснах в этих лесах. Если его не задирать, с ним всегда можно поладить. Судья Темпл хороший человек и сам по доброй воле делает все, что надо, ну, а силой вы от него ничего не добьетесь. Одно только в нем плохо: о своей душе он не заботится. Он ведь не методист, не католик, не просвитерианин, а так, не поймешь что. А раз он «не шел на правую битву под знаменем истинной веры в этом мире, то и не выйдет на парад среди избранных в раю», как говорит мой муж, которого вы зовете капитаном, хоть на самом деле был только один настоящий капитан, и вовсе не он. Ты, Кожаный Чулок, не вздумай валять дурака и не позволяй парню

обращаться в суд — это вас обоих до добра не доведет. А он пусть приходит сюда, пока его плечо не заживет, — у нас для него всегда найдется бесплатное угощение.

— Вот это щедро, ничего не скажешь! — воскликнуло одновременно несколько голосов, ибо среди присутствующих никто не отказался бы от такого предложения.

Охотник же, услышав, что разговор зашел о ране его молодого товарища, вместо того чтобы выразить негодование, разразился своим беззвучным хохотом, а когда немного успокоился, то сказал:

— Чуть только судья достал из своих саней дробовик, так я сразу и понял, что у него ничего не выйдет. Я за всю свою жизнь видел только один дробовик, из которого можно было попасть в цель, — французское ружьецо на Великих озерах. Дуло у него было вполовину моего ружья, и гусей из него можно было бить со ста ярдов, бывало, набиралось их столько, что под них нужна была целая лодка. Вот когда мы с сэром Уильямом стояли против французов в форте Ниагара, у всех стрелков были настоящие ружья, а это страшная штука, если только уметь его заряжать да целиться как следует. Спросите у капитана, он ведь служил в полку Шерли, и, хоть они там только штыками орудовали, он, наверное, слышал, как мы в ту войну трепали французов и ирокезов. Чингачгук, что по-нашему значит «Великий Змей», ну, тот старый Джон Могиканин, который живет в моей хижине, был тогда великим воином и сражался на нашей стороне. Он тоже это может подтвердить, хотя сам-то действовал больше томагавком: выстрелит разочка два и бежит себе снимать скальпы. Да, совсем другие теперь времена настали. Тогда ведь, доктор, от Немецких равнин до фортов по долине Мохока вела только пешеходная тропка, ну, и кое-где могла пройти вьючная лошадь. А теперь, говорят, хотят там проложить широкую дорогу с воротами поперек нее. И зачем строить дороги, чтобы потом их перегораживать? Помню, охотился я как-то за Кетсхиллом, неподалеку от поселков, так собаки там все время след теряли, как попадут на такую дорогу, — уж больно много по ней ездят. Оно, правда, нельзя сказать, чтобы те псы были хорошей породы. Вот старик Гектор, он осенью почует оленя через все озеро Отсега, да еще в самой широкой его части, а там в нем будет полторы мили, уж я-то знаю — сам промерил его по льду, когда индейцы только-только отдали эти земли.

— Мне-то что, Натти, а все-таки не надо бы тебе звать своего товарища «змеем», будто сатану какого-нибудь, прости господи, — вмешалась трактирщица. — Да и не похож теперь старик Джон на змею. Уж лучше бы назвали вы его по-христиански Немвродом⁴², имя-то это в Библии поминается. Сержант прочел мне главу про него накануне моего крещения, и уж до чего утешительно было послушать слова из писания!

— Старик Джон и Чингачгук совсем не похожи с виду, — возразил охотник, грустно покачивая головой. — В войну пятьдесят восьмого года он был в самых цветущих летах и дюйма на три выше, чем теперь. Эх, видели бы вы его в тот день, когда мы отогнали французов от нашего деревянного форта! Красивей индейца не найти было: одет только в набедренную повязку да в мокасины, а уж размалеван — любо-дорого посмотреть. Половина лица красная, а другая половина совсем черная. Голова чисто выбрита, и только на макушке волосы остались, а в них воткнут пучок орлиных перьев, да таких пестрых, словно бы он их из павлиньего хвоста выдрал. А бока он покрасил белыми полосами, будто это ребра видны и всякие другие кости — Чингачгук в таких делах большой искусник. Глаза так и сверкают, на боку нож болтается, сам томагавком размахивает — грознее воина я в жизни не видывал. Ну, и сражался он неплохо: на другой день я видел на его шесте тринадцать скальпов, а я головой поручиться могу, что Великий Змей всегда поступал по-честному и скальпировал только тех, кого сам убивал.

— Ну что ж, — вздохнула трактирщица, — война, она война и есть, и каждый воюет на свой лад, хоть, по-моему, не годится уродовать покойников, да и в писании ничего такого не сказано. Но ведь ты-то, сержант, таким грешным делом не занимался?

⁴² Немврод (Немруд) — упоминаемый в Библии языческий царь, великий охотник.

— Мне полагалось не оставлять строя и драться штыком и пулей до победы или смерти, — ответил старый солдат. — Я тогда редко выходил из форта и почти не видел дикарей — они пощипывали врага на флангах или вместе с авангардом. Помнится, я слышал разговоры о Великом Змее, как тогда звали старого Джона, потому что он был знаменитый вождь. Вот уж не думал, что увижу его христианином, да еще бросившим старые повадки!

— Его окрестили моравские братья, — сказал Кожаный Чулок. — Они здорово умели обхаживать индейцев. И одно скажу: если бы их не трогали, все леса у истоков двух рек были бы в целостности и сохранности и дичь бы в них не переводилась, потому как об этом позаботился бы их законный владелец, который может еще носить ружье и видит не хуже сокола, когда он...

Тут за дверью снова раздалось шарканье, и вскоре в трактир вошло общество из «дворца», а затем и сам могиканин.

Глава 14

*Есть рюмки, стаканы;
А наша подружка –
Пинтовая кружка!
За здравье ячменного солода
Пьем, молодцы,
За здравье ячменного солода!
Застольная песня*

При появлении новых гостей поднялась небольшая суматоха, и юрист, воспользовавшись ею, поспешил незаметно выскользнуть из зала. Почти все присутствующие подходили к Мармадюку и обменивались с ним рукопожатием, выражая надежду, что «судья в добром здравии», а майор Гартман тем временем неторопливо снял шапку и парик, нахлобучил на голову остроконечный шерстяной колпак и расположился на освободившемся после бегства юриста конце дивана. Затем он извлек из кармана кисет и принял из рук хозяина трубку. Раскурив ее и глубоко затянувшись, майор повернул голову к стойке и сказал:

— Петти, потаите пунш.

Поздоровавшись со всеми, судья опустился на диван рядом с майором, а Ричард захватил самое удобное место в зале. Мосье Лекуа устроился самым последним: он долго передвигал стул с места на место, пока не убедился, что никому не загораживает очага. Индеец примостился на краю скамьи, поближе к стойке. Когда все наконец уселись, судья весело сказал:

— Я вижу, Бетти, вашему почтенному заведению не страшны ни погода, ни конкуренты, ни религиозные разногласия. Как вам понравилась проповедь?

— Проповедь-то? — повторила трактирщица. — Да ничего себе, только вот служба больно неудобная. На пятьдесят девятом году не очень-то легко скакать со скамьи на пол, а потом назад. Ну, да мистер Грант, кажется, человек благочестивый, и дочка у него скромная, богобоязненная... Эй, Джон, возьми-ка эту кружку, в ней сидр, приправленный виски. Индейцы, они большие охотники до сидра, — обратилась она к остальным, — и пьют его, даже когда им пить совсем не хочется.

— Надо признать, — неторопливо заговорил Хайрем, — что проповедь была очень красноречивая и многим пришлась по душе. Кое-что, правда, в ней следовало бы пропустить или заменить чем-нибудь другим. Ну конечно, написанную проповедь изменить куда труднее; другое дело, если священник говорит прямо как выйдет.

— То-то и оно, судья! — воскликнула трактирщица. — Как может человек произносить

проповедь, если она вся написана и он к ней привязан, точно мародер-драгун к колышкам!⁴³

— Ну ладно, ладно, — ответил Мармадьюк, жестом призывая к молчанию, — об этом уже достаточно говорено. Мистер Грант поучал нас, что взгляды на этот предмет бывают различными, и я с ним вполне согласен... Так, значит, Джотем, ты продал свой участок приезжему, а сам поселился в нашем городе и открыл школу? Получил наличными или взял вексель?

Тот, к кому была обращена его речь, сидел прямо позади Мармадьюка, и только такой наблюдательный человек, как судья, мог его заметить. Это был худой, нескладный малый с кислым лицом вечного неудачника.

Повертев головой и поерзав на скамье, он наконец ответил:

— Часть получил наличными и товарами, а на остальное, значит, взял вексель. Продал я участок приезжему из Помфрета, у которого денежки водятся. Договорились, что он заплатит мне десять долларов за акр расчищенной земли, а за лес даст на доллар больше, чем я сам заплатил, ну, и еще чтобы цену дома назначили соседи. Я, значит, поговорил с Эйбом Монтегю, а он поговорил с Эбсаломом Биментом, ну, а они поговорили со стариком Наптели Грином. Собрались они, значит, и назначили восемьдесят долларов за дом. Вырубки у меня было двенадцать акров — это по десяти долларов за акр, да еще восемьдесят восемь акров леса по доллару, а всего, значит, когда я со всеми расплатился, получилось двести восемьдесят шесть долларов с половиной.

— Гм! — сказал Мармадьюк. — А сам ты сколько заплатил за участок?

— Кроме того, что судье причитается, я, значит, дал моему брату Тиму сто долларов за участок, ну, и дом мне обошелся еще в шестьдесят, и Мозесу я заплатил сто долларов, как он мне деревья валил и на бревна их разделявал, — значит, обошлось мне все это в двести шестьдесят долларов. Зато урожай я снял хороший и выручил на продаже участка двадцать шесть долларов с половиной чистыми. И получается, что продал я его с выгодой.

— Да, но ты забываешь, что урожай и так принадлежал тебе, и ты остался без крыши над головой за двадцать шесть долларов.

— Э, нет, судья! — ответил Джотем самодовольно. — Он мне дал упряжку — долларов сто пятьдесят стоит, не меньше, с новехоньким-то фургоном, пятьдесят долларов наличными и вексель на восемьдесят, ну, и, значит, седло ценой в семь с половиной долларов. Осталось еще два с половиной доллара. Я хотел взять сбрую, а он пусть берет корову и чаны для выпарки кленового сока. А он уперся, но я сразу сообразил, что к чему. Он, значит, думал, что без сбруи мне ни лошади, ни фургон ни к чему и я, значит, выложу за нее наличные. Да только я и сам не промах! А ему-то на что сбруя без лошадей? Я, значит, предложил ему взять упряжку назад за сто пятьдесят пять долларов. Тут моя старуха сказала, что ей, значит, нужна маслобойка, ну, я и забрал ее в счет остального.

— А что ты собираешься делать зимой? Помни, что время — деньги.

— Учитель-то, значит, уехал на восток повидаться с мамашей, — она, говорят, помирает, — ну, я пока договорился, значит, заменить его в школе. Если до весны ничего не приключится, я подумываю заняться торговлей или, значит, перееду в Генесси — там, говорят, люди богатеют не по дням, а по часам. Ну, а уж коли ничего не выйдет, я, значит, возьмусь за свое старое ремесло, как я есть сапожник.

Очевидно, Джотем не был особенно полезным членом общины, так как Мармадьюк не стал уговаривать его остаться и, отвернувшись от него, о чем-то задумался. После короткого молчания Хайрем решил задать ему вопрос:

— Что новенького в конгрессе, судья? Наверное, там в эту сессию было не до законов или французы больше не воюют?

— Французы, с тех пор как они обезглавили своего короля, только и делают, что

⁴³ Одно из существовавших тогда в армии наказаний: провинившегося растягивали на земле, привязывали за руки и за ноги к кольям и оставляли так на несколько часов.

воюют, — ответил судья. — Их словно подменили. Во время нашей войны мне доводилось встречаться со многими французами, и все они казались людьми гуманными. Но эти якобинцы кровожадны, как бульдоги.

— С нами под Йорктауном был один француз — Рошамбо он звался, — перебила его трактирщица. — Ну и красавец же! Да и конь его был не хуже. Это тогда моего сержанта ранила в ногу английская батарея, чтоб ей пусто было!

— Ah mon pauvre roi!⁴⁴ — прошептал мосье Лекуа.

— А конгресс издал законы, — продолжал судья, — в которых страна очень нуждается. Теперь на некоторых реках и малых озерах ловить рыбу неводом разрешается только в определенное время года, а другой закон запрещает стрелять оленей, когда они растят детенышей. Все благоразумные люди давно требовали таких законов, и я надеюсь, что в скором времени недозволенная порубка леса тоже будет считаться уголовным преступлением.

Охотник слушал эти новости с напряженным вниманием, а когда судья умолк, насмешливо захохотал.

— Пишите какие хотите законы, судья! — крикнул он. — А вот кто возьмется сторожить ваши горы весь длинный летний день напролет или озера — ночью? Дичь это дичь, и тот, кто ее выследил, имеет право ее убить — вот уже сорок лет, как этот закон действует в наших горах, я это хорошо знаю. И, на мой взгляд, один старый закон лучше двух новых. Только желторотый птенец станет стрелять в лань с олененком, — ну, разве что у него мокасины изнасятся или гетры порвутся! Мясо-то ведь бывает тогда жилистым и жестким. А если выстрелить в скалах на берегу озера, так кажется, будто стреляло зараз пятьдесят ружей, — поди-ка разберись, где стоял охотник.

— Бдительный мировой судья, мистер Бампо, — серьезно заметил Мармадьюк, — опираясь на величие закона, может искоренить многие из прежних зол, из-за которых дичь почти совсем перевелась. Я надеюсь дожить до того дня, когда права человека на его дичь будут так же уважаться, как купчая на его ферму.

— А давно ли завелись эти ваши купчие и фермы? — вскричал Натти. — Законы должны защищать одинаково всех. А то вот я две недели назад в среду подстрелил оленя, он и кинулся по сугробам да и перескочил через одну из этих новых изгородей — хворостяных. А когда я перебирался через нее, замок ружья возьми да зацепись за прутья. Ну, олень-то и удрал. Вот и скажите, кто заплатит мне за этого оленя — а ведь хорош был на редкость! Не будь этой изгороди, я бы смог выстрелить в него второй раз, а ведь еще не было случая, чтобы мне приходилось больше двух раз стрелять по лесной дичи, — правда, кроме птиц. Да, да, судья, это из-за фермеров дичь переводится, а не из-за охотников.

— Во времена старой войны, Пампо, оленей пыло Польше, — сказал майор, который, сидя в своем окутанном дымом уголке, внимательно прислушивался к этому разговору. — Но земля состана тля лютей, не тля оленей.

— Хоть вы и частенько гостите во дворце, майор, но все же, на мой взгляд, вы стоите за справедливость и право. А каково это, если твое честное ремесло, без которого ты с голоду помрешь, вдруг запрещается законом, да еще когда, не будь на свете несправедливости, ты мог бы охотиться и ловить рыбу по всему «патенту», где тебе заблагорассудится!

— Я тебя понял, Кошаный Тшулок, — заметил майор. — Только преште ты не так запотился о зафтрашнем тне.

— Может, прежде в этом не было надобности, — угрюмо ответил старик и снова надолго погрузился в молчание.

— Судья начал что-то рассказывать о французах, — заметил Хайрем, чтобы снова завязать разговор.

— Да, сударь, — ответил Мармадьюк. — Французские якобинцы совершают одно

44 — О мой бедный король! (франц.)

чудовищное злодеяние за другим. Убийства, которые они именуют казнями, не прекращаются. Вы, наверное, слышали, что к совершенным ими преступлениям они добавили смерть своей королевы.

— Les monstres!⁴⁵ — снова пробормотал мосье Лекуа, внезапно подпрыгнув на стуле.

— Провинция Вандея опустошена республиканскими войсками, и сотни ее жителей расстреляны за свою преданность монархии. Вандея находится на юго-западе Франции и до сих пор хранит верность Бурбонам. Я думаю, мосье Лекуа знает эти места и мог бы описать их подробнее.

— Non, non, non, mon cher ami!⁴⁶ — сдавленным голосом возразил француз, говоря очень быстро и умоляюще подняв правую руку, а левой заслоняя глаза.

— За последнее время произошло много сражений, — продолжал Мармадьюк, — и эти одержимые республиканцы чересчур уж часто побеждают. Однако, признаюсь, я нисколько не жалею, что они отняли Тулон у англичан, ибо этот город по праву принадлежит французам.

— О, эти англичане! — воскликнул мосье Лекуа, вскакивая на ноги и отчаянно размахивая обеими руками.

Затем он принялся бегать по залу, что-то бессвязно выкрикивая, и наконец, не выдержав бури противоречивых чувств, выскочил на улицу — посетители трактира видели через окно, как он бредет по снегу к своей лавчонке, то и дело вскидывая руки, словно стараясь достать до луны.

Уход мосье Лекуа не вызвал никакого удивления, потому что обитатели поселка давно уже привыкли к его выходкам. Только майор Гартман в первый раз за этот вечер громко расхохотался и воскликнул, поднимая кружку с пивом:

— Этот француз сошел с ума! Ему незатшем пить, он пьян от радости.

— Французы хорошие солдаты, — заметил капитан Холлистер. — Они нам сильно помогли под Йорктауном. И хоть я мало понимаю в действиях целой армии, а все же скажу, что наш главнокомандующий не смог бы разбить Корнуоллиса⁴⁷ без их поддержки.

— Ты правду говоришь, сержант, — вмешалась его жена. — Вот бы ты ее всегда так говорил! Французы были молодцы как на подбор. Помню, раз ты ушел с полком вперед, а я остановила тележку, и тут мимо прошла их рота. Ну, я и напоила их всласть. И они мне заплатили? Еще бы! И все полновесными кронами, а не какими-нибудь там чертовыми бумажками, на которые и купить-то ничего нельзя было. Господи, прости меня и помилуй, что я ругаюсь и говорю о таких суетных делах, да только французы платили хорошим серебром, да и торговать с ними выгодно было — всегда оставят стакан недопитым. Ну, а что может быть лучше для торговли, судья, коли платят хорошо и покупатель не больно разборчивый?

— Ну конечно, миссис Холлистер, — согласился Мармадьюк. — Но где же Ричард? Не успел он сесть, как снова куда-то убежал и так долго не возвращается, что я начинаю побаиваться, не замерз ли он.

— Этого бояться нечего, братец Дьюк! — раздался голос самого мистера Джонса. — Когда дело в руках кипит, то человеку не страшны морозы и посильнее тех, какие бывают в наших горах. Бетти, когда мы шли из церкви, твой муж сказал мне, что у ваших свиней началась чесотка. Я сходил на них посмотреть и убедился, что так оно и есть. Доктор, я зашел к вашему ученику и велел ему отвесить мне фунт разных солей, чтобы подмешать им

⁴⁵ — Чудовища! (франц.)

⁴⁶ — Нет, нет, нет, дорогой друг! (франц.)

⁴⁷ Корнуоллис, Чарльз (1738–1805) — английский генерал, сдавший в 1781 году американо-французским войскам город Йорктаун. Этим поражением англичан фактически закончилась Война за независимость.

в пойло. Бьюсь об заклад на седло оленя против серой белки, что через неделю с них все как рукой снимет. А теперь, миссис Холлистер, в самый раз было бы выпить кружечку горячего флипа.

— Я так и знала, что вы его спросите, — ответила трактирщица. — Все уже готово, только подогреть осталось. Сержант, душечка, вынь-ка прут из огня... нет, нет, тот, что подалше, а то этот еще черный... Да, да, этот. Вот видишь, красный, как вишенка!

Прут был опущен в кружку, напиток согрелся, и Ричард отхлебнул его с гордым и блаженным видом человека, который вообще любит выпить, а сейчас к тому же чувствует, что заслужил это удовольствие похвальным поступком.

— Знаешь, Бетти, у тебя просто природный дар смешивать флип! — воскликнул он, остановившись, чтобы перевести дух. — Даже у прута и у того особый привкус. Эй, Джон! Пей, старина, пей! Я, да ты, да доктор Годд очень удачно перевязали рану этому молодцу сегодня вечером. Дьюк, пока ты был в отъезде, я сочинил песню... как-то, когда выпала свободная минутка. Я сейчас спою тебе куплет-другой, хотя и не решил — может быть, еще сменю мотив:

Пусть наша жизнь полна забот
И каждый должен трудиться,
Но все же ошибку сделает тот,
Кто не будет всегда веселиться,
Смеяться и петь весь день напролет.
Так будем же пить
И не будем грустить,
Иль сединой голова убедится!

Ну, Дьюк, что скажешь? И еще один куплет готов, кроме последней строчки. Я для нее пока еще не подобрал рифму. Ну-ка, Джон, а ты что скажешь? Не хуже ваших военных песен, а?

— Хорошая, — сказал могиканин, который выпивал все, что давала ему хозяйка, и оказывал должное уважение кружкам, пускаемым вкруговую майором и Мармадьюком.

— Прависсимо, Рихарт! — вскричал майор, чьи черные глаза уже подернулись влагой. — Прависсимо! Это корошая песнь. Только Натти Пампо снает песню кута лутше. Кошаный Тшулок, старина, спой. Спой нам свою песню про лес.

— Нет, нет, майор, — возразил охотник, грустно покачав головой. — Не думал я, что увижу такое в этих горах, и мне теперь не до песни. Если тот, кто по праву здесь полный хозяин, принужден утолять жажду растопленным снегом, не годится тем, кто знавал его щедрость, веселиться, словно на дворе теперь красное лето и солнышко светит.

С этими словами Кожаный Чулок снова опустил голову на колени и закрыл руками суровое морщинистое лицо. Жара в зале после прогулки по морозу, а также частые и обильные возлияния помогли Ричарду быстро сравняться с остальными подвыпившими посетителями трактира, и теперь, протянув охотнику две клубившиеся паром кружки с пенным флипом, он воскликнул:

— Счастливого тебе рождества, старина! Красное лето и солнышко светит? Да ты что, ослеп, Кожаный Чулок? Сейчас зима и светит луна. Вот возьми-ка эти очки и протри глаза хорошенько!

Так будем же пить
И не будем грустить,
Иль сединой голова убедится!

Слышите, да, никак, старик Джон завел свою волынку. Чертовски скучно поют эти индейцы, а, майор? По-моему, они даже не знают, что такое мелодия!

Пока Ричард пел и болтал, могиканин глухим голосом тянул какой-то заунывный мотив, медленно покачиваясь в такт. Слов в этой песне было очень мало, а так как пел он на делаварском языке, то их могли понять только он сам да Натти. Не обращая внимания на Ричарда, он продолжал петь свою скорбную песню, то внезапно испуская пронзительные вопли, то снова переходя на низкие, дрожащие звуки, которые, казалось, составляли особенность индейской музыки.

Общий разговор давно прекратился, все опять разбилось на кучки и принялись обсуждать самые различные дела — главным образом способы лечения чесотки у свиней и проповедь мистера Гранта; а доктор Тодд подробнейшим образом объяснял Мармадьюку, какую именно рану получил молодой охотник. Индеец продолжал петь; лицо его утратило прежнее выражение невозмутимого спокойствия и благодаря густым растрепанным волосам начинало казаться даже свирепым. Дикая песня звучала все громче и вскоре заглушила разговоры в зале. Старый охотник поднял голову и горячо заговорил с индейцем на делаварском наречии. Ради удобства наших читателей мы переведем его речь.

— Зачем ты поешь о былых битвах, Чингачгук, и о сраженных тобою воинах, когда злейший враг сидит рядом с тобой — враг, лишивший Молодого Орла его законных прав? Я сражался не хуже любого воина твоего племени, но в такое время, как сейчас, я не хвастаюсь своими подвигами.

— Соколиный Глаз, — ответил индеец и, пошатываясь, поднялся на ноги, — я — Великий Змей делаваров. Я умею выслеживать мингов, как гадюка, подкрадывающаяся к яйцам козодоя, и убивать их одним ударом, словно гремучая змея. Белые дали Чингачгуку томагавк, светлый, как вода Отсега, когда заходит солнце. Но он красен от крови врагов.

— А для чего ты убивал мингов? Не для того ли, чтобы сохранить эти охотничьи угодья и озера для детей своего отца? И разве на совете всего племени их не отдали Пожирателю Огня? И разве не кровь этого воина струится в жилах молодого вождя, который мог бы говорить громко там, где теперь голос его еле слышен?

Эти слова, казалось, отчасти привели индейца в себя, и он, повернувшись, устремил пристальный взгляд на лицо судьи. Встряхнув головой, он отбросил с лица волосы, заслонявшие глаза, в которых горела ярость. Но винные пары слишком затуманили его сознание. Несколько секунд он тщетно пытался ухватить заткнутый за пояс томагавк, как вдруг глаза его погасли; широко и глупо улыбнувшись, он обеими руками взял кружку, которую в эту минуту поставил перед ним Ричард, откинулся назад и осушил ее до дна. Он был уже так пьян, что лишь с трудом сумел поставить ее на стол.

— Не проливай крови! — воскликнул охотник в ту минуту, когда индеец вскочил на ноги. Теперь же он пробормотал:

— Нет, он перепился и не может наделать бед. Вот так всегда с индейцами: дай им спиртного — и они обо всем на свете забывают. Ну, придет все-таки время, когда справедливость восторжествует. Надо только набраться терпения.

Все это Натти говорил на делаварском наречии, и, конечно, никто его не понял. Не успел он умолкнуть, как Ричард воскликнул:

— Ну, Джон совсем налился! Уложи-ка старика в амбаре, капитан, я заплачу за его ночлег. Я сегодня богат. В десять раз богаче Дьюка, несмотря на все его земли, и участки, и ценные бумаги, и векселя, и закладные!

Так будем же пить
И не будем грустить,
Иль сединой...

Пей, Хайрем, пей сквайр Дулитл, пей, кому говорю! Сегодня сочельник, а он, как тебе известно, бывает только раз в году.

— Хе-хе-хе!.. Сквайр сегодня что-то распелся, — сказал Хайрем, чье лицо то и дело кривилось в улыбке. — Мы таки построим эту церквушку, а, сквайр?

— Церквушку, мистер Дулитл? Мы построим собор! С епископами, священниками, дьяконами, причетниками, пономарями и хором; и с органом, и с органистом, и с мехами! Разрази меня бог, как говорит Бенджамен, мы приляпаем с другой стороны еще одну колокольню и сделаем из нее две церкви. Ну как, Дьюк, раскошелишься? Ха-ха... Мой кузен судья заплатит!

— Ты так кричишь, Дик, — ответил Мармадьюк, — что я почти не слышу, что говорит мне доктор Годд...

Кажется, вы сказали, сэр, что в такую холодную погоду рана может загноиться и стать опасной?

— Это невозможно, сэр, просто невозможно, — ответил Элнатан, тщательно пытаясь сплюнуть в очаг. — Это совсем даже невозможно, чтобы рана, так хорошо перевязанная, да еще с пулей у меня в кармане, вдруг загноилась! А раз судья хочет взять этого молодого человека к себе в дом, то, пожалуй, будет удобнее, если я представлю за все один счет.

— Разумеется, хватит и одного, — ответил Мармадьюк с лукавой усмешкой, которая часто появлялась у него на лице, причем было совершенно невозможно догадаться, улыбается ли он собеседнику или втайне посмеивается над ним.

Тем временем трактирщику удалось увести индейца в сарай и уложить его там на соломе; укрытый собственным одеялом, Джон крепко проспал до самого утра.

Скоро и майор Гартман совсем развеселился и принялся что-то шумно выкрикивать. Стакан следовал за стаканом, кружка за кружкой, и празднование сочельника затянулось почти до рассвета, когда старик немец вдруг выразил желание вернуться во «дворец». К этому времени большая часть компании уже разошлась, но Мармадьюк, хорошо знакомый с привычками своих друзей, не делал никаких попыток увести их пораньше. Однако едва майор сказал, что хочет спать, как судья поспешил этим воспользоваться, и все трое отправились восвояси. Миссис Холлистер сама проводила их до двери, не скупясь на полезные советы, которые должны были помочь им как можно благополучнее покинуть ее заведение.

— Обопритесь на мистера Джонса, майор, — говорила она, — он молод и будет служить вам поддержкой. Уж до чего приятно было видеть вас в «Храбром драгуне»! И, конечно, нет греха в том, чтобы встретить рождество с веселым сердцем, — ведь никто не знает, когда нас посетит печаль. Ну, доброй ночи, судья, и желаю вам всем счастливого рождества, потому что уже утро.

Все трое как могли ответили на ее пожелание и отправились в путь. Пока они брели, держась середины широкой, хорошо утоптанной дорожки, все шло отлично, но едва они очутились в саду «дворца», как начались трудности. Мы не станем тратить время на подробный рассказ и упомянем только, что утром прохожий мог бы заметить за изгородью множество петляющих тропок и что на пути к дверям Мармадьюк вдруг потерял майора и мистера Джонса, но, пойдя по одной из таких тропок, вскоре добрался до места, где над снегом виднелись лишь головы его недавних собутыльников, что не мешало Ричарду весело распевать:

Так будем же пить
И не будем грустить,
Иль сединой голова убедится!

Глава 15

В Бискайском заливе мы бросили якорь.
Эндрю Черри, «По Бискайскому заливу»

Прежде чем судья со своими друзьями отправился в «Храбрый драгун», он благополучно доставил Элизабет домой, где новая хозяйка «дворца» могла провести вечер по собственному усмотрению, забавляясь или занимаясь делами. Почти все огни в доме были погашены, но в зале Бенджамен старательно расставил на буфете четыре большие свечи в тяжелых медных шандалах, придававшие этой комнате очень уютный вид, особенно по сравнению с унылой «академией», которую Элизабет только что покинула.

Добродетель тоже слушала мистера Гранта, и молитвенное настроение несколько смягчило обиду, которую вызвали у нее слова судьи за обедом. Кроме того, у нее было время поразмыслить, и, вспомнив о молодости Элизабет, она решила, что ей будет нетрудно под маской почтительности сохранять власть, которой она прежде пользовалась открыто. Мысль о том, что кто-то будет ей приказывать, что ей придется покорно выполнять чьи-то распоряжения, приводила ее в ярость, и она уже несколько раз порывалась начать разговор, чтобы выяснить щекотливый вопрос о своем новом положении в доме. Но стоило экономке встретить гордый взгляд темных глаз Элизабет, которая, прогуливаясь по залу, вспоминала годы детства, размышляла о перемене в своей жизни и, может быть, обдумывала события дня, как ее охватывал почтительный страх, в чем, впрочем, она ни за что не призналась бы себе. Но как бы то ни было, она долго не решалась заговорить и в конце концов выбрала тему, позволявшую ей показать себя с наилучшей стороны и намекнуть на то, что перед лицом бога все люди равны.

— Длинную проповедь сказал нам нынче преподобный Грант, — начала Добродетель. — Церковные священники мастера читать проповеди, ну, да и то сказать — они все наперед записывают, а это большое удобство. От природы они, бьюсь об заклад, говорят куда хуже, чем священники стоячих вер — те-то ведь заранее не готовятся.

— А какие веры вы называете стоячими? — с некоторым удивлением спросила мисс Темпл.

— Ну, пресвитериан, баптистов — всех тех, кто молится, не становясь на колени.

— Так, значит, по-вашему, единоверцы моего отца исповедуют сидячую веру? — осведомилась Элизабет.

— Да нет, я не слышала, чтобы их называли иначе, как квакерами, — ответила Добродетель с некоторым смущением. — И я ни за что не стала бы называть их иначе, потому как ни разу не выразилась непочтительно о судье и его родственниках. Я всегда уважала квакеров — такие все они обходительные да степенные. Ума не приложу, как это ваш папенька взял жену из церковной семьи. Уж больно молятся-то они по-разному. Квакеры сидят себе тихо и молчат почти все время, а в церквах такое дается, что со смеху помереть можно; я ведь знаю, что говорю, потому как я, еще когда жила на побережье, один раз в такой церкви побывала.

— Вы обнаружили в церковной службе достоинство, какого я прежде не замечала. Будьте добры, узнайте, топится ли в моей комнате камин. Я устала после дороги и хочу лечь спать.

Добродетель чуть было не сказала молодой хозяйке дома, что она может сама открыть дверь да посмотреть, но осторожность взяла верх над досадой, и, несколько помешкав, чтобы все-таки поддержать свое достоинство, она выполнила приказание. Услышав, что камин затоплен, Элизабет, пожелав доброй ночи экономке и Бенджамену, который подбрасывал дров в печку, удалилась в свою комнату.

Едва за мисс Темпл закрылась дверь, как Добродетель начала длинную, запутанную речь, словно бы и не ругая и не хваля молодую хозяйку, но тем не менее ее намеки все яснее рисовали эту последнюю в самом неблагоприятном свете. Дворецкий, ничего не отвечая, продолжал прилежно возиться у печи, а затем посмотрел на термометр и, открыв дверцу буфета, достал оттуда запас напитков, которые согрели бы его без помощи того жаркого огня, который он развел. Тотчас же к печи был пододвинут маленький столик и на нем аккуратно и без лишнего шума расставлены бутылки и бокалы. Потом Бенджамен принес в этот уютный уголок два кресла и, как будто только что заметив экономку, воскликнул:

— Ну-ка, мисс Добродетель, бросьте якорь в этом кресле! Снаружи трещит мороз, а мне и дела нет. Шторм или штиль — для Бена все одно. Негры устроились в трюме и развели там такой огонь, что быка целиком зажарить можно. Термометр показывает сейчас тринадцать градусов, но на кленовые дрова можно положиться — не успеем мы еще пропустить по стаканчику, как температура полезет вверх градусов на десять, и когда сквайр вернется домой из теплого трактира Бетти Холлистер, ему будет жарко, словно бы матросу, который намазал мачту скверным дегтем. Ну-ка, садитесь, сударыня, на это кресло да скажите мне, как вам понравилась хозяйская дочка.

— Ну, по-моему, мистер Пенгиллен...

— Помпа, Помпа, — перебил ее Бенджамен. — Сегодня сочельник, мисс Добродетель, так и зовите меня просто Помпой. Эдак будет покороче, а я к тому же собираюсь выкачать вот этот графинчик досуха. Ну, так, значит, я Помпа и есть.

— Ах, батюшки мои! — воскликнула Добродетель со смехом, от которого, казалось, развинтились все ее суставы. — Ну и шутник же вы, Бенджамен, когда на вас стих найдет! А отвечу я вам, что теперь в этом доме все будет по-другому.

— По-другому! — воскликнул дворецкий, поглядывая на графин, который пустел с удивительной быстротой. — Ну и пусть, мисс Добродетель, ну и пусть раз ключи от провиантского склада остаются в моем кармане.

— Что верно, то верно, — подхватила экономка. — В доме хорошей еды и питья на всех хватит... подсыпьте-ка мне сахару в стакан, Бенджамен... потому как сквайр Джонс разве только птичьего молока раздобыть не сумеет. Но ведь новые господа — новые законы.

— Жизнь переменчива, как ветер в море, — нравоучительно заметил Бенджамен, — а переменчивей ветра вы ничего не найдете, мисс Добродетель. Вот разве только доберетесь до мест, где дуют пассаты, а уж тогда-то хоть целый месяц иди себе без забот на всех парусах с юнгой у штурвала.

— Мне ли не знать, как жизнь переменчива! — ответила Добродетель, подделываясь под настроение своего собеседника. — И в этом доме будут большие перемены, помяните мое слово! Вот уж и мной собрались командовать, да и над вами скоро посадят какого-нибудь молодца. А вам-то это будет и вовсе не легко, раз вы столько времени жили по своей воле.

— Повышения даются тем, кто служит дольше, — сказал дворецкий, — и, коли они подыщут на мою койку другого или возьмут в кают-компанию нового стюарда, я подам в отставку, прежде чем вы сумеете поднять шлюпку на тали. Хоть сквайр Дик обходительный джентльмен и капитан и плавать с ним одно удовольствие, все же я ему скажу по-простому, по-нашему, по-морскому, что коли он задумал поставить надо мной новобранца, то я уйду в отставку. Я начал на баке, мисс Петтибон, и честно дослужился до юта. Я шесть месяцев плавал на гернсейском люгере, выбирал фалы и свертывал канат в бухту. Потом я сделал несколько рейсов на шхуне, которая занималась тем же промыслом. А что это значит? Плавай всегда по ночам вслепую. И учиться там нечему, разве что как водить корабль по звездам. Ну, тут, видите ли, научился я, как смолить стеньгу и как убирать топсель, а потом стал прислуживать в капитанской каюте — готовил шкиперу грог. Вот там-то я и приобрел мое умение в этом деле и, как вы сами знаете, изучил его до тонкостей. Ну, пью за наше доброе знакомство.

Добродетель наклонила голову в знак признательности за такой любезный тост и отпила из своего стакана — она всегда была не прочь отведать горячительного напитка при условии, что его хорошенько подсластят. После того как достойная пара обменялась этими любезностями, разговор возобновился.

— Вы, наверное, немало в жизни повидали, Бенджамен. Недаром в писании говорится: «Те, кто пускается в море на кораблях, видят труды господни».

— Так-то оно так, да только и на бригах и на шхунах тоже⁴⁸ иной раз доводится

⁴⁸ В парусном флоте кораблем в узком смысле слова называлось четырехмачтовое судно с прямыми

увидеть и труды дьявола. На море, мисс Добродетель, человек может набраться всяких знаний, потому как видит он всякие народы и очертания всяких стран. Вот, скажем, я. Хоть по сравнению с иными моряками я человек неученый, а ведь на побережье Атлантического океана не найдется ни мысочка, ни островка от мыса Аг до самого что ни на есть Финистера, про который я не знал бы, как называется и чем славен... Лейте, лейте больше рому в воду. Вот вам сахар. Выйти вам замуж за сладкоежку, мисс Петтибон, помяните мое слово!.. Так, значит, как я уже говорил, все это побережье мне знакомо не хуже, чем дорога отсюда до «Храброго драгуна», и одно скажу: Бискайский залив — настоящий чертов котел. Эх, видели бы вы, какие там ветры дуют! Иной раз двое у одного на голове волосы не могут удержать. Да, плавать по этому заливу — словно как по здешним дорогам ездить: то вверх на холм, то вниз с холма.

— Скажите на милость! — воскликнула Добродетель. — Да неужто волны там бывают такие высокие, как горы, Бенджамен?

— А вот послушайте... Но сперва хлебнем-ка грогу. М-да!.. У вас в стране ром что надо! Ну, да когда до Вест-Индии рукой подать, оно и понятно. Эх, черт побери! Если бы Гернси лежал поближе к Ямайке, ром стоил бы гроши. А что до волн, то в Бискайском заливе они высоко поднимаются, да ровно бегут, и только если ветер дует с юго-запада, тогда они так сшибаются, что любо-дорого. Ну, а коли хотите посмотреть настоящие валы, то в заливе вам делать нечего, а лучше прогуляйтесь-ка при западном ветре у Азорских островов, да так, чтобы земля оставалась под ветром, а нос был бы повернут к югу, да возьмите рифы на формарселе, а то на фокке, да поставьте форстаксель и крьюстаксель, да берите как можно круче к ветру, если только кораблик выдержит, да пройдите так две вахты, — вот тогда вы увидите горы. Я как-то побывал там на фрегате «Боадия»: то все небо меньше грота, а то под днищем разверзается яма, куда весь английский флот влезет.

— Да как же это вы не боялись, Бенджамен, и как же это вы спаслись?

— Боялся? Кто же это боится соленой водички над головой? А спаслись вот как. Когда мы порядком этого хлебнули да помыли хорошенько наши палубы, то свистали всех наверх — свободная вахта спала у себя на койках, словно на ваших пуховиках, — и выждали затишья. Повернули по ветру, убрали фок, да и пошли фордевинд. Вот посудите, мисс Петтибон, как летел наш фрегат: скажу, не совру, что он прыгал с одной волны на другую, словно здешние белки с дерева на дерево.

— Да как же это? Совсем без воды, прямо по воздуху? — воскликнула Добродетель, изумленно всплескивая костлявыми руками.

— Ну, это не так-то просто — выбраться из воды. Брызги летели до того густо, что уж не разобрать было, где здесь море, а где тучи. Ну, так мы и шли фордевинд целых две склянки. Капитан сам стоял на мостике, у штурвала было четыре рулевых, а штурман с шестью матросами поворачивал румпель на батарейной палубе. Ну, зато как наш красавец слушался руля! Эх, да что говорить, сударыня, — по всей Англии не найти было дворца лучше этого фрегата. Будь я королем, я бы приказал поставить его на якорь у Лондонского моста и поселился бы в нем. А все почему? А все потому, что уж кто-кто, а его величество может позволить себе жить в удобном помещении.

— Ну а дальше-то как же, Бенджамен? — вскричала экономка, дивясь и ужасаясь опасностям, которым когда-то подвергался дворецкий. — Что же вы тогда сделали?

— Сделали? Ну, выполнили свой долг, как и надлежит бравым морякам. Вот, скажем, ежели бы на нем плыли земляки мусью Леквы, они наверняка выбросили бы фрегат на какой-нибудь из малых островов, а мы шли да шли, пока не оказались прямо с подветренной стороны горы Пику, и разрази меня бог, если я знаю, как мы туда забрались: то ли обогнули остров, то ли просто через него перепрыгнули. Но дело не в том — теперь гора заслоняла нас от ветра, и мы стали крейсировать там то одним галсом, то другим, а порой высовывали нос, чтобы посмотреть, что делается в открытом море, и так — пока ураган не стих.

— Ах, батюшки мои! — воскликнула Добродетель, которая не поняла ни одного из морских выражений Бенджамена, но все-таки смутно представила себе картину разбушевавшихся стихий. — Ну и страшная у вас, моряков, жизнь! Чего же удивительного, если вам не по душе мысль, что, может, придется вам покинуть такую хорошую и спокойную должность. Само собой, беда не велика и можно найти много домов ничуть не хуже. Когда судья уговаривал меня вести тут хозяйство, я и не думала даже, что останусь надолго. Я ведь просто заехала через неделю после смерти миссис Темпл посмотреть, что да как, и собиралась к вечеру вернуться домой, да только так все они были расстроены и такой здесь был беспорядок — ну, как же мне было не остаться и не помочь? Место мне показалось хорошим. Я ведь не замужем, а им очень уж была нужна помощь, вот я и осталась.

— И долгонько не поднимали якорей, сударыня. Бьюсь об заклад, вам пришлось по вкусу командовать этим корабликом!

— Ах, да подите вы, Бенджамен! Ни одному вашему словечку верить нельзя! Ну, оно верно, и судья и сквайр Джонс были куда как покладисты и обходительны, но теперь начнутся тут другие времена, вот помяните мое слово. Я, конечно, знала, что судья собирается в город и привезет оттуда дочку, но вот такого поведения, признаюсь, не ожидала. Уж поверьте, Бенджамен, обернется она настоящей ведьмой!

— Ведьмой! — повторил дворецкий, широко раскрыв от удивления глаза, которые уже начали подозрительно смыкаться. — Разрази меня бог, сударыня, эдак вы еще скажете, что «Боадицея» была никудышным фрегатом. Да какая же она ведьма? Разве глаза у нее не сверкают, будто утренние и вечерние звезды? А волосы-то черные и блестящие, как хорошо просмоленный канат. И ходит, что твой линейный корабль на буксире в тихую погоду! Даже фигуре на носу нашей «Боадицеи» до нее далеко будет, а ведь капитан не раз говорил, что фигура эта изображает великую королеву. А ведь королевы всегда бывают красавицами, — сами подумайте, кто бы это согласился быть королем, если бы он не мог выбрать красавицу себе в жены? Что за радость целовать какую-нибудь образину?

— Если вы будете говорить о таких неприличностях, Бенджамен, — сказала экономка, — я тотчас, уйду! Никто не спорит: с виду она и точно ничего себе, да вот только добра от нее не жди, это я вам сразу скажу. До того спесью надувается, что уж и говорить-то ни с кем не желает. Сквайр Джонс так расхваливал ее, что подумала, она барышня обходительная. Нет уж, не спорьте. Луиза Грант куда воспитаннее, и Бетти Темпл до нее далеко. Она мне даже словечка не ответила, а я-то хотела порасспросить ее, каково это было вернуться домой, когда маменьки уже нет.

— А может, она вас просто не поняла, сударыня, больно уж вы по-простому выражаетесь, а мисс Лиззи-то училась в пансионе у знатной лондонской дамы и говорит не хуже меня самого или кого другого, кто повидал свет в самом лучшем обществе. Вы женщина неученая, а наша молодая хозяйка все науки до тонкости превзошла.

— «Хозяйка»! — взвизгнула Добродетель. — Да что это вы, Бенджамен, говорите, точно я какая-нибудь чернокожая рабыня! Она мне не хозяйка и никогда хозяйкой не будет. А выражаюсь я на самом чистом языке, я ведь из Новой Англии, из графства Эссекс, а Бухтовый штат⁴⁹ этим славится.

— Я частенько слышал об этой бухте Воштат, — заметил Бенджамен, — но не могу сказать, что когда-нибудь в ней бывал, и даже хорошенько не знаю, где она находится. Может, в ней и есть хорошая якорная стоянка, но против Бискайского залива или, скажем, бухты Тор она все равно что шлюпка против фрегата. А касательно языка я одно скажу: вот послушали бы вы в Уоппинге или же на Рэдклиффской дороге, как выражаются лондонцы, — весь словарь переберут, что тебе пряди каната при починке. Ну, да не в том дело, сударыня, а вы подумайте и увидите, что мисс Лиззи никакой вам особой обиды не сделала. Лучше выпейте еще капельку да забудьте и простите, как честным людям положено.

⁴⁹ Бухтовый штат (от Массачусетской бухты) — одно из разговорных названий штата Массачусетс.

— Вот еще! И не выдумывайте, Бенджамен. Мной никто так не помыкал, и терпеть такое обращение я не намерена! У меня ведь есть полтораста долларов да постель и двадцать овечек. Не больно-то мне нужно жить в доме, где нельзя звать девушку ее собственным крещеным именем. Вот возьму и буду называть ее Бетси, сколько мне вздумается, — мы живем в свободной стране, и пусть-ка кто-нибудь попробует мне запретить! Я, правда, собиралась дожить тут до лета, а вот теперь попрошу расчет завтра утром и буду разговаривать как хочу, и никто мне не указ!

— Что правда, то правда, мисс Добродетель, — сказал Бенджамен. — Никто об этом спорить с вами не станет. Будто я не знаю, что легче остановить бурю шейным платком, чем заткнуть вам глотку, когда у вас язык со стопора спущен. Скажите, сударыня, а много обезьян водится на берегах этой вашей бухты Воштат?

— Сами вы обезьяна, мистер Пенгиллен! — завопила в ярости экономка. — А вернее сказать — медведь! Грубый черный медведь! И плохая компания для порядочной женщины. Хоть бы я еще тридцать лет прожила у судьбы, а больше ни разочка не унижусь до вашего общества. Такие разговоры годятся для кухни, а не для гостиной в богатом доме.

— Вот что, мисс Пети... Мети... Выйдивон, может, я и взаправду иной раз делаюсь медведем, ежели кто вздумает со мной схватиться, но разрази меня бог, коли я соглашусь, чтобы меня обзывали обезьяной — животиной, которая болтает, болтает, а о чем — сама не знает. Да что я вам, попугай, что ли? Вот эта птица и впрямь так и чешет на всяких там языках, которые честным людям ни к чему: не то по-гречески, не то по-воштатски, а может, на наречии западных голландцев! А знает ли он сам, что он такое говорит? Вот что вы мне скажите, сударыня. Мичман, к примеру, командует любо-дорого, когда капитан отдаст ему приказ, а пустите-ка его дрейфовать без посторонней помощи, велите-ка ему самому вести судно по курсу, так не пить мне больше грога, если над ним не будет смеяться вся команда до последнего юнга!

— Не пить вам больше грога, вот именно! — заявила Добродетель, в негодовании поднимаясь из-за стола и хватая свечу. — Вы и так уже перепились, Бенджамен, дальше некуда, и я покидаю вас, пока вы еще не наговорили мне всяких неприличностей.

С этими словами экономка удалилась, не уступая в величественности самой Элизабет, — по крайней мере, так ей казалось. Она захлопнула за собой дверь с грохотом, напоминая мушкетный выстрел, бормоча при этом себе под нос всякие оскорбительные эпитеты вроде «пьяница», «нализавшийся дурак» и «свинья».

— Это кто, по-твоему, пьян? — яростно загредел Бенджамен вслед Добродетели, приподнимаясь, словно с намерением догнать ее. — Хочет равняться с благородными дамами, а сама только и умеет шпынять людей по пустякам! Да и негде тебе было научиться манерам и хорошему разговору. Не в твоей же проклятой бухте Воштат!

Тут Бенджамен снова упал в кресло, и скоро в комнате раздались зловещие звуки, напоминавшие ворчание его любимого зверя — медведя. Однако, прежде чем попасть, выражаясь изысканным языком некоторых современных писателей, в «объятия Морфея», он еще успел внушительно произнести вслух, соблюдая должные паузы между каждым язвительным намеком, «обезьяна», «попугай», «закуска», «ведьма» и «бухта Воштат».

Мы не станем даже пытаться объяснить читателю, что именно подразумевал почтенный дворецкий, и не будем восполнять пробелы между вышеупомянутыми словами, скажем лишь, что произносились они со всем глубочайшим презрением, какое только может испытывать человек к обезьяне.

Прошло около двух часов, прежде чем дворецкий был разбужен шумным возвращением Ричарда, майора Гартмана и судьбы. Бенджамен уже настолько пришел в себя, что сумел благополучно проводить первых двух в их спальни, но затем исчез и сам, предоставив запирающий дом тому, кто больше всех был заинтересован в его целостности и сохранности. Но в те дни не слишком-то злоупотребляли замками и засовами, так что Мармадюк, осмотрев топившиеся печи и камин, тоже отправился на покой. Сообщением об этом благоразумном поступке мы закончим описание первого вечера нашего

Глава 16

*Первый сторож (тихо). Тут дело нечисто,
Ребята. Стойте смирно.*

Шекспир, «Много шума из ничего»

К счастью для всех веселых гуляк, за полночь покидавших «Храброго драгуна», в это время уже сильно потеплело, и, кружа среди сугробов, они могли не опасаться за целостность своих носов и щек. К утру по небу быстро заскользили прозрачные облачка и луна скрылась в волнах тумана, который ветер гнал на север, неся с собой теплый воздух с далекого океана. Солнце взошло за густыми тучами, а южный ветер, дувший теперь в долине, обещал оттепель.

Утро уже давно занялось, когда Элизабет заметила, что над восточными холмами забрезжило бледное сияние, хотя западный склон долины осветился гораздо раньше, и решила погулять и полюбоваться окрестностями при свете дня, прежде чем компания, так усердно праздновавшая сочельник, выйдет наконец к завтраку. Остановившись в маленьком дворике, за которым начиналась молодая сосновая поросль, совсем недавно занявшая место могучих лесных великанов, Элизабет поплотнее закуталась в меховую накидку, ибо, несмотря на оттепель, холод все же был довольно силен, и собиралась уже пойти дальше, но тут над ее головой раздался голос мистера Джонса:

— Поздравляю с праздником, кузина Бесс, желаю тебе счастливого рождества! Как погляжу, ты равняя пташка, но все-таки я тебя перехитрил. Еще не было рождества, когда бы я не успел первым поздравить всех обитателей дома, от мала до велика, и белых, и черных, и желтых. Но погоди-ка минутку, пока я надену шубу; ты же собралась осмотреть наши нововведения, а никто лучше меня не сможет тебе все объяснить: ведь это я их придумал. Дьюк и майор будут еще час отсыпаться после дьявольских смесей миссис Холлистер.

Элизабет, оглянувшись, увидела, что, подстрекаемый неумной жаждой всегда быть первым, ее родственник распахнул окно и высунул из него голову, еще увенчанную ночным колпаком. Она засмеялась, обещала подождать его и вернулась в дом, но вскоре вновь вышла во дворик, держа в руке большой пакет, украшенный пятью внушительными печатями, — как раз вовремя, чтобы встретить мистера Джонса.

— Идем, Бесси, идем! — оживленно крикнул он, беря ее под руку. — Снег подтаял, но нас он еще выдержит. Чувствуешь, как в воздухе запахло пенсильванской весной? Здешний климат из рук вон плох, душенька. Вот, скажем, вчера к вечеру мороз был такой, что мог убить в человеке всякую подвижность, а чтобы это случилось со мной, нужен редкий холод; часов в десять начало теплеть, к двенадцати стало совсем тепло, и всю остальную часть ночи было так жарко, что я даже сбросил одеяло... Э-эй, Агги! Поздравляю с праздником, Агги! Да ты слышишь меня, черный пес? Вот тебе доллар, и, если судья и майор проснутся прежде, чем я вернусь, прибеги сказать мне об этом. Если Дьюк меня опередит, я тебе в жизни этого не прощу.

Негр выхватил монету из сугроба, обещал быть начеку и вовремя предупредить массу Ричарда. Затем он подбросил доллар на двадцать футов вверх, поймал его и удалился в кухню, чтобы похвастать полученным подарком, — на сердце у него было легко, и губы то и дело расплывались в счастливую улыбку.

— Успокойтесь, милый кузен, — сказала Элизабет. — Я заглянула в спальню отца — он вряд ли проснется раньше чем через час, и, приняв должные меры предосторожности, вы, без всякого сомнения, успеете поздравить его первым.

— Конечно, Дьюк тебе придется отцом, Элизабет, но я все-таки скажу: Дьюк из тех людей, кто любит быть первым даже в пустяках. Что до меня, то я к этому совсем

равнодушен, за исключением тех случаев, когда бывает нужно с кем-нибудь потягаться. Ведь вещь, не важная сама по себе, приобретает огромное значение, если надо показать, что у тебя она получается лучше, чем у других. Вот твой отец хочет быть во всем первым, а я только доказываю, что ему до меня далеко.

— Это совершенно понятно, сэр, — сказала Элизабет. — Не будь в мире других людей, кроме вас, вы презирали бы отличия, но, раз уж они существуют, вам волей-неволей приходится доказывать, что всем им до вас далеко.

— Вот именно. Ты умница, Бесс, и делаешь честь своим наставникам. А ведь этот пансион выбрал для тебя я. Когда твой отец упомянул о своем намерении, я списался с одним моим нью-йоркским другом, прося его совета, и он рекомендовал мне тот самый пансион, в котором ты училась. Дьюк сперва, как обычно, заупрямился, но, когда узнал все обстоятельства, должен был со мной согласиться и послал туда тебя.

— Ну, довольно перечислять недостатки Дьюка, сударь. Он ведь все-таки приходится мне отцом, а если бы вы знали, что он сделал для вас, пока мы были в Олбани, вы не стали бы так взыскательно разбирать его характер.

— Для меня? — воскликнул Ричард и остановился, чтобы обдумать это сообщение. — А он, верно, достал для меня план новой голландской молельни. Но мне это ни к чему, ибо человек, наделенный особыми талантами, редко прибегает к помощи чужих планов. Его собственный ум — вот лучший архитектор.

— Речь идет не об этом, — разуверила его Элизабет с таинственной улыбкой.

— Нет? Ну, так... может, в прошении о новой заставе он предложил меня на пост сборщика дорожных пошлин?

— Может быть, не знаю, но я говорю о другом назначении.

— О другом? — повторил мистер Джонс, который уже пританцовывал от любопытства. — Значит, это все-таки какое-то назначение. Если в милицию, то я откажусь.

— Нет, нет, милиция тут ни при чем! — воскликнула мисс Темпл, показывая ему пакет и тут же кокетливо отдергивая руку. — Это пост и почетный и доходный.

— И почетный и доходный! — воскликнул мистер Джонс вне себя от волнения. — Покажи мне скорее эту бумагу, душечка. Но делать-то мне что-нибудь придется?

— Отгадали, кузен Дик; это высшая исполнительная власть в округе. По крайней мере, так сказал отец, когда отдал мне этот пакет, чтобы я могла сделать вам рождественский подарок. «Дик будет очень рад, — сказал он, — возглавить исполнительную власть в округе».

— Возглавить исполнительную власть в округе? Чепуха! — воскликнул Ричард, нетерпеливо вырывая пакет из ее рук. — Нет такого поста... Кто? Что? Мистер Ричард Джонс, эсквайр, назначается шерифом округа... Вот это действительно мило со стороны Дьюка, ничего не скажешь! Нельзя отрицать, что у Дьюка доброе сердце и он никогда не забывает своих друзей. Шериф! Верховный шериф округа! Это звучит хорошо, Бесс, но выполняться обязанности шерифа будут еще лучше. Дьюк все-таки человек рассудительный и умеет разбираться в людях. Я ему очень обязан, — при этих словах Ричард, сам того не замечая, вытер глаза полкой шубы, — хотя, конечно, я всегда готов отплатить ему тем же, в чем он убедится, если мне представится случай оказать ему услугу, связанную с моей должностью. Она будет оказана, кузина Бесс, будет! Как, однако, слезятся глаза от этого проклятого южного ветра.

— Вот теперь, кузен Ричард, — со смехом воскликнула девушка, — теперь, наверное, вы сумеете найти себе занятие! Я ведь не забыла, как часто вы в первые дни жаловались, что в этих необжитых краях вам совсем нечего делать, хотя, на мой взгляд, дела здесь было непочатый край.

— «Занятие»! — повторил Ричард, высморкался и, выпрямившись во весь свой маленький рост, принял серьезный вид. — Все зависит от системы, душечка. Я сегодня же сяду и систематизирую округ. Шерифу, как ты знаешь, полагаются помощники. Я разделю округ на районы и в каждом поставлю такого помощника, а одного заведу для поселка, где

будет помещаться моя штаб-квартира. Дай-ка подумать... Вот, скажем, Бенджамен. Да, из Бенджамена выйдет хороший помощник шерифа; он уже получил американское гражданство и был бы просто совершенством, если бы только умел ездить на лошади.

— Да, мистер шериф, — сказала его спутница, — раз он так хорошо разбирается в корабельных канатах, то, наверное, сумеет справиться и с простой веревкой, если это ему когда-нибудь понадобится в его должности...

— Ну нет, — перебил ее Ричард, — лщу себя мыслью, что никто не сумеет повесить человека лучше... то есть... э-э... Да, Бенджамен сумеет великолепно справиться с этим неприятным делом, если только согласится за него взяться, но думаю, что он никогда не согласится. Нет, наверное, я не сумею заставить его вешать кого-нибудь и не сумею научить ездить верхом. Придется мне искать другого помощника.

— Ах, кузен, у вас хватит досуга для решения всех этих важных дел, а пока, прошу вас, забудьте, что вы теперь верховный шериф, и докажите, что вы умеете быть любезным кавалером. Где все те нововведения и улучшения, которые вы обещали мне показать?

— Где? Да везде. Вот тут я наметил новые улицы, и, когда они будут закончены, все деревья повалены, а все дома выстроены, это будет прелестный квартал, не правда ли? Дьюк великодушный человек, ничего не скажешь, несмотря на свое упрямство. Да-да, мне понадобятся по меньшей мере четыре помощника, не считая начальника тюрьмы.

— Но я не вижу здесь никаких улиц, — сказала Элизабет. — Или вы называете улицами вон те узенькие просеки в молодом сосняке? Неужели вы серьезно собираетесь строить дома в этом лесу и на болоте?

— Мы должны пролагать улицы по компасу, Бесс, не думая ни о деревьях, ни о холмах, ни о болотах, ни о пнях, — короче говоря, ни о чем, кроме потомков. Таково желание твоего отца, а твой отец, как ты знаешь...

—..сделал вас шерифом, мистер Джонс, — закончила Элизабет тоном, который ясно показал ее спутнику, что он коснулся запретной темы.

— Знаю, знаю, — воскликнул Ричард, — и будь это в моей власти, я сделал бы Дьюка королем. Он благородный малый, и король из него вышел бы превосходный, при условии, конечно, что он подберет себе хорошего премьер-министра... Но что это? В сосняке слышны голоса. Готов прозакладывать мою новую должность, это какие-то злоумышленники. Подойдем поближе и разберемся, в чем дело.

За время своей беседы Ричард и Элизабет успели довольно далеко отойти от дома и шли теперь по расположенному за поселком пустырю, где, как читатель мог догадаться по их разговору, в будущем предполагалось проложить новые улицы. Однако единственным свидетельством этих ожидаемых улучшений пока была заброшенная вырубка на опушке темного соснового бора, уже поросшая молоденькими сосенками. Ветер шелестел в верхушках этих юных отпрысков лесных великанов, заглушая шаги наших путников, а зеленая хвоя скрывала их от случайного взгляда. Поэтому они смогли приблизиться почти вплотную к тому месту, где молодой охотник, Кожаный Чулок и старый вождь вели какой-то серьезный разговор. Молодой человек, казалось, на чем-то настаивал, на чем-то очень важном, а Натти слушал его речь с еще более глубоким вниманием, чем обычно. Могиканин стоял в стороне, опустив голову на грудь; длинные черные волосы скрывали его лицо, однако вся его фигура выражала глубокое уныние, а может быть, и стыд.

— Уйдемте, — шепнула Элизабет, — нас сюда не звали, и мы не имеем права подслушивать секреты этих людей.

— Не имеем права? — с легкой досадой переспросил Ричард также шепотом и поспешно взял ее за руку, словно опасаясь, что она убежит. — Ты забываешь, кузиночка, что мой долг — охранять мир в округе и следить за неукоснительным выполнением законов. Эти бродяги часто их нарушают, хотя я не думаю, чтобы Джон был способен на что-нибудь подобное. Бедняга, вчера он был мертвецки пьян и сейчас, кажется, еще не совсем пришел в себя. Давай подойдем поближе и послушаем, о чем они говорят.

Элизабет попробовала возражать, но Ричард, несомненно вдохновляемый высоким

представлением о долге, сумел настоять на своем, и вскоре они подошли так близко, что могли ясно слышать каждое слово, произносившееся на поляне.

— Птицу эту нам надо заполучить, — говорил Натти, — хоть честным путем, хоть нечестным. Охо-хо, я-то знавал времена, когда дикая индейка не была редкостью в этих местах. Ну, а теперь они попадают только на Виргинских перевалах. Оно, конечно, жареная индейка повкусней куропатки будет, хоть, на мой взгляд, нет ничего лучше бобрового хвоста и медвежьего окорока. Ну, да на вкус товарищей нет. Сегодня я, когда шел через поселок, отдал французу за порох все деньги, кроме вот этого шиллинга⁵⁰, и, раз у тебя ничего нет, мы сможем купить только один выстрел. А я знаю, что Билли Керби тоже зарится на эту самую индюшку. У Джона верный глаз на первый выстрел, а у меня теперь что-то руки трясутся, когда требуется показать свое умение на людях, и я частенько промахиваюсь. Вот когда я осенью убил медведицу с медвежатами, то, хоть они были куда как свирепы, я уложил их всех по очереди, каждого с одного выстрела, да еще заряжая ружье на ходу, пока я увертывался от них между деревьями. Да только тогда было совсем другое дело, мистер Оливер.

— Вот, — воскликнул молодой человек, словно мысль о его бедности доставляла ему какое-то горькое удовольствие, и высоко поднял шиллинг, — вот все, что есть у меня теперь на земле, если не считать моего ружья! С этих пор я поистине становлюсь лесным охотником, и дичь будет моим единственным пропитанием. Что ж, Натти, давай поставим наши последние деньги на эту птицу. Ты меткий стрелок, и неудачи быть не может.

— Пусть лучше Джон стреляет, малый, а то у меня сердце начинает колотиться, только подумаю, как она тебе нужна, так что я наверняка по ней промахнусь. А индейцы стреляют всегда одинаково, на них ничто не действует. Слышишь, Джон, вот тебе шиллинг, бери мое ружье и попробуй подстрелить большую индюшку, которую сейчас привязали к пню. Мистеру Оливеру она очень нужна, а я, когда у меня сердце неспокойно, бью мимо цели.

Индеец угрюмо повернул голову, молча посмотрел на своих товарищей и сказал:

— Когда Джон был молод, его пуля летела прямее взгляда. Женщины мингов плакали, заслышав треск его ружья. Воины мингов делались как женщины. А разве он тогда стрелял дважды? Орел поднимался за облака, пролетая над вигвамом Чингачгука, и все равно его перья доставались женщинам. Но поглядите, — сказал он взволнованным голосом, совсем не похожим на прежний печальный шепот, и протянул к ним обе руки. — Они дрожат, словно лань, заслышавшая волчий вой. Разве Джон стар? Нет, прежде семьдесят лет не превращали могиканина в женщину! Но белые принесли с собой старость. Ром — вот их томагавк.

— Так зачем же ты пьешь его, старик? — воскликнул молодой охотник. — Зачем благородный вождь радуется дьявола, превращая себя в тупую скотину?

— В тупую скотину? Так, значит, Джон стал скотиной? — медленно повторил индеец. — Да, ты сказал правду, сын Пожирателя Огня. Джон — тупая скотина. Когда-то в этих горах поднимался дым лишь от немногих костров. Олень лизал руку белого человека, а птицы садились ему на плечи. Они не знали его. Мои отцы пришли сюда с берегов Соленой Воды. Их прогнал оттуда ром. Они пришли к своим прародителям. Они жили в мире и поднимали томагавки только для того, чтобы разбить голову какого-нибудь минга. Они собирались у Костра Совета, и, как они решали, так и делалось. Тогда Джон был мужчиной. Но за ними сюда пришли воины и торговцы со светлыми глазами. Воины принесли с собой длинные ножи, а торговцы принесли ром. Их было больше, чем сосен на горах, и они разогнали советы вождей и забрали себе землю. В их кувшинах прятался злой дух, и они выпустили его на свободу. Да, да, ты говоришь правду, Молодой Орел, Джон стал тупой христианской скотиной.

— Прости меня, старый воин! — воскликнул юноша, хватая его руку. — Не мне

⁵⁰ В первые десятилетия существования США там имели широкое хождение английские деньги. Шиллинг в этих местах стоил одну восьмую доллара.

упрекать тебя. Да будет проклята алчность, которая уничтожила такое благородное племя! Помни, Джон, что я принадлежу к твоему роду и теперь горжусь этим больше всего.

Лицо могиканина немного смягчилось, и он сказал более спокойно:

— Ты делавар, сын мой, твои слова не были сказаны. Но Джон не может стрелять.

— Я сразу догадался, что этот малый наполовину индеец, — прошептал Ричард, — как только он вчера так неуклюже дернул моих лошадей. Дело в том, кузиночка, что они не знают ни седел, ни сбруи. Но, если бедняга захочет, он сможет купить два выстрела по индейке, потому что я сам дам ему еще один шиллинг. Хотя лучше будет, если я вызовусь выстрелить за него. Слышишь там за соснами смех? Это начинаются рождественские состязания. И чего парню так приспичило получить индейку? Ну конечно, это вкусное блюдо, ничего не скажешь.

— Погодите, кузен Ричард! — воскликнула Элизабет, не отпуская его руки. — Неудобно предлагать шиллинг этому благородному джентльмену.

— Ну вот, опять ты называешь его благородным! Или ты думаешь, что этот метис откажется от денег? Нет, нет, душенька, он возьмет мой шиллинг, да и рому будет рад, хоть и проповедует трезвость. Но я хочу дать малому шанс убить эту индюшку, хотя Билли Керби — один из лучших стрелков в этих местах, если не считать... не считать одного истинного джентльмена.

— В таком случае, — сказала Элизабет, чувствуя, что у нее не хватает сил удержать его, — в таком случае, кузен, говорить буду я.

Она с решительным видом опередила своего родственника и вышла на поляну, где разговаривали трое охотников. Ее появление как будто испугало юношу, и он сделал было движение, чтобы уйти, но тут же опомнился, приподнял шапку и снова оперся на ружье. Ни Натти, ни могиканин даже бровью не повели, хотя появление Элизабет было совершенно неожиданным и для них.

— Оказывается, — сказала она, — у вас еще в ходу старинный рождественский обычай стрельбы по индюшкам. Я тоже хочу попытаться счастья. Кто из вас возьмет эти деньги, и, уплатив за меня взнос, отдаст в мое распоряжение свое ружье?

— Но ведь это неподходящая забава для благородной девицы! — воскликнул молодой охотник с таким жаром и быстротой, словно он подчинился велению сердца, а не разума.

— А почему бы и нет, сэр? Если эта забава жестока, то она жестока для мужчин не менее, чем для женщин. И я тоже имею право на свои прихоти. Вашей помощи я не прошу, однако надеюсь, этот ветеран лесов, — тут она повернулась к Натти и сунула ему в руку доллар, — не будет столь нелюбезен, чтобы отказать даме.

Кожаный Чулок сунул монету в сумку и, подняв ружье, поправил кремь, а потом засмеялся своим странным смехом и сказал, закидывая ружье за плечо:

— Если Билли Керби не подстрелит птицу раньше меня и если порох француза не отсырел из-за оттепели, через несколько минут вы получите индюшку, какой не видывали в доме судьи. Голландки на Мохоке всегда смотрят рождественские забавы, и, значит, малый, нечего тебе было грубить барышне. Ну, идемте, а то упустим самую лучшую птицу.

— Но я имею право стрелять раньше тебя, Натти, и я хочу первым попытаться удачи. Прошу извинить меня, мисс Темпл, во мне очень нужна эта птица, и, хотя это выглядит нелюбезно, я настаиваю на своем праве.

— Пожалуйста, защищайте ваши законные права, сэр, — ответила Элизабет. — Мы с вами оба ищем приключений, и вот мой рыцарь. Я доверяю свою судьбу его меткости. Идите же, рыцарь Кожаного Чулка, а мы последуем за вами.

Натти, казалось, понравилась простота манер молодой красавицы, которая обратилась к нему с такой необычной просьбой, и, беззвучно засмеявшись в ответ на ее милую улыбку, он широким шагом охотника направился по сугробам к сосновой поросли, откуда доносились хохот и веселые крики. Его товарищи молча последовали за ним, причем юноша несколько тревожно оглянулся на Элизабет, которую задержал Ричард.

— Мне кажется, мисс Темпл, — сказал последний, убедившись, что никто их не

услышит, — вы не стали бы давать такое поручение чужому человеку, да еще Кожаному Чулку, если бы действительно хотели получить эту индюшку. Но я не верю, что вы говорили серьезно, потому что у меня на птичьем дворе откармливается их пятьдесят штук, и вы можете выбрать из них любую. Вот, скажем, те шесть, которых я откармливаю по новой системе толченым кирпичом и...

— Довольно, довольно, кузен Дик, — перебила его Элизабет. — Мне действительно нужна эта птица, и вот почему я обратилась с такой просьбой к мистеру Кожаному Чулку.

— А вы когда-нибудь слышали, кузина Элизабет, о великолепном выстреле, который я сделал по волку, уносившему одну из овец вашего батюшки? — негодуя спросил Ричард.

— Я помню этот случай, милый кузен. Но прилично ли верховному шерифу округа участвовать в таких забавах?

— Неужели ты думаешь, что я собирался стрелять сам? — ответил мистер Джонс, сменяя гнев на милость. — Но пойдем же и посмотрим состязание. Женщине в этой новой стране ничто не грозит, особенно дочери твоего отца, да еще в моем присутствии.

— Дочь моего отца ничего не боится, сэр, особенно когда ее сопровождает глава исполнительной власти округа.

Она снова взяла его под руку, и, пробравшись через сосновую поросль, они очутились на поляне, где на рождественское состязание в стрельбе собрались почти все молодые люди поселка и куда уже давно пришли Натти и его товарищи.

Глава 17

Нетрудно, право, догадаться:

Здесь горожане веселятся.

Вальтер Скотт, «Дева озера»

Хотя поселенцы в новых местах были вынуждены отказаться от очень многих из своих прежних развлечений, они никогда не упускали случая устроить, по старинному обычаю, рождественское состязание в стрельбе по индюшке. И это было вполне понятно, потому что всем им не раз приходилось откладывать топор или серп и хватать ружье, когда на вырубку вдруг выбежал олень или забредал на маленькое поле медведь вдохнуть воздух, полный новых запахов, и посмотреть хитрыми глазками, как далеко зашла работа этих непонятных существ, вторгшихся в его владения.

Однако в этот день стрелки собрались раньше обычного, чтобы заблаговременно успеть к службе мистера Гранта, которая казалась молодым людям не менее интересной забавой, чем состязание в меткости. Хозяином птиц был свободный негр, откормивший для этого случая такую коллекцию индюшек, которая могла бы вдохновить даже взыскательнейшего гурмана; добычу эту оспаривали люди самого разного возраста и положения, и для каждого из них находился приз, соответствовавший его средствам и умению. Наиболее неопытным и бедным стрелкам негр предлагал птиц похуже, и первые туры уже принесли ему немалый доход. Условия состязания были очень просты и всем понятны. Мишенью служила птица, привязанная бечевкой к большому сосновому пню, обращенная к стрелкам сторона которого была стесана топором. Расстояние между пнем и линией стрельбы составляло ровно сто ярдов и было тщательно измерено, ибо лишний фут в ту или иную сторону явился бы злостным нарушением прав либо состязающихся, либо хозяина индюшек. Последний сам назначал цену выстрела по каждой птице и условия каждого тура, но затем, по местным, весьма строгим понятиям о справедливости, обязан был допускать к состязанию любого желающего.

На поляне собралось человек тридцать молодых людей с ружьями в руках, а кроме того, все мальчишки поселка. Мальчуганы, одетые в грубые, но теплые куртки, засунув озябшие руки за пояс, толпились вокруг наиболее знаменитых стрелков и жадно слушали

хвастливые рассказы о былых победах, успевая в мечтах превзойти меткостью даже этих героев.

Громче всех разглагольствовал тот самый Билли Керби, о котором упоминал Натти. Это был человек богатырского сложения, добывавший себе хлеб — в тех случаях, когда у него вдруг появлялось желание поработать, — расчисткой лесных участков или разделкой бревен, и самый вид его красноречиво повествовал о его характере. Грубая и задиристая речь этого шумного, беззаботного буяна никак не вязалась с добродушным взглядом его веселых глаз. Он месяцами бездельничал в трактирах, подрабатывая по мелочам на выпивку и еду и упрямо торгуясь с теми, кто нуждался в его услугах: он предпочитал бить баклуши, лишь бы ни на йоту не поступиться своей независимостью и не сбавить ни цента с запрошенной им платы. Однако, когда эти щекотливые вопросы бывали наконец улажены к его полному удовлетворению, он вскидывал на плечо топор и ружье, надевал вещевой мешок и походкой Геркулеса углублялся в лесную чащу.

Перед тем как начать работу, он обходил границы расчищаемого участка, ловкими ударами топора освежая старые зарубки на деревьях, затем неторопливо направлялся к его середине и, сбросив куртку, прикидывал высоту двух-трех ближайших деревьев, чьи вершины, казалось, уходили в облака. Выбрав для показа своей сноровки самое гордое из них, он приближался к нему с равнодушным видом, насвистывая песенку, а потом, несколько раз замысловато взмахнув топором, словно учитель фехтования, салютующий шпагой, делал небольшую зарубку на коре, чтобы примериться. Наступала недолгая зловещая тишина, предвещавшая гибель столетнего леса. Затем раздавались громкие, четкие удары топора, вскоре сменявшиеся громом падения дерева: сперва, треска, лопалась его последняя опора, оно гнуло и ломало вершины и ветви соседних его братьев и потом гулко ударялось о землю, сотрясая ее. И с этой минуты топор стучал не переставая, грохот падающих деревьев напоминал отдаленную канонаду, и в чащу с внезапностью зимнего рассвета врывались солнечные лучи.

Изо дня в день, из недели в неделю Билли Керби трудился со всем присущим ему пылом, и участок волшебным образом преображался. Но вот топор умолкал, Билли во всю силу своей великанской глотки начинал подгонять терпеливых волов, и крики эти гремели среди тихих холмов, словно набат. В безветренные вечера они были слышны за целую милю, на противоположном склоне темплтонской долины, а там их подхватывало эхо, и последние их отзвуки замирали уже где-то среди дальних скал, нависающих над озером. Сложив бревна в кучи со всей быстротой, какую только позволяли его сноровка и богатырская сила, Билли Керби собирал топоры и пилы, поджигал сваленный лес и, озаряемый отблесками пламени, пожиравшего побежденные деревья, удалялся, словно завоеватель, который, захватив вражеский город, завершает свой триумф, спалив его дотла. А потом в течение нескольких месяцев он слонялся по трактирам, участвовал в любительских скачках, устраивал петушьи бои и нередко отличался в состязаниях вроде того, о котором идет речь.

Между ним и Кожаным Чулком давно уже существовало жгучее соперничество из-за звания лучшего стрелка. Несмотря на то что Натти, без всякого сомнения, был гораздо опытнее, верный глаз и твердая рука лесоруба равняли его, по общему мнению, со старым охотником. Однако до сих пор соперничество это ограничивалось похвалой и сравнением количества подстреленной ими на охоте дичи; сегодня же им в первый раз предстояло помериться силами в одном состязании.

Когда Натти и его спутники вернулись на поляну, Билли Керби все еще торговался с собственником индюшек из-за его лучшей птицы. Тот, однако, не уступил, и цена так и осталась неслыханно высокой — шиллинг за выстрел. Негр к тому же сделал все, чтобы обезопасить себя от возможного убытка, придумав очень трудные условия. Индюшку уже привязали к пню, но туловище ее было полностью скрыто в снегу, над которым виднелись только красная головка да длинная шея. Согласно уговору, птица оставалась собственностью негра, даже если бы пуля попала в туловище, находящееся под снегом, но зато стрелку, чтобы получить ее, было достаточно хотя бы задеть перышко, открытое взгляду.

Когда Элизабет и Ричард приблизились к шумной кучке стрелков, негр, сидевший на снегу в опасной близости от своей любимой птицы, как раз кончил объявлять эти условия. Хохот и негодующие возгласы с появлением неожиданных гостей внезапно утихли, но любопытство, написанное на лице молодой девушки, и ее ласковая улыбка скоро рассеяли неловкость, хотя ее присутствие и после этого удерживало молодых людей от излишне крепких выражений и чрезмерной горячности.

— Эй, ребята, отойдите с дороги! — крикнул лесоруб, выходя на линию стрельбы. — Посторонитесь! Кому говорю, озорники! А не то я прострелю вас всех насквозь. А теперь, Брам, прощайся со своей индюшкой!

— Погодите! — воскликнул молодой охотник. — Я тоже хочу попытать счастья. Вот мой шиллинг, Брам. Теперь и я имею право на один выстрел.

— Имей себе на здоровье, — засмеялся Керби, — но, если я взьерошу ей перышки, то что же останется тебе? Или в карманах твоей облезлой куртки столько денег, что ты готов платить за верный проигрыш?

— Какое вам дело, сэр, сколько денег в моих карманах? — гневно крикнул юноша. — Бери шиллинг, Брам, и выстрел за мной.

— Не злись, сынок, — сказал лесоруб, хладнокровно прилаживая кремень на место. — Говорят, у тебя пробито левое плечо, — значит, Брам по справедливости должен бы взять с тебя полцены. Подстрелить эту птичку не всякому под силу, даже если я тебе ее оставлю, а этого, скажу по чести, я делать не собираюсь.

— Поменьше хвастай, Билли Керби, — вмешался Натти, втыкая свое ружье в снег и опираясь на него. — Больше одного раза стрелять не придется. Коли малый промахнется — а тут ничего удивительного не будет, ведь рука-то у него онемела и болит, — то тебе придется еще потягаться с хорошим ружьем и опытным глазом. Может, и правда, что теперь я стреляю похуже, чем в былые годы, но для длинноствольного ружья сто ярдов — это пустяки.

— Да, никак, и старый Кожаный Чулок стрелять собрался? — крикнул его беспечный соперник. — Что ж, все должно быть по чести и совести. Первый выстрел мой, старина! Ну-ка, посмотрим, заработаю я себе обед или останусь без выпивки!

На лице хозяина птицы отражалась не только жадность, но и такой же азарт, какой охватил всех зрителей, однако он был порожден надеждой на совсем иные результаты. Едва лесоруб начал медленно прицеливаться, как негр крикнул во все горло:

— Не мошенничай, Билли Керби! Отойди-ка назад. Заставьте его отойти назад, ребята, не обижайте бедного негра! Индюшка, дура, тряхни головой! Ты что, не видишь, что он целится?

Однако его вопли, которыми он, собственно говоря, рассчитывал отвлечь внимание лесоруба, оказались совершенно бесполезными. Нервы у Билли Керби были крепкие, и он, не обратив на этот шум ни малейшего внимания, продолжал спокойно целиться. Дождавшись мгновения тишины, он выстрелил. Индейка рванулась и взмахнула крыльями, а затем снова опустилась на свое снежное ложе, пугливо поводя глазами вокруг. В течение нескольких секунд, необходимых для того, чтобы глубоко перевести дух, не было слышно ни звука. Затем тишину нарушил громкий хохот: негр вне себя от восторга катался по снегу, дрыгая ногами.

— Молодец, индюшка, молодец! — кричал он, вскакивая на ноги и протягивая руки к птице, словно с намерением обнять ее. — Вот я велел ей тряхнуть головой, и вы сами видели, как она увернулась! Давай-ка еще один шиллинг, Билли, и стреляй во второй раз.

— Нет, теперь моя очередь, — сказал молодой охотник. — Я уже заплатил тебе. Посторонись и дай мне попытать счастья.

— Зачем бросать деньги на ветер? — сказал Кожаный Чулок. — Птичья голова и шея — плохая цель для неопытной руки и раненого плеча. Дай-ка лучше попробовать мне, а потом мы с барышней, верно, столкнемся, как поделить птицу.

— Выстрел мой, — повторил молодой охотник. — Посторонитесь и не мешайте мне.

К этому времени горячие споры вокруг начали утихать, так как все согласились, что,

находишь голова индейки в любом другом месте, кроме того, в котором она находилась, птица наверняка была бы убита. Однако приготовления юноши не вызвали особого интереса, и он, торопливо прицелившись, собирался уже спустить курок, когда его остановил Натти.

— У тебя дрожат руки, — сказал он. — И ты слишком горячишься. Пулевые раны вызывают слабость, и как бы тебе не выстрелить хуже обычного. Но коли уж ты так решил, то стреляй быстрее, пока дуло не успело дрогнуть.

— Не мошенничать! — опять крикнул хозяин птицы. — Не обижайте бедного негра. Нечего, Натти Бампо, подавать ему советы! Пусть стреляет, отойдите от него.

Молодой охотник быстро выстрелил, но индейка даже не пошевелилась, а зрители, обследовавшие «мишень», объявили, что пуля не задела и пня.

Элизабет заметила, как исказилось лицо юноши, и ее удивило, что человек, так выгодно, казалось, отличавшийся от своих товарищей, вдруг досадует из-за подобного пустяка.

Но тут на линию стрельбы вышел ее собственный «рыцарь».

Промах молодого охотника тоже вызвал восторги Брама, хотя и не такие бурные, но веселость его сразу исчезла, едва позицию занял Натти. Лицо негра, обычно напоминавшее отполированное черное дерево, теперь пошло бурными пятнами, а толстые губы плотно сомкнулись, скрыв два ряда ослепительно белых зубов, которые только что сверкали в улыбке, словно жемчужины в агатовой оправе. Ноздри, и без того очень широкие, так раздувались, что совсем заслонили щеки, а коричневые костлявые руки нервно ломали снежную корку — волнение пересилило в нем даже природную боязнь холода.

Тем временем человек, вызвавший столь сильную тревогу темнокожего владельца индейки, был так спокоен и невозмутим, словно ему предстояло испытать свое умение в одиночестве, а не на глазах у толпы зрителей.

— Перед самым началом последней войны, — сказал Натти, аккуратно снимая кожаный чехол с замка своего ружья, — довелось мне побывать в голландском поселении на Мохоке, и я как раз попал на такое вот состязание. Ну, и решил тоже пострелять. То-то поразевали рты эти самые голландцы: я ведь в тот день выиграл рог для пороха, три куска свинца и фунт самого наилучшего пороха. Эх, и ругались же они на своем наречии! Мне потом говорили, что один тамошний пьяница поклялся свести со мной счеты, прежде чем я вернусь на свое озеро. Но, подними он ружье к плечу со злодейской мыслью, бог его наказал бы, ну, а если бы господь его все же не наказал, а он промахнулся бы, то я-то уж знаю, кто отплатил бы ему тем же, да еще с лихвой, если умение стрелять что-нибудь да значит.

К тому времени, когда старый охотник умолк, он уже закончил все свои приготовления; отставив правую ногу как можно дальше назад и протянув левую руку вдоль длинного ствола, он поднял ружье и прицелился в птицу. Все зрители быстро перевели глаза со стрелка на его жертву, но в тот миг, когда должен был раздаться выстрел, послышался только негромкий щелчок кремня по огниву.

— Осечка, осечка! — завопил негр, вскакивая на ноги и словно безумный прыгая перед птицей. — Осечка считается за выстрел! Натти Бампо дал осечку, Натти Бампо не попал в индюшку!

— Вот сейчас Натти Бампо попадет в одного черномазого, — негодуя крикнул старый охотник, — если ты не посторонись, Брам! Где ж это видано, чтобы осечка засчитывалась за выстрел? Сам посуди, осечка — значит, кремень ударился о сталь, а выстрел — значит, верная смерть. Ну-ка, посторонись, парень, и я покажу Билли Керби, как надо стрелять по рождественским индюшкам.

— Не позволяйте ему обижать бедного негра! — крикнул хозяин индейки, мужественно не покидая своего поста и прося у зрителей справедливости, в которой слишком часто отказывают его униженным и угнетенным соплеменникам. — Всем известно, что осечка считается за выстрел. Пусть масса Джонс скажет! Вот спросите у барышни.

— Правильно, — сказал лесоруб, — таков уж закон в наших местах, Кожаный Чулок. Если хочешь стрелять еще, плати новый шиллинг. А я, пожалуй, опять попытаю счастья. Вот

деньги, Брам, и следующий выстрел за мной.

— Уж конечно, ты знаешь законы лесов лучше меня, Билли Керби, — язвительно сказал Натти. — Ты ведь пришел в эти места с поселенцами, погоняя волов, а я пришел еще задолго до прошлой войны, в мокалинах и с верным ружьем за плечом. Так кому же из нас лучше знать! И нечего мне втолковывать, что между осечкой и выстрелом нет разницы.

— Вот пусть масса Джонс скажет, — сказал встревоженный негр. — Он все знает.

Такое доверие к познаниям Ричарда было слишком лестно, чтобы этот призыв мог остаться неуслышанным. Мистер Джонс тут же шагнул вперед, покинув Элизабет, которая, не желая мешать веселью, из деликатности отошла в сторону, в изрек следующее мнение со всей серьезностью, которой требовали его новая должность и предмет спора.

— Итак, — сказал он, — возникли разногласия касательно права Натаниэля Бампо стрелять по индюшке Абрахема, свободнорожденного негра, без того, чтобы означенный Бампо уплатил один шиллинг за эту привилегию.

Никому не пришло в голову отрицать столь очевидный факт, и, дав слушателям время переварить эту предпосылку, Ричард продолжал:

— Вопрос этот, несомненно, надлежит решать мне, ибо я по долгу службы обязан охранять мир в нашем округе, и не следует легкомысленно позволять людям, держащим в руках смертоносное оружие, самим улаживать свои разногласия под влиянием гнева и злобы. По спорному пункту, как известно, не существует письменных или устных установлений; следовательно, мы должны рассуждать, придерживаясь аналогии, то есть сравнивая одно с другим. Так вот, в дуэлях, где стреляют обе стороны, осечка по правилам считается выстрелом, а раз такое правило существует там, где противник имеет право на ответный выстрел, то, мне кажется, будет несправедливо позволить человеку весь день напролет делать осечки по незащитной индюшке. И посему я прихожу к заключению, что Натаниэль Бампо потерял право на выстрел и для возобновления этого права должен заплатить еще один шиллинг.

Это веское заключение, исходившее от столь важной особы и произнесенное с такой внушительностью, убедило всех спорщиков — ибо зрители разделились на две партии и уже сильно горячились, — кроме самого Кожаного Чулка.

— А по мне, — сказал он, — следует спросить мнения мисс Элизабет. Я видывал случаи, когда воины не знали, что делать, а скво давали им дельные советы. Если она скажет, что я проиграл, спорить больше не буду.

— В таком случае, я объявляю, что на этот раз вы проиграли, — объявила мисс Темпл. — Заплатите еще шиллинг и стреляйте снова, если только Брам не согласится продать мне индюшку за доллар. Я была бы рада спасти жизнь бедной птицы.

Это предложение никому не понравилось — слишком велик был азарт, которому поддался даже Брам. Билли Керби начал готовиться к новому выстрелу, а Натти отошел в сторону, недовольно бормоча себе под нос:

— Как индейские торговцы перестали приходить в эти места, в поселке не купишь ни одного хорошего кремня, а пойдешь сам искать огненный камень по долинам ручьев, глядь — так вся земля уже перепахана! Охо-хо! Дичи все меньше становится, и, значит, порох и кремни должны быть наилучшими, да не тут-то было! Достается тебе одна дрянь. Ну, а все-таки надо сменить кремешок, Билли Керби в такую цель вовек не попасть, уж я-то знаю!

Лесоруб, казалось, отлично понимал, что теперь на карту поставлена его репутация меткого стрелка, и хотел во что бы то ни стало обеспечить себе победу. Он поднял ружье, но долго не стрелял, стараясь прицелиться получше. Кругом стояла глубокая тишина, которую не нарушал даже Брам. Наконец Керби спустил курок — и снова промахнулся. Тогда сосновые заросли и вся лесная опушка вновь огласились торжествующими воплями негра, и случайный прохожий мог бы подумать, что слышит боевой клич целого индейского племени. Брам танцевал и прыгал, пока у него не начали подкашиваться ноги, — короче говоря, веселился так бурно, как умеют веселиться только простодушные негры.

Лесоруб пустил в ход все свое искусство, и теперь, разумеется, досада его не знала

пределов. Сперва он тщательнейшим образом осмотрел птицу, утверждая, что задел перышки на шее, но зрители вняли жалобным призывам «не обижать бедного негра» и не поддержали его притязаний.

Убедившись, что птицы ему не получить, Керби повернулся к негру и сердито крикнул:

— Заткни свою пасть, ворона! Да где ты найдешь человека, который мог бы попасть в голову индюшки со ста ярдов? Дурак я был, что связался в это дело. Ну, хватит орать, и так ты наделал больше шума, чем падающая сосна! Нет, ты покажи мне такого человека, а потом кричи, сколько тебе влезет.

— Посмотри-ка сюда, Билли Керби, и, когда они отойдут от индюшки, я покажу тебе человека, который попадал в цель потруднее, да еще отбиваясь от диких зверей и индейцев! — сказал старый охотник.

— Но ведь сейчас не наша очередь, Кожаный Чулок, — вмешалась Элизабет. — Быть может, другой ваш соперник хочет воспользоваться своим правом?

— Если вы имеете в виду меня, — сказал молодой охотник, — то я отказываюсь от новой попытки. Как я только что обнаружил, моя рука еще слишком слаба.

Элизабет внимательно посмотрела на него и, заметив на его щеках легкий румянец, поняла, что он стыдится своей бедности. Она не стала больше настаивать, и старый охотник вышел на линию стрельбы. В свое время Натти Бампо, несомненно, сотни раз метко поражал и врагов и дичь в куда более трудных условиях, но ни к одному из тех выстрелов он не готовился с такой тщательностью. Он трижды поднимал ружье: сперва — чтобы прикинуть высоту цели, затем — чтобы рассчитать расстояние, и, наконец, когда он был уже готов выстрелить, птица, испуганная внезапной тишиной, вдруг быстро повернула голову и поглядела на людей.

Но вот Натти поднял ружье в четвертый раз и выстрелил. Оглушенные грохотом и растерявшиеся от неожиданности зрители не сразу поняли, попал он или нет, тем более что поляну заволок дым от выстрела. Однако Элизабет, увидев, как старый охотник поставил ружье прикладом в снег, разразился своим беззвучным смехом и стал хладнокровно готовить новый заряд, поняла, что он добился своего. Мальчишки кинулись к пню и высоко подняли убитую индейку — ее голова была почти начисто срезана пулей.

— Тащите ее сюда, — крикнул Кожаный Чулок, — и кладите к ногам барышни! Птица принадлежит ей, а я был, так сказать, ее помощником.

— И очень искусным помощником, — заметила Элизабет. — Таким искусным, кузен Ричард, что, по-моему, он заслужил ваше внимание. — Тут девушка на мгновение умолкла, а затем веселая улыбка исчезла с ее лица; слегка покраснев, она повернулась к молодому охотнику и сказала с милым смущением:

— Однако я попытала счастья, только чтобы полюбоваться прославленным искусством Кожаного Чулка. Не согласитесь ли вы, сэр, принять эту птицу в знак того, что вы не помните обиды? Ведь, если бы не ваша рана, вы могли бы сами завоевать этот приз.

По лицу молодого человека было невозможно догадаться, какое чувство вызвало у него ее любезное предложение. Казалось, этот подарок был ему неприятен, но он не мог противостоять очаровательной настойчивости и ласковой улыбке Элизабет. Поклонившись, он молча поднял лежавшую у ее ног индейку, но и после этого ничего не сказал.

Элизабет протянула негру серебряную монету, чтобы возместить ему убыток (после чего он снова расплылся в улыбке), и, обернувшись к своему спутнику, выразила желание вернуться домой.

— Погоди минутку, кузиночка, — ответил Ричард. — Я должен сперва установить возможность дальнейших недоразумений в подобных состязаниях. Господа, если вы выберете комитет, то я в его присутствии сегодня же набросаю точные правила... — Тут он негодуяше умолк, почувствовав, что на его плечо — плечо верховного шерифа округа — фамильярно легла чья-то рука.

— Желаю тебе счастливого рождества, кузен Дик, — сказал судья Темпл, незаметно появившийся на поляне. — Если на вас будут часто находить припадки подобной

галантности, сударь, мне придется строго присматривать за дочкой. Я могу только восхищаться изысканным вкусом человека, который считает подобные зрелища подходящими для женских глаз!

— Это все ее упрямство, Дьюк! — воскликнул шериф (упущенная возможность первым поздравить судью с праздником огорчила его куда больше, чем иного человека настоящая беда). — И должен сказать, я знаю, от кого она его унаследовала. Я повел ее посмотреть нововведения, но, чуть раздался первый выстрел, она со всех ног бросилась сюда, словно воспитывалась не в самом лучшем пансионе, а в казарме. Я глубоко убежден, судья Темпл, что такие опасные развлечения следует запретить. Впрочем, я почти уверен, что они уже запрещены законом.

— Что ж, сударь, вы теперь здешний шериф, и ваша обязанность — выяснить, так это или нет, — с улыбкой сказал Мармадьюк. — Я замечая, что Бесс уже выполнила мое поручение, и, надеюсь, новость эта была вам приятна.

Тут Ричард поглядел на пакет, который держал в руке, и воскликнул, совсем забыв о своей недавней досаде:

— Дьюк, дорогой мой кузен! Давай отойдем в сторонку, я хочу тебе кое-что сказать.

Мармадьюк послушно отошел с шерифом на соседнюю полянку, и последний продолжал:

— Во-первых, Дьюк, позволь поблагодарить тебя за твое дружеское ходатайство перед губернатором и парламентом штата — я хорошо знаю, что без такого ходатайства не были бы приняты во внимание даже самые высокие заслуги. Но мы ведь дети двух сестер, мы ведь двоюродные братья, и ты можешь всецело мной располагать, Дьюк. Всецело! И все же, по моему смиренному мнению, за молодым товарищем Кожаного Чулка следует приглядывать. Он что-то чересчур любит индюшатину.

— Предоставь его мне, Дик, — ответил судья, — и я отучу его от этой склонности, удовлетворив его аппетит. Однако мне нужно с ним поговорить. Вернемся же к остальным.

Глава 18

Бедняга! И родная мать

Его бы не могла узнать.

Нужды и голода печать

На лоб его легла.

Вальтер Скотт, «Мармион»

Вернувшись на большую поляну, судья Темпл взял под руку свою дочь и направился к тому месту, где молодой охотник стоял, опершись на ружье и молча разглядывая мертвую птицу у своих ног. Присутствие девушки оказало немалое влияние на течение последующего разговора. Появление Мармадьюка не прервало состязания, и перед началом следующего тура в толпе завязался горячий спор относительно условий стрельбы по индейке, которая была, впрочем, гораздо хуже предыдущей. Таким образом, разговор, который мы приведем ниже, слышали только те, кого он касался, в том числе Кожаный Чулок и индеец, не покинувшие своего молодого товарища.

— Я причинил вам большой вред, мистер Эдвардс, — начал судья и тут же умолк, так как при этих словах молодой человек вздрогнул и переменялся в лице; однако он ничего не сказал, взгляд его постепенно снова стал спокойным, и судья продолжал:

— К счастью, я располагаю возможностью в какой-то мере возместить вам причиненный мною ущерб. Мой родственник Ричард Джонс получил назначение на важный пост, и я буду теперь лишен его помощи, а мне как раз сейчас необходим человек, на которого я мог бы положиться. Ваши манеры, несмотря на вашу скромную одежду, говорят о том, что вы человек образованный, а твоя рана еще некоторое время будет мешать тебе добывать хлеб охотой (Мармадьюк начал волноваться и незаметно для себя стал обращаться

к юноше на «ты», как это было принято между квакерами). Мои двери открыты для тебя, мой юный друг, ибо подозрительность не в обычае нашей молодой страны — слишком мало здесь соблазнов для алчности людей нечестных. Так согласишься же стать хотя бы на время моим помощником и получать вознаграждение, соответствующее твоим обязанностям.

Ни в обращении судьи, ни в его предложении, казалось, не было ничего, что могло бы объяснить непонятную угрюмость, похожую даже на отвращение, с какой юноша слушал его речь; однако, сделав большое усилие, он взял себя в руки и ответил:

— Я пошел бы на службу к вам, сэр, или к любому другому человеку, чтобы снискать себе пропитание честным трудом, — я не скрываю свою нужду, я даже беднее, чем это может показаться на первый взгляд. Однако я опасюсь, что такие обязанности помешают мне в более важном деле, и поэтому я не могу принять ваше предложение и, как прежде, буду добывать себе пропитание ружьем.

Тут Ричард не замедлил прошептать Элизабет, которая стояла несколько в стороне:

— В этом, кузиночка, проявляется естественная неохота метиса отказаться от дикарских привычек. Насколько мне известно, ничто не может побороть в них любовь к бродячей жизни.

— Это опасная жизнь, — сказал Мармадьук, хотя он не слышал замечания шерифа, — и она грозит несчастьями куда более серьезными, чем твоя рана. Поверь мне, друг мой, я опытней тебя и хорошо знаю, что жалкая жизнь охотника оставляет без удовлетворения многие его телесные нужды, не говоря уж о духовных.

— Нет, нет судья, — вмешался Кожаный Чулок, на которого Мармадьук до сих пор не обращал внимания, а может быть, и вообще не заметил. — Забирайте его к себе в дом, и на здоровье, да только обманывать его не надо. Я вот прожил в лесах сорок долгих лет и, бывало, по пять лет подряд не видел там никаких просек, разве только проложенные бурей. А где вы еще найдете человека, который на шестьдесят восьмом году жизни так легко добывал бы свой хлеб, несмотря на все ваши вырубki и охотничьи законы? Ну, а в честности и в справедливости я потягаюсь с самым громкоговорившим проповедником на всем вашем «патенте».

— Ну, ты исключение, Кожаный Чулок, — возразил судья, добродушно кивнув охотнику. — Ты ведь не злоупотребляешь спиртными напитками, что в вашем сословии редкость, и крепок не по годам. Но будет жаль, если этот юноша бесплодно загубит свои таланты в лесу. Прошу тебя, друг мой, поселись под моим кровом, хотя бы на тот срок, пока не заживет твоя рука. Моя дочь, хозяйка моего дома, скажет тебе, что ты будешь в нем желанным гостем.

— Конечно, — произнесла Элизабет с некоторой сдержанностью, приличествующей девушке. — Попавший в беду человек всегда будет для нас желанным гостем, особенно если мы сами виновны в его несчастье.

— Да, — сказал Ричард, — а если любите индюшатину, молодой человек, то на нашем птичьем дворе индюшек много, и одна лучше другой, уж вы мне поверьте.

Получив такую удачную поддержку, Мармадьук удвоил свою настойчивость. Он обстоятельно объяснил, в чем будут заключаться обязанности его помощника, назвал цифру вознаграждения и вообще не упустил ни одной из тех подробностей, которым деловые люди придают значение. Юноша слушал его в сильном волнении. Лицо его ясно отражало борьбу чувств: то казалось, что он с радостью готов дать свое согласие, то снова непонятное отвращение омрачало его черты, словно черная туча, заслоняющая полуденное солнце.

Индеец, на чьем лице были по-прежнему написаны уныние и стыд, слушал речь судьи со все возрастающим интересом. Постепенно он подошел почти вплотную к собеседникам, и, когда его зоркий взгляд уловил нерешительность в глазах молодого охотника, он гордо расправил согбенные стыдом плечи и, с прежним достоинством шагнул вперед, сказал:

— Выслушайте своего отца, слова его мудры. Пусть Молодой Орел и Великий Вождь, Владеющий Землями, едят у одного костра; пусть они без боязни спят рядом. Дети Микуона не любят крови; они справедливы и поступают правильно. Солнце должно встать и зайти

много раз, прежде чем люди станут единой семьей, на это нужен не один день, но много зим. Минги и делавары — прирожденные враги, их кровь никогда не смешается в жилах одного человека, она никогда не потечет одной струей на поле битвы. Но откуда вражда брата Микуона и Молодого Орла? Они одного племени, у них одни предки. Научись ждать, сын мой. Ты делавар, а индейский воин умеет быть терпеливым.

Эта образная речь, казалось, произвела на молодого человека большое впечатление, и, уступая настояниям Мармадьюка, он в конце концов дал свое согласие. Однако он поставил при этом условие, что если какая-нибудь из сторон захочет расторгнуть договор, она будет вправе сделать это немедленно. Странное и плохо скрываемое нежелание юноши принять место, о котором человек его положения при обычных обстоятельствах мог бы только мечтать, немало удивило тех, кто не знал его близко, и произвело на них неблагоприятное впечатление. Когда беседующие разошлись, они, естественно, принялись обсуждать недавний разговор, и мы не преминем сообщить эти беседы читателю, начав с той, которую, неторопливо возвращаясь домой, вели между собой судья, его дочь и Ричард.

— Уговаривая этого непонятного юношу, — заметил Мармадьюк, — я поистине не отступал от заповеди спасителя нашего — «любите обижающих вас». Не понимаю, что в моем доме может испугать молодого человека его лет. Уж не твое ли это присутствие и красота, Бесс?

— Нет, нет, — простодушно ответил Ричард, — кухня Бесс тут ни при чем. Ты можешь назвать мне хоть одного метиса, Дьюк, которому была бы по вкусу цивилизованная жизнь? Если уж на то пошло, они в этом отношении куда хуже чистокровных индейцев. Ты заметила, Элизабет, как он выворачивает ноги внутрь носками и какие дикие у него глаза?

— Я не обратила внимания ни на его глаза, ни на его ноги, хотя думаю, что более смиренная поза была бы для него уместнее. Милый отец, вы проявили истинно христианское терпение. Меня же его надменность возмутила задолго до того, как он изволил согласиться. Ничего не скажешь, это для нас великая честь! Какую парадную комнату прикажете отвести ему, сударь, и с кем будет он вкушать свой нектар и амброзию?..

— С Бенджаменом и Добродетелью, — перебил ее мистер Джонс. — Неужели у тебя хватит духу кормить этого малого с неграми? Конечно, он наполовину индеец, но ведь туземцы презирают негров. Нет, нет, он скорее умрет с голоду, чем сядет за один стол с чернокожими!

— Я буду рад, Дик, если он согласится обедать с нами, — ответил Мармадьюк. — Даже то, что предлагаешь ты, для него, конечно, унижительно.

— Так, значит, сударь, — сказала Элизабет, делая вид, что подчиняется желанию отца против воли, — вам угодно, чтобы с ним обращались, как с человеком благородного происхождения.

— Разумеется! Ведь на это ему дает право его должность. И мы будем обращаться с ним так до тех пор, пока он не докажет, что не достоин этого.

— Увидишь, Дьюк, — воскликнул шериф, — тебе не удастся сделать из него благородного джентльмена. Ведь старая пословица говорит, что «нужны три поколения, чтобы получился джентльмен». Вот, скажем, моего отца все знали, мой дед был доктором медицины, а его отец — доктором богословия, а его отец приехал из Англии; мне, правда, не удалось точно установить его происхождение, но он был не то богатым лондонским купцом, не то известным провинциальным законоводителем, не то младшим сыном епископа.

— Вот пример истинно американской генеалогии, — смеясь, сказал Мармадьюк. — Все идет тихо-мирно, пока не переберешься за океан, но там все скрывается во мраке неизвестности, и, значит, сразу же начинаются всяческие преувеличения. Итак, ты убежден, Дик, что твой английский предок был знаменитостью, чем бы он ни занимался?

— Конечно, — ответил Ричард. — Моя старая тетка только и делала, что рассказывала о нем. Мы принадлежим к славному роду, судья Темпл, и никто из нас не занимал иных должностей, кроме самых почетных.

— Я дивлюсь только, что тебя удовлетворяет столь скромное положение твоего рода в

старые времена, Дик. Большинство американских искателей знатности начинают свою родословную, как детскую сказку: с трех братьев. И обязательно делают одного из них родоначальником какой-нибудь знатнейшей фамилии нашего времени. Но здесь все люди равны, если только они умеют прилично вести себя в обществе, и Оливер Эдвардс в моем доме будет равен верховному шерифу и судье.

— Что ж, Дьюк, на мой взгляд, это уже какой-то демократизм, а не республиканизм. Однако я молчу. Только пусть он держится в рамках закона, или я докажу ему, что свобода даже в этой стране имеет разумные пределы.

— Ну, Дик, надеюсь, ты не будешь казнить, прежде чем я вынесу приговор! Но что скажет о новом обитателе нашего дома Бесс? В таком деле главное слово должно все-таки принадлежать дамам.

— Ах, сударь, — ответила Элизабет, — боюсь, что в этом отношении я похожа на некоего судью Темпла и нелегко меняю свои мнения. Но если говорить серьезно, то, хотя я думаю, что приглашение в дом полудикаря — событие из ряда вон выходящее, тем не менее всякий человек, которого приведете в наш дом вы, может рассчитывать на вежливый прием с моей стороны.

Судья ласково погладил нежную ручку, лежавшую на его руке, а Ричард со своим обычным многословием продолжал сыпать неясные намеки и предупреждения.

Тем временем обитатели леса — ибо три охотника, несмотря на все различие между ними, вполне заслуживали это общее название — молча шли вдоль окраины поселка. И, лишь когда они достигли озера и направились по льду к утесу, под которым ютилась их хижина, молодой человек внезапно воскликнул:

— Кто бы мог это предвидеть месяц назад! Я согласился служить у Мармадьюка Темпла, поселиться в доме злейшего врага моего рода! Но что же мне оставалось делать? Однако служба моя будет недолгой, и, когда исчезнет причина, принудившая меня дать согласие, я уйду из этого дома и отрясу со своих ног его прах.

— Разве он минг, что ты зовешь его врагом? — сказал индеец. — Делаварский воин терпеливо ждет воли Великого Духа. Он не женщина, чтобы плакать, как малый ребенок.

— Не верю я им, Джон, — сказал Кожаный Чулок, чье лицо во время беседы судьи с молодым охотником выражало сомнение и неуверенность. — Говорят, теперь у нас новые законы, да я и сам вижу, что теперь в горах жизнь идет по-другому. Эти края до того изменились, что не узнаешь ни озер, ни рек. И не верю я тем, кто умеет гладко говорить. Я ведь знаю, какие сладкие речи вели белые, когда собирались отнимать землю у индейцев. Я это прямо скажу, хоть я и сам белый и родился под городом Йорком, в честной семье.

— Я покорюсь, — сказал юноша. — Я забуду, кто я. И ты забудь, старый могиканин, что я потомок вождя делаваров, который был некогда хозяином этих благородных гор, этих прекрасных долин, этих вод, по которым ступают сейчас наши ноги. Да, да, я стану его слугой... его рабом... Разве это не почетное рабство, старик?

— «Старик»! — мрачно повторил индеец и остановился, как делал всегда, когда был взволнован. — Да, Джон стар. Сын моего брата, будь могиканин молод, неужели его ружье молчало бы? И где бы скрылся олень, чтобы он не мог его найти? Но Джоц стар, рука его слаба, как рука женщины; его томагавк стал простым топором, и враги его — прутья для корзин и метел, других врагов он теперь не поражает. А вместе со старостью приходит голод. Вот погляди на Соколиного Глаза — когда он был молод, он мог не есть по несколько дней, а теперь, если он не подбросит хворосту в огонь, пламя сразу погаснет. Возьми протянутую руку сына Микуона, и он поможет тебе.

— Ну, положим, Чингачук, — возразил Кожаный Чулок, — хоть я теперь совсем не тот, что прежде, но и сейчас могу иной раз и не поесть. Когда мы шли за ирокезами через Буковые леса, они гнали перед собой всю дичь, и у меня кусочка во рту не было с утра понедельника до вечера среды. А потом на самой границе Пенсильвании я подстрелил такого жирного оленя, какого никто еще не видывал. Эх, посмотрел бы ты, как накинулись на него делавары — я ведь тогда ходил в разведку и сражался вместе с их племенем. Индейцы

лежали себе тихонько и ждали, чтобы господь бог послал им дичи, ну, а я пошарил вокруг и поднял оленя да тут же и уложил его, он и десяти прыжков не сделал. Я так ослабел от голода, что не мог ждать мяса; я напился как следует его крови, а индейцы ели мясо прямо сырым. Джон там был. Ну, а теперь, конечно, долго голодать я не могу, хотя никогда не едал помногу.

— Довольно, друзья мои! — воскликнул юноша. — Я чувствую, что моя жертва нужна вам всем, и я принесу ее, но больше ничего не говорите, прошу вас.

Его спутники умолкли, и вскоре они уже достигли хижины и вошли в нее, предварительно сняв с двери хитрые запоры, которые, по-видимому, должны были охранять весьма скудное имущество. У бревенчатых стен этого уединенного жилища с одной стороны вздымались огромные сугробы, а с другой — виднелись кучи хвороста и могучие сучья дубов и каштанов, оторванные от родимого ствола зимними бурями. Через сплетенную из веток и обмазанную глиной трубу вдоль обрывистого склона утеса поднималась тоненькая струйка дыма, и извилистая линия копоти тянулась по снегу от трубы до того места, где кончался обрыв и где на плодородной почве росли гигантские деревья, осенявшие своими могучими ветвями эту маленькую лошину.

Остаток дня прошел так, как обычно проходят подобные дни в новых поселениях. Темплтонцы снова собрались в «академии», чтобы посмотреть на второе богослужение мистера Гранта. Пришел туда и индеец. Но, хотя священник устремил на него многозначительный взгляд, когда стал приглашать прихожан приблизиться к алтарю, старый вождь не поднялся со своего места, так как его все еще мучил стыд за вчерашний позор.

Когда прихожане начали расходиться, облака, собиравшиеся с утра, превратились в густые черные тучи, и не успели еще фермеры добраться до своих хижин, разбросанных по всем отрогам и лощинам и даже лепившихся на самых вершинах, как начался ливень. Над быстро оседающим снегом поднялись темные края пней, изгороди из жердей и хвороста, которые еще так недавно казались белыми волнами, пересекавшими долины и взбегавшими на склоны холмов, выглянули из-под своего покрова, а обугленные «столбы» с каждой минутой становились все чернее.

Элизабет стояла вместе с Луизой Грант у окна в теплом зале уютного дома своего отца и любовалась быстро меняющимся ликом природы. Даже поселок, еще совсем недавно блиставший белоснежным нарядом, неохотно сбрасывал его, обнажая темные крыши и закопченные трубы. Сосны стряхнули с себя снег, и каждый предмет обретал свою естественную окраску с быстротой, которая казалась волшебной.

Глава 19

*Простолюдином не был бедный Эдвин.
Джеймс Битти, «Менестрель»*

Вечер рождества 1793 года был очень ветреным, хотя и сравнительно теплым. Лишь когда поселок скрылся в ночном мраке и в небе над темными вершинами сосен погасли последние отблески зари, Элизабет наконец отошла от окна — те лесные пейзажи, которые она успела увидеть днем, нисколько не умерили ее любопытство, но, скорее, усилили его.

Взяв под руку мисс Грант, молодая хозяйка «дворца» начала прогуливаться по залу, вспоминая события дня, и, возможно, ее мысли не раз обращались к странностям, которые привели в дом ее отца таинственного незнакомца, чьи манеры так не соответствовали его видимой бедности. В зале было еще жарко — такому большому помещению требовалось не меньше суток для того, чтобы остыть после усиленной топки, — и розы на щеках Элизабет заалели еще ярче; кроткое, грустное личико Луизы тоже порозовело, но этот нежный румянец, словно краски, рожденные лихорадкой, придал ее красоте что-то меланхолическое.

Гости судьи, воздававшие должное его превосходным винам за столом в углу, все чаще поглядывали на девушек, которые молча ходили по залу взад и вперед. Ричард громко хохотал, то и дело выкрикивая тосты, но майор Гартман еще не успел как следует развеселиться, а Мармадьюк из уважения к священнику удерживался от проявлений даже обычной своей мягкой шутливости.

После того как ставни были закрыты и угаснувший дневной свет заменен многочисленными свечами, общество в зале еще с полчаса коротало время за этими же занятиями. Но затем появившийся с огромной вязанкой дров Бенджамен внес некоторое разнообразие в эту сцену.

— Что это ты еще задумал, любезный Помпа? — возопил свежеиспеченный шериф. — В такую оттепель, чтобы не замерзнуть, хватит и лучшей мадеры Дьюка. Или ты забыл, старина, как судья бережет свои буки и клены, опасаясь, как бы эти драгоценные деревья совсем не исчезли в его лесах? Ха-ха-ха! Дьюк, ты хороший, любящий родственник, это я всегда готов подтвердить, но у тебя бывают всякие завиральные мысли, ничего не подделаешь... «Так будем же пить и не будем грустить!..»

Слова песни перешли в мурлыканье, и тут дворецкий, сложив свою ношу, повернулся к шерифу и с важностью произнес:

— А вот извольте рассудить, сквайр Джонс: может, рядом с вашим столом и проходит экватор, хотя от такой водицы толком не согреешься; а взаправду греет только настоящий ямайский ром, ну, и еще хорошие дрова да ньюкаслский уголь. Но коли я что-нибудь понимаю в погоде, то одно скажу: сейчас лучше всего задраить хорошенько иллюминаторы, развести огонь да устроиться получше у очагов. Неужто я двадцать семь лет плавал по морю да еще семь прожил в этих лесах и так ничему и не научился?

— Но почему ты думаешь, Бенджамен, что погода переменится? — спросил хозяин дома.

— А потому, что ветер переменился, ваша честь, — ответил бывший корабельный стюард. — А когда меняется ветер, значит, надо ждать и перемены погоды. Вот, скажем, служил я на одном из кораблей Роднея, когда мы побили де Грасса, земляка, значит, мусью Леквы. Дул тогда юго-западный ветер, и я был в каюте — готовил стаканчик грогу для капитана морской пехоты, которого мой капитан пригласил к обеду в этот самый день. И только это я смешал все как следует и хорошенько распробовал напиток — этому солдату угодить было нелегко, — вдруг фок как хлестнет по мачте, и «Боадицея» завертелась, что твоя юла. Хорошо еще, руль у нас был повернут влево, ну, и как пошла она сразу вправо, так и замедлила ход. А ведь всякому другому кораблю во всем флоте тут бы и конец пришел. Да только при этом она соскользнула с волны и черпнула бортом. А я-то как раз повернулся к трапу, ну и наглotalся водицы вдоволь.

— Просто удивительно, Бенджамен, что ты не умер от водянки! — заметил Мармадьюк.

— И то правда, судья, — ответил, ухмыляясь, старый моряк. — Да только за лекарством мне далеко ходить не пришлось. Напиток-то, думаю, уже не годится для капитанского гостя, а следующая волна его, того и гляди, так испортит, что он и мне по вкусу не придется. Ну, я и осушил кружку до дна — не пропадать же добру...

— Ладно, ладно, — перебил его Мармадьюк, — но при чем тут погода? То есть при чем тут наша погода?

— А вот при чем: сегодня дул южный ветер, а сейчас штиль, словно из мехов вышел весь воздух; над северными горами просвет был с ладошку, а сейчас облака от него расходятся, да так быстро, что в пору хоть грот брать на гитовы, и звезды зажигают огни, будто маяки, и сигналият нам: готовьте дров побольше. И, коли я что-нибудь понимаю в погоде, пора затопить печи, а не то все бутылки с портером и вином вон в том буфете полопаются от мороза еще до утренней вахты.

— Ты осмотрительный страж, — заметил судья. — Ну что ж, можешь расправляться с лесами, как тебе заблагорассудится, но только на этот вечер.

Бенджамен охотно выполнил это распоряжение, и не прошло и двух часов, как оказалось, что он принял меры предосторожности не напрасно. Южный ветер действительно сменился затишьем, которое предвещало серьезную перемену погоды. Задолго до того, как обитатели дома удалились на покой, снова ударил мороз, и мосье Лекуа, прежде чем выйти на залитую лунным светом улицу, попросил одолжить ему попону, хотя и без того, выходя утром из дому, он, по обыкновению, предусмотрительно закутался как можно теплее.

Мистер Грант и Луиза остались ночевать у судьи, и, так как вчерашняя пирушка очень утомила ее участников, все общество вскоре разошлось по своим спальням, и задолго до полуночи дом затих.

Элизабет и ее подруга только-только успели задремать, когда за стенами дома засвистал северо-западный ветер, принеся с собой то удивительно приятное чувство, которое обычно сопутствует такой погоде, если в камине еще горит веселый огонь, занавески и ставни не пропускают холода в комнату, а пуховая перина мягка и тепла. И вдруг Элизабет, на мгновение очнувшись от сладкого забытья, открыла сонные глаза и различила в реве бури протяжный и жалобный вой, слишком дикий, чтобы его можно было приписать собаке, хотя что-то в нем напоминало голос этого верного друга людей, когда ночь пробуждает его бдительность и придает торжественное достоинство громкому, тревожному лаю. Элизабет почувствовала, что Луиза теснее прижимается к ней, и, догадавшись, что та не спит, сказала тихо, словно боясь нарушить очарование:

— Издалека их жалобный вой даже кажется красивым. Наверное, это собаки в хижине Кожаного Чулка?

— Это волки. Они так осмелели, что спускаются с гор на озеро, — шепнула Луиза. — От поселка их отпугивают только огни. Как-то ночью голод пригнал их к самым дверям нашего дома. Ах, какая страшная это была ночь! Но в вашем доме можно ничего не бояться — богатство судьи Темпла позволяет ему надежно оградить себя от всех опасностей.

— Энергия судьи Темпла укрощает даже леса! — воскликнула Элизабет, сбрасывая одеяло и садясь на постели. — Как быстро цивилизация подчиняет себе природу! — продолжала она, бросив взгляд на удобную и даже роскошную обстановку своей спальни и прислушиваясь к далекому вою на озере.

Заметив, однако, что эти звуки пугают ее робкую подругу, Элизабет снова улеглась и вскоре, охваченная глубоким сном, забыла о переменах и в долине и в своей собственной судьбе.

Утром в спальню явились служанки, чтобы затопить камин, и этот шум разбудил девушек. Они встали и доканчивали свой туалет, дрожа от холода, — мороз сумел пробраться сквозь все преграды даже в теплую комнату мисс Темпл. Одевшись, Элизабет подошла к окну, отдернула занавеску и распахнула ставни, чтобы посмотреть на поселок и озеро. Но, хотя густой иней на стекле и пропускал свет, разглядеть сквозь него ничего не удавалось. Тогда она открыла окно, и ее восхищенному взору предстала великолепная картина.

Чистый белый снег на озере сменился темным льдом, который, словно дорогое зеркало, отражал лучи восходящего солнца. Дома тоже оделись в ледяной наряд, но на них он сверкал, как полированная сталь, а огромные сосульки, свисавшие с каждой крыши, горели нестерпимым блеском, делясь им со своими соседками, — их обращенные к светилу стороны испускали золотистые искры, постепенно терявшиеся на темном фоне другой стороны. Но дольше всего взор мисс Темпл задержался на громаде лесов, покрывавших холмы, которые, уходя вдаль, громоздились друг над другом. Могучие ветви сосен и хемлоков гнулись под тяжестью льда, а их вершины вздымались над кудрявыми вершинами дубов, буков и кленов, словно шпили из чистого серебра над серебряными куполами. На западе, там, где небо сливается с землей, дрожала волнистая полоса света, будто из-за горизонта, вопреки всем законам природы, вот-вот должны были взойти бесчисленные солнца. На первом плане этой картины, на берегах озера и возле поселка, все деревья, казалось, были усыпаны бриллиантами. Даже склоны горы, еще не озаренные солнцем, были одеты в драгоценный

убор, где блеск, зажженный первым прикосновением светила, проходил всю гамму яркости, превращаясь в конце концов в слабое мерцание хрустальных льдинок на темной хвое хемлока. Короче говоря, весь пейзаж был одним морем сияния, слившегося из отраженных озером, холмами, поселком и лесом лучей, каждый из которых обладал своим собственным оттенком.

— Взгляните, — воскликнула Элизабет, — взгляните, Луиза! Поспешите к окну и полюбуйтесь этой волшебной переменной!

Мисс Грант, простояв несколько мгновений у открытого окна, сказала тихо, словно не доверяя собственному голосу:

— Да, переменна чудесная! Не понимаю, как ему это удалось за такой короткий срок.

Элизабет удивленно посмотрела на нее, ибо никак не ожидала услышать от дочери священника такое сомнение во всемогуществе творца, но удивилась еще больше, обнаружив, что кроткий взор голубых глаз мисс Грант был обращен не на величественные картины природы, а на изящно одетого молодого человека, который, стоя у крыльца, о чем-то беседовал с судьей. Ей пришлось посмотреть еще раз, прежде чем она узнала молодого охотника в одежде хотя и скромной, но несколько не похожей на грубые куртки фермеров и охотников, — это был обычный костюм молодых людей ее собственного круга.

— В этой волшебной стране, кажется, нет числа чудесам, — заметила Элизабет, — и такая переменна не менее удивительна, чем все остальные. Актеры столь же неподражаемы, как и декорации.

Мисс Грант покраснела и отвернулась от окна.

— Я простая провинциальная девушка, мисс Темпл, и боюсь, что я буду для вас неинтересной собеседницей, — сказала она. — Я... я не всегда понимаю то, что вы мне говорите. Но, право же, я думала, что вы указываете мне на перемену в мистере Эдвардсе. И она еще более удивительна, если вспомнить его происхождение. Говорят, он наполовину индеец.

— Он благородный дикарь... Однако нам пора спуститься и угостить сахема⁵¹ чаем — ведь он, наверное, потомок Короля Филиппа, а может быть, даже внук Покахонтас⁵².

В зале девушек встретил судья Темпл, который отвел свою дочь в сторону и сообщил ей о перемене в наружности нового обитателя их дома, впрочем, ей уже известной.

— Ему, очевидно, не хочется говорить о своем прошлом, — продолжал Мармадюк, — но, насколько я понял из его слов, он знал лучшие дни, и это же подтверждается его манерами. Я склонен согласиться с мнением Ричарда относительно его происхождения — купцы, торгующие с индейцами, часто воспитывают своих детей самым похвальным образом и...

— Да, да, папочка, — перебила его дочь, смеясь и опуская глаза, — все это очень мило, но, раз я не понимаю ни слова на языке мохоков, ему придется говорить по-английски, а за его поведением, я думаю, вы сумеете последить.

— Конечно. Однако, Бесс, — сказал судья, мягко удерживая ее за руку, — не надо говорить с ним о его прошлом. Он просил меня об этом, и очень горячо. Возможно, у него дурное настроение из-за раны, но, так как она скоро заживет, он, надеюсь, впоследствии станет более общительным.

— Ах, сударь, я не слишком страдаю той похвальной тягой к знаниям, которая зовется любопытством. Я буду считать его сыном какого-нибудь знаменитого вождя — Маисового Стебля или Маисового Торговца, а может быть, и самого Великого Змея — и обращаться с ним, как подобает, пока ему не заблагорассудится сбрить свои красивые волосы,

⁵¹ Сахем — название верховного вождя у некоторых индейских племен.

⁵² Покахонтас (1595–1617) — дочь индейского вождя, ставшая женой английского колониста и неоднократно упоминавшаяся в различных литературных произведениях.

позаимствовать полдюжины моих лучших сережек, закинуть ружье за спину и исчезнуть так же неожиданно, как он появился. Итак, идемте, сударь, ибо нам не следует забывать о долге гостеприимства на тот короткий срок, пока он с нами.

Судья Темпл улыбнулся шуткам дочери и, взяв ее под руку, направился с ней в столовую, где уже сидел молодой охотник, чей вид, казалось, говорил, что он твердо решил сделать свое появление в этом доме как можно более незаметным.

Таковы были происшествия, которые привели в дом судьи Темпла этого нового его обитателя, и теперь мы на время оставим его там, пока он с большим старанием и умением выполняет разнообразные поручения, которые дает ему Мармадьюк.

Визит майора Гартмана кончился, и он на три месяца распрощался со своими любезными хозяевами; мистер Грант часто отправлялся в длительные поездки по приходу, и дочь его стала постоянной гостьей в доме судьи.

Ричард со всей живостью увлекающейся природы приступил к выполнению своих новых обязанностей; Мармадьюк был занят перепиской с желающими приобрести у него ферму, и зима прошла очень быстро. Главным местом развлечения молодежи было озеро, и девушки много раз наслаждались там чистым лесным воздухом, катаясь в маленьких одноконных санях, которыми правил Ричард, а когда лед очищался от снега, их сопровождал на коньках Эдвардс. Сдержанность молодого человека со временем постепенно исчезла, хотя внимательный наблюдатель мог бы заметить, что его часто охватывает какое-то горькое и жгучее чувство.

В течение зимы Элизабет видела, как на склонах холмов появлялось все больше новых вырубок там, где поселенцы, по местному выражению, «ставили свою палатку»; а проезжавшие через поселок бесчисленные сани, нагруженные пшеницей и бочонками с поташом, ясно показывали, что труд этот не пропадает зря. Короче говоря, вся округа являла собой картину благоденствия, и по дорогам сновало множество саней. Одни были нагружены скромным скарбом, над которым виднелись веселые лица женщин и детей, радующихся новым местам. А навстречу им мчались на рынок в Олбани другие, с товарами местного производства, и при виде их многие решали отправиться в эти дикие горы в поисках довольства и счастья.

Жизнь в поселке кипела. Ремесленники богатели, потому что богатела вся округа, и с каждым днем какие-то новшества все более увеличивали его сходство с настоящим городом. Человек, перевозивший почту, начинал поговаривать о том, что собирается завести почтовую карету, и за эту зиму он уже несколько раз сажал пассажира в свои двухместные сани, чтобы отвезти его по заснеженным дорогам к Мохоку, где дважды в неделю с быстротой молнии проносился дилижанс, управляемый умелым кучером «с побережья». Ранней весной, торопясь захватить санную дорогу, «из старых штатов» в поселок начали возвращаться семьи, ездившие туда повидаться с родственниками, и нередко их сопровождали все соседи этих родственников, соблазненные их рассказами и покинувшие фермы в Коннектикуте и Массачусетсе, чтобы попытаться счастья в лесах.

Тем временем Оливер Эдвардс, чье неожиданное возвышение никому не показалось удивительным в этой молодой стране, привыкшей ко всяким переменам, все дни напролет усердно занимался делами Мармадьюка, но ночевал он нередко в хижине Кожаного Чулка. Хотя встречи охотников были окружены какой-то тайной, все трое, казалось, очень ими дорожили. Правда, могиканин редко приходил в дом судьи, а Натти никогда там не появлялся, но зато Эдвардс, едва у него выпадал свободный час, отправлялся в свое прежнее жилище, откуда нередко возвращался уже глубокой ночью, в метель, а когда сильно запаздывал и в доме уже ложились, — на рассвете.

Те, кто знал об этой его привычке, иной раз задумывались, почему он так часто посещает индейца и Натти, но вслух своих недоумений не высказывали, и только Ричард порой шептал кому-нибудь на ухо:

— В этом нет ничего удивительного. Метис не может отвыкнуть от дикарских обычаев, а, этот малый цивилизовался куда больше, чем можно было ждать от человека его

происхождения.

Глава 20

*Вперед! Нельзя нам медлить, песнь моя,
Немало горных троп еще нас ждет.*

Байрон, «Паломничество Чайльд Гарольда»

С приближением весны огромные сугробы, которые из-за бурь и постоянной смены оттепелей и морозов стали такими крепкими, что, казалось, еще долго должны были держать землю в своих унылых объятиях, начали поддаваться действию теплого ветра и яркого солнца. Порой словно открывались врата небес, над землей веял мягкий ветерок, пробуждая живую и неживую природу, и несколько часов все глаза сияли весенней радостью, все поля улыбались весенней улыбкой. Но вот с севера снова налетела ледяная буря, погружая все в оцепенение, такое же холодное и угрюмое, как черные и мрачные тучи, закрывавшие солнце. Такие битвы между весной и зимой все учащались, а земля, предмет и жертва этого спора, медленно теряла сияющий зимний убор, не одеваясь в зеленый наряд весны.

Так грустно прошло несколько недель, в течение которых обитатели поселка и его окрестностей, прощаясь с хлопотливой, полной простых развлечений зимней жизнью, готовились к трудовой весне, к работам в своем доме и на полях. В поселок уже не приезжали гости, в лавках, где столько месяцев шла бойкая торговля, уже не было оживленной толпы покупателей, сверкающий, плотно утоптаный снежный покров на дорогах сменился непроходимой ледяной кашей, а с ним исчезли и веселые, шумные путешественники, которые скользили по нему в санях зимой, — короче говоря, все указывало на то, что должна измениться не только земля, но и жизнь тех, кого она кормит и одевает.

Молодежь «дворца» — Луиза Грант теперь тоже стала почти постоянной его обитательницей — наблюдала за этими медленными и порой обманчивыми переменами отнюдь не с равнодушием. Пока держался санный путь, к услугам девушек были всяческие зимние развлечения — они не только каждый день катались по всем горам и долинам в окрестностях поселка, но и придумывали множество разнообразных забав на широком просторе замерзшего озера. Когда после оттепели его покрывал зеркальный лед, можно было прокатиться в больших санях Ричарда, обгонявшего на своей четверке ветер; потом они увлеклись волнующей и опасной «каруселью на льду», можно было проехаться и в санках, запряженных одной лошадью, и в санках, которые катил кавалер на коньках, — короче говоря, в ход были пущены все развлечения, с помощью которых можно развеять в горах зимнюю скуку. Элизабет призналась отцу, что зима оказалась куда более приятной, чем она предполагала; этому, впрочем, немало способствовала и его библиотека.

Когда постоянная смена оттепелей и морозов сделала дороги, и без того опасные, совершенно непроезжими для экипажей, обитатели «дворца», привыкшие проводить время на открытом воздухе, стали совершать верховые прогулки. Девушки на своих маленьких, хорошо обьеженных лошадках отправлялись в горы и добирались до самых уединенных долин, но и там находили жилища предприимчивых поселенцев. В этих экскурсиях их всегда сопровождал кто-нибудь из мужчин.

Молодой Эдвардс все больше осваивался со своим положением и часто становился во время этих прогулок веселым и беззаботным, словно забывая тяжелые неприятные мысли, которые прежде так мучили его. Привычка и юношеская жизнерадостность, казалось, брали верх над причинами его тайной тревоги, хотя порой, когда он разговаривал с Мармадьюком, его лицо опять омрачалось тем же непонятным отвращением, как и в первые дни их знакомства.

В конце марта шерифу удалось убедить Элизабет и ее подругу поехать с ним к

нависшему над озером холму, который, как говорили, был необыкновенно живописен.

— А кроме того, кузина Бесс, — уговаривал неутомимый Ричард, — мы по дороге осмотрим сахароварню Билли Керби: он на восточном конце рэнсомского участка варит сахар для Джейда Рэнсома. Лучше этого Керби никто в наших краях не умеет варить сахар. Если помнишь, Дьюк, когда он только сюда приехал, я пригласил его к нам, так что неудивительно, если он в этом деле хорошо разбирается.

— Билли, конечно, лесоруб хороший, — заметил Бенджамен, державший за уздечку лошадь шерифа, пока тот усаживался в седле, — и топором орудует не хуже, чем парусный мастер своей иглой или портной утюгом. Говорят, что он в одиночку может снять с огня котел с поташом. Сам-то я, если правду сказать, этого не видел, но так говорят. А сахар, который он делает, может, и не так бел, как брамсели на «Боадицее», да зато моя приятельница мисс Петтибон не раз говаривала, что сладости он необыкновенной, а уж вы-то, сквайр Джонс, лучше других знаете, что обезьяны все сладкоежки.

Громкий хохот Ричарда, вызванный этой шуткой, которому вторил не слишком мелодичный смех самого Бенджамена, отлично показывал, какая теплая дружба существует между ними. Однако остальное общество не слышало их разговора, потому что девушки садились на лошадей и Мармадьюк с Эдвардсом помогали им, а затем последовали их примеру. Когда наконец все были готовы, кавалькада чинно двинулась через поселок. На несколько минут общество задержалось у дверей мосье Лекуа, а когда он тоже взгромоздился на своего коня, все отправились дальше и, выехав на окраину поселка, свернули на одну из сходящихся здесь главных дорог.

По ночам землю еще сковывали заморозки, но днем бывало очень тепло, и дорога покрылась глубокой грязью, так что всадникам пришлось ехать гуськом по обочине, где лошадям было легче ступать по твердому дерну. Кругом нигде нельзя было заметить молодой травы, и вид холодной, мокрой земли наводил уныние. Снег еще покрывал большинство отдаленных вырубков, видневшихся на холмах, хотя кое-где уже ярко зеленели веселые пятна озимых, ласкавшие глаз земледельца. Трудно было придумать больший контраст между землей и небом, ибо над унылой пустыней, описанной нами, простиралось море синевы, по которому скользили лишь два маленьких облачка, и солнце изливало на него свои живительные лучи.

Ричард был впереди и на этот раз, как во всех случаях, когда не требовались особого таланта или умения, и по мере сил пытался развлекать общество поучительной беседой.

— Вот это подходящая погода для сахароварения, Дьюк! — воскликнул он. — Морозная ночь и солнечный денек. Голову даю на отсечение, что в такую теплынь сок бурлит в кленах, как вода на мельничном лотке. Какая жалость, судья, что ты не показал своим арендаторам, как варить сахар научным способом. И для этого, сударь, вовсе не нужно знать столько же, сколько Франклин. Да, такой учености для этого не требуется, судья Темпл.

— Меня, милый Джонс, — ответил Мармадьюк, — больше всего заботит, как сохранить этот великий источник всяких благ и богатства от расточительности самих поселенцев. Вот когда удастся добиться этого, можно будет заняться и улучшением сахароварения. Но ведь ты знаешь, Ричард, что я уже рафинирую наш собственный сахар, и он получается белым, как снег вон на тех полях, а качество его безупречно.

— Качество, чудачество и прочие качества, судья Темпл, а все же вам еще не удавалось получить кусок сахара больше приличного леденца, — возразил шериф. — А я, сэр, утверждаю, что никакой опыт нельзя назвать удачным, если он не приносит практической пользы. Вот если бы у меня было сто тысяч акров, а вернее сказать, двести тысяч, как у тебя, я бы построил сахарный завод прямо в поселке; я пригласил бы ученых людей — а их легко найти, сэр, да сэр, их найти совсем не трудно, — людей, которые знают и теорию и практику этого дела, и я отбирал бы деревья помоложе да покрепче, и сахар у меня получался бы не кусочками величиной с леденчик, черт побери, Дьюк, а у меня получились бы сахарные головы величиной с копну сена.

— И вы купили бы себе груз одного из тех кораблей, которые, как говорят, плавают в Китай, — воскликнула Элизабет, — обратили бы котлы для варки поташа в чайные чашки, плоскодонки на озере — в блюдечки, испекли бы пирог вон в той известняковой печи и пригласили бы весь округ на чаепитие. Планы гениальных людей поистине удивительны! Но признайтесь, сударь, ведь все считают, что сахар у судьи Темпла получается хороший, хоть он и не отликает сахарные головы в формах, величина которых удовлетворила бы вашу страсть к грандиозному.

— Смейтесь, смейтесь, кузина Элизабет, смейтесь, сударыня, — возразил Ричард, поворачиваясь в седле так, чтобы оказаться лицом к остальным, и величественно взмахивая хлыстом, — но я взываю к здравому смыслу, к хорошему вкусу, а вернее сказать, к тонкому вкусу, составляющему одно из пяти наших природных чувств, для подтверждения того, что большая сахарная голова во всех отношениях лучше, чем кусочек вроде тех, которые голландки кладут под язык, когда садятся пить чай. Все можно делать двумя способами: правильным и неправильным. Вы изготавливаете сахар, признаю, и, может быть, у вас даже получаются сахарные головы, но вопрос вот в чем: самый ли лучший сахар вы делаете и нельзя ли изготовить сахарные головы лучше ваших?

— Ты прав, Ричард, — заметил Мармадюк с серьезностью, показывавшей, что предмет этот живо его интересует. — Совершенно справедливо: мы изготавливаем сахар, и полезно спросить себя, достаточно ли и наилучшим ли образом. Я надеюсь дожить до того дня, когда появятся сахарные фермы и плантации сахарного клена. Мы еще очень мало знаем о свойствах дерева, которое служит источником такого богатства, и, может быть, нам удастся улучшить их, ухаживая за ним, обрабатывая почву мотыгой и плугом.

— Мотыгой и плугом?! — захохотал шериф, — Ты бы, значит, поставил человека рыхлить землю вокруг вот такого дерева? — при этом он указал на благородный клен, каких так много попадается в этих краях. — Окучивать деревья? Да ты с ума сошел, Дьюк! То тебе взбрело в голову искать уголь, то еще вот это! Чепуха, дорогой родственник. Послушайся разумного совета и сахарными кленами предоставь заниматься мне. Вот мосье Лекуа жил в Вест-Индии и видел, как там варят сахар. Пусть он нам расскажет об этом, и ты проникнешь в самую суть дела... Расскажите нам, мосье Лекуа, как варят сахар в Вест-Индии: как у судьи Темпла или по-другому?

Тот, к которому был обращен этот вопрос, ехал на маленькой лошаденке очень кроткого нрава и так подтянул стремяна, что теперь, когда вся кавалькада начала подниматься по заросшему лесом склону горы, колени его оказались в опасной близости от подбородка. Тропа была обрывистая и скользкая, и французу было некогда жестикулировать или облекать свой ответ в изящную форму: хотя глаза его и были столь выпуклы, они далеко не всегда успевали предупредить его о зарослях кустарника, низко нависших ветвях или упавших деревьях, которые то и дело преграждали ему путь. И, защищая одной рукой лицо от прутьев, а другой изо всех сил сжимая уздечку, чтобы умерить излишнюю резвость своего скакуна, сын Франции ответил так:

— *Sucre*⁵³ на Мартинике изготавливают, *mais ce n'est pas*⁵⁴ одно дерево... Это то, что вы зовете... *je vous dirais que ces chemins fussent au diable*⁵⁵... что вы зовете трости *pour la promenade*⁵⁶.

— Тростник! — с улыбкой подсказала Элизабет.

⁵³ Сахар (франц.).

⁵⁴ Но это не (франц.).

⁵⁵ Эти дороги ни к черту не годятся, скажу я вам (франц.).

⁵⁶ Для прогулок (франц.).

— Да, мадемуазель, тростник.

— Да, да! — вскричал Ричард. — В просторечии это растение называется тростником, но его научное название — саккарум оффицинарум, а дерево, которое мы называем сахарным или твердым кленом, — это ацер саккарум. Я думаю, мосье, вам хорошо известны эти научные названия.

— Это по-латыни или по-гречески, мистер Эдвардс? — шепнула Элизабет молодому человеку, который старательно отводил ветки кустов перед ней и перед ее спутниками. — Или, может быть, это куда более ученые выражения, перевести нам которые могли бы только вы?

Темные глаза юноши с досадой устремились на лицо говорившей, но это выражение тотчас же исчезло.

— Я вспомню о вашем недоумении, мисс Темпл, когда в следующий раз навещу моего друга могиканина, и либо его познания, либо познания Кожаного Чулка помогут мне ответить на ваш вопрос.

— Неужели вы совсем не знаете их языка?

— Немного знаю, но глубокая ученость мистера Джонса мне более знакома, так же как изысканные выражения мосье Лекуа.

— Вы говорите по-французски? — быстро спросила девушка.

— Этот язык хорошо известен ирокезам и распространен по всей Канаде, — ответил он с улыбкой.

— Но ведь это же минги, ваши враги!

— Я был бы рад, если бы у меня не было врагов более опасных, — ответил юноша и, прищипнув лошадь, положил конец этим намекам и недомолвкам.

Тем временем Ричард с большим пылом продолжал свои рассуждения, пока всадники не добрались до вершины горы, где уже не было хемлоков и сосен: их сменила роща тех самых деревьев, о которых шел спор, — величественных кленов, гордо поднимавших к небу свои высокие, прямые стволы и густые кудрявые ветви. Подлесок в этой роще был весь сведен, и, так как в ней находились несложные приспособления для варки кленового сахара, местные жители именовали ее попросту сахароварней. Рощу эту, занимавшую много акров, можно было уподобить величественному храму, где клены были колоннами, их кроны — капителями, а небо — куполом. В каждом дереве над самой землей была небрежно сделана глубокая зарубка и в нее вставлена маленькая трубочка из коры ольхи или сумаха, через которую сок стекал в грубую колоду, выдолбленную из липового чурбана; такие колоды лежали под каждым деревом, примитивное приспособление столь плохо отвечало своему назначению, что большая часть сока пропадала зря.

Добравшись до плато на вершине холма, кавалькада остановилась, чтобы дать отдохнуть лошадям; а кроме того, всем, кто видел такую сахароварню впервые, хотелось рассмотреть ее получше. Однако тишину почти тотчас же нарушил прекрасный могучий бас, раздавшийся под одним из деревьев, — он затянул знаменитую песенку, чьи куплеты, если бы только удалось собрать их воедино, протянулись бы от вод реки Коннектикут до берегов Онтарио. Пелась она на тот всем известный мотив, который дорог каждому американцу с тех пор, как его веселые ноты впервые прозвучали в решительный час.

В Восточных штатах люди есть,
Зато там тесно жить, сэр.
А в Западных — лесов не счесть,
Богатства не избыть, сэр!
Так лейся, лейся, сладкий сок,
Пора тебе вариться!
Эх, подремал бы я часок,
Да сок перестоится!
Без клена лес совсем не тот.

Клен кормит нас и греет.
Кто крепкий сок его хлебнет,
Тот сразу молодеет!
Так лейся, лейся, сладкий сок... и т. д.
Хозяйка любит чай давно,
Хозяин любит грог, сэр.
К напиткам этим все равно
Им нужен сахарок, сэр!
Так лейся, лейся, сладкий сок... и т. д.

Пока раздавалась эта звучная песня, Ричард, раскачиваясь всем телом и кивая головой, отбивал такт хлыстом по холке своего скакуна. К концу песни шериф уже вполголоса подтягивал припев, а когда он раздался в последний раз, Ричард подхватил его со слов «сладкий сок» с большим чувством и выразительностью, хотя и в ущерб гармонии.

— Мы славно спели! — все так же громогласно завопил шериф. — Хорошая песня, Билли Керби, и прекрасно спета. Откуда у тебя эти слова? Это все или нет? Ты можешь мне их написать?

Лесоруб, хлопотавший около своих котлов в нескольких шагах от всадников, равнодушно обернулся и с завидной невозмутимостью смерил взглядом неожиданных гостей. Каждому из них, когда они подъехали совсем близко, он с самым независимым видом кивнул головой и, даже приветствуя дам, не счел нужным снять свою старую шапчонку или хотя бы прикоснуться к ней.

— Как живете-можете, шериф? — сказал лесоруб. — Что нового в поселке?

— Да ничего, Билли, — ответил Ричард. — Но что это? Где твои четыре котла, железные корыта и формы для охлаждения сахара? Неужто ты варишь его так по-дурацки? А я-то думал, что ты лучший сахаровар в здешних местах!

— Так оно и есть, сквайр Джонс, — отозвался Керби, продолжая свое занятие, — нужно ли валить лес, или выпаривать кленовый сок, или обжигать кирпич, или заготавливать жерди, или делать поташ, или окучивать кукурузу, в горах Отсего лучше меня вам никого не найти, хоть сам-то я больше люблю иметь дело с лесом — топор мне больно по руке пришелся.

— Вы есть ходкий товар, мистер Билл, — пошутил мосье Лекуа.

— Чего? — сказал Керби, поглядев на него с простодушием, от которого его богатырская фигура и мужественное лицо стали немного смешными. — Если вы насчет товара, мусью, так поверьте моему слову, лучшего сахара вы нигде не найдете. Да легче пень отыскать на Немецких равнинах, чем в нем хоть единое пятнышко. А вкус-то настоящий кленовый. Да его в Нью-Йорке можно продавать прямо вместо леденцов.

Француз направился к навесу из березовой коры, под которым Керби складывал готовый сахар, и принялся с видом знатока рассматривать остывшие куски. Тем временем Мармадьок спешился и теперь внимательно оглядывал деревья и приспособления Керби, с неудовольствием замечая, как небрежно и расточительно собирается сок.

— Ты опытен в этих делах, Керби, — сказал он. — Каким же способом ты изготавлиешь свой сахар? Я вижу, у тебя всего два котла.

— От двух котлов столько же проку, как от двух тысяч, судья. Я обхожусь без всяких там выдумок, этим пусть занимаются те, кто варит сахар для знати, а только если вам нужен настоящий кленовый сахар, то лучше моего вы нигде не найдете. Я выбираю деревья заранее, а зарубки делаю потом — скажем, в конце февраля, а в горах так не раньше середины марта... ну, когда сок начинает бежать как следует...

— А скажи, — перебил его Мармадьок, — ты выбираешь деревья по каким-нибудь внешним признакам?

— На все есть своя манера, — ответил Керби, деловито размешивая сироп в котлах. — Вот, скажем, надо знать, когда мешать в котле и сколько времени. Этому нужно учиться.

Рим-то ведь не один день строился, да и Темплтон тоже, если на то пошло, хоть ничего не скажешь, это местечко быстро растет. Я никогда не делаю зарубку на чахлом дереве, а только на таком, у которого кора хорошая. Ведь деревья-то болеют вроде людей, ну, и делать зарубку на больном дереве — это все равно что запрягать лошадь с запалом в почтовые сани или возить бревна на хромом воле.

— Все это так, но каковы же признаки болезни? Как ты отличаешь здоровое дерево от больного?

— А как доктор отличает, у кого лихорадка, а у кого простуда? — перебил Ричард. — Смотрит, нет ли сыпи, и щупает пульс.

— Вот-вот, — подхватил Билли. — Сквайр попал в точку. Я на них посмотрю — и вижу. Ну, так, значит, когда сок начинает бежать как следует, я вешаю котлы и делаю зарубки. Первую выпарку я веду быстро, чтобы разобраться, какой это сок. Ну, а когда он начинает загустевать, вот как в этом котле, большого огня разводить нельзя, не то сахар подгорит, а горелый сахар на вкус плох, хоть бы и очень сладкий. Тогда начинаю его черпаком переливать из одного котла в другой, и делать это надо до тех пор, пока он не начнет тянуться ниткой, если вынешь мешалку... А уж тут за ним нужен глаз да глаз. Есть способ подсушивать его глиной, когда он затвердеет, только им не все пользуются — одним он нравится, а другим нет... Так как же, мусью, берете мой товар?

— Я дам вам, мистер Билл, за один фунт десять су.

— Я свой сахар не меняю и беру за него только наличные. Ну, вам-то, мусью, я, пожалуй, уступлю, — добавил Билли с задабривающей улыбкой. — С вас я возьму всего галлон рома и материи на две рубашки, если вы заберете и патоку. А уж и хороша-то она! Я вас обманывать не буду, да и вообще я не обманщик, но только такой патоки мне пробовать еще не приходилось.

— Мосье Лекуа предложил вам десять пенсов за фунт, — пояснил Эдвардс.

Лесоруб смерил говорившего взглядом, но ничего не ответил.

— О да, — сказал француз. — Десять пенсов. *Je vous remercie, monsieur. Ah, mon anglais! Je l'oublie tou-jours!*⁵⁷

Лесоруб перевел угрюмый взгляд с одного на другого и, видимо, пришел к заключению, что они над ним смеются. Он выхватил из котла огромный черпак и начал старательно размешивать кипящую жидкость. Несколько минут он то наполнял черпак, то, высоко подняв его, сливал назад в котел густой, тягучий сироп, а потом вдруг помахал черпаком, словно желая остудить то, что в нем осталось, и поднес к лицу мосье Лекуа, сказав:

— Вот попробуйте, мусью, и сами скажете, что мало за него даете. Да одна патока дороже стоит!

Любезный француз несколько раз робко потянулся губами к черпаку и наконец проглотил изрядное количество обжигающе горячей жидкости. Затем он прижал руку к груди, бросил жалобный взгляд на дам и, как рассказывал впоследствии Билли, «выбил ногами такую дробь, что ни одному барабанщику за ним не угнаться. А потом стал так шипеть и ругаться на своем французском, что любо-дорого. Ну, да вперед ему наука, не будет насмехаться над лесорубом».

Керби принялся снова размешивать свой сироп с самым невинным видом, и зрители, возможно, не догадались бы, что он хорошо знал, каково придется мосье Лекуа от его угощения, если бы беззаботный лесоруб не подмигнул им и не устремил на них взгляд, исполненный слишком уж безыскусного простодушия. Мосье Лекуа скоро пришел в себя и вспомнил о своих манерах; кротко извинившись перед дамами за два-три несдержанных выражения, вырвавшихся у него в минуту сильного волнения, он взобрался на свою лошадь и до конца беседы держался в стороне: после злой шутки, которую сыграл с ним Керби, ни о

⁵⁷ Благодарите вас, мосье. Ах, этот английский! Я его все время забываю! (франц.)

какой сделке не могло быть и речи. В течение всего этого времени Мармадьюк прогуливался по кленовой роще, осматривал свои любимые деревья и досадливо вздыхал при виде небрежных зарубок.

— Мне больно видеть, как нерасчетливо ведется хозяйство в наших краях, — заметил судья. — Поселенцы здесь расточают дары природы с удивительным и даже преступным легкомыслием. Это относится и к тебе, Керби.

Ты наносишь дереву глубокие раны, хотя было бы вполне достаточно маленького надреза. Прошу тебя, помни, что деревья эти росли столетиями, и если их погубить, то мы не доживем до тех пор, пока вырастут новые.

— Это как сказать, судья, — возразил тот. — На мой взгляд, чего-чего, а деревьев в здешних горах хватает. А если рубить их грех, то уж и не знаю, как мне быть. Я ведь своими руками вырубил леса на добрых полтысячи акров в штатах Вермонт и Нью-Йорк и надеюсь дотянуть до тысячи. Рубить деревья для меня первое удовольствие, и никакая другая работа мне не пришлась так по вкусу. Да только Джейд Рэнсом сказал, что сахару в этом году будет нехватка, потому как в поселок понаехало много нового народу. Вот я и уговорился с ним наварить тут сахару. А что слышно, судья, про золу? Выгодно еще поташ делать? Я думаю, пока за океаном будут драться, цены на него не упадут.

— Ты правильно рассуждаешь, Керби, — ответил Мармадьюк. — Пока в Старом Свете не перестанут бушевать войны, Америка будет процветать.

— Ну что ж, судья, нет худа без добра! У нас в стране дела идут хорошо, и хоть я знаю, что для вас деревья как для иного человека родные дети, а мне они по душе только тогда бывают, когда я могу расправиться с ними по-свойски; вот тогда я их люблю. Я слышал, новые поселенцы говорят, будто за океаном у богачей и около дома и по всему поместью растут большие дубы да вязы, из которых вышло бы по бочонку поташа на дерево, а они у них стоят просто так, чтобы любоваться. А я скажу, что плоха страна, коли она заросла деревьями. Пни — дело другое, они землю не затеняют, а если их выкопать, то хороший получается забор: свинья еще пролезет, а уж корова никак.

— В разных странах на это смотрят по-разному, — сказал Мармадьюк, — но я дорожу столетними деревьями не как украшением, а потому что они полезны. Мы сводим леса так, словно за один год может возродиться все, что мы погубили. Однако близок час, когда закон возьмет под свою охрану не только леса, но и дичь, которая в них водится.

Утешившись этой мыслью, Мармадьюк сел в седло, и кавалькада, покинув кленовую рощу, направилась к живописному холму, который обещал им Ричард. А дровосек, оставшись один, снова взялся за дело. Когда всадники достигли противоположного склона горы, Элизабет, перед тем как начать спуск, обернулась, увидела маленькие костры под огромными котлами лесоруба, его крытый корьем навес, его богатырскую фигуру, могучие руки, ловко и умело орудовавшие черпаком, окружавшие его величественные деревья с трубочками для сбора сока и подумала, что все это вместе составляет верную картину человеческой жизни на первой ступени цивилизации. Романтическое впечатление, которое произвела на нее эта сцена, еще более усилилось, когда по лесу снова разнесся мощный бас Керби, распевавшего новую песню, мало чем отличавшуюся от первой. Элизабет удалось разобрать только следующие куплеты:

Вот когда леса рублю я,
Подгонять волов люблю я,
С утра до ночи ору я:
«Эй, живей! Эй, тпру! Эй, но!»
А закончим мы работку,
Отдохнем тогда в охотку,
Петь я буду во всю глотку,
Подкатив к огню бревно.
Покупайте лес в долинах,

Дубы, клены — на вершинах,
Сосны — на сухих равнинах,
Мне-то это все равно!

Глава 21

*Мой конь, во весь опор лети —
Не время мешкать нам в пути.*
Вальтер Скотт, «Дева озера»

В те далекие дни, о которых ведется наш рассказ, дороги Отсега, за исключением главных торговых путей, не многим отличались от обычных лесных троп. Высокие деревья, теснившиеся у самого края колеи, не пропускали солнечных лучей, солнцу удавалось заглянуть сюда лишь в полдень; сырой грунт, влага из которого испарялась медленно, и жирный перегной, устилавший землю слоем толщиной в несколько дюймов, служили не слишком надежной опорой путнику. К тому же местность была неровная, и то и дело попадались пни и огромные скользкие корни, обнажавшиеся из-под рыхлой почвы, — все это делало путь не только трудным, но и опасным. Однако наши всадники не выказывали ни малейших признаков страха, пока лошади их, неуверенно ступая по темной дороге, с усилием продвигались среди многочисленных препятствий, устранивших бы всякого новичка в здешних местах. Часто отметины на деревьях да низкие пни сосен, срубленных до самого основания, так что видны были лишь ползущие во все стороны корни длиной футов в двадцать, служили путникам единственным указанием того, что они действительно находятся посреди проезжей дороги.

По одной из таких дорог и двигалась кавалькада, возглавляемая неутомимым шерифом. Тропа от зарослей клена шла дальше, к небольшому мосту из нетесаных бревен, кое-как уложенных на толстые сосновые брусья. Между бревнами те здесь, то там зияли устрашающие провалы. Конь Ричарда, опустив голову до самых бревен, осторожно, словно человек, перешагивал через опасные места, зато чистокровная кобылка мисс Темпл бежала бойко, презирая, как видно, робкую поступь. На мост она взошла не спеша, тщательно выбрав надежное место, но, оказавшись у самого широкого провала, она, повинувшись уздечке и хлысту в ловких руках своей бесстрашной наездницы, перескочила через него с ловкостью белки.

— Тише, Бесс, осторожнее! — крикнул Мармадьок, ехавший так же степенно, как и Ричард. — Здешние дороги непригодны для того, чтобы гарцевать по ним так беспечно. По нашим корявым тропам следует ездить осмотрительно. На равнинах Нью-Джерси можешь упражнять свое искусство в верховой езде сколько душе угодно, но в горах Отсега эту забаву на время отложи.

— В таком случае мне придется отказаться от езды верхом навеки, — возразила дочь. — К тому времени, когда улучшатся дороги, я успею состариться, и старость положит для меня конец тому, что ты называешь «беспечным гарцеванием».

— Не говори так, дочка. Если ты из гордости и своеволия будешь сломя голову скакать через мосты, ты не доживешь до старости, и мне придется оплакивать твою гибель. Нет, Бесс, если бы ты видела наш край, как это довелось мне, в ту пору, когда он еще спал глубоким сном и ничто не нарушало этого сна, если бы ты сама была свидетельницей разительных перемен, когда природа пробудилась и стала служить человеку, ты бы несколько обуздала свое нетерпение и свою лошадку.

— Я помню, ты рассказывал, как впервые очутился в этих лесах, но воспоминания мои об этом неясны, они слились с туманными образами детских фантазий. Сколь ни мало цивилизован этот край теперь, тогда он, наверное, был совсем диким и угрюмым. Расскажи,

отец, что ты думал и чувствовал, когда попал сюда в первый раз?

В голосе Элизабет звучал живой, горячий интерес. Эдвардс тем временем подъехал поближе и устремил пристальный взгляд в лицо Мармадьюка, будто стараясь прочесть его мысли.

— Ты была тогда совсем крошкой, но, вероятно, помнишь тот год, когда я оставил тебя и твою мать и отправился исследовать эти необитаемые горы. Тебе не понять помыслов и стремлений, которые побуждают человека идти на всяческие жертвы ради достижения намеченной цели. Мне посчастливилось, тяжкие усилия мои не пропали даром. Если даже мне пришлось претерпеть голод и болезни и много других мытарств, когда я вместе с остальными боролся за этот суровый край, меня не постигли неудачи и разочарования.

— Неужели вы голодали? — воскликнула Элизабет. — Среди такого изобилия?

— Да, дитя мое. Те, кто видят здесь теперь повсюду достаток и процветание, с трудом поверят, что всего лет пять назад поселенцы вынуждены были питаться лишь скудными плодами леса и тем немногим, что приносила охота на диких зверей: у них тогда еще не было умения и опыта настоящих охотников.

— Да, да, — отозвался Ричард, случайно расслышав конец фразы за громкой песней лесоруба, — голодные то были времена, кухня Бесс. Я так отощал, что стал смахивать на хорька. А уж бледный-то был, будто только-только встал после лихорадки. Мосье Лекуа день ото дня все тончал да легчал, словно высыхающая тыква. Мне думается, мосье, вы и по ею пору не совсем еще оправились. Бенджамен переносил голод тяжелее нас всех. Он божился и клялся, что наша скудная пища похуже урезанного матросского пайка в штилевых широтах. А уж насчет божбы да ругани Бенджамен хоть кого за пояс заткнет, стоит лишь поморить его голодом. Я, признаться, и сам чуть было не собрался бросить тебя, братец Дьюк, хотел вернуться в Пенсильванию на откорм. Но, черт побери, подумал я, ведь наши матери были родными сестрами, значит, мне положено и жить и умереть с тобой вместе.

— Я не забыл твоей доброты, — сказал Мармадьюк, — и всегда помню, что мы с тобой кровная родня.

— Но, дорогой отец, — с изумлением воскликнула Элизабет, — неужели вы действительно терпели настоящие муки голода? А прекрасные плодородные долины Мохока — разве не могли вы закупить там все необходимое продовольствие?

— То был неурожайный год. В Европе цены на провизию сильно поднялись, и спекулянты жадно скупали все, что только могли. Путь переселенцев с Востока на Запад лежал через долину Мохока, и они все съедали на своем пути, словно саранча. Да и самим жителям равнины приходилось довольно туго. Они тоже терпели нужду, но благодаря своей осмотрительности, присущей людям германской расы, сумели все же сберечь небольшие излишки продовольствия, и бедноту там не угнетали. Слово «спекулянт» было им неведомо. Мне не раз приходилось видеть, как по крутым горным склонам отважно пробирается человек, согнувшись под тяжестью мешка с мукой, которую тащит с мельницы в долине Мохока, — все для того, чтобы накормить свою умирающую от голода семью. И уж так, наверное, радостно было у него на душе, когда он приближался наконец к своей хижине, что пройденные тридцать миль казались ему пустяком. Не забудь, Бесс, ведь все это происходило в самом начале заселения края. Тогда у нас еще не было ни мельниц, ни зерна, ни дорог, ни даже раскорчеванных участков, ничего, кроме голодных ртов, которые надо было накормить, ибо, несмотря на тяжелый год, переселенцев не стало меньше, — нет, голод, охвативший все пространство до самой восточной границы, как будто еще увеличивал число ищущих новые земли.

— А что ты предпринял, чтобы помочь несчастным? — спросила Элизабет, которой невольно передалось волнение отца. — Пусть даже сам ты не голодал, но ведь на тебе лежала большая ответственность за других.

— Да, друг мой, — проговорил судья и на минуту задумался, как бы перебирая в памяти все тогдашние свои ощущения. — От меня зависели судьбы сотен людей. Они все уповали на меня, ждали, что я дам им кусок хлеба. Страдания близких, безнадежность

положения парализовали предприимчивость и энергию поселенцев. Днем голод гнал их в леса на поиски пищи, а к вечеру они возвращались измученные, с пустыми руками и в отчаянии бросались на постель, зная, что их ждет бессонная ночь. Остаться бездейственным в ту страшную пору было недопустимо. Я закупил партию пшеницы в Пенсильвании. Ее перевезли в Олбани, затем на лодках переправили по Мохоку, а уж оттуда, навьючив мешки на лошадей, доставили сюда, в лесную глушь, и здесь распределили поровну между всеми. Затем переселенцы сплели невода и закинули их в окрестные озера и реки. И тут нам как будто было ниспослано чудо: в пятистах милях отсюда двинулись и пошли по извилистым путям бурной Саскуиханны огромные косяки сельди — наше озеро кишело бесчисленным множеством рыбы. Ее выловили неводами, поделили между собой, и всем было роздано необходимое количество соли. И вот с этого времени голод для нас миновал, наступило благоденствие⁵⁸.

— Верно, верно! — подхватил Ричард. — Как раз я-то и распределял рыбу и соль. Бенджамену — он был моим помощником — пришлось натянуть веревки вокруг того места, где я стоял, чтобы оградить меня от толпы поселенцев: они так пропахли чесноком — ведь все это время дикий чеснок был единственной их пищей, — что я при дележе путался в расчетах. Ты, Бесс, была тогда совсем малюткой и ничего этого не знала. Мы делили все, что только могли, чтобы уберечь тебя и твою мать от голода. Да, в тот год я потерпел немалый урон: все мои свиньи и индюшки были съедены.

— Нет, Бесс, тебе трудно это понять, — продолжал судья уже более веселым тоном и как будто не заметив, что Ричард перебил его. — Тот, кто не был тогда с нами и знает лишь понаслышке о том, как люди осваивают новые земли, смутно представляет себе, какими тяжкими трудами и лишениями это достается. Тебе здешние места кажутся дикими, нецивилизованными, но если бы ты знала, как здесь было глухо и дико, когда я впервые поднялся на эти горы! Рано утром в первый же день, как мы приехали сюда, я оставил всех своих спутников подле ферм в Вишневой долине, а сам по оленьей тропе добрался до вершины горы. С тех пор я называю ее Горой Видения, потому что зрелище, открывшееся передо мной, показалось мне совершенно фантастическим. Вершина была голая, лесной пожар выжег на ней всю растительность, и потому местность вокруг была открыта взору. Листья уже опали. Я влез на высокий бук и просидел на нем целый час, любуясь дикой природой, словно застывшей в молчании. В бескрайних лесных просторах не было ни единой прогалины, ни единой вырубки, бесконечная лесная чаща прерывалась лишь гладким, как зеркало, озером. Оно было покрыто мириадами перелетных птиц. И тогда же, сидя на суку дерева, я увидел медведицу с двумя медвежатами. Они спускались к озеру на водопой. Все время, пока я шел лесом, сквозь чащу пронеслись олени, но ни там, ни с вершины горы я не заметил никаких следов пребывания человека — ни вырубки, ни хижины, ни единой извилистой тропинки, каких теперь здесь такое множество. Ничего, кроме гор, а за ними снова горы и внизу долина — сплошное море переплетшихся между собой голых ветвей, где иногда лишь мелькала увядшая листва какого-нибудь дерева, неохотнее других расстающегося со своим летним нарядом. Даже Саскуиханна была скрыта за высоким, непроходимым лесом.

— И ты был совершенно один? — спросила Элизабет. — Ты всю ночь провел в лесу один-одинешенек?

— Нет, дитя мое. Целый час я сидел на дереве и с восторгом и в то же время с тоской разглядывал все, что было перед моими глазами. Потом я слез со своего наблюдательного поста и спустился в горы. Я оставил коня пощипать ветки деревьев, а сам походил по берегу озера и осмотрел те места, где теперь стоит Темплтон. Там, где теперь выстроен наш дом, росла огромная сосна, и оттуда сквозь деревья был просвет до самого озера. Оно было видно как на ладони. Под ветвями сосны я и совершил свою одинокую трапезу. И тут я вдруг

⁵⁸ Все это исторический факт. (Примеч. автора.)

заметил, что на противоположном берегу, но несколько более к востоку, у подножия горы, курится дымок. Это было первое свидетельство близости жилья.

Я потратил немало усилий, чтобы добраться до места, откуда шел дымок, и вот наконец увидел перед собой грубо сколоченную бревенчатую хижину. И, хотя в самой хижине никого не оказалось, я всюду заметил признаки того, что она обитаема, что в ней...

— Это была хижина Кожаного Чулка, — быстро проговорил Эдвардс.

— Да, совершенно верно. Хотя сперва я предположил, что это жилище индейца. Но, пока я бродил возле хижины, появился и сам Натти. Он шел, сгибаясь под тяжестью туши убитого им оленя. Вот тогда-то и состоялось наше первое знакомство, до этого я и не подозревал, что в моих лесах обитает охотник-траппер. Натти спустил на воду свою пирогу, перевез меня на другой берег, туда, где стоял мой конь, и указал место, где тот мог остаться до утра, добывая себе скудный корм. А потом мы вернулись к хижине охотника, где я и заночевал.

Элизабет так поразило глубокое внимание, с каким Эдвардс слушал рассказ ее отца, что она даже оставила свои расспросы, но юноша сам продолжил разговор, обратившись к судье.

— Скажите, сэр, — начал он, — Кожаный Чулок оказался гостеприимным хозяином?

— Вполне! Он держался просто, но приветливо до тех пор, пока уже позже, к вечеру, не узнал мое имя и цель моего приезда, — тут радушие его заметно уменьшилось или, вернее сказать, совсем исчезло. Прибытие поселенцев он воспринимал, я полагаю, как ущемление своих прав. Собственно, он так и сказал, только выразил это в обычной своей манере, туманно и запутанно. Я даже толком не понял его доводов и возражений, но заключил, что он недоволен главным образом тем, что мы помешаем его охоте.

— И вся земля здесь уже была вашей собственностью или вы приехали только посмотреть ее с намерением купить? — спросил Эдвардс довольно резко.

— Она принадлежала мне уже несколько лет. Я приехал проверить, пригодна ли она для заселения. Да, Натти выказал себя гостеприимным хозяином: он отдал мне свою постель — медвежью шкуру, и я провел ночь в его доме, а наутро вернулся к своим товарищам — топографам и землемерам.

— Он ничего не говорил вам, сэр, о правах индейцев на эту территорию? Кожаный Чулок весьма склонен сомневаться в справедливости захвата ее белыми.

— Да, что-то припоминаю. Но то ли я плохо разобрался в том, что он говорил тогда, то ли позабыл. Права индейцев на эту территорию были аннулированы еще в конце войны, но, даже если бы этого и не произошло, я так или иначе хозяин этой земли: я приобрел ее, получив на то особое разрешение правительства. Никто не может посягать на мои права владельца.

— Ваши права, сэр, несомненно, законны и обоснованны, — ответил юноша холодно и, потянув за поводья, придержал коня.

Пока разговор не перешел на другую тему, Эдвардс участия в нем больше не принимал.

Мистер Джонс редко допускал, чтобы разговор долго длился без его участия. Воспользовавшись минутной паузой, он подхватил нить беседы и стал в свойственной ему манере рассказывать о дальнейших событиях того времени: по-видимому, он был одним из тех землемеров, о которых упомянул судья Темпл. Но, так как рассказ его не заключал в себе столь интересных подробностей, какие были в рассказе судьи, мы воздержимся от передачи разглагольствований шерифа.

Вскоре путники добрались до места, откуда открывался обещанный им вид. Это был один из тех живописных и своеобразных пейзажей, которыми так богат Отсего, но, чтобы полностью насладиться его красотой, нужно было видеть его без ледяного покрова и расцвеченным живыми красками лета. Мармадюк заранее предупредил дочь, что ранней весной виды здесь не так хороши; поэтому, бросив лишь беглый взгляд на простирившиеся перед ними просторы и представив себе их в летнюю пору, всадники двинулись в обратный путь в твердой надежде побывать здесь вторично в более благоприятное время года.

— Весна в Америке — наихудший сезон, — проговорил судья, — в особенности в

здешних горах. Зима, как видно, избрала их своей цитаделью. Сюда она отступает, когда подходит весна, и весне удается изгнать ее отсюда лишь после длительной осады, во время которой борьба ведется с переменным успехом.

— Весьма уместная и меткая метафора, судья Темпл, — заметил шериф. — Да, гарнизонные войска Деда Мороза делают грозные вылазки, и иной раз заставляют отступить войска генерала Весны назад, в долину.

— Да-да, сэр, — ответил француз; своими вытаращенными глазами он следил за каждым шагом коня, который неуверенно нащупывал дорогу среди корней деревьев, ям, бревенчатых мостов и болот — все это и составляло дорогу. — Да, я все понял — долина замерзает на полгода.

Шериф даже не обратил внимания на ошибку француз. Все участники кавалькады вдруг почувствовали, что еще долго придется им ждать длительного и ровного тепла, что хорошая погода еще весьма ненадежна. Веселье и живая беседа сменились молчанием и задумчивостью, когда все увидели, что на небе начали сгущаться тучки — они неслись как бы сразу со всех сторон, хотя воздух был совершенно неподвижен.

Путь наших всадников проходил через участок вырубленного леса, и как раз в этот момент зоркий глаз судьи заметил признаки приближения бури, и судья указал на них дочери. Вихри снега уже скрыли гору, являвшуюся северной границей озера, и бодрящее весеннее тепло сменилось пронизывающей стужей — приближался норд-вест.

Теперь все думали только о том, как бы поскорее добраться до поселка, хотя из-за плохой дороги волей-неволей приходилось сдерживать лошадей, которые иной раз норовили пуститься вскачь там, где осторожность требовала идти лишь шагом.

Ричард по-прежнему ехал впереди, за ним мосье Лекуа, затем Элизабет. Она, казалось, переняла ту холодность и отчужденность, с какой Эдвардс держался во время разговора с ее отцом. Мармадюк ехал следом за дочерью, то и дело ласково давая ей советы относительно того, как управлять лошадью. Луиза Грант, по-видимому, целиком полагалась на помощь молодого человека, и потому Эдвардс ехал рядом с ней все время, пока они пробирались по угрюмому темному лесу, куда так редко проникали лучи солнца и где стоящие стеной деревья даже дневной свет делали тусклым и мрачным. Сюда пока еще не долетал ни малейший ветерок, но мертвая тишина, часто предшествующая буре, усугубляла тягостное чувство — казалось, было бы легче, если бы буря уже свирепствовала над головой.

И вдруг все услышали голос Эдвардса — то был крик такой громкий и отчаянный, что при звуках его у всех застыла кровь в жилах.

— Дерево! Дерево!.. Спасайтесь! Хлещите коней! Дерево! Дерево!..

— Дерево! Дерево! — в свою очередь крикнул Ричард и с такой силой ударил коня, что испуганное животное сделало прыжок чуть ли не в пять метров, и из-под копыт его взметнулись фонтаны воды и грязи.

— Дерево!.. Дерево!.. — завопил француз. Прижав голову к шее своего скакуна и закрыв глаза, он так яростно колотил каблуками по его бокам, что тот в одно мгновение очутился у самого крупного коня Ричарда.

Элизабет придержала свою кобылку, все еще ничего не понимая, но уже с беспокойством глядя на дерево, вызвавшее такую тревогу, и прислушиваясь к треску, вдруг нарушившему безмолвие леса. В следующую секунду рука отца схватила уздечку ее лошади.

— Господи, сохрани и помилуй! — воскликнул судья.

И Элизабет почувствовала, что кобылка, повинуясь его сильной руке, рванулась вперед.

Все пригнулись как можно ниже к седельным лукам, и в тот же момент послышался зловеющий треск, в воздухе загудело, как от сильного ветра, и раздался такой грохот и удар, что земля задрожала, — это рухнул прямо поперек дороги один из могучих лесных великанов.

Судье Темплу достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться, что его дочь и все, кто находился впереди, живы и невредимы. Он обернулся назад, преисполненный страха и

беспокойства за остальных. Эдвардс остался по ту сторону рухнувшего дерева; сильно откинувшись в седле назад, он правой рукой держал уздечку своего коня, а левой — уздечку коня мисс Грант, стараясь прижать его голову возможно ниже. Оба животных дрожали всем телом и испуганно храпели. Луиза, выпустив из рук поводья и закрыв лицо ладонями, сидела наклонившись вперед; поза ее выражала одновременно и отчаяние и покорность.

— Вы не пострадали? Вы не ранены? — первым нарушил молчание судья.

— Нет, благодарение богу, — ответил юноша. — Но, если бы у дерева были длинные сучья, мы бы погибли.

Он тут же умолк, видя, что тело Луизы медленно сползает с седла. Не подоспей он вовремя, девушка упала бы на землю. Однако причиной обморока был только страх, и Луиза с помощью Элизабет скоро пришла в себя. Ее вновь усадили в седло, и, поддерживаемая с одной стороны судьей, а с другой — мистером Эдвардсом, она была теперь в состоянии следовать за кавалькадой, медленно продвигавшейся к дому.

— Внезапное падение дерева — самое опасное явление в лесу, потому что его нельзя предусмотреть, — сказал Мармадюк. — Оно происходит не из-за сильного ветра и не по какой-либо другой видимой причине.

— Причина падения деревьев, судья Темпл, совершенно очевидна, — сказал шериф, — дерево состарилось, постепенно ослабело от морозов, подгнило, и его центр тяжести уже не приходится на середину основания дерева — в таком случае оно непременно падает. Я изучал математику, и я...

— Да-да, мы все это знаем, Ричард, — прервал его Мармадюк. — Ты рассуждаешь правильно, и, если память мне не изменяет, я сам все это разъяснял тебе когда-то. Но как предостеречься от такой опасности? Если можешь дать полезный совет, ты окажешь всем живущим здесь большую услугу.

— Ты хочешь, чтобы я ответил тебе на это, друг мой Темпл? Изволь, — сказал Ричард. — Образованный человек всегда ответит тебе на любой твой вопрос. Разве падают все деревья? — Разумеется, нет, а только те, что подгнили. Не подходи близко к корням гнилого дерева, и ты в безопасности.

— Тогда, значит, в лес вовсе ходить нельзя. Но, по счастью, сильные ветры обычно сами сваливают большую часть этих опасных сгнивших деревьев: через просеки ветрам открыты доступы в самую глубь леса. Такие случаи, как только что происшедший, чрезвычайно редки.

К этому времени силы Луизы уже вернулись к ней, и кавалькада могла продвигаться несколько быстрее, но всадники были все еще далеко от дома, как вдруг их настигла метель. Когда они благополучно добрались наконец до поселка и спешили возле «дворца» Темпла, одежда у них была вся в снегу, а черные перья на шляпе мисс Темпл под тяжестью сырого снега совсем поникли.

В то время как Эдвардс помогал Луизе сойти с коня, добрая, простодушная девушка горячо сжала руку юноши.

— Теперь, мистер Эдвардс, оба мы, и отец и дочь, обязаны вам спасением нашей жизни.

Мчавшаяся с северо-запада метель разыгралась вовсю, и солнце еще не успело сесть, как уже все признаки весны исчезли: озеро, горы, поселок, поля — все снова скрылось под ослепительным снежным покровом.

Глава 22

И старики и молодежь

Селенье бросили, спешат толпой

В луга, волненьем радостный объять.

Уильям Соммервилл, «Охота»

С этого дня и вплоть до самого конца апреля погода то и дело резко менялась: сегодня мягкие весенние ветерки, пробравшись в долину, пытаются в союзе с живительным солнцем разбудить дремлющие силы растительного царства, а завтра над озером проносятся хмурые северные ветры и стирают всякое воспоминание о своих нежных предшественниках. Но вот наконец снег стаял, кругом зазеленели пшеничные поля, среди которых здесь и там торчали обуглившиеся пни, еще осенью служившие основанием величавых сосен. Повсюду работали плуги, и над зарослями клена уже не поднимались дымки сахароваров. Озеро утратило свою зимнюю красу, оно перестало походить на сверкающую ледяную равнину, но неподвижные его воды были все еще скрыты под темной пористой коркой льда, которая, пропитавшись водой, вот-вот готова была растаять. Большие стаи диких гусей долго кружили над озером, ища места для отдыха, и, очевидно, поняв, что до воды не добраться, улетали в северном направлении, высоко взмывая к небу и наполняя воздух резкими криками, словно выражали тем недовольство по поводу слишком медленного пробуждения природы.

Целую неделю темный покров озера был в безраздельном владении пары орлов, которые спустились на самую середину его и стояли, озирая свою никем не оспариваемую территорию. Все это время перелетные птицы избегали пролетать через озеро и направлялись в сторону гор, под защиту леса; орлы, подняв вверх свои белые лысые головы, презрительно провожали их взглядом. Но вот настала пора, когда этим двум парам пернатых пришлось лишиться своих владений. Южный конец озера начал постепенно очищаться ото льда, и там, где течение реки не давало воде замерзнуть даже зимой, образовалась широкая полынья. Да и свежие южные ветры, гулявшие теперь по всей долине, делали свое дело: у берега заплескались чуть заметные волны, подтачивая ледяной пласт, покрывавший озеро, и тот отступал все дальше и дальше. Сила ветра и волн росла, лед треснул, по всему озеру заходили невысокие, но бурные волны, дробя лед и с удивительной быстротой унося его на север. И, когда уже последняя льдина готова была исчезнуть из виду, орлы поднялись, широкие взмахи крыльев понесли их к облакам; а волны плясали и вскидывали свои снежные гребешки, как бы радуясь освобождению от рабства, длившегося пять месяцев.

На следующее утро Элизабет проснулась от громкого щебета ласточек, поднявших ссору вокруг кормушек над окнами, и возгласов Ричарда, столь же веселых и жизнерадостных, как голоса весны.

— Вставайте, вставайте же, прекрасная моя миледи! Над озером уже носятся чайки, а в небе кишмя кишат голуби. Хоть целый час смотри на небо, не сыщешь свободного местечка, чтобы поглядеть на солнце. Вставайте, ленивцы, вставайте! Бенджамен уже готовит оружие. Вот только позавтракаем — и марш в горы, стрелять голубей!

Невозможно было устоять против столь бодрого призыва, и спустя несколько минут мисс Темпл вместе со своей подругой спустились в столовую. Двери были распахнуты настежь, и мягкий, ароматный воздух ясного весеннего утра врвался в комнаты, где Бенджамен в течение долгих месяцев с таким неослабным усердием поддерживал искусственное тепло. Мужчины, одетые так, как это подобает охотникам, с нетерпением ждали завтрака. Мистер Джонс уже неоднократно выглядывал на улицу и кричал:

— Кузина Бесс, ты только посмотри! Эй, Дьюк, и ты тоже! С юга двинулись голубиные стаи, с каждой секундой их становится все больше. Сколько провианта! Вот летит стая, которой не видно конца. Всю армию Ксеркса можно было бы кормить целый месяц. А пуху-то сколько! Хватит, чтобы набить перины всем здешним жителям... Ксеркс, да было бы вам, мистер Эдвардс, известно, это греческий царь, который... Нет, он не то турок, не то перс, что возмечтал завладеть Грецией, точь-в-точь как эти пернатые разбойники мечтают завладеть нашими пшеничными полями, когда снова будут пролетать здесь осенью. Собирайтесь же быстрее! Мне не терпится угостить их дробью!

Мармадьюк и молодой Эдвардс, казалось, полностью разделяли его энтузиазм, ибо зрелище и в самом деле не могло не радовать сердце охотника. Наскоро позавтракав, все представители сильного пола поспешили из дому.

Если небо и в самом деле будто ожило от бесчисленного множества голубей, то и

поселок тоже пришел в движение: все были на ногах — мужчины, женщины и дети. У каждого из мужчин и у каждого мальчугана в руках было какое-нибудь оружие — все, что угодно, начиная от французского ружья для охоты на уток, с дулом длиной почти в шесть футов, и кончая самым обыкновенным пистолетом. У многих мальчишек были также самодельные луки из прутьев молодого грецкого ореха и самострелы, сделанные по образцу старинных арбалетов.

Жилье человека, движение в поселке и шум голосов напугали птиц и заставили их несколько отклониться от прямого полета в сторону гор, и теперь они летели куда-то вдоль горных склонов, поражая необычайной стремительностью полета и своим невероятным множеством.

Как уже упоминалось выше, от крутого склона горы и до самых берегов Саскуиханны тянулась проезжая дорога, по обе стороны которой раскинулись широкие поля, — деревья здесь были вырублены и поляны расчищены с самого начала заселения края. И вот на этих-то полянах вплоть до восточной горы и вдоль опасной крутой тропы, вьющейся по ее склону, разместились жители поселка. Охота началась.

Среди охотников можно было заметить и высокую, тощую фигуру Кожаного Чулка. Он расхаживал по поляне, держа ружье на руке; его собаки бежали за ним по пятам. Они то обнюхивали убитую или раненую птицу, которые падали теперь одна за другой, то жались к ногам хозяина, как будто разделяя его негодование по поводу такого хищнического и недостойного истребления пернатых.

Выстрелы раздавались все чаще, иногда слышались целые залпы, когда над полем, покрывая его, словно туча, черной тенью, пролетала особенно большая стая. Иной раз легкий ружейный дымок вырывался из голых кустов на горе, и перепуганные птицы взлетали выше в тщетной попытке скрыться от смертоносных пуль и стрел, пущенных в самую гущу стаи.

Так велико было количество птиц и так низко они летели, что некоторые охотники, стоявшие на горе, сшибали бедняг длинными шестами.

Все это время мистер Джонс, презиравший столь примитивные способы уничтожения, готовился с помощью Бенджамена к более решительной и действенной атаке. После когда-то происходивших здесь военных столкновений остались сувениры войны, которые время от времени обнаруживаются на всей территории западной части штата Нью-Йорк. В Темплтоне, в самом начале его заселения, был в свое время найден небольшой фальконет — пушечка, стрелявшая ядрами весом в один фунт. По-видимому, ее оставили здесь белые в один из своих набегов на поселения индейцев: вынужденные отступить, солдаты, вероятно, бросили обременявшую их пушечку в лесу. Это миниатюрное орудие очистили от ржавчины и поставили на колеса, и теперь оно было вполне пригодно к дальнейшей службе. Вот уже несколько лет все выдающиеся и радостные события отмечались здесь залпами из фальконета. Каждый год в утро 4 июля залпы эти долго гремели в окрестных холмах; и даже капитан Холлистер, слывший знатоком по этой части, утверждал, что пушечка, несмотря на свои малые размеры, для салютов вполне годится. Правда, от долгой службы ее боевые качества несколько снизились, так как запальное отверстие уже стало величиной чуть ли не во все дуло. Однако Ричард сообразил, какую услугу может оказать ему сейчас это оружие, если он хочет по-настоящему расправиться с быстрыми врагами. С помощью лошади пушечку вытащили на открытое место, по мнению шерифа наиболее пригодное для установки орудия такого рода, и мистер Помпа принялся заряжать ее. Сверх дроби насыпали пригоршню пороха, и дворецкий объявил, что орудие готово к бою.

Появление фальконета привлекло зевак, состоявших главным образом из мальчишек, которые не преминули огласить воздух криками восторга и ликования. Жерло пушечки навели прямо в небо, и Ричард, держа щипцами раскаленный уголек, уселся рядом на пень, терпеливо поджидая стаи, достойной его внимания.

Столь велико было количество голубей, что многочисленные, раздающиеся с разных концов выстрелы привели лишь к тому, что только небольшие стайки оторвались от основной массы птиц, по-прежнему мчавшихся над равниной. Казалось, здесь пролетало все

пернатое племя. Никто не подбирал дичь, она валялась на полянах в таком изобилии, что вся земля была чуть ли не сплошь покрыта трепещущими жертвами.

Кожаный Чулок молча, но с тяжелым сердцем наблюдал все происходящее. Он ничем не выражал своих чувств до тех пор, пока не увидел, что для охоты катят пушечку.

— Вот что получается, когда в вольный край приходят люди! — сказал он. — Каждую весну, сорок лет подряд, я видел, как пролетают здесь голуби, и, пока вы не начали вырубать леса и распахивать поляны, никто не трогал несчастных птиц. Я любил смотреть на них, они составляли мне веселую компанию — ведь они никому не приносили никакого вреда, они были безобидны, как ужи. Но теперь мне становится не по себе, как только я слышу свист их рассекающих воздух крыльев, — я знаю, что сейчас же сбегутся все озорники поселка и поднимут стрельбу. Но бог не потерпит, чтобы живые создания гибли зря, — враги голубей и всяких других тварей скоро понесут за это кару... Ах, вот как, здесь и мистер Оливер! Видно, и он не лучше остальных, коли собирается палить в голубиные стаи, словно перед ним воины Минго.

Среди охотников находился и Билли Керби. Он то и дело заряжал свой старинный мушкет, стрелял вверх не глядя и радостно вопил, когда жертва падала прямо на него. Он слышал слова Натти.

— Как! Старый Кожаный Чулок ворчит, что на свете становится парой голубей меньше? — воскликнул он. — Если бы тебе пришлось по два, а то и по три раза пересевать пшеницу, как приходилось мне, ты бы не стал жалеть этих крылатых чертей. Ура, ребята! Палите по ним вовсю! Эта забава получше, чем стрелять в голову индюшки!

— Для тебя, Билли Керби, может быть, и лучше, — негодуя возразил ему старый охотник. — Для тебя и для всех тех, кто не умеет толком зарядить ружье и попасть из него в цель. Так безжалостно истреблять птичьи стаи — стыд и позор. Небось никто из вас не сможет облюбовать одну птицу и сбить ее. Если человеку нужно мясо голубя — ну что ж, голубь на то и создан, как и все живые создания, чтобы служить человеку пищей. Но зачем же убивать двадцать, чтобы съесть только одного? Коли мне требуется дичь, я иду в лес и ищу себе то, что мне надо. Подстрелю птицу, когда она сидит на ветке, и не задену ни одного перышка другой птицы, хоть, может, на том же дереве их целая сотня. А ты как бы ни пыжился, Билли Керби, — тебе этого не сделать!

— То есть как это так? Ах ты старый огрызок, ах ты высохший пень! — завопил лесоруб. — Уж очень ты, я вижу, расхвастался после истории с индюшкой! Но коли ты так ратуешь за меткий выстрел — изволь. Смотри, как я сейчас подстрелю вон ту птицу!

Выстрелы в дальнем краю равнины вынудили одного из голубей отделиться от стаи. Перепуганный непрерывным треском мушкетов, он летел прямо туда, где стояли спорщики, и бросался то в одну, то в другую сторону, рассекая воздух с молниеносной быстротой и поднимая крыльями шум, похожий на свист пули. К несчастью для лесоруба, он увидел птицу лишь тогда, когда она слишком приблизилась и стрелять было поздно. Он нажал курок в неудачный момент — птица пронеслась прямо над его головой. Прогремел выстрел, но голубь все так же стремительно продолжал лететь вперед.

Натти выждал, когда испуганная птица стала снижаться к берегу озера, затем с необычайной быстротой поднял ружье, прицелился и выстрелил. Быть может, то было лишь простой случайностью, а может быть, действительно сказалось высокое мастерство охотника или же и то и другое, но выстрел не пропал зря: голубь перевернулся в воздухе и с перебитым крылом упал в воду. Заслышав звук хозяйского ружья, собаки, сидевшие у ног охотника, вскочили, и через несколько мгновений подруга Гектора принесла в зубах птицу, еще живую.

Слух о необычайно метком выстреле Кожаного Чулка с поразительной быстротой разнесся по всей равнине, и многие охотники направились туда, где стоял Натти.

— Как! Неужели ты действительно убил голубя на лету первым же выстрелом? — воскликнул Эдвардс.

— Мне, сынок, приходилось стрелять в гагар, а гагары умеют нырять с быстротой

молнии, — ответил ему старик. — Гораздо лучше убивать лишь ту птицу, которая тебе действительно нужна, не тратя зря свинца и пороха, чем палить в божьих тварей таким вот постыдным манером. Я вышел только затем, чтобы подстрелить на обед всего одну птицу, — вы, мистер Оливер, знаете, почему я предпочитаю мелкую дичь, — а теперь пойду домой. Мне неприятно смотреть, как вы попусту истребляете живность, словно вам неведомо, что и самое малое существо сотворено не для истребления, а на пользу человеку.

— Ты правильно рассуждаешь, Кожаный Чулок! — воскликнул Мармадьук. — И я начинаю думать, что пора положить конец этому бессмысленному уничтожению.

— Надо положить конец другому — перестаньте вырубать леса. Разве птица лесная да и сами леса — не божьи творения? Пользуйтесь ими, но не истребляйте без толку. Разве не для того существуют леса, чтобы давать приют зверю и птице? И, если человеку нужно их мясо, мех или перья, пусть он ищет их в лесах. Я понесу к себе в хижину только ту птицу, которую добыл себе в пищу, я не коснусь ни одного из этих несчастных созданий, которыми устлана вся равнина. Они смотрят на меня и будто хотят сказать мне что-то, только вот говорить не умеют.

С этими словами Кожаный Чулок вскинул ружье на плечо и пошел через равнину, шагая осторожно, чтобы ненароком не наступить на раненую птицу. Собаки следовали по пятам за своим хозяином. Он вскоре вошел в густой кустарник на берегу озера и скрылся из виду.

Если нравоучения Натти произвели какое-то впечатление на судью, то на Ричарда они не возымели ни малейшего действия. Он воспользовался тем, что охотники все сошлись в одном месте, и изложил им свой план внезапной атаки, чтобы, разом соединив все усилия, сокрушить «врага». Все имевшие ружья выстроились в боевом порядке по обе стороны фальконета и получили приказ не стрелять, пока не последует на то распоряжение шерифа.

— Стойте, ребята, и ждите, — кричал Бенджамен, выполнявший должность адъютанта в этом «сражении», — и, как только сквайр Джонс посигналит, что пора стрелять, стреляйте все разом, поняли? Цельтесь ниже, ребята, и уж будьте спокойны, мы разнесем всю стаю!

— Цельтесь ниже? — завопил Керби. — Не слушайте старого дурня! Будем стрелять пониже, так ни одного голубинового перышка не коснемся, все наши пули засядут в пнях.

— А ты-то что тут понимаешь, сухопутная ты крыса? — воскликнул Бенджамен. — Откуда тебе знать это, ты, увалень, лесное чудище? Я что же, зря, что ли, пробыл на борту «Боадицеи» целых пять лет? И мне ли не знать, что всегда полагается целиться ниже, чтобы снаряд попал прямо в корпус корабля?.. Пока не стреляйте, ребята, ждите сигнала.

Авторитетный голос шерифа, требовавшего порядка и повиновения, заставил умолкнуть смех охотников.

Уже не один миллион голубей пролетел в то утро над равниной Темплтона, но приближавшаяся в эту минуту стая была невиданных размеров. Она протянулась сплошной сизой массой от одной горы до другой, и глаз тщетно силился определить ее границы. Авангард этой живой колонны образовал почти прямую линию, настолько ровно летели передние птицы. Даже Мармадьук забыл упреки Кожаного Чулка и, как и остальные, взял ружье на прицел.

— Огонь! — крикнул шериф, поспешно поднося раскаленный уголь к запалу пушки.

Но так как половина заряда вывалилась через запальное отверстие, то сперва раздался ружейный залп отряда мушкетеров, а уж следом за ним и орудийный выстрел. От первого залпа передний ряд голубей взмыл вверх, но тысячи других мгновенно оказались на их месте, и, когда из жерла пушечки вырвался белый дымок, вся летящая масса мчалась прямо над направленным в небо дулом. Пушечный выстрел отдался гулким эхом в горах и замер где-то к северу, как затихающий гром. Вся стая перепуганных птиц превратилась в беспорядочную взволнованную массу. Они металась во все стороны, взлетали как попало, ряд над рядом, поднявшись над вершинами самых высоких сосен. Ни одна птица не осмеливалась двинуться за пределы опасной зоны. И вдруг несколько вожаков стрелой понеслись через равнину, ведя стаю прямо над поселком, и все остальные устремились вслед

за ними, оставив поле битвы своим преследователям.

— Победа! — завопил Ричард. — Победа! Враг обратился в бегство! Они удрали с поля сражения!

— Нет, Ричард, они остались на нем, — сказал Мармадьук, — поле покрыто их телами. И мне, точно так же, как и Кожаному Чулку, чудится, что, куда бы я ни глянул, птицы в ужасе поворачивают головы в мою сторону, я всюду вижу глаза этих невинных страдальцев. Половина из упавших голубей еще жива. Я полагаю, что пора закончить охоту, если только это можно назвать охотой.

— Разумеется, да еще какая — прямо-таки царская! — воскликнул шериф. — На земле валяются тысячи врагов в синих мундирах. Теперь каждая хозяйка в поселке может лакомиться голубиным паштетом сколько душе угодно.

— Нам удалось отпугнуть птиц от нашего края равнины, и бойню пора прекратить, — сказал Мармадьук. — Эй, мальчуганы! Даю шесть пенсов за сотню голубиных голов — одних только голов, понимаете? Идите же, принимайтесь за дело, а потом тащите голубей в поселок.

Уловка судьбы дала желаемый результат — мальчишки немедленно принялись сворачивать шеи раненым птицам. Судья Темпл направился к дому, и у него было тягостное чувство, знакомое многим, когда момент азарта прошел и человек сознает, что купил себе удовольствие ценой страданий других. Убитую птицу погрузили на телеги. Теперь, когда охотничий пыл угас, до конца весны на голубей больше уже никто не охотился, разве только какой-нибудь бездельник. Ричард, однако, еще многие годы хвастался этим выстрелом из «орудия», а Бенджамен совершенно серьезно утверждал, что в тот день побито голубиною племени было не меньше, чем французов в памятном сражении, которое выиграл адмирал Родней.

Глава 23

Подсоби, хозяин, подсоби!

Рыба запуталась в сетях, как бедняк

В ваших законах.

Шекспир. «Перикл»

Весна наступила столь же внезапно, сколь медленно в томительно было ее приближение. Дни все подряд стояли мягкие и теплые, и, хотя ночью было еще прохладно, пора морозов миновала. На берегу озера высвистывал свои унылые мелодии козодой, в воздухе звенел многоголосый хор обитателей прудов и полей. На тополях в лесу затрепетали первые листки. Склоны гор утрачивали бурую окраску по мере того, как деревья одно за другим добавляли свою живую, яркую зелень к темной хвое сосны и хемлока; и даже на медлительном дубе стали набухать почки, готовясь к грядущему лету.

Веселая, быстрая трясогузка, общительная малиновка и маленький прилежный королек присутствием своим и песнями оживляли поля и луга. А над водами Отсего парила чайка-рыболов, подкарауливая добычу и хватая ее с присущей этой птице жадностью.

Рыба в озере водилась в изобилии и была отменно вкусна. Едва лишь стаял лед, как по озеру двинулось множество небольших лодок, и рыбаки поспешно забросили свои удочки в сокровенные водные глубины, соблазняя неосторожных тварей всеми видами приманки, какие только могла придумать изобретательность человека. Но медленная, хотя и надежная, ловля «на крючок» не удовлетворяла нетерпеливых рыбаков, они мечтали о более решительных средствах истребления. И вот подошло наконец время, когда по закону, которого добился судья Темпл, можно было начать ловлю окуней. Шериф немедленно заявил о своем намерении воспользоваться первой же темной ночью и отправиться на озеро.

— Ты тоже должна пойти с нами, кузина Бесс, — добавил он. — И мисс Грант, и мистер Эдвардс. Я покажу вам, что такое настоящая рыбная ловля, — не так, как у Дьюка,

когда он ловит форель на удочку: «клюет, не клюет, клюет, не клюет»... Часами, бедняга, сидит под палящим солнцем или над прорубью во льду в самую что ни на есть стужу, и вся защита ему от ветра какие-то жалкие голые кустики. И только зря мучается — ведь иной раз ни единой рыбешки не поймает. Нет, мне подавай другое — невод длиною футов в триста пятьдесят, да веселую компанию рыбаков, чтобы было с кем перекинуться шуткой или парой слов, да Бенджамена в рулевые, и такой улов, чтобы рыбу считать сотнями. Вот это по мне!

— Ах, Дик, если бы ты понимал, какое удовольствие посидеть с удочкой, ты бы не стремился выловить неводом сразу всю рыбу из озера. Я уже не раз видел, как после твоих увлечений рыбным спортом на берегу оставалось гнить столько рыбы, что ею можно было бы накормить десяток голодных семей.

— Ладно, не буду спорить с тобой, судья Темпл, но сегодня же ночью я выезжаю на озеро и всех приглашаю с собой. Пусть рассудят, кто из нас прав.

Весь день Ричард хлопотал, готовясь к важному делу, и едва лишь угас последний луч заходящего солнца и на землю пал свет народившегося месяца, как от берега отделилась лодка с рыбаками и двинулась к западному краю озера, за полмили от поселка. Туда же, но в обход по суше, должны были направиться Мармадьук, его дочь, мисс Грант и юный Эдвардс. Земля уже просохла, и было приятно пройти по сухому травянистому берегу. Они шли у самого края озера и следили за движущимся по воде темным силуэтом лодки, пока его не поглотила тень от гор на западной стороне. В обход дорога была вдвое длиннее, и судья заметил:

— Пора нам прибавить шагу, не то месяц успеет скрыться, прежде чем мы доберемся до места, и Дик без нас начнет добывать свои неслыханные трофеи.

После долгой, суровой зимы весеннее тепло бодрило и радовало. Молодые люди, восхищенные открывавшимися перед ними видами и предвкушая развлечение, шли следом за судьей, который вел их по берегу Отсега окраинами поселка.

— Кажется, они уже разжигают костер, — сказал Эдвардс. — Видите, огонь то вспыхнет, то снова угаснет, словно летает светлячок.

— Теперь он уже ярко пылает! — воскликнула Элизабет. — Даже видны фигуры людей возле огня. Ставлю все свои драгоценности против золотых бус Добродетели, что костер разожгли не без участия моего нетерпеливого кузена. Видите, пламя снова померкло, как меркнут многие блестящие замыслы Ричарда Джонса.

— Ты угадала, Бесс, — сказал судья, — Ричард бросил в огонь охапку сухих веток, они вспыхнули и тут же сгорели. Но свет костра помог им найти топливо получше, потому что, видите, костер пылает ровно и ярко. Теперь это настоящий рыбацкий бакен. Заметьте, как красиво бросает он на воду круг света!

Костер заставил всех ускорить шаг, ибо даже девушкам захотелось посмотреть, как будут закидывать невод. К тому времени, когда они достигли небольшого обрыва над берегом, где высадились рыбаки, месяц зашел за вершины сосен, и, так как почти все звезды были закрыты тучами, в темноте светился лишь огонь костра. Мармадьук предложил своим спутникам немного постоять, поглядеть на рыбаков, находившихся внизу у воды, и послушать их разговоры, а уж потом спуститься на берег.

Рыбаки расселись вокруг костра — все, кроме Ричарда и Бенджамена: первый сидел на гнилом пне, притащенном сюда в качестве топлива, а второй стоял, упершись руками в бока и так близко к костру, что порой его торжественную физиономию застилал дым, время от времени раздуваемый легким ветерком.

— Послушайте, сквайр, — говорил дворецкий, — вы, конечно, можете называть рыбину весом в двадцать-тридцать фунтов бог весть какой невидалью, но для человека, который и акулу лавливал, такая добыча, ей-богу ничего не стоит.

— Ну, Бенджамен, смею тебя уверить, — возразил ему шериф, — если за один раз вытащить неводом тысячу отсегских окуней и окуньков, щук и щучек, да еще форели, крупной, мелкой, да всякой плотвы — это не так уж плохо! Загарпунить акулу — это, может, тоже стоящая охота, но какой от нее прок, от твоей акулы? А любая из тех рыб, что я сейчас

назвал, достойна королевского стола.

— Нет, сквайр, тут вы меня не уговорите. Ведь всякому ясно, что в этой луже, где человеку и утонуть-то негде, не выловишь того, что водится в океане. Кто ходил по морям, тот знает, какие там бывают киты да дельфины — длиной с любую сосну вон там на горе!

— Это уж ты хватил, Бенджамен, — сказал шериф примирительным тоном, как видно, желая поддержать престиж своего любимца. — Ведь некоторые из этих сосен высотой сотни две футов, а то и побольше.

— Две сотни или две тысячи — это все едино! — упрямо воскликнул Бенджамен, всем своим видом показывая, что в этом вопросе его не так-то легко сбить с занятой позиции. — Или я не бывал в море и не видел китов собственными глазами? Я от своих слов не откажусь — да, киты бывают длиной вон с ту сосну!

Пререкания эти, как видно, были заключением уже давно длившегося спора. Билли Керби, растянувшись во всю свою длину на земле по другую сторону костра, ковырял в зубах щепками и молча слушал, но время от времени с сомнением покачивал головой, как бы желая показать, что не очень-то доверяет словам Бенджамена, и наконец заговорил.

— Сдается мне, — начал он, — что в нашем озере хватит воды для самого здорового кита, какой только сыщется на свете. А насчет сосен я тоже кое-что смыслю: мне доводилось такие сосны рубить, каких вы и не видывали. Взять, к примеру, вон ту старую сосну, что стоит в расщелине на Горе Видения, — вон там, как раз за поселком. Ты ее и сейчас можешь видеть, Бенни, луна прямо над ней. Ну вот, если эту сосну опустить в самом глубоком месте озера, над верхушкой сосны окажется еще такой слой воды, что сможет плыть громаднейший корабль и днище не коснется верхних веток сосны, готов голову свою прозакладывать.

— А видел ли ты хоть раз в жизни корабль-то, друг мой Керби? — расхохотался стюард. — Что ты мог видеть, кроме паршивой лодчонки на этой лужице пресной воды? Нет, скажи по совести: видел ты или не видел настоящее судно?

— А как же! — ответил лесоруб уверенно. — Смело могу сказать, что видел, и не совру.

— А приходилось тебе, мистер Керби, видеть настоящий английский корабль? Нет, где это ты, скажи на милость, ухитрился видеть настоящий линейный корабль, чтоб на нем было все, что полагается: ахтерштевень и форштевень, шпунтовый пояс, и планкшир, трапы, люки и ватервейсы, квартердеки, и баки, и... ну, и орлоп-палуба? Ответь-ка нам на это!

Присутствующие были немало удивлены таким грозным вопросом, а Ричард потом говорил: «Чертовски досадно, что Бенджамен не умеет читать, — британский флот в его лице мог бы приобрести ценного сведущего офицера. Что ж удивительного, что англичане так легко одолели на море французов, если самый простой английский матрос досконально знает все об устройстве корабля». Но Билли Керби был не робкого десятка и терпеть не мог, когда с ним разговаривал свысока какой-то «иностранец». Все время, пока стюард сыпал мудреными морскими словечками, Билли стоял спиной к костру, а потом вдруг, неожиданно для всех, сказал:

— Ну да, видел, и на Северной реке и, может, на озере Шамплен. Там, приятель, ходят такие шлюпы, что могут потягаться с любым кораблем короля Георга. Мачты на них в девяносто футов, из доброй крепкой сосны — я сам не одну такую срубил у нас в Вермонте. Вот кабы я был капитаном на нашем речном шлюпе, а ты — капитаном на своей хваленной «Боаднице», мы бы еще посмотрели, у кого шкура покрепче — у янки или у англичанина.

В ответ на это Бенджамен громко захохотал, и эхо в горах, отстоявших на расстоянии в полмили, принесло обратно раскаты его хохота — казалось, будто в лесах на горных склонах обитает множество насмешливых духов.

— Давайте спустимся к нашим рыболовам, не то сейчас вспыхнет ссора не на шутку, — шепнул Мармадьук. — Бенджамен неудержимый хвастун, а Керби при всем своем добродушии настоящий сын лесов, он убежден, что любой янки стоит шестерых англичан. Удивительно, что Дик молчит: как это он упускает такой прекрасный случай пустить в ход

свое красноречие!

Появление судьи Темпла и обеих девушек если не водворило полного мира, то, во всяком случае, положило конец военным действиям. Выполняя распоряжения мистера Джонса, рыбаки приготовились спустить лодку, еле различимую в ночном мраке; на корме ее уже лежал наготове невод. Ричард попрекнул Мармадюка и его спутника за то, что те замешкались, и все бурные страсти сразу улеглись.

Наступили тишина и спокойствие, как и те, что царили на водной глади, которую люди готовились сейчас потревожить, чтобы выкрасть из глубин озера его лучшие сокровища.

Тьма так сгустилась, что там, куда не проникал свет костра, уже ничего нельзя было разглядеть. Вода виднелась лишь у самого берега; она блестела, как только на ней начинали мелькать дрожащие красные полосы — это танцевало на ее поверхности отраженное пламя костра, но уже в сотне футов от берега стоял стеной непроницаемый мрак. Только иной раз, в просветы между тучами, сверкнут одна-две звезды да тускло мерцали огоньки в поселке, такие слабые, будто они где-то бесконечно далеко. Временами, когда огонь костра начинал стелиться книзу или когда горизонт очищался от туч, на той стороне озера смутно вырисовывались волнистые очертания гор; но на озеро эти горы бросали такую широкую и густую тень, что тьма здесь казалась особенно глубокой.

Бенджамен Помпа неизменно выполнял обязанности боцмана в лодке Ричарда, и во время рыбной ловли ему же всегда поручалось закидывать невод, кроме тех случаев, когда шериф полагал нужным браться за дело самолично. В этот раз на веслах сидели двое — лесоруб и молодой паренек, гораздо слабее его, — остальные должны были держать веревки невода. Все приготовления были поспешно проделаны, и Ричард дал знак, что пора «отваливать».

Элизабет смотрела, как лодка удаляется от берега и за ней, постепенно высвобождаясь, тянется веревка. Вскоре лодка исчезла в темноте, и только по доносившимся с озера ударам весел о воду можно было судить о ее движении. Все это время соблюдалась строжайшая тишина, чтобы, как пояснил Ричард, «не спугнуть рыбу: она сейчас держится на небольшой глубине, и, если ее не потревожить криками, она подойдет к свету».

Из мрака доносился только хриплый, но уверенный голос Бенджамена: «левый борт», «правый борт», «суши весла»... На то, чтобы закинуть невод, понадобилось порядочно времени. Бенджамен, гордившийся своим умением закидывать сети, делал все очень обстоятельно. И в самом деле, успех во многом зависел от того, насколько ловко заброшен невод. Наконец послышался громкий всплеск — Бенджамен отбросил «шток» — и раздалась хрипая команда стюарда: «К берегу!» Ричард схватил горящую головню и побежал туда, где должна была пристать лодка.

— Держите на сквайра, ребята, — распорядился Бенджамен. — Ну, сейчас посмотрим, что водится в этой луже.

Оттуда, где опустили невод, слышались частые удары весел и шум раскручивающейся веревки. Лодка вскоре выплыла в круг света, и в следующее мгновение ее уже притягивали к берегу. Несколько пар рук живо подхватили веревку и стали осторожно, не останавливаясь, тянуть ее сразу за оба конца. Ричард приказывал рыбакам тянуть концы то посильнее, то послабее, как того требовало дело. Мистер Темпл и с ним вся молодежь любовались увлекательным зрелищем.

Теперь все принялись громко обсуждать, каков-то будет улов. Мнения разделились — одни заявляли, что сеть легкая, словно перышко, другие утверждали, что она так тяжела, будто в ней бревна. Так как каждый конец веревки был длиною в несколько сот футов, шериф не придавал значения этим противоречивым высказываниям. Он решил сам убедиться, как в действительности обстоит дело.

— Эй, послушай-ка, Бенджамен! — крикнул он, потянув за один конец веревки. — Да ты, я вижу, не умеешь крепить невод. Веревка совсем и не натягивается у меня под рукой, ее можно тянуть мизинцем.

— Вам, сквайр, приходилось когда-нибудь видеть кита? — ответил на это стюард. —

Если невод пуст, значит, в этом озере не рыба водится, а черти в образе рыб. Я закрепил невод по всем правилам, не хуже, чем крепят снасти над квартердеком флагманского корабля.

Но Ричард уже и сам понял свою ошибку, когда увидел, что Билли Керби у другого конца веревки, стоя в воде и согнувшись под углом в сорок пять градусов, напрягает всю свою гигантскую силу, чтобы удержаться и не свалиться в воду. Он умолк и вернулся к первому концу веревки.

— Я вижу шесты! — крикнул Ричард. — Тащите, ребята, тащите! К берегу, к берегу!

Элизабет, услышав эти веселые возгласы, напрягла зрение и увидела, что из воды вынырнули концы обоих шестов. Рыбаки уже ухватились за шесты, соединили их, и невод превратился как бы в огромный мешок.

Теперь все тянули что было сил. Ричард покрикивал, поощряя рыбаков:

— Старайтесь, старайтесь, ребятки! Тяните веселее, и все будет наше! Тяните же, тяните!

— Тяни, подтягивай! Ого-го! — вопил Керби, подтаскивая веревку с такой силой, что остальным, кто был сзади, оставалось только подхватывать ее из его рук.

— Тяни шест! — крикнул стюард.

Все кинулись к воде — кто ухватился за верхний конец веревки, кто за нижний, так называемый «главный лить», — и принялись с превеликим усердием вытягивать невод на берег. Тут над водой показался полукруглый обод из небольших шариков — он поддерживал невод в перпендикулярном положении, и, по мере того как обод сужался, становился все виднее мешок-невод: всплески волны говорили о том, что это бьется попавшаяся в сеть рыба.

— Тяните, ребятки! — кричал Ричард. — Я вижу, как брыкаются эти зверюги, хотят выбраться на свободу! Тяните поусердней, смотрите, какая награда ждет вас за труды!

Теперь была уже видна пойманная рыба; в неводе собрались самые разнообразные ее представители. Вода возле берега ходила ходуном, так бились в сети перепуганные пленники, запутываясь в ее ячейках. На поверхности воды блестели сотни чешуйчатых боков и белых брюшек, они сверкали в отраженном блеске костра. Напуганные шумом и неожиданной переменой, рыбы кидались вниз, ко дну, в тщетной попытке вернуть себе свободу.

— Ура! — крикнул Ричард. — Еще потянем разок-другой, и дело сделано.

— Веселее, братцы, веселее! — покрикивал Бенджамен. — Я вижу такую здоровенную форель, что из нее можно приготовить отличный чедэр!

Билли Керби выхватил из невода кумжу и с презрением швырнул ее обратно в озеро.

— Убирайся-ка ты! — проворчал он. — Тяните, ребята. Тут полным-полно всякой всячины, чего душе угодно, и разрази меня на этом месте, коли здесь не тысяча одних окуней!

Охваченный азартом, забыв про то, что еще ранняя весна, лесоруб ринулся в ледяную воду и начал извлекать рыбу из ее родной стихии.

— Не упустите, братцы, тащите что есть силы! — крикнул Мармадьук, заразившись общим возбуждением.

Он ухватился за невод, оказав тем немалую помощь рыбакам, но Эдвардс уже опередил его — вид целой горы рыбы, шевелящейся на песчаном берегу, заставил его покинуть дам и присоединиться к рыболовам.

С величайшей осторожностью сеть вытянули на сушу и после немалых трудов всю пойманную рыбу свалили в ложбину на берегу, предоставив пленников их печальной участи — доживать недолгий остаток жизни в этой новой для них стихии.

Даже Элизабет и Луиза пришли в восторг при виде двух тысяч пленников, изъятых из лона озера и сложенных к их ногам. Но, когда первый восторг несколько улегся, Мармадьук взял в руки окуня весом фунта в два, поглядел на него задумчиво и затем обратился к дочери:

— Какое непростительное расточительство благословенных даров природы! Эта рыба,

которая валяется перед тобой такой огромной грудой и к которой уже завтра никто и не притронется за самым бедным столом в нашем Темплтоне, так нежна и вкусна, что в других странах ее сочли бы лакомством, достойным самых тонких гурманов. На свете не сыщешь рыбу вкуснее отсегского окуня. Мясо его жирно, как у сельди-пузанка, и упруго, как у лосося.

— Но, право же, дорогой отец, — воскликнула Элизабет, — такая рыба — благословение этого края, большая поддержка для бедняков!

— Бедняки не очень запасливы там, где есть изобилие и богатство, дитя мое, и они редко заботятся о завтрашнем дне. Но если есть оправдание массовому истреблению живности, то это лишь тогда, когда дело касается окуней. Ты знаешь, что зимой они защищены от нас ледяной коркой на поверхности озера и на крючок не идут. И в жару их тоже не поймашь — они уходят глубоко на дно, где вода всегда студеная. И только весной и осенью, да и то на протяжении лишь немногих дней, их можно захватить неводом. Но, как и многие другие дары дикой природы, они начинают исчезать, их истребляют люди.

— Исчезают? Окуни? — воскликнул шериф. — Ну, Дьюк, если это ты называешь исчезновением, то уж не знаю, чего тебе еще надо! Ты только посмотри: тут ведь наберется добрая тысяча первосортных окуней, сотни других порядочных рыб и еще всякой мелочи без счета. Но ты вот всегда так: сперва тебе жаль, что рубят много деревьев, потом — что истребляют много оленей, потом жалеешь сахарные клены, и так далее, без конца. То ты говоришь, что надо бы провести по всей округе каналы, — и это там, где через каждые полмили река или озеро, — и все только потому, что вода течет не в тех направлениях, в каких тебе угодно; а то начинаешь поговаривать о каких-то там угольных копях, хотя всякий обладающий хорошим зрением, как, например, я, отлично видит, что вокруг сколько угодно бесплатного топлива — столько, что им можно лет пятьдесят отапливать весь Лондон. Ты как полагаешь, Бенджамен, прав я или нет?

— Да как вам сказать, сквайр, — отозвался Бенджамен. — Лондон не так уж мал. Если его вытянуть в одну линию, вон как тот поселок на берегу реки, то он, пожалуй, закроет все озеро. Хотя, должен заметить, наш лес очень пригодился бы лондонцам, ведь они жгут, почитай, один уголь...

— Кстати об угле, судья Темпл, — прервал Бенджамена шериф. — Мне надо сообщить тебе одну чрезвычайно важную новость. Но мы отложим этот разговор до завтра. Я знаю, ты собираешься ехать в восточную часть «патента»⁵⁹. Я поеду вместе с тобой и по дороге покажу тебе одно место, где ты мог бы осуществить кое-какие твои проекты. Пока помолчим об этом, нас могут услышать. Но знай, Дьюк, сегодня мне открыли тайну, благодаря которой ты сможешь получить богатств больше, чем все то, что дают тебе все твои угоды, вместе взятые.

Мармадьюк засмеялся — он привык к таинственным «важным» сообщениям шерифа, а Ричард с видом оскорбленного достоинства и как бы сокрушаясь по поводу недостаточного доверия к нему судьи, занялся делом, в данный момент более важным.

Работа по вытягиванию невода потребовала немало сил, и теперь шериф распорядился, чтобы часть рыболовов занялась предварительной разборкой рыбы, а остальные под руководством Бенджамена подготовили бы невод, чтобы закинуть его в озеро вторично.

Глава 24

*Упали за борт — страшно вспомнить, право, —
Три марсовых и боцман бравый!*
Фолконер

⁵⁹ Патент — здесь: земельные владения, закрепленные за владельцем правительством.

Пока рыбаки готовились к дележу улова, Элизабет и ее подруга медленно прогуливались по берегу. Отойдя на расстояние, откуда не стало видно даже самых длинных и ярких языков пламени костра, девушки повернули обратно. Уже снова приближаясь к костру, они остановились полюбоваться живой и красочной картиной, которая четко вырисовывалась из густой, непроглядной тьмы, как будто целиком поглотившей весь остальной мир.

— Вот поистине сцена, достойная кисти художника! — воскликнула Элизабет. — Обратите внимание, Луиза, каким восторгом сияет физиономия лесоруба: видите, он протягивает моему кузену особенно крупную рыбу. А как красиво лицо моего отца в свете костра! Он смотрит на всю эту огромную, беспорядочную грудку добычи задумчиво и даже печально, будто и в самом деле думает сейчас о том, что за днем изобилия и расточительности последует день возмездия и расплаты. Прекрасный сюжет для картины, не правда ли, Луиза?

— Вы же знаете, мисс Темпл, я мало смыслю в подобных вещах.

— Зовите меня по имени, — прервала ее Элизабет. — Здесь не место и не время для формальностей.

— Хорошо, Элизабет, и если мне позволено выразить свое мнение, — начала Луиза робко, — то я полагаю, что эта сцена вполне могла бы послужить темой для картины. Керби рассматривает рыбу и совершенно поглощен этим занятием, его мысли только на нем и сосредоточены, — как отлично выражение его лица от выражения лица... лица мистера Эдвардса. Я не могу определить его точно, но оно... оно как-то... Вы понимаете, что я хочу сказать, дорогая Элизабет?

— Вы ждете от меня уж слишком многого, мисс Грант, — ответила богатая наследница. — Я не умею угадывать мысли и истолковывать выражения лиц.

В тоне Элизабет не было, разумеется, ни резкости, ни даже холодности, однако разговор оборвался. Девушки продолжали идти, теперь удаляясь от костра, все так же под руку, но храня полное молчание.

Первой нарушила его Элизабет, быть может осознав, что последние слова ее прозвучали несколько сухо, а может быть, и потому, что взору ее представилось новое зрелище.

— Посмотрите, Луиза! — воскликнула она. — Оказывается, не мы одни вышли сегодня на рыбную ловлю. На том берегу какие-то рыболовы тоже разжигают костер. Это как будто перед хижиной Кожаного Чулка.

Сквозь тьму, казавшуюся там, у подножия восточной горы, особенно глубокой, мигал небольшой робкий огонек, то появляясь, то снова исчезая, словно боролся за свое существование. Девушки заметили, что огонь этот движется — вот он уже где-то совсем внизу, как если бы его перенесли с высокого берега к самой воде. Здесь пламя огня разгорелось, стало значительно большим и теперь уже горело ровным, ярким светом.

Костер, вспыхнувший, как по волшебству, у самого подножия горы, в отдаленном, никем не посещаемом месте, вызвал особый к себе интерес и восхищение. Он ничуть не напоминал их собственный костер, с его высокими, яркими языками пламени, — там, у горы, огонь горел яснее и жарче, и размеры его и форма не менялись.

Бывают минуты, когда даже самый трезвый ум вдруг поддается наивным детским страхам. Элизабет улыбнулась собственной слабости, вспомнив ходившие в поселке глупые рассказы о Кожаном Чулке. Эти же мысли промелькнули и в голове у Луизы, ибо девушка прижалась к подруге и, бросив робкий взгляд на прибрежные кусты и деревья, сказала вполголоса:

— Вам приходилось слышать, мисс Темпл, какие странные истории рассказывают про Натти? Говорят, что в молодости он был индейским вождем, то есть был в союзе с дикарями, и во время войн участвовал не в одном набеге на поселения белых.

— Вполне вероятно, — ответила Элизабет. — И он не единственный в этом роде.

— Да, конечно. Но меня удивляет, почему он так ревностно оберегает свою хижину. Он никогда не уходит, не заперев ее предварительно на какой-то особый запор. Бывали случаи, что дети и даже взрослые жители поселка искали у Натти прибежища от дождя и бури, но он грубо, с угрозами отгонял их от своей хижины. В наших краях такое поведение, право же, необычно!

— Да, разумеется, это не очень гостеприимно со стороны Натти Бампо, но мы не должны забывать его отвращение к обычаям цивилизованного мира. Вы слышали, что рассказывал несколько дней назад мой отец, — как радушно принял его Кожаный Чулок в тот первый приезд отца в эти глухие края. — Элизабет на мгновение умолкла и вдруг лукаво улыбнулась; но темнота скрыла от ее подруги эту улыбку, и тайного смысла ее Луиза так и не узнала... — И, кроме того, Натти безусловно принимает посещения мистера Эдвардса, а он-то уж, как мы обе отлично знаем, отнюдь не дикарь.

Луиза не проронила ни слова. Она все смотрела на таинственный огонь. На том берегу появился еще и второй огонь, такой же по размеру и форме, но бледнее и видневшийся на несколько футов ниже первого. Между этими двумя огнями было ясно видно темное пространство, и в нем тянулся луч, постепенно заостряясь в сторону того огня, что был ниже. Вскоре стало понятно, что второй огонь — это лишь отражение в воде первого и что показавшийся вдруг на озере темный предмет продвигается по воде или, вернее, скользит над ней и находится на одном уровне с девушками. Предмет — то была небольшая лодка — двигался с поразительной быстротой, и его движение осталось бы незамеченным, если бы верхний огонь не становился все более ясно различим, теряя свою округлую форму и увеличиваясь по мере приближения лодки.

— В этом есть что-то сверхъестественное! — шепнула Луиза, поспешно отступая назад, к костру.

— Какое дивное зрелище! — воскликнула Элизабет. Теперь уже совсем хорошо было видно сверкающее, хотя и колеблющееся пламя: оно грациозно скользило над озером, бросая отблески на воду и придавая ей красноватый оттенок. Темнота была так непроглядна, что казалась почти осязаемой, и огонь сверкал, будто вставленный в эбонитовую оправу. Но вот лучи от огня протянулись вперед, осветив все перед лодкой, а позади нее оставался все тот же непроницаемый мрак.

— Эй, это ты там, Натти? — послышался оклик шерифа. — Гребки к берегу, мы угостим тебя такой рыбкой, какую не стыдно подать на стол и самому королю!

Свет на озере метнулся в сторону, из мрака вынырнула длинная узкая пирога, и красные отблески озарили темное, обветренное лицо Кожаного Чулка. Он стоял в своем углу суденышке, выпрямившись во весь свой немалый рост, и с привычной сноровкой вел лодку длинной острогой, держа ее посередине и опуская в воду то один, то другой ее конец; легкая пирога, казалось, неслась, почти не задевая воды. На корме смутно виднелась фигура второго человека, он умело и как будто не прилагая к тому усилий направлял лодку гребком. Кожаный Чулок прислонил острогу к короткому шесту, служившему опорой решетке, кое-как смастеренной из старых железных обручей; на решетке пылали сосновые сучья, и высокое их пламя на мгновение осветило смуглое лицо и блестящие черные глаза могикинина.

Лодка скользила вдоль берега, пока не достигла места, где расположились наши рыбаки. Тут она снова повернула, уже прямо к суше, и опять поворот был изящен и быстр, словно лодка двигалась сама, без посторонней помощи. Вода перед пирогой при этом почти не колыхнулась, и, чтобы облегчить причал, Натти отступил на два шага назад. И, когда лодка наполовину влетела на прибрежный песок, ни единый звук не выдал того, что она стукнулась о берег.

— Подойди, могикинин, — проговорил Мармадьок, — подойди и ты, Кожаный Чулок. Нагружайте вашу лодку окунями. К чему пускать в ход острогу, когда рыбы наловлено столько, что она начнет гнить, потому что есть ее будет некому?

— Нет, судья! — отвечивал Натти; его высокая фигура показалась на узкой полоске

берега и спустилась к небольшой ложбине в траве, где была кучами сложена рыба. — Я не стану есть рыбу, которую так вот попусту губят. Когда мне нужна пища, я убиваю себе острогой угря или форель. Но я не приму участия в таком греховном истреблении рыбы, даже если бы за то мне посулили самое что ни на есть отличное ружье, привезенное из далеких стран. Будь еще у рыбы мех, как у бобра, или если б можно было дубить их кожу, как оленью, тогда еще понятно было бы, зачем их ловить неводом, тысячами зараз. Но раз уж бог сотворил их только на пропитание человеку и ни для чего другого, по мне, это большой грех убивать зря больше того, что ты в состоянии съесть.

— Ты рассуждаешь здраво, Натти, на этот раз я целиком разделяю твое мнение и от всей души желал бы склонить на нашу сторону и шерифа. Ведь и половинного улова было бы вполне достаточно, чтобы целую неделю кормить рыбой весь поселок.

Кожаный Чулок не выразил удовольствия по поводу этого сходства взглядов. С сомнением покачав головой, он ответил:

— Нет, судья, будь у нас мнения одинаковые, вы бы не стали превращать места охоты в поля и пашни, где только пни торчат. И рыбу вы ловите и охотитесь — все не так, как следовало бы. Для меня только та добыча сладка, которую я убиваю в честной охоте, когда у бедняги есть все же возможность спастись. Вот почему я всегда пускаю в ход всего лишь одну пулю, даже будь то птица или белка. Да и свинец надобно беречь. Тому, кто умеет стрелять по-настоящему, на мелкую дичь хватит и одной пули.

Шериф прислушивался к этой тираде с величайшим негодованием.

Проследив, чтобы дележ улова совершился «по всей справедливости», и решив, наконец, в какую из куч положить последнюю крупную рыбу, он заговорил громогласно, давая выход своему раздражению:

— Судья Темпл, владелец здешних мест, и Натаниэль Бампо, браконьер, заядлый истребитель оленей, — превосходный союз для охраны края! Нет, Дьюк, когда мне приходит в голову фантазия половить рыбу, уж я делаю это так, как оно полагается. Эй, молодцы, закинем-ка второй невод! Завтра утром вышлем сюда телеги в фургоны и заберем домой всю рыбу разом.

Мармадьюк, как видно, понял, что никакими уговорами не сломить упорства шерифа, и отошел от костра туда, где стояла пирога охотников. Обе девушки и Эдвардс были уже там.

Подойти поближе к лодке девушек заставило любопытство, но Эдвардса тянуло к ней нечто другое. Элизабет, взглянув на легкий ясеневый остов пироги, обтянутый тонкой корой, поразились отваге человека, доверяющего свою жизнь столь утлому суденышку, но юноша объяснил ей плавучие свойства пироги и полную ее надежность при правильном управлении. Он в таких ярких красках описал охоту на рыбу с острогой, что Элизабет тут же забыла всякие опасения и выразила желание испытать это удовольствие. Она даже сказала об этом отцу, сама смеясь над неожиданно пришедшей в голову фантазией и признавшись, что это всего лишь причуда, женский каприз.

— Нет, Бесс, это вовсе не причуда, — возразил судья. — И я хотел бы, чтоб у тебя не было никаких глупых девичьих страхов. Пироги совершенно безопасны для тех, у кого есть должная сноровка и смелость. Я переплывал самую широкую часть Онеиды в пироге вдвое меньшей, чем эта...

— А я — через Онтарио, — прервал его Кожаный Чулок. — И к тому же в пироге находились еще и женщины. Но женщины племени делаваров привыкли к пирогам, они даже помогали грести. Если мисс желает посмотреть на то, как старый Натти добудет себе острогой форель к завтраку, — добро пожаловать, место в лодке найдется. И Джон не станет возражать. Пирог-то он сам и построил, ее вчера в первый раз спустили на воду. А я не мастак по части всех этих индейских ремесел — строить лодки, плести корзины да вязать метлы.

Натти залился своим странным, загадочным смехом, затем приветливо кивнул, приглашая Элизабет сесть в пирогу, но могиканин с присущим индейцам изяществом движений подошел к девушке, взял ее мягкую белую ручку в свою, смуглую и

морщинистую, и сказал:

— Иди в пирогу индейца, внучка Микуона. Он рад тебе. Доверься индейцу — голова у него мудрая, даже если рука его не так тверда, как прежде. И Молодой Орел поедет с нами. Он последит, чтобы ничего не случилось с его сестрой.

Элизабет слегка покраснела.

— Мистер Эдвардс, ваш друг могиканин дал от вашего имени обещание. Вы готовы его выполнить?

— Готов, даже если для этого придется пожертвовать жизнью! — пылко воскликнул юноша. — Поедьте, мисс Темпл: зрелище, которое предстанет перед вами, стоит того, чтобы испытать некоторый трепет, ибо подлинной опасности нет никакой. Впрочем, приличия требуют, чтобы я сопровождал вас и мисс Грант.

— Я? В эту лодку? — воскликнула Луиза. — Нет, нет, мистер Эдвардс, я ни за что не поеду. Надеюсь, и вы не доверите свою жизнь такой легонькой лодочке?

— А я поеду, я уже больше не испытываю никакого трепета, — сказала Элизабет. Она шагнула в лодку и заняла место, указанное ей индейцем. — Мистер Эдвардс, вы можете остаться. Кажется, для этой скорлупки троих вполне достаточно.

— Ей придется вместить и четвертого! — воскликнул молодой человек и прыгнул в лодку к Элизабет так стремительно, что чуть не пробил легкую обшивку пироги. — Простите, мисс Темпл, но я не могу позволить этим почтенным Харонам увезти вас в царство теней одну, без вашего духа.

— А он добрый, этот дух, или злой? — спросила Элизабет.

— Он добрый для вас.

— И для всех моих близких, — добавила за него девушка, и в тоне, каким это было сказано, чувствовались одновременно и досада и удовлетворенное самолюбие.

Но тут пирога тронулась, и это дало молодому человеку удобный повод переменить тему.

Индеец так легко и уверенно вел свою маленькую ладью, что Элизабет казалось, будто лодка каким-то чудом сама скользит по воде. Кожаный Чулок молча указывал острогой, в каком направлении грести, остальные тоже не проронили ни звука из опасения распугать рыбу. В этом месте озера дно постоянно мелело, здесь было совсем не так глубоко, как у гористого берега, где горы кое-где обрывались прямо в воду, — там могли бы стоять на якоре даже самые большие суда и реи сплетались бы в единый узор с соснами на горах. А здесь над водой возвышались небольшие заросли тростника: колыхаясь от ночного ветерка, он поднимал на воде легкую рябь. Именно на этих отмелях и можно было выследить форель.

У берега Элизабет видела огромные косяки рыб, плывущих в мелкой теплой воде, ибо яркий свет факела на пироге проникал далеко в глубь воды и раскрывал ее сокровенные тайны. Элизабет каждое мгновение ждала, что вот-вот грозная острога Кожаного Чулка врежется в эти густые полчища, — промахнуться, казалось, было невозможно, а добыча пришлась бы по вкусу самому тонкому гурману. Но у Натти, по-видимому, были свои особые приемы, а также и особые вкусы. Он стоял, выпрямившись во весь свой высокий рост, и поэтому мог видеть гораздо дальше, чем тем, кто сидел в пироге; он осторожно поворачивал голову из стороны в сторону, часто наклоняясь всем туловищем вперед и напрягая зрение, как будто хотел проникнуть взглядом в темные воды, куда уже не доходил свет огня. И вот его старания увенчались успехом. Махнув острогой, он сказал:

— Гребите вдогонку вон за той рыбиной, Джон. Она отбилась от стаи. Не всякий раз встретишь такую громадину в мелкой воде, где до нее можно добраться острогой.

Могиканин сделал легкое движение рукой в знак того, что понял, и уже в следующее мгновение пирога неслась за примеченной форелью туда, где глубина воды достигала футов двадцати. На железную решетку подкинули еще нескольких сухих сучьев, огонь запылал, и свет от него проник в воду до самого дна. И тут Элизабет увидела среди каких-то щепок и палок рыбу действительно огромного размера. На таком расстоянии различить ее можно было только по чуть заметному движению плавников и хвоста. По-видимому, необычайные

события на озере привлекли к себе интерес не только богатой наследницы поместья, но и властелина здешних вод, ибо огромная лякс-форель вдруг задрала голову и туловище кверху, но затем снова приняла горизонтальное положение.

— Тш! — произнес Натти вполголоса, когда Элизабет, преисполненная любопытства, перегнулась через борт лодки, произведя этим легкий шум. — Форель пуглива, и она еще слишком далеко, пустить в нее острогу пока еще нельзя. В древке моей остроги всего четырнадцать футов, а рыбаина лежит на глубине добрых восемнадцати. Но все же попытаюсь, уж очень хороша рыба, фунтов десять в ней, не меньше.

Говоря это, охотник примеривался, как бы поточнее пустить острогу. И вот блестящие отполированные зубцы ее медленно и неслышно погрузились в воду. Намеченная жертва, вероятно, увидела их, потому что вдруг сильнее забила хвостом и плавниками, хотя и не сдвинулась с места. Еще секунда — и высокая фигура Натти перегнулась через борт. Древко остроги исчезло в воде, лишь мелькнула узкая полоса металла, вызвав легкий водоворот. Но только когда острогу рикошетом выбросило из воды и владелец ее, поймав на лету свое орудие, вскинул ее зубцами вверх, только тогда Элизабет увидела, что Натти не промахнулся. На зубцах остроги извивалась огромная рыба, и Натти тут же стряс ее с остроги на дно лодки.

— Этого хватит, Джон, — сказал охотник, одной рукой приподняв рыбу, чтобы посмотреть на нее при свете факела. — Сегодня я рыбы больше бить не буду.

Индеец повторил свой утвердительный жест и ответил просто и решительно:

— Хорошо!

Хриплый голос Бенджамена и всплеск весел вывели Элизабет из оцепенения, и она увидела тяжелую лодку рыбаков, которая приближалась к пироге, таща за собой невод.

— Отходите в сторону, мистер Бампо! — крикнул с лодки Бенджамен. — Ты своим факелом разгоняешь рыбу: она видит невод и шарахается в сторону от него, да и от шума также. Рыба на этот счет понятлива, вроде лошади, и даже больше, поскольку она, так сказать, не сухопутная тварь, а выросла в воде. Отходи в сторону, говорю, нам надо побольше простора для сети.

Могиканин повел пирогу туда, откуда можно было наблюдать за действиями рыбаков, не мешая им, а потом заставил ее неподвижно лечь на воду — пирога казалась сказочной ладьей, плывущей по воздуху. У рыбаков, как видно, дело не спорилось, потому что с лодки то и дело слышались сердитые окрики Бенджамена.

— Левый борт, мистер Керби, левый борт! — командовал старый моряк. — Нажимай сильнее на левый борт! Что ты там делаешь? Сам адмирал британского флота не сумеет забросить невод, если судно крутится, словно штопор. А теперь налегай на правый борт. Слышишь, что я говорю? Да поусерднее!

— Слушай-ка, мистер Помпа, — отвечал ему на это Керби не очень-то довольным тоном и вовсе перестав грести, — я не люблю, чтобы мне грубили, я желаю, чтобы со мной обращались вежливо, как полагается между порядочными людьми. Надо идти полным ходом? Так и скажи, и я буду грести что есть мочи на пользу всей честной компании. Но мне не по нраву, когда на меня орут, как на бессловесную скотину.

— Кто это — бессловесная скотина? — свирепо обрушился на него Бенджамен, повернувшись так, что лицо его оказалось в свете факела: оно выражало полное возмущение. — Если ты намерен делать то, что надо, так действуй и не дури. Ведь осталось только выкинуть второй конец невода, и все тут. Поворачивай же, слышишь? А теперь забрасывай поглубже. Будь я проклят, если я еще хоть раз сяду в лодку вместе с таким сухопутным моряком, как ты!

Очевидно предвкушая скорое завершение трудов, лесоруб вновь схватился за весло и так энергично взмахнул им, что за борт полетел не только невод, но заодно с ним и стоявший на корме стюард. И в пироге и на берегу все услышали шумный всплеск от падения тяжелого тела в воду, и глаза всех устремились туда, где барахтался в волнах незадачливый боцман.

Раздался оглушительный взрыв хохота, чему немало содействовали легкие Билли

Керби. В горах прозвенело ответное эхо, как будто тоже насмехаясь над мистером Помпой, и стихло где-то вдаль, среди скал и лесов. Тело стюарда стало медленно погружаться в озеро, но сперва это никого не встревожило, и только когда оно вовсе исчезло из виду, вода сомкнулась над ним, а расходящиеся волны начали успокаиваться и поверхность озера вновь стала ровной и неподвижной, только тогда веселье уступило место тревоге.

— Эй, как ты там, Бенджамен? — крикнул с берега Ричард.

— Да этот дурень не умеет проплыть и одного ярда! — закричал вдруг Керби и начал проворно скидывать с себя одежду.

— Гребни, могиканин! — крикнул Эдвардс. — Свет факела укажет, куда опустилось тело. Я нырну за ним.

— Спасите, ради бога, спасите его! — восклицала Элизабет, в ужасе склонившись на борт пироги.

Сильное и ловкое движение гребком — и могиканин направил лодку туда, где упал стюард. Громкий крик Кожаного Чулка тут же оповестил всех, что он видит тело утонувшего.

— Выровняйте лодку, чтобы она стояла неподвижно, пока я буду нырять! — снова крикнул Эдвардс.

— Спокойно, сынок, к чему рисковать зря? — сказал Натти. — Мы сделаем иначе. Я сейчас подцеплю парня на зубцы моей остроги, вот и все.

Тело Бенджамена находилось где-то посередине между дном и поверхностью воды — он обеими руками крепко вцепился в сломанные стебли тростника. У Элизабет кровь застыла в жилах, когда она увидела несчастного под плотным слоем воды. Судя по расходящимся вокруг тела кругам, оно, очевидно, шевелилось. Благодаря факелу сквозь толщу воды были видны лицо и руки Бенджамена, и цвет их кожи был уже как у мертвеца.

В то же мгновение блестящие зубцы остроги Бампо приблизились к голове тонущего, охотник проворно и ловко накрутил на них косицу и капюшон куртки Бенджамена и медленно вытащил тело из воды. И тут все увидели страшное, позеленевшее лицо старого моряка. Но как только ноздри его оказались в родной им стихии, послышалось такое шумное пыхтенье, какое оказало бы честь даже дельфину.

Несколько секунд Натти держал утопленника на весу, над водой была только его голова. Бенни Помпа открыл глаза и недоуменно огляделся, очевидно полагая, что попал в какой-то новый, неведомый ему мир.

На все происшедшее ушло гораздо меньше времени, чем его потребовалось на то, чтобы пересказать события. Подтянуть лодку к остроге, поднять тело Бенджамена на борт и причалить к берегу — на все это понадобилось не больше минуты. Ричард, который от волнения вбежал в воду, чтобы поскорее встретить своего любимца, вместе с Керби перенес безжизненное тело стюарда на берег и усадил его подле костра, и шериф тотчас распорядился касательно самых действенных мер, применяемых в те времена для приведения в чувство утопленника.

— Живее, Билли, в поселок! — командовал он. — Тащи сюда бутылку, что стоит у меня подле двери, — я в ней держу уксус, — да попроворнее, не трать времени на то, чтобы выливать уксус, а беги прямо к мосье Лекуа да купи табаку и полдюжины трубок. И попроси у Добродетели соли и фланелевую юбку. И скажи доктору Тодду, чтобы прислал свой ланцет, да и сам сюда явился тоже. И еще... Дьбок, что ты делаешь, скажи на милость? Ты что, хочешь загубить человека? Он и так полон воды, а ты еще вливаешь в него ром! Ну-ка, помоги мне разжать его кулаки, я разотру ему ладони.

Бенджамен сидел все в той же позе, мускулы у него были напряжены, в кулаках по-прежнему зажаты стебли тростника — он ухватился за них, когда почувствовал, что тонет, и именно это обстоятельство помешало ему подняться на поверхность воды, ибо он держался за тростник весьма крепко, как истый моряк. Глаза его, однако, были открыты, он оглядывал всех собравшихся у костра каким-то диким взглядом, а легкие у него работали словно кузнечные мехи, будто желая вознаградить себя за короткое время бездеятельности.

Так как он упорно сжимал при этом губы, воздух из легких вынужден был вырываться через ноздри с такой силой, что он скорее хрипел, чем дышал, и с такой энергией, что все меры к восстановлению дыхания, о которых распорядился шериф, можно было объяснить лишь крайним беспокойством Ричарда за своего любимца.

Бутылка с ромом, приложенная Мармадьюком к губам утопленника, произвела магическое действие. Рот Бенджамена произвольно открылся, руки разжались, выпустив наконец тростник, и схватили вместо этого бутылку. Стюард воздел глаза к небу и весь отдался блаженному ощущению. Но после нескольких глотков дыхание оказалось столь же необходимым, как и после погружения в воду, и Бенджамен был вынужден наконец оторваться от бутылки.

— Ну, Бенни, ты меня просто поражаешь! — воскликнул шериф. — Ведь ты только что тонул! Как! Чтобы такой опытный моряк вел себя так глупо! Минуту назад ты был полон воды, а теперь ты...

—..наполняюсь грогом, — перебил его стюард. Лицо его необычайно быстро приняло нормальный вид и свойственное ему выражение. — Видите ли, сквайр, я держал шлюзы закрытыми, потому люки остались почти сухими. Я чуть ли не всю свою жизнь провел на соленой воде, но знаю, что такое плавание и на пресной. И вот что я скажу тебе, Билли Керби: из всех новичков в морском деле ты самый что ни на есть нескладный. Пусть те, кто считают тебя надежным, умелым моряком, берут тебя с собой в лодку, это их дело, но меня уволь. Будь я проклят, если еще хоть раз в жизни пройду с тобой даже по берегу озера. Чего ради мне рисковать своей шкурой? Ведь ты способен потопить человека, словно рыбу. И уж хоть бы бросил ему потом веревку. Натти Бампо, давай-ка свою лапу. Поговаривают, что ты индеец и когда-то снимая скальпы с белых, но мне ты нынче оказал немалую услугу и теперь можешь считать меня своим другом. Оно, конечно, было бы пристойнее бросить упавшему за борт старому моряку канат, а не цеплять его крючками за волосы, но в общем-то беда невелика. Ты, верно, поступил так по привычке, тебе небось не впервой хватать людей за волосы, а? Но мне-то ты тем зла не причинил, а это главное.

Тут вмешался Мармадьюк, и Натти Бампо не успел ничего сказать в ответ Бенджамену. Судья отдал ряд дельных распоряжений так уверенно и авторитетно, что шериф не решился возражать.

Бенджамена по суше доставили в поселок, а невод вытянули на берег так, что рыба на этот раз безнаказанно избежала ячеек сети.

Улов делили как обычно: ставили одного из участников спиной поочередно к каждой из куч рыбы и предлагали назвать имя ее владельца. Билли Керби растянулся во весь свой огромный рост на траве возле костра караулить до утра сеть и рыбу, а остальные сели в лодку и поплыли к поселку.

Последнее, что видели сидевшие в лодке, когда костер уже начал скрываться из глаз, а лодка приблизилась к берегу, был лесоруб, готовивший себе ужин. Факел в пироге индейца некоторое время еще горел и двигался во мраке, потом вдруг замер неподвижно, и в воздухе рассыпались горящие искры. И затем уже все погрузилось в полную тьму, созданную союзом ночи, лесов и гор.

Мысли Элизабет перенеслись от Эдвардса, державшего шаль над ней и над Луизой, к охотнику Натти и индейцу-воину, и в ней росло желание побывать в хижине, где по какой-то таинственной причине столкнулись трое людей, столь различных по темпераменту и привычкам, как Кожаный Чулок, индеец Джон и Оливер Эдвардс.

Глава 25

*К чему болтать про горы и долины
И о мальчишеских своих забавах?
Старик! Никто их слушать не желает.
Начни же свой рассказ.
Дуо*

На следующее утро Ричард поднялся вместе с солнцем и, приказав седлать коней для себя и Мармадюка, направился в спальню кузена. Лицо шерифа хранило крайне строгое выражение, приличествующее важности момента. Дверь в спальню судьи была отперта, и Ричард вошел без всяких церемоний, не постучав, что характеризовало не только его взаимоотношения с судьей, но и всегдашние манеры.

— Ну, Дьюк, живее на коня! — крикнул он. — Вчера я только намекал, а уж сегодня изложу тебе все толком. Давид в своих псалмах говорит... или Соломон? Ну ладно, это все едино. Так вот, Соломон говорит, что всему свое время. И, по моему скромному разумению, рыбная ловля не подходящее место и время для обсуждения серьезных дел... Послушай, что с тобой, черт тебя возьми? Неужто заболел? Дай-ка я пощупаю твой пульс. Мой дед, как тебе известно...

— Телом я здоров, Ричард, но душа у меня болит, — сказал судья и даже слегка оттолкнул кузена, который уже готов был приступить к обязанностям, по праву принадлежащим доктору Годду. — Со вчерашней почтой, когда мы вернулись с озера, я получил письма, и среди остальных вот это.

Шериф взял письмо, но, даже не взглянув на него, продолжал удивленно, не отрывая глаз, смотреть на судью. Потом он глянул на стол, заваленный письмами, бумагами и газетами, а затем окинул взглядом всю комнату. Постель была смята, как видно, на ней лежали, но она осталась нераскрытой, и это говорило о том, что ее хозяин провел на ней бессонную ночь. От свечей не осталось даже огарков; очевидно, они погасли сами, догорев до конца. Мармадюк уже отдернул шторы и, открыв обе ставни и обе рамы, впустил в комнату мягкий воздух весеннего утра. Судья был бледен, глаза у него запали, губы вздрагивали, и это было так не похоже на всегда спокойного, бодрого и веселого Мармадюка Темпла, что шериф с каждым мгновением все больше приходил в замешательство. Наконец он посмотрел на письмо, которое все еще держал нераскрытым, комкая его в руке.

— Как! Оно пришло с кораблем из Англии? Ого! — воскликнул он. — Ну, Дьюк, должно быть, там и в самом деле немаловажные новости.

— Прочти его, — проговорил Мармадюк, шагая по комнате в чрезвычайном волнении.

Ричард, имевший привычку думать во всеуслышание, не в состоянии был долго читать про себя, и часть того, что стояло в письме, произносил вслух. Именно эти отрывки письма, которые были таким образом оглашены, мы предлагаем вниманию читателя вместе с репликами шерифа.

— «Лондон, двенадцатое февраля 1793 года...» — начал шериф. — Гм, немалый путь оно проделало! Ветер, правда, целых шесть недель дул попутный, северо-западный, он переменился только две недели тому назад... «Сэр, Ваши письма от десятого августа, двадцать третьего сентября и первого декабря были своевременно нами получены, и ответ на первое из них мы переслали с обратным рейсом пакетбота. Со времени получения Вашего последнего письма, я... — Тут шериф принялся бормотать что-то себе под нос, и большая часть письма осталась неясной. — ...к прискорбию моему, должен известить Вас о том, что...» Гм, дела, кажется, действительно плохи! «...но уповаю на то, что всемилостивое проведение...» Да, как видно, человек он очень набожный, уж наверное принадлежит к епископальной церкви. Гм, гм... «...судно, отпльвшее из Фалмута⁶⁰ в первых числах сентября прошлого года... мы не преминем довести до Вас все новые сведения по поводу этого прискорбного события...» Право, для поверенного у него очень добрая душа! «...но в настоящее время мы не имеем больше ничего сообщить Вам...» Гм! «Национальный

⁶⁰ Фалмут — английский порт на берегу пролива Ла-Манш, в заливе Фалмут.

конвент... несчастный Людовик... по примеру вашего Вашингтона...» Должен сказать, что сразу видно — это пишет человек благоразумный, не какой-нибудь бесшабашный демократ. Гм, гм! «...наш отважный флот... под властью нашего превосходного монарха...» Да-да, сам-то король Георг ничего человек, только вот советчики у него плохи... Гм! Гм!.. «Прошу принять уверения в совершеннейшем почтении... Эндрю Холт». Эндрю Холт... Очень благоразумный и чувствительный человек этот Эндрю Холт, хоть и сообщает дурные вести. Что же ты теперь думаешь делать, кузен Мармадьюк?

— Что я могу тут сделать, Ричард? Остается лишь одно: положиться на время и на волю божью. А вот еще письмо, из Коннектикута, но в нем лишь повторяется то, что уже было сказано в первом. В отношении этих печальных новостей из Англии только одно может служить утешением — мое последнее письмо он успел получить до того, как корабль отплыл.

— Да, Дьюк, скверно все это, очень скверно. Теперь все мои планы пристроить еще флигель к дому летят к черту. Но пока оставим это. Я распорядился, чтобы нам подали лошадей. Поедем, я покажу тебе нечто чрезвычайно важное. Ведь ты постоянно думаешь о копиях...

— Не говори о копиях, Ричард, — прервал его судья. — Сперва надо выполнить свой священный долг, и безотлагательно. Сегодняшний день я этому и посвящаю, и ты должен мне помочь в том, Ричард, я не могу поручить дело столь важное и щекотливое Оливеру, человеку постороннему.

— Ну разумеется, Дьюк! — воскликнул шериф, сжимая руку судьи. — Можешь располагать мною в любую минуту. Наши матери были родными сестрами, а родная кровь — это, в конце концов, лучший цемент, скрепляющий дружбу. Ну ладно, с серебряными копиями пока можно и подождать, отложим до другого раза. Нам, должно быть, понадобится Дэрки Ван?

Мармадьюк ответил утвердительно, и шериф, отказавшись от своих первоначальных намерений, сразу занялся другим: он прошел в столовую и отдал распоряжение немедленно послать за Дэрком Вандерсколом.

В те времена поселок Темплтон обладал всего двумя представителями судейской профессии. Один из них уже был представлен читателю в трактирчике «Храбрый драгун», второго звали Дэрк Вандерскол, или просто Дэрки, как фамильярно назвал его шериф. Довольно сносные профессиональные знания, величайшее добродушие и некоторая доля честности — таковы были основные качества этого человека, который жителям поселка был известен как «сквайр Вандерскол», или «голландец», и даже получил от них лестное прозвище «честный стряпчий». Не желая вводить читателя в заблуждение относительно кого бы то ни было из действующих лиц романа, мы считаем необходимым добавить, что, говоря о честности сквайра Вандерскола, надо помнить, что все на свете относительно, в том числе и человеческие достоинства, и поэтому мы убедительно просим не забывать, что в описании той или иной черты характера наших героев всегда подразумевается ее относительность.

Весь остаток дня судья провел запершись в своем кабинете с кузеном Ричардом и стряпчим Вандерсколом, и никто, кроме Элизабет, не был туда допущен. Глубокая печаль Мармадьюка передалась и его дочери, обычная ее веселость покинула ее, умное личико девушки стало серьезным и сосредоточенным. Эдвардс, на долю которого в тот день выпала роль недоумевающего, хотя и весьма зоркого наблюдателя, был поражен этой внезапной переменой в настроении членов семьи — он даже подглядел слезу, скатившуюся по щеке Элизабет и затуманившую яркие глаза не очень свойственной им мягкостью.

— Получены дурные вести, мисс Темпл? — осведомился он, и сказано это было с таким сочувствием, что Луиза Грант, которая сидела здесь же в комнате, склонившись над рукоделием, подняла голову, бросила на молодого человека быстрый взгляд и тут же вспыхнула от смущения. — Я догадываюсь, что вашему отцу скоро потребуется посланец, и готов предложить свои услуги. Может быть, это вас несколько успокоит...

— Да, возможно, отцу придется ненадолго уехать. Но я постараюсь уговорить его

послать вместо себя кузена Ричарда, если поселок некоторое время сможет обойтись без шерифа.

Юноша промолчал, краска медленно заливала его лицо. Затем он сказал:

— Если дело такого рода, что я мог бы выполнить...

— Оно может быть доверено только близкому лицу, человеку, которого мы очень хорошо знаем.

— Но неужели вы меня мало знаете, мисс Темпл? — воскликнул Эдвардс с горячностью, которую он хотя и редко, но все же проявлял порой во время откровенных, дружеских бесед с молодой девушкой. — Вот уже пять месяцев, как я живу под вашей крышей, и я все еще для вас посторонний?

Элизабет, как и Луиза, занималась шитьем. Склонив голову набок, она делала вид, что приглаживает лежавшую у нее на коленях ткань, но рука у нее дрожала, щеки горели и слезы на глазах высохли: по всему было видно, что девушка преисполнена живейшего интереса и любопытства.

— Много ли мы знаем о вас, мистер Эдвардс? — сказала она.

— Много ли? — повторил за ней юноша, переводя взгляд с лица Элизабет на кроткое личико Луизы, выражавшее в этот момент такое же любопытство. — Мы столько времени знакомы — неужели вы не успели меня узнать?

Элизабет медленно подняла голову, и выражение смущения и любопытства на ее лице сменилось улыбкой:

— Конечно, нам известно, что вас зовут Оливер Эдвардс. Как вы, кажется, сами рассказывали моей подруге мисс Грант, вы уроженец здешних мест, и...

— Элизабет! Мисс Темпл!.. — воскликнула Луиза, вспыхнув до корней волос и задрожав, как осиновый лист. — Вы неправильно меня поняли... Я... это всего лишь мои догадки. Но, даже если это правда и мистер Эдвардс действительно в родстве с туземцами, какое право мы имеем упрекать его? Чем мы лучше — по крайней мере я, дочь скромного, бедного священника?

Элизабет с сомнением покачала головой и даже рассмеялась. Заметив, однако, печаль на лице подруги, задумавшейся о трудной, полной лишений жизни своего отца, она сказала:

— Смирение заводит вас слишком далеко, Луиза. Дочь духовного лица стоит превыше всех. Ни я, ни мистер Эдвардс не можем почесть себя равными вам. Впрочем, я вправе говорить так только в отношении себя. Как знать, быть может, мистер Эдвардс высокая особа, скрывающая свое подлинное имя.

— Вы правы, мисс Темпл. Тот, кто является верным слугой царя царей, занимает самое почетное место на земле, — ответила Луиза. — Но ведь почет принадлежит ему одному, а я лишь дитя бедного, одинокого человека и не могу претендовать ни на что большее. Почему же мне, в таком случае, считать себя выше мистера Эдвардса? Только потому, что он, возможно, дальний, очень дальний родственник Джона Могиканина?

Луиза невольно выдала подлинное свое отношение к предполагаемому родству Эдвардса со старым воином-индейцем, и Элизабет и Оливер Эдвардс обменялись весьма выразительными взглядами, но ни та, ни другой не позволили себе даже улыбнуться простоте девушки.

— Да, должен признать: мое положение в этом доме несколько двусмысленно, — сказал Эдвардс, — но я, можно сказать, приобрел его ценой своей крови.

— И притом крови потомка туземных властителей! — весело воскликнула Элизабет. Как видно, она не слишком верила в индейское происхождение молодого человека.

— Неужели моя внешность так красноречиво говорит о моем происхождении? Кожа у меня смуглая, это верно, по она ведь не очень красная, не краснее, чем у всех.

— Нет, краснее, во всяком случае в данный момент.

— Ах, мисс Темпл, вы недостаточно разглядели мистера Эдвардса, уверяю вас! — воскликнула Луиза. — У него глаза совсем не такие черные, как у могиканина, они даже светлее ваших. И волосы не так уж темны.

— В таком случае, быть может, и я имею основания претендовать на индейское происхождение. Я была бы искренне рада, окажись это действительно так. Должна признаться, меня печалит вид могиканина, когда он бродит одиноко и уныло, словно загробный дух какого-нибудь древнего владыки здешнего края, и я чувствую, как мало у меня прав владеть этими землями.

— Да? Вы в самом деле так думаете? — воскликнул юноша столь взволнованным тоном, что обе девушки были поражены.

— Разумеется, — ответила Элизабет, как только опомнилась от удивления. — Ну что я могу тут сделать? И что может сделать мой отец? Если мы предложим старому индейцу кров и средства к существованию, он от них откажется. Он привык к иной жизни и не в состоянии изменить свои привычки. И мы не в силах также, будь мы даже столь безумны, что пожелали бы этого, вновь превратить распаханые поля и благоустроенные поселения в глухие, непроходимые леса, отраду охотника, как того хотелось бы Кожаному Чулку.

— Вы правы, мисс Темпл, — ответил ей Эдвардс. — Что вы можете тут изменить? Но есть все же нечто, что вы сможете сделать и, я уверен, сделаете, когда станете полновластной хозяйкой этих прекрасных долин: пользуйтесь вашими благами, но не забывайте о сырых и неимущих, будьте к ним щедры. А больше этого вы действительно сделать не в состоянии.

— И это тоже будет немало! — воскликнула Луиза, улыбаясь. — Но, несомненно, найдется некто, кто возьмет из рук Элизабет управление всеми этими благами.

— Я не собираюсь отвергать замужество, как на словах поступают глупые девушки, которые сами только о том и мечтают с утра до вечера. Но, не давая обета безбрачия, я все равно монахиня, ибо как мне найти себе мужа в наших дремучих лесах?

— Да, здесь вам нет пары, мисс Темпл, — ответил Эдвардс с живостью. — Здесь нет никого, кто посмел бы надеяться снискать вашу благосклонность и назвать вас своей женой. Я уверен, вы будете ждать, пока не появится тот, кто будет вам ровня. А если он так никогда и не появится, вы предпочтете прожить жизнь без спутника, вот так, как вы сейчас живете, — всеми уважаемой, почитаемой и любимой.

Очевидно решив, что он высказал все, что от него требовала учтивость, молодой человек встал, взял шляпу и поспешно вышел. Луизе, возможно, показалось, что он сказал даже больше, чем того требовала простая любезность, ибо она вздохнула — вздох был так тих, что она сама едва его расслышала, — и вновь склонилась над шитьем. Возможно также, что мисс Темпл не прочь была услышать еще что-нибудь, — во всяком случае, взгляд ее с минуту был прикован к двери, в которую вышел молодой человек, но затем она быстро взглянула на подругу. Затянувшееся молчание показало, какую остроту может придать разговору молоденьких девушек, не достигших еще восемнадцати лет, присутствие двадцатитрехлетнего молодого человека.

Первым, кто попался навстречу мистеру Эдвардсу, когда он вышел или, вернее, выбежал из дома судьи, был низенький и коренастый стряпчий с большой связкой бумаг под мышкой. На носу у него красовались зеленые очки, словно владелец их стремился усилить ими свою зоркость, когда приходилось раскрывать обманы и плутовство.

Мистер Вандерскол был человек достаточно хорошо образованный, но тугодум. Что бы он ни говорил, что бы ни делал, он всегда был настороже, потому что в свое время пострадал от своих более шустрых и ловких собратьев, которые начинали свою карьеру в судах Восточных штатов и которые всосали хитрость с молоком матери. Осторожность этого джентльмена сказывалась во всех его поступках, проявляясь в необычайной методичности, пунктуальности, а также и в некоторой робости. Речь стряпчего так изобиловала вводными предложениями, что слушатели еще долго потом доискивались ее смысла.

— Доброе утро, мистер Вандерскол, — приветствовал его Эдвардс. — Сегодняшний день судья Темпл, как видно, целиком посвятил делам.

— Доброе утро, мистер Эдвардс, — если вас действительно зовут именно так, у нас ведь нет тому никаких доказательств, ничего, кроме вашего собственного утверждения, и, если не ошибаюсь, именно под этим именем вы и вошли в дом судьи Темпла, — доброе утро,

сэр. Да, судья Темпл сегодняшний день посвятил делам, хотя об этом, собственно, можно было бы и не упоминать, вы и сами успели о том догадаться, как человек наблюдательный, — впрочем, внешность обманчива. Да, судья Темпл посвятил сегодняшний день делам, это верно.

— Вы несете с собой важные бумаги? Не надо ли что переписать? Я к вашим услугам.

— Да, я несу с собой важные бумаги, как вы успели это заметить — ведь глаза у вас молодые, — и бумаги эти надо переписать.

— В таком случае я сейчас же пройду вместе с вами в контору и возьму наиболее срочные из бумаг. К вечеру будет сделано все, что необходимо.

— Сэр, я всегда рад видеть вас у себя в конторе, как по делу, так и не по делу, хотя вовсе не обязательно принимать у себя на дому каждого: наш дом — наша крепость. Если желаете, готов видеть вас у себя или в любом другом месте, почту это долгом вежливости, но данные бумаги строго конфиденциальны и без личного распоряжения на то самого судьи Темпла — согласно строжайшему его предписанию — их не разрешается видеть никому, кроме тех лиц, для которых это является прямой обязанностью, я хочу сказать — долгом службы.

— Как я понимаю, сэр, я ничем не могу быть вам полезен, и мне остается лишь еще раз пожелать вам доброго утра. Но прошу вас передать мистеру Темплу, что я сейчас решительно ничем не занят и целиком в его распоряжении, поэтому я охотно приму поручение отправиться хоть на край света, если только... если только это не будет слишком далеко от Темплтона.

— Я передам ваше поручение, сэр, я повторю ему все слово в слово. Счастливо оставаться, сэр. Впрочем, одну минуту, мистер Эдвардс, — во всяком случае, все вас называют именно так, — одну минуту. Вы рассматриваете ваше предложение как часть ваших секретарских обязанностей, оговоренных в вашем контракте с судьей Темплом — с предварительной выплатой аванса, — или это предложение услуг должно быть оплачено согласно новому договору между сторонами и уже по исполнении поручения?

— Как будет угодно мистеру Темплу. Я вижу только, что он озабочен, и стремлюсь помочь ему.

— Побуждения ваши похвальны, сэр, насколько можно судить по первому впечатлению, которое часто бывает обманчиво, и делают вам честь. Я не премину сообщить мистеру Темплу об изъявленной вами готовности, юный джентльмен — полагаю, вы имеете право так именоваться, — и извещу вас о результатах переговоров не позднее пяти часов пополудни сего дня, если богу будет угодно и если вы предоставите мне к сему возможность.

Причиной особой подозрительности стряпчего на этот раз явилась неопределенность личности и положения Эдвардса, но юноша привык к настороженному и недоверчивому к себе отношению, и разговор этот не вызвал в нем досады. Он тотчас сообразил, что стряпчий упорно желает сохранить порученное ему судьей дело в тайне от всех, в том числе и от личного секретаря судьи. Эдвардс слишком хорошо знал, как трудно понять точный смысл сказанного мистером Вандерсколом, даже когда этот джентльмен стремится к ясности своих высказываний, а теперь, видя, что стряпчий намеренно избегает расспросов, юноша вовсе оставил мысль разгадать тайну. Они расстались у ворот, и стряпчий, напустив на себя необыкновенно важный и озабоченный вид, направился в контору, крепко прижимая к боку толстую связку бумаг.

Наши читатели, надо полагать, давно заметили, что юноша питал к судье какую-то необычайно сильную и глубокую неприязнь. Но сейчас, уже побуждаемый совсем иными чувствами, он испытывал острый интерес к состоянию духа своего патрона и жаждал разузнать причину его непонятной тревоги.

Эдвардс стоял, глядя вслед стряпчему, пока тот не скрылся за дверью конторы вместе со своими таинственными бумагами, потом медленно направился обратно к дому и там постарался заглушить любопытство, углубившись в свои повседневные секретарские обязанности.

Когда судья вновь появился в кругу семьи, к его всегдашней жизнерадостности примешивалась какая-то печаль, не покидавшая его и в последующие дни. Но наступившая благодатная летняя пора заставила Мармадюка Темпла очнуться от временной апатии, и к нему вернулась его обычная бодрость духа.

Жаркая погода и частые дожди содействовали невероятно бурному росту растений, который так долго задерживала поздняя в том году весна. Теперь леса сверкали всеми оттенками зелени, которой может похвалиться американская флора. Пни на вырубках скрылись в густой пшенице — она колыхалась от каждого дуновения ветерка, сверкая и переливаясь, как бархат.

Все то время, пока судья был погружен в мрачные думы, шериф весьма тактично старался ему не докучать и даже не заговаривал о «деле», хотя оно все больше занимало его воображение и, судя по частым совещаниям шерифа с человеком, который под именем Джотема уже был представлен читателю в кабачке «Храбрый драгун», становилось действительно важным. Как-то вечером в начале июля шериф решил наконец вновь намекнуть судье о «важном деле», и Мармадюк согласился на следующее же утро осуществить обещанную Ричарду поездку.

Глава 26

*О говори, отец любимый!
Твои слова — как вешний ветерок.*
Милмен

Утро следующего дня выдалось ясное и теплое. Едва Мармадюк и Ричард успели сесть на коней, чтобы отправиться наконец в поездку, которую шерифу так не терпелось осуществить, как из дому вышли Элизабет и Луиза, обе одетые для пешей прогулки.

На мисс Грант был изящный капор из зеленого шелка; ее скромные глазки глядели из-под него с присущими им мягкостью и кротостью. Мисс Темпл шагала по владениям отца уверенной и независимой походкой хозяйки; с руки ее свисала на ленте широкополая шляпа, которой предстояло скрыть густую массу блестящих темных локонов, обрамлявших гладкий белый лоб.

— Вот как, вы решили погулять? — спросил судья и с отцовской гордостью улыбнулся дочери, любуясь ее красотой и девичьей грацией. — Помни, дружок, теперь наступила пора июльской жары, не заходите далеко и к полудню постарайтесь вернуться домой. А почему ты без зонтика, дочка? Твой белый лобик потемнеет под солнцем и южным ветром, если ты не будешь старательно его оберегать.

— По крайней мере, тогда я больше уподоблюсь моим родственникам, — возразила дочь, тоже улыбнувшись. — У кузена Ричарда такой цвет лица, какому позавидует любая девушка. Сейчас сходство между нами весьма невелико, и никто не признает нас за близких родственников...

— Пора, однако, ехать, Дьюк, — прервал ее Ричард. — Время не ждет. Если послушаешься меня и примешь мои деловые советы, ровно через год ты сможешь заказать своей дочке такой зонтик, чтобы верх его был из кашемировой шали, а остов — из чистого серебра. Самому-то мне ничего не надо, ты это знаешь, Дьюк. Да и, кроме того, все, что я имею, в один печальный день перейдет к Бесс, так что совершенно безразлично, кому достанутся богатства, тебе или мне... Но впереди у нас долгий день езды. Поедем же, а коли не хочешь ехать, так прямо и скажи и слезай с коня.

— Терпение, терпение, Ричард, — сказал судья и, придержав коня, снова обратился к дочери:

— Если вы собираетесь идти в горы, то умоляю тебя, дочка, не заходите слишком глубоко в лес. Хотя обычно здесь ничего не случается, некоторая опасность все-таки есть.

— Но не в летнее же время! — возразила Элизабет. — Да, должна признаться, мы с Луизой действительно собрались побродить в горах.

— Летом, дочка, опасность, конечно, не так велика, как зимой, но все же не забирайтесь в лесную чащу. Я знаю, Бесс, ты девушка смелая, но надеюсь, ты унаследовала от своей матери ее осторожность.

Судья неохотно отвел взгляд от дочери и вместе с шерифом медленно выехал на улицу. Вскоре они скрылись за домами поселка.

Во время краткого разговора между отцом и дочерью Эдвардс стоял неподалеку и внимательно к нему прислушивался. В руках молодой человек держал удочку, прекрасная погода и его выманила из дому на свежий воздух. Девушки подходили к воротам, когда Эдвардс нагнал их и уже готов был окликнуть, как вдруг Луиза остановилась и быстро сказала:

— Элизабет, кажется, мистер Эдвардс хочет сказать нам что-то...

Элизабет обернулась и посмотрела на юношу вежливо, но несколько холодно, и это сразу сдержало его порыв.

— Ваш отец недоволен тем, что вы отправляетесь в горы одни, без провожатых, мисс Темпл, — начал Эдвардс. — Если мне будет позволено предложить себя в роли телохранителя, то я...

— Я не знала, мистер Эдвардс, что отец уполномочил вас выражать мне свое родительское неудовольствие, — высокомерно прервала его молодая особа.

— Упаси боже! Вы меня неверно поняли, мисс Темпл. Мне следовало сказать иначе: «Ваш отец беспокоится за вас». Я состою у него на службе, а тем самым и у вас, мисс Темпл, и потому повторяю: с вашего разрешения, я охотно сменю удочку на дробовик и буду сопровождать вас в горы.

— Благодарю вас, мистер Эдвардс. Но, когда не предвидится опасности, нет нужды и в охране. Пока нам еще дозволено бродить в горах без телохранителей. А если уж телохранитель и в самом деле необходим, так вон он: сюда, сюда, ко мне. Воин! Ко мне, мой храбрый, верный Воин!

Огромный мастиф, лениво зевая и потягиваясь, вылез из конуры.

Хозяйка позвала его вторично:

— Идем, идем, славный мой Воин! Когда-то ты неплохо служил своему господину. Посмотрим, как-то ты будешь выполнять свой долг по отношению к его дочери.

Пес завилял хвостом, как будто поняв смысл обращенных к нему слов, с важным видом подошел к Элизабет, уселся на земле у ее ног и поглядел в лицо своей юной хозяйке умным, почти человеческим взглядом.

Элизабет шагнула вперед, но тут же опять остановилась и сказала примирительным тоном:

— А вы, мистер Эдвардс, могли бы оказать нам услугу, только иную и более для вас приятную: принесите нам к обеду связку ваших любимых окуней.

И, даже не сочтя нужным взглянуть, как принял Эдвардс эту колкость, мисс Темпл решительно пошла вперед, ни разу больше не обернувшись. Зато мисс Луиза не раз еще поглядывала назад, пока они не дошли до ворот.

— Боюсь, Элизабет, что мистер Эдвардс обиделся на нас, — сказала она. — Он все еще стоит, не двигаясь с места и опершись о свою удочку. Быть может, он принял ваши слова за проявление гордости.

— В таком случае он не ошибся! — воскликнула мисс Темпл, выходя из состояния задумчивости. — Да, мы не можем принимать услуг молодого человека, занимающего такое сомнительное положение в обществе. Как! Пригласить его с собой на уединенную прогулку? Да, это гордость, Луиза, но у женщины должны быть гордость и чувство собственного достоинства.

Прошло несколько минут, прежде чем Оливер очнулся от оцепенения. Пробормотав что-то, он вскинул удочку на плечо, вышел за ворота и с величественным видом зашагал по

улице. Дойдя до озера, где стояли у причала лодки судьи Темпла, молодой человек вскочил в легкий ялик, схватил весла и, яростно ударяя ими по воде, понесся через озеро к противоположному берегу, туда, где стояла хижина Кожаного Чулка. Только пройдя с четверть мили, Эдвардс успокоился, мысли его понемногу утратили горечь, а к тому времени, когда перед глазами у него появилась заросшая кустарником полоска перед жилищем Натти, пыл юноши и вовсе охладился, хотя тело его от быстрых движений сильно разгорячилось. Вполне возможно, что тот самый довод, которым руководствовалась в своем поведении мисс Темпл, пришел в голову и ему, человеку образованному и воспитанному. И если так, то весьма вероятно, что Элизабет не только не упала, а, напротив, лишь возвысилась в его глазах.

Эдвардс поднял весла над головой, и лодка, подлетев к самому берегу, закачалась на волнах, которые она же всколыхнула. Молодой человек, бросив предварительно осторожный и пытливый взгляд вокруг, приложил к губам небольшой свисток и извлек из него долгий, пронзительный звук, отдавшийся эхом в горах по ту сторону хижины. Собаки Натти, выскочив из своей будки, сделанной из коры, подняли жалобный вой и принялись прыгать как безумные на крепко державших их ремнях оленьей кожи.

— Тише, Гектор, успокойся, — проговорил Эдвардс, издав вторичный свист, еще более резкий, чем первый.

Но ответа и на этот раз не последовало. Собаки же, узнав голос Оливера и убедившись, что пришел не чужой, вернулись в конуру.

Эдвардс подогнал лодку к берегу, спрыгнул на землю и, взойдя на пригорок, приблизился к двери хижины, быстро открыл запоры и вошел, притворив за собой дверь.

Вокруг царила полная тишина, как будто в этом уединенном, месте еще никогда не ступала нога человека; лишь из поселка за озером доносились не смолкая приглушенные удары молотков.

Прошло с четверть часа, и юноша вновь появился на пороге. Он запер дверь и ласково окликнул собак. Те тотчас вышли на звук хорошо знакомого им голоса. Подруга Гектора бросилась к Эдвардсу, визжа и лая, словно умоляла, чтобы ее сняли с привязи, но старый Гектор вдруг потянул носом, принюхиваясь к воздуху, и завыл протяжно и громко, так, что его можно было слышать за милю.

— Что ты там почуял, лесной бродяга? — проговорил Эдвардс. — Если то зверь, то зверь смелый, раз так близко подошел к жилью, а если человек, то дерзкий.

Эдвардс перепрыгнул через ствол сосны, когда-то свалившейся возле хижины, спустился с пригорка, защищавшего хижину от ветров с южной стороны, и увидел, как угловатая фигура Хайрема Дулитла мелькнула и тут же исчезла в кустах с невероятным для этого джентльмена проворством.

«Что нужно здесь этому человеку? — пробормотал про себя Оливер. — Вероятно, это просто любопытство, которым так одержимы здешние жители. Но я буду начеку, если собакам вдруг понравится его богомерзкая физиономия и они дадут ему пройти».

Юноша вернулся к двери и запер ее еще тщательнее, продев через скобу цепочку и закрепив ее замком.

«Этот крючокотвор как никто другой обязан знать, что закон запрещает врываться в чужой дом!» И, вернувшись к озеру, Эдвардс спустил лодку на воду, взялся за весла и поплыл обратно.

На озере было известно несколько мест, где особенно хорошо ловились окуни. Одно из них находилось как раз напротив хижины охотника, а другое, где окуней было еще больше, — в полутора милях от первого, под навесом скалы и на том же краю озера. Оливер Эдвардс повел свой ялик к первому месту и с минуту сидел, подняв весла: он колебался, не зная, остаться ли здесь и не спускать глаз с двери хижины или же ехать дальше, туда, где улов обещал быть богаче. Но тут он заметил на воде светлую пирогу и в ней двоих людей, в которых немедленно узнал могиканина и Кожаного Чулка. Это решило вопрос. Через несколько минут юноша присоединился к своим друзьям, занятым рыбной ловлей, и тотчас

привязал свой ялик к пироге индейца.

Оба старика приветливо кивнули юноше, но не прервали своего занятия и не переменили позы. Оливер так же молча насадил наживку на свой крючок и забросил удочку.

Ты заходил в наш вигвам, сынок? — спросил Натти.

— Да, там все спокойно, только вот сквайр Дулитл рыщет неподалеку. Но ничего, дверь я запер крепко, и к тому же он слишком большой трус и не решится подойти к собакам.

— Об этом человеке мало можно сказать хорошего, — промолвил Натти; он вытянул окуня и вновь насадил наживку на крючок. — Ему до страсти хочется сунуть нос в мой дом. Всякий раз, как встретимся, он чуть ли не прямо просит меня об этом. Но я отвожу разговор в сторону, и мистер Дулитл с чем был, с тем и остается. Видно, слишком много развелось законов, коли поручают толковать их таким вот людишкам, вроде Хайрема.

— Боюсь, что он не столько глупец, сколько плут, — заметил Эдвардс, — Он вертит этим простаком шерифом, как ему вздумается. Дерзкое любопытство наглеца может принести нам неприятности.

— Коли он будет уж очень часто слоняться возле моей хижины, я просто-напросто пристрелю его, — спокойно заявил Кожаный Чулок.

— Нет, Натти, закон есть закон, его нарушать нельзя. Иначе ты попадешь в беду, и это будет тяжким горем для всех нас.

— Правда, сынок? — воскликнул охотник и взглянул на юношу дружелюбно и с явным интересом. — В тебе, мой мальчик, течет настоящая, горячая кровь. И я готов сказать это в лицо судье Темплу и любому другому судье на свете. Как ты полагаешь, Джон, верно я говорю, что Оливер надежный друг, своих не предаст?

— Он делавар и мой брат, — ответил могоканин. — Молодой Орел отважен, он станет вождем. И никакой беды не произойдет.

— Ну хорошо, хорошо, — прервал их юноша несколько нетерпеливо. — Не будем больше говорить об этом, друзья мои. Если даже я и не обладаю теми достоинствами, которыми наделило меня ваше пристрастное ко мне отношение, можете быть уверены, что я с вами на всю жизнь, и в беде и в удаче.

Старики умолкли: как видно, они привыкли повиноваться юноше.

Некоторое время все трое молчали, занятые каждый своей удочкой.

— Какое нынче прекрасное, гладкое озеро! — сказал наконец Эдвардс, как видно, лишь для того, чтобы нарушить молчание: он чувствовал, что именно ему надо возобновить разговор. — Доводилось ли тебе, Натти, когда-либо видеть его таким спокойным и безмятежным?

— Я знаю воды Отсега вот уже сорок пять лет, — ответил Кожаный Чулок, — и могу сказать, что во всей стране не сыщешь более чистых ручьев и лучшей рыбы, чем здесь. Когда-то здесь не было хозяев, да-да! И как же привольно жилось тогда Натти Бампо! Дичи было сколько душе угодно. И никто не посягал на эту землю, никого здесь, кроме меня, и не было, разве что иной раз пройдет через горы отряд охотников-делаваров или проберется сквозь чащу разбойник-ирокез с ружьем. Там, в долине, к западу отсюда, обосновались два или три француза — они женились на индейских женщинах, — еще иногда приезжали из Вишневой долины шотландцы и ирландцы, одалживали у меня пирогу половить окуней или форель. И никто меня не трогал, уж такая была благодать! Да еще Джон заходил. Джон знает, как было здесь в те времена.

Могоканин повернул голову и, сделав свой обычный выразительный жест рукой, обозначающий у него согласие, ответил на делаварском наречии:

— Земля эта принадлежала моему народу. На совете вождей мы порешили отдать ее моему брату, Пожирателю Огня. А то, что отдают делавары, то отдано навечно, как вечно течет вода. На совете и Соколиный Глаз курил трубку, потому что мы любили его.

— Нет, нет, Джон, — сказал Натти, — я не был вождем, по этой части я ничего не смыслю, да и кожа у меня белая. Но охотиться в здешних краях было славно, мой мальчик, и

так оно осталось бы и по ею пору, кабы не толстый карман Мармадьюка Темпла да кривые пути закона.

— Но, я думаю, грустно было бродить в горах всегда одному и в одиночестве бороздить воды этого прекрасного озера, — проговорил Эдвардс, обводя взглядом берега и сверкающие золотым колосом поля, то здесь, то там оживлявшие поросшие лесами холмы. — Разве не тосковал ты здесь, не имея поблизости никого, с кем можно было бы перекинуться словом, рассеять печаль?

— Нет, я не томился одиночеством, ведь я уже сказал, — ответил Кожаный Чулок. — Когда деревья начинали покрываться листвой и с озера сходил лед, здесь было как в раю. Я пятьдесят три года хожу по этим лесам, и больше сорока лет живу в них, и за всю свою жизнь нашел лишь одно место, которое пришлось мне еще больше по душе, да и то только для глаза, а не для охоты и рыбной ловли.

— Где же оно? — спросил Эдвардс.

— Да где же, как не в горах Кэтскилл! Я туда, бывало, поднимался за шкурами волков и медведей. А однажды получил заказ сделать чучело дикой кошки, так что мне приходилось там бывать. И есть в тех горах одно место, куда я забирался, когда мне хотелось поглядеть на широкий божий мир, и, уж поверьте, это стоило затраченных трудов, изодранных мокасин и расцарапанных коленей! Ты ведь знаешь, что такое горы Кэтскилл, ты должен был видеть их слева от себя, когда плыл сюда по реке из Нью-Йорка. Они совсем голубые, как само небо, а над их верхушками плывут облака — ну вот как плывет дым над головой индейского вождя, когда он курит трубку у Костра Совета. Так вот, есть там Высокий Утес и Круглая Скала, они возвышаются над всеми остальными горами и стоят, словно отец и мать среди своих детей. Но то место, о котором я хочу рассказать, ближе к реке, на верхушке горы, что стоит чуть поодаль от остальных. Высотой она футов в пятьдесят, но вся из уступов, и, когда стоишь наверху, думается, ничего не стоит прыгнуть с нее, будто она и не так уж высока.

— И что же ты видел оттуда? — снова спросил Эдвардс.

— Все, все мироздания, мой мальчик, — сказал Натти, опустив конец удочки в воду и обведя рукой широкий круг. — Я стоял там в тот день, когда Воган сжигал «Сопус». Я видел, как по Гудзону шли суда, видел так же ясно, как вон ту барку на Саскуиханне, хотя они были от меня на расстоянии в двадцать раз больше, чем эта барка от нас. Реку было видно на семьдесят миль, сверху казалось, что это вьется узкая стружка, а ведь ширина реки добрых восемь миль. Я видел холмы на землях Хэмпшира, гористые берега Гудзона — все созданное творцом и все сделанное руками человека, все видел, насколько хватало глаз, а глаз у меня зоркий, ты знаешь, как прозвали меня за то индейцы. Я часто различал место, где стоит Олбани, а в тот день, когда королевские войска сжигали «Сопус», мне чудилось, что дым оттуда доходит до меня и я слышу вопли женщин.

— Я думаю, стоит труда забраться на такую высоту, если оттуда открывается столь великолепная картина.

— Да, если человеку может доставить радость видеть с высоты в полмилю дома и фермы где-то внизу, и реки, словно ленты, и высокие холмы, кажущиеся стогами сена, то советую ему побывать там. Такое зрелище — отрада для глаз, могу это смело сказать. Когда я впервые поселился в здешних лесах, на меня иной раз нападала тоска, мне было одиноко. И вот тогда я поднимался на Кэтскилл и по несколько дней проводил на той вершине, все смотрел на человеческую жизнь. Но вот уже много лет, как меня не тяготит одиночество, и я стал слишком стар, чтобы карабкаться по крутым утесам. А вот за две мили от этой самой горы есть местечко, где я стал частенько бывать за последнее время, и там мне нравится еще больше, чем в горах. Там все поросло деревьями, и как-то там приветливее.

— Где же это? — спросил Эдвардс, в ком бесхитростный рассказ охотника пробудил живейший интерес.

— В горах есть водопад. Потоки вод двух маленьких озер, лежащих почти что рядом, вырываются из своих границ и несутся по скалам в долину. Они так сильны, что могли бы вращать мельничные колеса, если бы в такой глуши была надобность в столь бесполезном

устройстве, но та рука, что сотворила этот Прыжок Воды, здесь не поставила мельницы. Поток течет, петляя и извиваясь среди камней, сначала так медленно, что в нем вполне может плавать форель, а потом устремляется вниз, словно зверь, делающий разбег перед прыжком, и мчится до того места, где гора раздваивается, как копыто оленя, и вода низвергается в эту каменную трещину. Первый порог высотой в двести футов вода летит, как снежный ураган, пока не коснется каменной площадки шириной в пятьдесят футов. Тут она скапливается, чтобы снова ринуться на сто футов вниз, прыгая с уступа на уступ, изворачиваясь то туда, то сюда, будто стремится вырваться из каменной трещины, и так до тех пор, пока не выйдет в долину.

— Я никогда не слышал об этом водопаде, в книгах он не упоминается.

— Я сроду не прочел ни единой книги, — сказал Кожаный Чулок. — И как может человек, всю жизнь проведя в городах да школах, знать хоть что-нибудь о чудесах лесного края? Нет, мой мальчик, в книгах ты ничего не вычитаешь об этом ручейке, но он играет в горах от самого сотворения мира, а из белых его видели человек десять, не больше. Гора окружает водопад как бы полукруглой каменной стеной. Помню, я сидел внизу, у первого порога, и, когда мои собаки вбежали в пещеры, которые находятся за падающей водяной стеной, они на вид были не больше кроликов. Мне думается, лучшего места в лесах не сыщешь.

— А куда течет вода дальше? В каком направлении? Быть может, она служит притоком Делаваара?

— Не пойму что-то, — сказал Натти.

— Она впадает в Делаваар?

— Нет-нет, она вливается в старый Гудзон. И весело же она бежит, удирая с горы! Я долгими часами сидел на уступе скалы, и смотрел, как проносится мимо меня водяная пена, и думал: вот скоро она снова станет водой и, рожденная в глуши, окажется под днищем судна, смешавшись с солеными волнами моря. Когда человек остается вот так один на один с природой, его охватывает раздумье. Смотришь и видишь прямо перед собой долину к востоку от Высокого Пика, где на тысячи акров протянулись леса, они и в глубоких ущельях и по склонам гор; осенью все это сверкает, как десять тысяч радуг!

— Ого, да ты весьма красноречив, Кожаный Чулок! — воскликнул Оливер.

— Не пойму что-то, — снова сказал Натти.

— Я хочу сказать, что воспоминания разгорячили твою кровь, старый дружище. Когда ты был там в последний раз? Наверное, уже давно?

Охотник не ответил. Он наклонился к воде и некоторое время прислушивался к чему-то затаив дыхание. Наконец он поднял голову и сказал:

— Не привяжи я сам моих псов, своими собственными руками, да еще на новую привязь из крепкой оленьей кожи, я бы поклялся, что в горах раздастся лай моего Гектора.

— Нет, этого не может быть, — сказал Эдвардс. — Я всего час назад видел его на привязи в конуре.

Теперь и могикинин начал прислушиваться. Эдвардс, как ни напрягал он слух, не слышал ничего, кроме мычания стад на склонах западных гор. Он взглянул на обоих стариков: Натти приложил руку к уху рупором, а могикинин весь подался вперед и держал руку на уровне лица, выставив вперед указательный палец, — он давал этим сигнал к вниманию. Эдвардс громко рассмеялся над тем, как усердно прислушиваются охотники к воображаемому, по его мнению, звукам.

— Смейся, коли тебе угодно, — проговорил Кожаный Чулок, — но собаки мои спущены с привязи и охотятся за оленем. Тут я не могу ошибиться. Вот уж чего бы мне не хотелось! Не то чтобы я боялся закона, нет, но олень сейчас тощ, глупые псы только попусту изведутся. Ну, слышишь ты наконец лай собак?

Эдвардс вздрогнул: в ушах у него действительно раздался лай. Сперва он доносился глухо, потом послышалось разноголосое эхо, когда собаки пробегали через скалы, и затем уж оглушительный лай, разнесшийся по всему лесистому берегу. Все эти переходы одних

звуков в другие произошли мгновенно, и Эдвардс, взглядываясь в берег, почти тут же заметил, что в одном месте сучья ольхи и дерена раздвинулись, из зарослей выскочил олень и сразу же бросился в воду. Снова раздался собачий лай, и сквозь кусты промчались Гектор со своей подругой, не останавливаясь, прыгнули в воду и смело поплыли за оленем, держа головы высоко над водой.

Глава 27

*Ему поможет бурная река
Запутать след и остудить бока.*
Томсон, «Времена года»

— Ну что, видите, я был прав! — воскликнул Натти. — Ветер донес до собак запах оленя, они не выдержали и сорвались с привязи. Нет, я отучу их от подобных проделок! Эти четвероногие негодяи, чего доброго, доведут меня до беды. Эй вы, мошенники, сейчас же назад! Назад, на берег! Ах, чтоб вам! Назад, Гектор, не то погуляет моя плетка по твоей спине, старый разбойник! Вот погоди, дай только до тебя добраться!

Собаки узнали голос охотника. Покружив немного в воде, словно им не хотелось отказаться от охоты, они вернулись на берег, где сразу же залились оглушительным лаем.

Тем временем олень, подгоняемый страхом, продолжал плыть и уже был на полпути к лодкам, когда вдруг увидел эту новую опасность. Заслышав голос Натти, он на мгновение замер и, казалось, готов был кинуться назад и принять бой с собаками, но охотники, ловко повернув пирогу, отрезали ему отступление. Олень бросился в сторону и поплыл к середине озера, очевидно намереваясь добраться до западного берега. Он проплыл мимо рыбаков, высоко задрав морду, и перед его тонкой, изогнутой шеей, словно перед, носом галеры, пенилась и бурлила вода. Кожаный Чулок вдруг выказал признаки волнения.

— А зверь хорош! — воскликнул он. — Рога-то какие! Всю одежду на них можно развесить. Погодите-ка, да ведь теперь июль, со следующего месяца начинается время охоты на оленей. Значит, мясо его должно быть уже вкусным.

С этими словами Натти, не отдавая себе отчета в своих действиях, начал привязывать к веслу сплетенную из лыка веревку, служившую ему тросом. Затем он вскочил на ноги, закинул в воду этот импровизированный буй и крикнул:

— Гребни, Джон, гони всюю! Глупый зверь будто нарочно искушает охотника!

Индеец мгновенно открепил ялик Эдвардса от пироги, которая от одного взмаха гребка помчалась по воде, как метеор.

— Опомнитесь, остановитесь! — кричал им вслед Эдвардс. — Вы забыли про закон, друзья мои! Ведь вас отлично видно из поселка, а судья Темпл твердо решил привлекать к суду всех без разбора, кто вздумает охотиться на оленей в неположенное время!

Но предупреждение пришло слишком поздно. Пирога ушла далеко от ялика, и оба старика, увлеченные охотой, уже не слышали Эдвардса. Олень находился теперь всего ярдах в пятидесяти от своих преследователей.

Он плыл вперед, отважно рассекая воду своим телом, и от ужаса и напряжения громко храпел, а пирога, то взлетая, то опускаясь, словно танцевала над ею же поднятыми волнами. Кожаный Чулок вскинул ружье, заново зарядил его, но держался как-то неуверенно, очевидно еще не зная, на что решиться.

— Ну как, Джон, стрелять или нет? — крикнул он. — Правду сказать, даже совестно палить в бедную бессловесную тварь, которая не может постоять за себя. Ну, вот что: раз уж мы на воде, надо брать его по-другому. Нагоняй его, Джон, следи, куда он повернет. Схватить-то его ничего не стоит, да увертлив он, как змея.

Могиканин усмехнулся самонадеянности своего друга, но по-прежнему гнал пирогу, заставляя ее скорее ловкостью, нежели силой мчаться с невероятной скоростью.

— Олень поворачивает голову! — крикнул он вдруг. — Мечи копье, Соколиный Глаз!

Натти никогда не выходил из дому, не захватив с собой всякого рода оружия, которое могло оказаться полезным на охоте. С ружьем своим он не расставался, а на пироге всегда находилось все необходимое для рыбной ловли, включая решетку для топлива, даже когда Натти выезжал на озеро, только чтобы поудить удочкой. Этой предосторожности научил охотника его многолетний опыт: в погоне за зверем ему не раз приходилось отходить очень далеко от первоначально намеченного места охоты. За несколько лет до того времени, о котором ведется наш рассказ, Кожаный Чулок, оставив свою хижину на берегу Отсега и захватив лишь ружье и собак, отправился на несколько дней в горы, а пропал сколько времени и успел повидать воды Онтарио. Когда-то ему было нипочем отшагать две, а то и три сотни миль.

— Держи влево, Джон! — распорядился Натти. — Левее, левее! Гребни-ка еще разок, и я попаду в него, не промахнусь!

Он поднял копье и метнул его, как стрелу. Но в это самое мгновение олень повернулся, длинное древко копья скользнуло мимо, задев лишь рога животного, и, не причинив ему никакого вреда, погрузилось в воду.

— Стой! — крикнул Натти, когда пирога проскользнула над тем местом, где упало копье. — Подержи-ка лодку.

Копье почти тут же вынырнуло из воды, и охотник ловко поймал его на лету. Индеец круто повернул пирогу, и охота продолжалась, но эта минутная задержка дала оленю большое преимущество, и она же дала Эдвардсу возможность приблизиться к охотникам.

— Да остановись же, Натти! — увещевал его юноша. — Остановись, говорю я тебе! Ведь ты знаешь, в июле охота запрещена!

Пирога почти нагнала оленя. Он все еще плыл, делая отчаянные усилия; спина его то поднималась над водой, то скрывалась под ней, от шеи его бежали волны. Благородный зверь продолжал стойко бороться за свою жизнь.

— Ура! — не выдержал вдруг Эдвардс, загоревшись при виде оленя охотничьим азартом и уже не помня об осторожности. — Смотрите, он начинает петлять! Скорее же, не упустите его. Держи правее, могикинин! Я схвачу его прямо за рога и накину на них веревку.

Темные глаза старого индейца-воина засверкали. Только что он стоял спокойно, почти неподвижно, и вот уже он весь преобразился. Пирога вертелась с необычайной быстротой, словно щепка в водовороте. Олень двинулся по прямой, и лодка стремительно помчалась ему вслед. Ища спасения, он вновь круто свернул в сторону.

Стремительность этих кругообразных движений ограничила пространство для действий и позволила юноше не отдаляться от своих товарищей. Раз двадцать преследуемый и преследователи проносились мимо ялика совсем близко, чуть не касаясь его весел, и Эдвардс решил, что лучше всего следить за охотой, самому не двигаясь с места, и, если понадобится, помочь охотникам схватить добычу.

Ждать ему пришлось недолго. Олень вдруг храбро поплыл прямо навстречу ему, очевидно стараясь вернуться обратно на берег, но подальше от того места, где бегали собаки, которые выли и лаяли не умолкая. Эдвардс схватил бакштив, сделал петлю и изо всей силы бросил ее вперед. Петля затянулась на одном из рогов оленя.

Какое-то мгновение олень тянул ялик за собой, но вот перед ним появилась пирога Натти, и сам Натти, низко пригнувшись, всадил нож в горло зверя; кровь из раны обагрила воду. Пока олень бился в предсмертных судорогах, охотники сблизили лодки и привязали их одну к другой. Кожаный Чулок вытащил оленя из воды и положил безжизненную тушу на дно пироги. Пощупав ребра зверя, охотник поднял голову и засмеялся особым, одному ему присущим смехом.

— Ну, вот вам и законы Мармадьюка Темпла! — проговорил он. — Да, старина Джон, старому охотнику это разогревает кровь. Уж много лет я не убивал оленя вот так, на озере. Знаешь, мальчик, оленина-то будет неплохая. И скажу тебе: найдутся такие, которые предпочтут жареную оленину самым лакомым блюдам.

Индеец, согбенный бременем лет, а быть может, и бременем страданий своего народа, вдруг весь ожил, по темному его лицу как будто пробежал свет, давно его не озарявший, — так взбудоражила старика азартная, горячая охота. Но она скорее вызвала в нем приятные воспоминания о былых подвигах, когда он был молод и силен, нежели чувство охотничьего азарта. Однако он все же потрогал оленью тушу — рука у него после чрезмерного напряжения дрожала — и, улыбнувшись, одобрительно кивнул. Затем он сказал внушительно и веско, как говорят индейцы:

— Хорошее мясо.

— Боюсь, Натти, что мы, все трое, нарушили закон, — сказал Эдвардс. Пыл момента прошел, возбуждение немного улеглось. — Но вы помалкивайте, и никто ничего не узнает. Одно мне непонятно: как случилось, что обе собаки оказались на свободе? Я твердо помню, они были крепко привязаны, я сам это проверил.

— Видно, не могли стерпеть, чтобы такой зверь ушел от них, ну и сорвались, — ответил Натти. — Да вот смотри, мой мальчик, видишь? На шеях у них болтаются обрывки привязи. Ну, Джон, гребь к берегу, я свистну псов, проверю, как им удалось сорваться.

Выйдя на сушу, охотник тут же осмотрел ремни на шеях собак. Выражение его лица как-то странно изменилось, он с сомнением покачал головой.

— Тут не обошлось без ножа, — проговорил он. — Ремни не разорваны и не разгрызены, на них нет следов собачьих зубов. Нет, Гектор не виноват, напрасно я его бранил.

— Так, значит, ремни перерезаны? — воскликнул Эдвардс. — Неужели это дело рук канала Дулитла?

— Он способен на что угодно, коли это ему ничем не грозит, — сказал Натти. — Я же говорил, он любопытен, его так и тянет сунуть нос в чужие дела. Но лучше бы он остерегся подходить так близко к моему вигваму!

Могиканин тем временем осмотрел с особой, присущей индейцам тщательностью концы обрывов ремней и сказал по-делаварски:

— Они перерезаны ножом с острым лезвием и длинной рукояткой, и человек, сделавший это, боится собак.

— Откуда ты это знаешь? — удивился Эдвардс. — Ведь ты же не видел этого собственными глазами?

— Выслушай меня, сын мой, — сказал старый воин, — нож был острый, потому что разрез получился ровный. Рукоятка у ножа длинная, чтобы не подходить близко к собакам. И человек этот трус, не то он обрезал бы ремни у самой шеи собаки.

— Клянусь жизнью, Джон, ты не ошибаешься! — воскликнул Натти. — Это проделал плотник Дулитл. Он подошел к собачьим конурам сзади, насадил нож на палку и перерезал ремни. Это не так уж трудно было сделать.

— Но зачем ему это понадобилось? — недоумевал Эдвардс. — Ради чего тревожит он попусту двух стариков, не причинивших ему никакого зла?

— Трудно стало постигать человеческие поступки, сын мой, с тех пор как сюда пришли чужие люди и принесли с собой новые обычаи. Но на месте мы во всем разберемся лучше. Быть может, он сделал это лишь из пустого любопытства.

— Твои подозрения справедливы. Ну, я молод и силен, и, может быть, мне удастся добраться до хижины вовремя, чтобы помешать его планам. Не дай бог, если мы окажемся во власти такого человека!

Оленя быстро переложили в ялик, чтобы облегчить ход пироги, и через пять минут маленькое, сделанное из коры суденышко уже скользило по зеркальной глади озера, держась поближе к берегу, и вскоре скрылось за береговыми выступами.

Могиканин медленно плыл следом в ялике, а Натти, свистнув собак и приказав им бежать рядом, вскинул ружье на плечо и стал подниматься по пригорку, намереваясь добраться до хижины сушей.

Глава 28

*Что дева чувствует, как знать,
В ужасный час совсем одна?
Иль ужас мог ее сковать,
Иль силой новой она —
Своим отчаяньем — сильна?*
Вальтер Скотт, «Мармион»

Пока на озере шла охота, мисс Темпл с подругой поднимались все выше в горы. Никому и в голову не приходило, что молодым девушкам не следует уходить на столь далекие и уединенные прогулки без провожатых, все были уверены, что в здешних краях никто не осмелится обидеть порядочную женщину. Смущение и чувство неловкости, вызванное встречей с Эдвардсом, исчезло, и подруги вели теперь оживленный разговор, такой же веселый и невинный, как и они сами.

Какое-то сильное и, вероятно, вполне естественное чувство не позволяло доселе ни той, ни другой даже в самых интимных беседах проронить хотя бы слово относительно двусмысленного положения, занимаемого молодым человеком, в обществе которого им приходилось бывать теперь так часто. Если судья и проявил осмотрительность и собрал о нем необходимые сведения, то он, по-видимому, почел уместным хранить их про себя. Впрочем, в Восточных штатах нередко случалось встретить хорошо образованного юношу, находящегося еще в начале своего пути к богатству и почету, и никого особенно не удивляло, что юноша, получивший хорошее образование, живет в бедности. Что касается воспитанности Эдвардса, то тут дело могло объясняться иначе. Вначале он решительно, холодно и порой даже грубо обрывал всякие любопытные расспросы, и, когда манеры молодого человека начали постепенно как будто смягчаться, судья, если только он над этим задумывался, легко мог приписать это тому, что Эдвардс возвращается теперь в хорошем обществе. Но женщины в делах подобного рода более догадливы, и то, что проглядел не слишком внимательный отец, не ускользнуло от наблюдательности дочери. В отношении всех тех приличий и учтивости, которых, естественно, ждут от благовоспитанного человека, Эдвардс ничем не уронил себя, хотя порой в его поведении прорывалась вдруг странная несдержанность. Что касается Луизы Грант, то, быть может, излишне объяснять читателю, что она вообще не слишком много придавала значения правилам великосветского поведения. Эта милая кроткая девушка имела, однако, свое особое мнение по данному вопросу и вывела свои собственные заключения.

С тропинки, по которой шли подруги, время от времени можно было видеть стоящую не очень далеко внизу одинокую хижину Кожаного Чулка.

— Готова отдать все свои тайны в обмен на тайну хижины Натти! — воскликнула мисс Темпл со смехом, потрянув черными кудрями, и на лице ее мелькнуло не очень свойственное ему выражение детской бесхитростности. — Как бы я хотела знать, что слышали и чему были свидетелями эти грубо сколоченные бревна!

Мисс Грант в этот момент тоже смотрела на хижину. Подняв свои кроткие глаза, девушка ответила:

— Во всяком случае, они не могут сказать ничего такого, что могло бы быть поставлено в упрек мистеру Эдвардсу, в этом я уверена.

— Вполне возможно. Они могли бы, по крайней мере, сообщить нам, кто он такой.

— Но, дорогая мисс Темпл, ведь мы это уже знаем! Я слышала, как ваш кузен, мистер Джонс, очень убедительно объяснял...

— А, наш милейший шериф! Ну, его изобретательный ум найдет объяснение чему угодно. Когда-нибудь Ричард Джонс додумается до философского камня. Но что же он все-таки сказал?

Луиза удивленно взглянула на подругу:

— Его рассказ показался мне вполне убедительным, мисс Темпл, он говорил правду, я уверена. Мистер Джонс рассказал, что Натаниэль Бампо почти всю свою жизнь провел в лесах среди индейцев и там подружился с вождем делаварского племени, с могиканином Джоном.

— Вот как! Узнаю своего кузена! Ну, а дальше?

— Дальше, насколько я помню, мистер Джонс сказал, что особо тесная дружба между ними завязалась с тех пор, как Кожаный Чулок спас могиканина от смерти в каком-то сражении.

— Весьма правдоподобно, — сказала Элизабет с ноткой нетерпения в голосе. — Но какое отношение имеет все это к нашей теме?

— Вам надо набраться терпения, дорогая Элизабет, потому что рассказывать как следует я не умею, но, пожалуй, будет лучше, если я передам все по порядку, как запомнила. Разговор этот вели мой отец и мистер Джонс, когда виделись в последний раз. Мистер Джонс объяснил, что английские короли засылали к индейским племенам своих агентов, молодых джентльменов, иногда офицеров армии, и этим агентам приходилось половину своей жизни проводить где-то на границе цивилизованного мира.

— Факты переданы с исторической точностью! И это все?

— О нет! Правительственные агенты, как рассказал шериф дальше, редко женились, и... и... наверное, они были гадкие, но... уверяю вас, Элизабет, я только передаю то, что рассказал шериф...

— Хорошо, хорошо, это неважно, — прервала ее Элизабет.

Лицо ее на мгновение вспыхнуло румянцем, на губах мелькнула улыбка, но подруга ее не успела заметить ни того, ни другого.

— Люди эти стремились дать хорошее образование своим детям, часто посылали их в Англию, даже обучали в колледжах. Именно этим мистер Джонс и объясняет широкие познания мистера Эдвардса. Шериф признает, что мистер Эдвардс почти так же сведущ, как ваш или мой отец или даже как он сам...

— Ну, он-то безусловно достиг вершин учености! Итак, шериф убежден, что могиканин — родной или двоюродный дедушка Оливера Эдвардса.

— Значит, вам приходилось слышать, что говорил мистер Джонс?

— И довольно часто, хотя и не на эту тему. Я достаточно хорошо знаю своего кузена, у него непременно оказывается собственная теория относительно всего на свете. Но интересно, как объясняет он то обстоятельство, что хижина Кожаного Чулка — единственный во всей округе дом, чьи двери не открываются гостеприимно для каждого, кому вздумается туда войти?

— Нет, об этом разговор не заходил, — ответила дочь священника. — Но я думаю, это лишь потому, что оба старых охотника бедны и хотят сберечь то небольшое, что имеют. Конечно, богатство тоже иногда бывает бременем, но, мисс Темпл, вы не можете себе представить, как тяжело быть бедным, очень бедным!

— Надеюсь, вы не себя имеете в виду, Луиза? Не может быть, чтобы в стране такого изобилия священник терпел нужду!

— Нет, конечно, нельзя сказать, что человек нищ, если он опирается на помощь нашего создателя, — ответила Луиза тихо и смиренно, — но бывают такие лишения, от которых разрывается сердце...

— Но не у вас же, дорогая Луиза? — пылко воскликнула Элизабет. — Неужели вам приходилось знать подлинную нужду?

— Ах, мисс Темпл, мне кажется, вы плохо знаете, что такое трудности жизни. Мой отец много лет был миссионером в только что заселившихся краях, где люди были очень бедны. Мы сами не раз сидели без хлеба. Нам не на что было купить себе еды, а милостыню просить мы стыдились, отец не хотел позорить свой духовный сан. И сколько раз приходилось ему покидать дом, оставляя в нем больных и голодных, которые с тоской глядели ему вслед, понимая, что от них уходит их единственный земной друг и утешитель! А

отец уезжал туда, куда призывал его долг священника, которым он не мог пренебречь, какие бы бедствия в это время ни обрушились на его собственную семью. Ах, как трудно утешать других, когда у тебя самого сердце терзается мукой!

— Но ведь все это уже позади! Я полагаю, теперь доходов вашего отца хватает на все ваши насущные потребности. Во всяком случае, так должно быть... непременно должно...

— Да, теперь нам хватает, — ответила Луиза, опустив голову на грудь, чтобы скрыть подступившие к глазам слезы. — Теперь хватает, потому что я единственная, кто остался от всей нашей семьи...

Разговор этот, принявший такой неожиданный оборот, заставил девушек забыть про все другое. Элизабет обняла подругу, а та рыдала, поддавшись на мгновение горю. Но вот Луиза подняла свое кроткое личико, и девушки, теперь уже молча, направились дальше.

К этому времени они добрались до вершины горы. Стало совсем жарко, и подруги, сойдя с дороги, углубились в лесную чащу, под сень величественных деревьев, где царила бодрящая прохлада, особенно приятная после трудного подъема под палящими лучами солнца. Теперь девушки, словно по обоюдному согласию, говорили лишь о том, что попадалось на пути, и каждое дерево, кустик и цветок вызывали их восхищение.

Так они продолжали идти вдоль обрыва, любясь мирными пейзажами Отсега и прислушиваясь к грохоту колес, стуку молотков и людским голосам, которые доносились из поселений в долине и сливались с голосами природы. Вдруг Элизабет вздрогнула.

— Вы слышите, Луиза? — воскликнула она в волнении. — Где-то на горе плачет младенец. Я не знала, что здесь поблизости есть жилье. Или, может быть, какой-нибудь ребенок заблудился, отстал от родителей?

— Да, это часто случается, — ответила Луиза. — Пойдемте на голос. Что, если и в самом деле кто-нибудь сбился с дороги, умирает от голода...

Подруги ускорили шаг, стремясь как можно скорее дойти туда, откуда раздавались негромкие печальные звуки.

Одаренной пылким воображением Элизабет уж не раз казалось, что она видит страдальца, как вдруг Луиза схватила ее за руку и, указывая на нечто позади себя, воскликнула:

— Взгляните на собаку!

Воин неотступно следовал за своей молодой хозяйкой с той минуты, как ее голос заставил его выбраться из конуры. Но почтенный возраст давно лишил пса его былой резвости, и, когда девушки останавливались полюбоваться видом или добавить цветок к букету, огромный мастиф тут же укладывался и, закрыв глаза, выжидал, когда надо будет снова подняться. Вялый, апатичный вид пса мало вязался с его ролью защитника. Но, когда Элизабет в ответ на возглас Луизы обернулась, она увидела, что собака, пригнув голову к земле, уставилась на что-то далеко впереди и шерсть у нее стоит дыбом, то ли от страха, то ли от ярости. Скорее всего, причиной тому была ярость, ибо Воин издавал низкое, глухое рычание и так оскаливал клыки, что напугал бы хозяйку, не зная она своего верного четвероногого друга.

— Успокойся, Воин, успокойся! Что ты там увидел, мой храбрец?

При звуках ее голоса ярость мастифа не только не утихла, но даже еще усилилась. Он подполз к девушкам и сел у ног хозяйки, рыча все громче и время от времени издавая злобный отрывистый лай.

— Что он заметил? Наверное, какого-нибудь зверя, — сказала мисс Темпл.

Она обернулась к Луизе — та стояла бледная как смерть и дрожащим пальцем указывала на сук дерева. Элизабет быстро глянула туда и увидела свирепую морду и горящие глаза пумы, готовящейся к прыжку.

— Бежим! — крикнула Элизабет, схватив Луизу за руку.

Но та вдруг пошатнулась и тут же упала без чувств. Элизабет была не из тех, кто покидает друга в минуту опасности. Она быстро опустилась на колени перед лежавшей без сознания Луизой и, пытаясь привести ее в чувство, разорвала ворот ее платья, сама в то же

время непрестанно подбадривая четвероногого защитника.

— Смелее, смелее, Воин! — кричала она, хотя голос ее начал дрожать. — Ну смелее же, смелее, мой верный Воин.

И тут внезапно на землю прыгнул доселе не замеченный ими детеныш пумы, уже довольно взрослый, — он сидел на ели, росшей как раз под буком, на котором находилась его мамаша. Этот несмышлениш, хотя вид у него был уже достаточно свирепый, ничуть не испугался; он подражал голосу и движениям своей родительницы, что странно сочеталось с его игривостью котенка. Поднявшись на задние лапы, он принялся сдирать передними когтями кору с дерева, как это делают кошки. Потом заиграл, хлеща себя хвостом, рыча и царапая когтями землю и всячески стараясь изобразить свирепую взрослую пуму.

Все это время Воин не двинулся с места, готовый броситься вперед, и, прижавшись к земле и слегка присев на задние лапы, следил глазами за малейшим движением пумы и ее детеныша. А тот с каждым игривым прыжком приближался к собаке. Рычание всех троих становилось все более грозным, и вот детеныш, прыгнув дальше, чем рассчитывал, очутился прямо перед мастифом. Раздались пронзительные вопли, шум борьбы, но уже в следующее мгновение все было кончено. Воин подкинул детеныша с такой силой, что тот взлетел в воздух и, ударившись о ствол дерева, упал замертво.

Элизабет следила за этой краткой борьбой, радуясь, что мастиф смог так живо расправиться со зверенышем, но тут пума прыгнула с дерева с высоты двадцати футов прямо на спину собаки. Никакие слова не могут описать того, что затем последовало. Сцепившись в клубок, на сухих листьях катались два оглушительно ревущих зверя. Мисс Темпл, стоя на коленях подле лежащей без чувств подруги, не отрывала глаз от сражавшихся врагов. Она смотрела и с ужасом и в то же время с напряженным вниманием, почти забыв, что от исхода борьбы зависит ее собственная участь. Прыжки обитательницы леса были так мощны и стремительны, что тело ее, казалось, все время было в воздухе. Собака мужественно встречала каждое нападение врага. Когда пуме удалось вцепиться в плечи мастифа, куда она все время целилась, старый Воин, весь изодранный когтями свирепой кошки, залитый собственной кровью из десятка ран, стряхивал с себя страшного противника, как перышко, и, встав на задние лапы и оскалив клыки, вновь неустрашимо кидался в бой. Однако почтенный возраст да и праздная жизнь последних лет подорвали силы благородного животного, не исчезла лишь былая отвага. Но вот разъяренная хищница сделала необычайно сильный прыжок и оказалась вне пределов досягаемости для мастифа. Тот делал отчаянные, но бесплодные попытки снова кинуться на нее. Наконец пуме удалось вскочить на своего престарелого врага, но она удержалась на нем лишь одно мгновение. Неимоверным напряжением всех своих сил собака вновь сбросила ее наземь. Но, когда Воин вонзил зубы в бок кошки, Элизабет увидела, что его медный ошейник, все время сверкавший, пока звери дрались, весь залит кровью, и она поняла, что ее четвероногий друг вот-вот падет на землю бездыханным. Пума несколько раз подряд пыталась вырваться из державших ее челюстей, но безуспешно. Внезапно мастиф опрокинулся на спину, тело его забилося в конвульсиях и тут же затихло. Бедному Воину пришел конец.

Теперь Элизабет была в полной власти страшной кошки. На мгновение глаза коленапреклоненной девушки встретились с глазами свирепого зверя. Говорят, что низшие твари иногда робеют под человеческим взглядом. Возможно, что именно поэтому пума не кинулась сразу. Она подошла к собаке и обнюхала павшего врага, затем обнюхала также и своего мертвого детеныша. Сверкая глазами, яростно хлеща себя по бокам хвостом, кошка выпустила из широких лап когти длиной в дюйм...

Мисс Темпл не могла шевельнуться. Она не сводила глаз с дикого зверя. Лицо ее покрылось смертельной бледностью, губы полураскрылись в немом ужасе.

Казалось, сейчас наступит роковая развязка. Тело прекрасной девушки покорно склонилось, ожидая неминуемого удара, как вдруг она смутно расслышала шорох листьев позади себя.

— Тсс! Осторожнее... — послышался шепот. — Наклонитесь ниже, из-за вашей шляпы

мне не видно ее головы.

Скорее повинуюсь инстинкту, чем сознавая, что она делает, наша героиня опустила голову низко на грудь. Щелкнул выстрел, прожужжала пуля, и раздались яростные вопли зверя, который покатился по земле, кусая самого себя, ломая ветви и сучья вокруг. В следующее мгновение из-за кустов выскочил Кожаный Чулок и кинулся к пуме, громко крича:

— Сюда, Гектор, сюда, старый дурень! Она еще может прыгнуть, кошки живучие твари!

Бесстрашно загородив собой девушек, Натти перезарядил ружье; раненая пума грозно рычала и отчаянно пыталась прыгнуть — к ней как будто возвращались сила и свирепость. Но вот Натти приставил ружейный ствол к голове кошки и этим выстрелом убил ее наповал.

Элизабет испытывала такое чувство, будто сама она только что воскресла из мертвых. В натуре нашей героини было меньше мужественно встречать опасность, и чем страшнее была опасность, тем больше девушка оказывала ей внутреннее сопротивление. Но все же Элизабет была лишь женщиной. Будь она одна в момент встречи с пумой, ее находчивый ум, вероятно, подсказал бы выход, она сумела бы как-нибудь спастись, но на земле лежала без чувств ее подруга, Элизабет не могла ее покинуть. И, как ни страшен был вид врага, Элизабет ни на секунду не оторвала от него взгляда, и долго еще после этого события она мысленно возвращалась к тому, что ей пришлось тогда пережить; даже во сне ее мучили жуткие воспоминания о каждом движении зверя.

Мы предоставим читателю самому вообразить, что последовало затем — как Натти принес в шапке воды из ближайшего ручья и привел в чувство Луизу и какими жаркими изъявлениями благодарности осыпали спасенные девушки старого охотника. Натти выслушал особо бурную благодарность Элизабет просто и добродушно, понимая волнение девушки, но явно не придавая значения своему поступку.

— Ну полноте, мисс Темпл, — говорил он. — Хорошо, хорошо, мы поговорим об этом в другой раз. А теперь пойдемте, я выведу вас на тропу. Вы столько натерпелись, что небось не чаете, как бы попасть домой.

Они шли медленно, приноравливая свой шаг к шагу ослабевшей после обморока Луизы. Выйдя на дорогу, девушки распрощались со своим спасителем, заверив его, что теперь смогут идти одни: их приободрил вид поселка, лежавшего в долине перед ними, как на картинке: впереди — озеро, в конце долины — извивающаяся лента реки и над крышами домов — сотни выбеленных кирпичных труб.

Читателю незачем объяснять, он и сам поймет мысли и чувства молодых девушек, только что избежавших смерти от когтей и зубов хищного зверя, поймет, какой горячей благодарностью провидению, не покинувшему их в момент опасности, были преисполнены их сердца, представит себе, сколько раз за то время, пока они спускались с горы, кидались они в объятия друг друга, когда вдруг вспоминали только что пережитое, и их снова и снова охватывало блаженное сознание того, что они спасены.

Кожаный Чулок стоял на горе и смотрел вслед их удалявшимся фигурам, пока те вовсе не скрылись за поворотом дороги. Тут он позвал собак, вскинул ружье на плечо и снова углубился в лес.

— Да, бедняжки натерпелись страху, — рассуждал он сам с собой. — Такое кого хочешь напугает. Подумать только: встретиться в лесу с пумой, да еще у которой убили детеныша! Не знаю, может, надо было сразу целить злодейке в глаз, а не в лоб. Но кошки твари живучие, да и выстрел был не так уж плох, ведь я не видел ничего, кроме ее головы да кончика хвоста... Эй, кто там идет?

— Как поживаешь, Натти? — проговорил мистер Хайрем Дулитл, поспешно выходя из кустов при виде направленного прямо на него ружейного дула. — Как, ты охотишься в этот жаркий день? Смотри, старик, как бы закон не добрался до тебя!

— Закон? Да я вот уже сорок лет не ссорюсь с законом, ибо что мне за дело до закона, мне, старому охотнику, живущему в глуши?

— Может, твои грехи перед законом и невелики, но признайся, ты все-таки иной раз подстреливаешь оленя. Надеюсь, тебе известно, Кожаный Чулок, что на того, кто вздумает подстрелить оленя между январем и августом, налагается штраф в пять фунтов стерлингов, или двенадцать долларов пятьдесят центов. Судья на этот счет строг.

— Вполне могу поверить, готов поверить чему угодно о человеке, который творит здесь такие дела.

— Повторяю, за оленя, убитого в неохотничий сезон, штраф в пять фунтов, и судья неуклонно его взимает. Но что это, мне показалось, твои собаки нынче утром лаяли так, будто шли по следу. Смотри, Натти, как бы они не навлекли на тебя беды!

— Мои собаки знают, как им себя вести, — ответил охотник беспечно. — А сколько получает доносчик?

— Доносчик?.. Сколько получает доносчик?.. — забежал глазами магистрат под прямым и честным взглядом старого охотника. — Я... кажется, он получает половину — да, правильно, половину. Но у тебя на рукаве кровь. Уж не охотился ли ты утром?

— А как же! — сказал Натти и многозначительно покачал головой. — Добыча у меня отличная!

— Вот что! — воскликнул магистрат. — А где же она? Уж наверное, она была неплохая, твои собаки не стали бы гнаться за чем попало.

— Мои собаки пойдут по любому следу, какой я им укажу, — сказал Натти со смехом. — Они и на вас, сквайр, кинутся, стоит мне им приказать. Эй, сюда, Гектор, сюда, ко мне, мои собачки, ко мне!

— Знаю, знаю, собаки у тебя превосходные, — ответил мистер Дулитл и прибавил шагу, стараясь поднимать ноги как можно выше; собаки уже примчались на зов хозяина и теперь обнюхивали почтенного магистрата. — Так где же твоя добыча, Кожаный Чулок?

Собеседники шли довольно быстро, но вдруг Натти остановился и указал ружьем на густые заросли кустов.

— Вон она лежит, моя добыча, — сказал он. — Ну, как она вам нравится?

— Подожди-ка... Да ведь это собака судьи Темпла! — воскликнул Хайрем. — Ох, Кожаный Чулок, не наживи себе в судье врага! Надеюсь, это не ты убил пса?

— А вы взгляните на горло собаки, мистер Дулитл, — сказал Натти и, вытащив из-за пояса нож, привычным, ловким движением вытер его о свою куртку из оленьей кожи. — Ну, как полагаете, мог я это сделать ножом?

— Горло все разорвано, рана ужасная, но она нанесена не ножом. Так кто же это сделал?

— Пумы, сквайр. Они позади вас, можете поглядеть.

— Пумы? — отозвался, словно эхо, мистер Дулитл и повернулся на каблуках так стремительно, что ему позавидовал бы любой учитель танцев.

— Успокойтесь, сквайр. Их здесь, правда, две штуки, но одну прикончил пес, а с другой разделался я сам. Так что не пугайтесь, они вас не тронут.

— Но где же олень, почему я его не вижу? — спросил Хайрем, удивленно озираясь вокруг.

— Какой еще там олень?

— А тот, которого ты убил сегодня утром.

— Я убил оленя? Ну кто же сейчас станет бить оленей? Ведь это не дозволено законом, — сказал старый охотник. — А вот пум убивать — это, я полагаю, не запрещается?

— За убитую пуму выдают награду, денежную премию. Но... но разве твои собаки охотятся и на пум?

— Я же только что говорил — на кого угодно. И на человека тоже. Эй, сюда, мои собачки, сюда!

— Да-да, я помню, помню... Странные у тебя псы, Натти, очень странные. Я просто поражен.

Натти сидел на земле, положив к себе на колени голову недавнего своего свирепого

врага: ловко действуя ножом, он быстро снял с пумы скальп.

— Что же вас так поразило, сквайр? — обратился он к мистеру Дулитлу. — Или вам не доводилось видеть скальпа дикой кошки? Вот что: вы ведь магистрат, мистер Дулитл, значит, вам и придется выписать мне бумагу на получение награды.

— Награды? — повторил за ним Хайрем и кончиками пальцев дотронулся до скальпа пумы, словно не зная, как поступить дальше. — Сперва зайдём к тебе в хижину, Натти, там ты присягнешь, а я выпишу тебе бумагу. Надеюсь, Библия у тебя имеется? Для присяги нужны лишь Библия и молитвенник.

— У меня книг не водится, — сухо ответил Натти. — И такой Библии, какая требуется по закону, у меня нет.

— Да ведь существует всего одна Библия для всех, в том числе и для закона, — возразил магистрат. — И твоя вполне годится. Пойдем же, оставь кошек здесь, они ведь не нужны. Пойдем, Натти! Ты поклянешься на Библии, и тогда я...

— Не спеши, сквайр, — остановил его охотник, неторопливо поднимая скальпы убитых пум и вскидывая ружье на плечо. — Зачем мне присягать, когда вы своими глазами видели убитых кошек? Или вы не верите собственным глазам, вам надо, чтобы человек еще поклялся на Библии? Вы же видели, я только что при вас скальпировал пум. А если уж непременно требуется, чтобы я принес присягу, так я сделаю это перед судьей Темплом. Послушай, Кожаный Чулок, у нас нет при себе ни пера, ни чернил. Все равно придется зайти за ними к тебе в дом, иначе как же я смогу выписать тебе бумагу?

Натти посмотрел на плута магистрата и рассмеялся.

— Откуда у меня перья и чернила? Да и на что они мне? Я ведь ни читать, ни писать не умею. Нет, мы вот как сделаем: я понесу скальпы в поселок, и там вы мне напишите все, что полагается. Черт возьми, как затянулся ремень на шее у Гектора, еще, чего доброго, задушит пса. Нет ли у вас при себе острого ножа, сквайр?

Хайрем, горя желанием поладить со старым охотником, не колеблясь, протянул ему свой нож. Натти перерезал ремень, затянувшийся на шее Гектора, и, возвращая нож владельцу, сказал как бы невзначай:

— Сталь хорошая. Сдается мне, ей уже приходилось перерезать ремни вроде этого.

— Уж не хочешь ли ты обвинить меня в том, будто я спустил с привязи твоих собак? — испуганно воскликнул Хайрем, забыв про всякую осторожность.

— Да что вы, сквайр! Я всегда сам спускаю их с привязи, когда ухожу из дому.

Изумление на физиономии магистрата, которое тот не сумел скрыть, выдало его с головой, но Натти и не нуждался в подтверждении своих догадок. Однако благодущие и спокойствие старика исчезло, уступив место негодованию.

— Послушайте-ка, мистер Дулитл, — проговорил он и сильно стукнул прикладом ружья о землю, — не знаю, что интересного может быть в хижине бедняка, почему вам так не терпится в нее проникнуть. Слушайте, я говорю вам прямо: с моего дозволения вам во веки веков не переступить порога моего дома, а если вы будете рыскать вокруг да около и вынюхивать, как сегодня, я вас так угощу, что не обрадуетесь.

— Ты, Бампо, тоже помани мои слова, — крикнул Хайрем, в то же время поспешно ретируясь. — Мне известно, что ты нарушил закон, и я, как магистрат, заставлю тебя за это поплатиться, и не позже чем сегодня.

— Не больно-то я испугался ваших угроз и вашего закона! — сказал Натти, щелкнув пальцами перед самым носом блюстителя порядка. — Проваливай-ка отсюда, бездельник, не то я воздам тебе по заслугам. Коли я еще раз увижу подле моего дома твою богомерзкую физиономию, пристрелю, как сову, так и знай!

Справедливое негодование всегда таит в себе силу, заставляющую повиноваться, и Хайрем тут же скрылся, почтя благоразумным не доводить гнев охотника до крайности.

Когда Хайрем скрылся из виду, Натти пошел к хижине. Там было все тихо, как в могиле. Он привязал собак и постучал в дверь хижины. Эдвардс открыл ему, и Натти тут же спросил юношу:

— Все ли благополучно, мальчик?
— Да, Натти. Кто-то пытался отпереть замок, но не справился с ним.
— Я знаю, кто был этот мошенник. Но я его хорошо припугнул, теперь он на выстрел не подойдет сюда.

Остальное Кожаный Чулок договорил уже войдя в дом и закрыв за собой дверь.

Глава 29

Ходят слухи, что у него тьма сокровищ.

Шекспир, «Тимон Афинский»

Когда Мармадюк вместе с кузеном выехал за ворота своей усадьбы, он не был расположен сразу начать деловой разговор: сердце отца было еще слишком преисполнено нежных родительских чувств. Ричард, со своей стороны, тоже молчал, полагая, очевидно, что важность предстоящего дела не допускает обычной непринужденной болтовни, а требует более серьезной, официальной беседы. И потому первую милю всадники, энергично продвигаясь вперед, ехали, не проронив ни слова. Но постепенно мягкость и задумчивость исчезли с лица судьи, и оно приняло всегдашнее свое выражение благожелательности и добродушного юмора.

— Ну, Дик, — начал он, — я во всем поступил, как тебе того хотелось, безоговорочно тебя послушался и ни о чем не расспрашивал. Теперь, мне кажется, пришло время, когда я вправе требовать объяснений. Куда и зачем мы едем и к чему вся эта торжественность?

Шериф хмыкнул весьма громогласно, на весь лес, и, глядя прямо перед собой, как человек, проникающий взглядом сквозь завесу будущего, ответил:

— Между нами, судья, всегда — могу даже сказать, с самого нашего рождения — существовало одно различие. Не то чтобы я хотел обвинять тебя в том, в чем повинна лишь природа, ибо нельзя человеку вменить в вину его недостатки, как нельзя воздавать ему хвалу за прирожденные его достоинства. Мы ровесники, разница в нашем возрасте всего два дня, но в одном мы сильно расходимся.

— Право, Ричард, никак не возьму в толк, что ты имеешь в виду. Сказать по правде, мы с тобой так не похожи во всем, и у нас так часто...

— Наши маленькие несходства всего лишь следствия одной, но основной разницы, — прервал его шериф. — Дело касается наших взглядов на многостороннюю талантливость гения.

— Что такое, Дик? О чем ты?

— Мне кажется, я изъясняюсь достаточно вразумительно, на вполне правильном английском языке. Во всяком случае, мой отец, учивший меня, умел говорить...

— ...по-гречески и по-латыни. Да, да, я помню, Дик, — остановил его судья. — Мне хорошо известно, как велики были лингвистические познания в вашем роду. Но не будем отклоняться от темы. Объясни, ради чего едем мы сегодня в горы?

— Всякая тема, сэр, требует обстоятельного изложения. Так вот, судья Темпл, ты полагаешь, что человек может делать по-настоящему хорошо лишь что-нибудь одно, согласно своим природным данным и полученному образованию, а я убежден, что гениальность заменит какую хочешь ученость и что есть люди, которые способны делать что угодно, им все под силу.

— Как, например, ты, — сказал Мармадюк, улыбнувшись.

— Я не терплю, сэр, когда переходят на личности. Я не о себе говорю. Но в вашем «патенте» имеются трое мужчин, которых природа одарила так, что они способны на что угодно, хотя жизненные обстоятельства у всех троих разные.

— Очевидно, мы богаче гениями, чем я предполагал. Кто же этот триумвират?

— Один их них Хайрем Дулитл. По ремеслу своему он плотник, как это тебе известно,

и стоит лишь взглянуть на поселок, чтобы убедиться, каковы способности этого человека. Вдобавок он мировой судья и в этой своей должности может посрамить любого, получившего специальное для этого образование.

— Отлично. Итак, это наш первый гений, — сказал Мармадьук миролюбиво, показывая, что не собирается оспаривать этого заявления. — Но кто же второй?

— Джотем Ридл.

— Кто?!

— Джотем Ридл.

— Как! Этот вечно брюзжащий, никчемный прожектер, который каждые три года переезжает в другой штат, каждые полгода меняет ферму, и каждый сезон принимается за новое занятие: вчера он земледелец, сегодня сапожник, а завтра школьный учитель! Это воплощение всех типичных недостатков переселенца, без единого из его хороших качеств, уравнивающих дурные. Нет, Ричард, твой второй гений не годится даже для того, чтобы... Ну хорошо, а кто третий?

— А третий не привык слушать подобные комплименты по своему адресу, судья Темпл, и потому я называть его не стану.

— Из всего сказанного тобой, Дик, я заключаю, что это трио, к которому принадлежишь и ты и которое ты возглавляешь, совершило какое-то очень важное открытие.

— Я и словом не обмолвился, что третий — это я. Я же сказал, что не люблю касаться личностей. Но ты угадал: действительно сделано открытие, и оно непосредственно и глубоко затрагивает твои интересы.

— Продолжай, Ричард, я весь обратился в слух.

— Нет, нет, Дьюк, хоть в тебе и не бог весть как много путного, надеюсь все же, что в тебе найдется и еще кое-что, кроме слуха.

И шериф во все горло расхохотался от своей шутки, сразу пришел в хорошее расположение духа и принялся излагать своему терпеливому кузену суть дела.

— Ты знаешь, Дьюк, — начал он, — что на твоей земле живет человек по имени Натти Бампо. Он прожил здесь, насколько мне известно, более сорока лет. Долгое время он был совершенно один, но теперь обзавелся двумя странными товарищами.

— Часть того, что ты говоришь, верно, остальное вполне правдоподобно.

— Не часть, а все верно, сэр, решительно все. Так вот: приятели Натти, появившиеся здесь за последние несколько месяцев, — старый индейский вождь, последний или один из последних представителей своего племени в здешних краях, и молодой человек, по слухам — сын правительственного агента, жившего среди индейцев и женившегося на индианке.

— От кого же исходят подобные слухи? Кто это говорит? — воскликнул Мармадьук, впервые выказав подлинный интерес к словам шерифа.

— Кто говорит? Здравый смысл, вот кто! Все так полагают, это общее мнение. Но выслушай до конца. Молодой человек обладает многими талантами — да, да, весьма многими, — и к тому же прекрасно образован, бывал в приличном обществе, умеет себя вести, когда того пожелает. Ну-ка, судья Темпл, скажи мне теперь, что могло свести вместе троих таких людей, как индеец Джон, Натти Бампо и Оливер Эдвардс?

Мармадьук с явным удивлением взглянул на кузена и быстро ответил:

— Ты случайно коснулся вопроса, Ричард, который давно уже занимает мои мысли. Но тебе и в самом деле известно что-либо определенное или все это лишь домыслы, и...

— Не домыслы, а факты, упрямые факты. Ты ведь знаешь, что в этих горах есть копи. Ты говорил, что веришь в их существование, я сам слышал.

— Я только высказывал предположение, основываясь на логике, отнюдь не на фактах.

— Ты слышал разговоры о копиях, ты видел куски руды, добытой из них, — этого ты не станешь отрицать? И почему бы нам не опираться на логику? В самом деле, если есть копи в Южной Америке, почему бы им не быть и в Северной?

— Нет, я ничего не отрицаю. До меня действительно доходили слухи, что в здешних краях есть копи. И, насколько мне помнится, кто-то показывал мне куски ценных металлов,

якобы найденных в этих горах. Меня нисколько не удивит, если олово, или серебро, или хороший каменный уголь, что, кстати сказать, я считаю наиболее ценным...

— К черту уголь! — завопил шериф. — Кому нужен уголь здесь, в лесах? Нет, Дьюк, нам нужно только серебро, и вот серебро-то и надо нам найти. Выслушай меня. Мне незачем тебе объяснять, ты сам знаешь, что туземцы издавна знают цену серебра и золота. Так кому же, как не им, исконным жителям края, должно быть известно, где находятся залежи драгоценных металлов? Я не сомневаюсь, что и могиканину и Кожаному Чулку уже много лет известно о существовании копей в этой самой горе.

Шериф задел чувствительную струнку судьи. Теперь Мармадьук приготовился слушать уже внимательнее все, что говорил ему кузен, а тот выждал, чтобы проверить, какое впечатление произвел его рассказ, и затем сказал:

— Будь спокоен, у меня есть доказательства, и в свое время я тебе их изложу.

— Зачем же откладывать? Говори сейчас.

— Ну хорошо. Так слушай же внимательно, Дьюк, — Ричард осторожно огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что никто не спрятался за деревьями и не подслушивает их, хотя во время разговора кони шли не останавливаясь. — Я видел своими глазами — а глаза-то у меня, слава богу, зоркие, — как оба старика, держа в руках лопаты и кирки, поднимались в гору, а потом спускались с нее. А люди видели, как они внесли что-то к себе в хижину, в ночной темноте, тайно от всех. Ну что, согласен ты, можно это назвать важным доказательством?

Судья молча хмурил лоб, как делал всегда, когда его что-либо особенно сильно интересовало. Затем он поднял глаза на кузена, ожидая услышать продолжение рассказа.

— Это была руда, в том нет сомнения, — продолжал Ричард. — И позволь мне спросить: можешь ты с уверенностью сказать, кто этот Оливер Эдвардс, который с рождества стал чуть ли не членом твоего семейства?

Мармадьук снова взглянул на Ричарда, но не промолвил ни слова и только отрицательно покачал головой.

— Конечно, Оливер метис, ведь могиканин не стесняется открыто называть себя его родственником. И что образование паренек получил хорошее, это нам тоже известно. Но вот что касается цели его приезда сюда... Ты помнишь, что за месяц до того, как он появился здесь, Натти на несколько дней куда-то отлучался? Конечно, ты не мог этого забыть, ты сам о нем спрашивал: ты тогда хотел захватить с собой оленины в подарок друзьям, когда уезжал за Бесс. И мы нигде не могли разыскать Натти Бампо. В хижине оставался лишь старый индеец Джон. А когда Натти вернулся, то люди видели — хотя дело было ночью, — что он везет санки, в каких перевозят зерно с мельницы. Потом он с чрезвычайной осторожностью снял что-то, лежавшее в санках, и это «что-то» было покрыто медвежьей шкурой. Теперь позволь мне спросить тебя, судья, что могло заставить такого человека, как Кожаный Чулок, склотить санки и тащить их с грузом через горы и чем мог он их нагрузить, когда все его хозяйство — это ружье да охотничье снаряжение?

— В таких санках здешние охотники везут домой убитую дичь. Ты сам сказал, что Натти уходил из дому на несколько дней, значит, долго охотился, и...

— Как он мог охотиться, если ружье его оставалось в поселке, он отдавал его чинить? Нет, он уезжал куда-то, и нет сомнения, что оттуда он привез с собой какие-то загадочные орудия. И еще более несомненно то, что именно с тех пор он никому не дает и близко подойти к своему дому.

— Натти всегда недолюбливал непрошенных гостей.

— Верно, — согласился Ричард. — Но разве прежде он когда-нибудь гнал их так злобно? Через две недели после его возвращения появляется мистер Эдвардс, и они все дни проводят в горах, будто бы охотятся, а на самом-то деле разыскивают залежи металлов. Но зимой, во время морозов, почву копать трудно, и молодой человек, воспользовавшись удобным случаем, проникает в хороший богатый дом. Но даже и после этого половину своего времени он проводит в хижине Натти — да, да, целые вечера он там. Они плавят руду,

Дьюк, вот что они там делают. Плавят руду и богатеют за твой счет, то есть обкрадывают тебя — копи-то ведь на твоей земле!

— Но что из всего этого ты видел сам, своими глазами, Ричард, и что рассказали тебе люди? Я бы хотел отсеять мякину от зерна.

— Кое-что я видел сам. Вот, например, санки, хотя через день или два они были сломаны и их сожгли. И я видел также, как старый Натти нес кирки и лопаты. А Хайрем встретил их в горах с санками в ту ночь, когда возвратился Натти, и Хайрем от всей души — доброта Хайрема известна каждому — предложил помочь снять с санок часть поклажи, он видел, что старику трудно тянуть санки, но тот и слышать об этом не захотел и ответил так грубо, так дерзко, что сквайр Дулитл хотел было даже подать на него за то жалобу в суд. С тех пор как сошел снег и мерзлая земля оттаяла, мы не спускаем глаз с этого подозрительного джентльмена, Натти Бампо, и тут Джотем оказался нам очень полезным.

Мармадьюку не слишком нравились друзья-приятели Ричарда, но он знал также, что им нельзя отказать в хитрости и сообразительности. Кроме того, было и в самом деле много загадочного не только в дружбе Эдвардса со старыми охотниками, но и во всем остальном, о чем рассказал сейчас шериф. Мармадьюк серьезно задумался. Он вспомнил ряд обстоятельств, как будто подтверждающих высказанные Ричардом подозрения, и так как дело касалось как раз того, что особенно занимало судью, он еще охотнее готов был верить Ричарду. Мистеру Темплу так много приходилось обдумывать планы улучшений на принадлежащей ему земле, которые предстояло осуществить последующим поколениям, что ум его, от природы пытливый, приобрел особую способность заглядывать в отдаленное будущее. Там, где другие видели лишь дикий нецивилизованный край, перед мысленным взором судьи возникали города, фабрики, мосты, рудники, хотя здравый смысл и удерживал его от того, чтобы поверять эти мечты кому бы то ни было.

Шериф молчал, предоставляя кузену возможность обдумать услышанное, а судье с каждым мгновением казалось все более вероятным, что в той цепи фактов и обстоятельств, которая привела Эдвардса к хижине Кожаного Чулка, корысть могла быть главным звеном. Однако он привык всегда рассматривать обе стороны дела и не мог не заметить тут некоторых противоречий.

— Нет, трудно поверить, что все это правда. Почему же, в таком случае, юноша живет почти в бедности? — рассуждал он вслух.

— А что, как не бедность, заставляет человека искать денег? — возразил шериф.

— Кроме того, в Оливере есть благородство, возвышенность мыслей, которые дало ему образование, и он не способен на такие коварные поступки.

— А разве смог бы плавить руду человек необразованный?

— Бесс намекала мне, что у юноши, когда он попал к нам в дом, в кармане не было и шиллинга.

— Он все истратил, накопил разных орудий. Да разве стал бы он рисковать последним своим шестипенсовиком, когда шло состязание по стрельбе в индюшку, если бы не был уверен, что есть место, откуда он сможет достать еще денег, когда понадобится?

— Неужели я такой глупец, что до сих пор ничего не понимал? Да, порой он держался со мной заносчиво, но я приписывал это тому, что юноша чувствует себя обиженным судьбою и не очень хорошо знаком со светскими приличиями.

— Ты, Дьюк, всю свою жизнь был простофилей. Скажешь, нет? «Недостаточно знаком со светскими приличиями»! Да это просто хитрость, тонкая хитрость. Он хотел скрыть, кто он такой на самом деле.

— Если у него были намерения обмануть меня, он бы выдал себя за человека необразованного, невежественного.

— Этого сделать он не мог. Вот я, например, — мне не удалось бы выдать себя за глупца, точно так же, как, скажем, научиться летать. Знаний скрыть нельзя, шила в мешке не утаишь.

— Послушай, Ричард, — сказал судья, обращившись к кузену, — на все твои домыслы

найдется много возражений, но ты вызвал у меня сомнения, которые следует разрешить. Прежде всего объясни цель нашей сегодняшней поездки.

— Джотем последнее время очень много бывал в горах — это поручение дали ему мы, я и Хайрем, — и обнаружил нечто, о чем пока не хочет говорить, ибо связан клятвой. Но мне известно, что дело касается залежей серебряной руды. Джотем разузнал, где эти залежи, и с нынешнего дня начнет копать, добывать руду. Мне не хотелось давать на то согласие без твоего ведома, Дьюк, ведь земля принадлежит тебе. Ну, теперь ты знаешь, куда и зачем мы едем. Мы расстроим планы этих мошенников — составим свой контрплан, а?

— И где же эти пресловутые серебряные копи? — спросил судья полунасмешливо-полусерьезно.

— Совсем близко, рукой подать. А потом я покажу тебе еще одно место, мы заприметили его на днях: там-то и подвизаются наши охотники вот уже целых полгода!

Всадники продолжали беседу, не оставляя занимавшей их темы, а лошади тем временем, пробираясь под низко растущими сучьями деревьев, осторожно шагали по неровной, гористой местности. Вскоре цель поездки была достигнута, и кузены тут же увидели Джотема: уйдя чуть ли не с головой в им самим вырытую яму, он усердно орудовал лопатой.

Мармадьюк подробно расспросил его, желая выяснить, почему, собственно, Джотем так уверен, что именно здесь находятся залежи драгоценного металла, но Джотем напустил на себя таинственность, отвечал весьма туманно и упрямо твердил, что у него есть на то самые веские основания. А затем так деловито осведомился у судьи, какая часть барышей в случае успеха предприятия достанется ему, что в искренности его невозможно было усомниться. Пробыв здесь около часа, обследовав камни и поискав обычные признаки близости месторождения руды, судья снова сел на коня и позволил Ричарду показать ему теперь, где же ведет раскопки загадочное трио.

Джотем рыл сбоку той скалы, что нависала над хижиной Кожаного Чулка, а место, якобы облюбованное Натти и его товарищами, находилось на противоположной стороне этой же скалы, над дорогой, и, разумеется, совсем не там, где гуляли в это время молодые девушки.

— Сейчас мы можем подойти туда без всякой опаски, — сказал Ричард, когда оба они слезли с коней и привязали их к деревьям. — Перед тем как выехать, я глянул в мой полевой бинокль и увидел, что индеец Джон и Кожаный Чулок рыбачат в своей пироге и Оливер занят тем же самым! Но, может быть, все это они проделывают лишь для отвода глаз? Нам надо действовать попроворнее: не очень-то будет приятно, если они нас здесь застанут.

— Я у себя, на своей земле, — решительно заявил Мармадьюк. — Если все обстоит действительно так, как ты говоришь, я потребую у них объяснений, по какому праву они вздумали добывать здесь руду.

— Тсс! — прошептал Ричард, приложив к губам палец, и двинулся вперед.

Сразу же начался очень трудный спуск в какую-то выемку прямо в скале, скорее всего созданную самой природой и по форме несколько напоминающую камин. Перед выемкой, вернее, пещерой лежала куча земли, по-видимому из нее выкопанной и еще довольно свежей. Осмотрев пещеру, судья усомнился, действительно ли каприз природы придал ей такую форму или же то дело рук человеческих, трудившихся здесь когда-то, в очень отдаленные времена. Одно лишь не вызывало сомнений: внутри там копали недавно, еще видны были следы кирки, там, где мягкий, цвета свинца камень не легко поддавался усилиям рудокопов. В ширину пещера была футов двадцать, в глубину почти вдвое больше. Высота ее была значительно больше того, чем это требуется при подобных работах, но такой, по всей вероятности, создала ее природа. Прямо перед выемкой имелась небольшая площадка, отчасти природная, а отчасти образовавшаяся благодаря слою небрежно выброшенной из выемки земли. От края площадки гора обрывалась совершенно отвесно, уходя далеко вниз, и добраться до пещеры можно было только с боков, пройдя под уступом скалы, что было и трудно и довольно опасно. В общем, работа велась весьма примитивным способом и была,

как видно, не закончена: заглянув в кусты, шериф даже обнаружил орудия земляных работ.

Когда, по мнению шерифа, Мармадюк достаточно внимательно осмотрел все, что следовало, он торжественно его спросил:

— Ну, ты убедился, судья Темпл?

— Да, вполне — в том, что во всей этой истории и в самом деле есть что-то непонятное, загадочное. Место это — тайник, и очень хорошо устроенный. Но признаков того, что здесь имеется руда, я не вижу.

— Ты что ж, полагаешь, что золото и серебро лежат прямо сверху на земле, как камешки? Как новенькие доллары, готовые к твоим услугам? Нет, сэр, сокровища так не валяются. Чтобы ими завладеть, надо немало потрудиться. Но пусть эти мошенники хитрят сколько душе угодно, мы их перехитрим.

Судья тщательно осмотрел место и занес в свою записную книжку все приметы, по которым он мог бы найти его вновь уже один, без Ричарда, после чего кузены снова сели на коней.

Выбравшись на дорогу, они разъехались каждый по своим делам: шериф — чтобы созвать двадцать четыре человека присяжных, «честных и надежных», для предстоящего в ближайший понедельник судебного разбирательства, а Мармадюк направился к дому, погруженный в размышления о том, что увидел и услышал в течение утра.

Когда судья добрался до того места, откуда дорога начинала спускаться в долину, он на мгновение остановил взгляд на той же картине, что всего десять минут назад показалась такой отрадной Элизабет и Луизе, только что выбравшимся из леса.

Но судья глядел на эту картину, не видя ее. Он бросил поводья, предоставив уверенно ступавшему коню самому выбирать дорогу.

«Да, быть может, Ричард прав, — думал он. — Я позволил своим чувствам взять верх над разумом, когда ввел к себе в дом совершенно незнакомого человека. Но здесь, в наших краях, привыкли относиться к людям с доверием. Я вызову Кожаного Чулка, спрошу его и узнаю правду».

И тут судья заметил, что впереди него спускаются с горы его дочь и Луиза Грант. Он пришпорил коня, нагнал девушек, соскочил на землю и повел коня на поводу по узкой тропе.

Пока отец с глубоким волнением выслушал рассказ Элизабет о происшедшей в лесу страшной драме, которую ей и ее подруге только что пришлось пережить, все мысли о рудниках, законных правах собственника земли и расследованиях совершенно вылетели у него из головы. И, когда образ Натти вдруг снова мелькнул перед судьей, он подумал о старом охотнике уже не как о нарушителе закона, но как о спасителе своей дочери.

Глава 30

Так повелел закон, так суд решил.

Шекспир, «Венецианский купец»

Взвесив все преимущества жизни в доме судьи Темпла, почтенная Добродетель почла за благо забыть рану, нанесенную ее гордости, и продолжала выполнять свои прежние обязанности. Именно ее и отправили с Луизой в скромное жилище, громко именуемое Ричардом «резиденцией священника», и девушка, ослабевшая от пережитых страхов, была передана попечению отца.

Мармадюк с дочерью больше часа просидели вдвоем, запершись в комнате, и мы, не желая вторгаться в святая святых отцовской и дочерней любви, не будем излагать здесь их беседу. В момент, когда занавес снова открывается перед нашим читателем, судья шагает по комнате, во взгляде его грусть и нежность, а дочь сидит, откинувшись на диване, щеки у нее пылают, в темных глазах стоят слезы.

— Да, помощь подоспела вовремя, дитя мое, — проговорил судья. — Так, значит, моя

мужественная Бесс не покинула подругу в беде?

— Надеюсь, меня нельзя упрекнуть в предательстве, — ответила Элизабет, — хотя, сказать по правде, бегство едва ли могло спасти меня, даже если бы я на это решилась. Впрочем, у меня и мысли такой не было.

— О чем же были твои мысли в те страшные минуты, моя дорогая?

— О звере, только о нем! — воскликнула Элизабет, закрывая лицо руками. — Я ничего не видела, ни о чем не помышляла, кроме как о свирепой пуме, которая все время была у меня перед глазами.

— Но, благодарение богу, ты осталась цела и невредима, дорогая, и не будем больше возвращаться к страшным событиям. Я никак не предполагал, что в наших лесах еще водятся такие звери. Значит, все же случается, что, понуждаемые голодом, они приходят издалека, и...

Громкий стук в дверь не дал ему договорить. Судья крикнул, приглашая войти, дверь отворилась, и на пороге появился Бенджамен. Вид у него был довольно хмурый, как видно, он и сам понимал, что сообщение его будет не ко времени.

— Там внизу сквайр Дулитл, сэр, — начал дворецкий. — Он уже давненько курсирует у входа, будто насчет какого-то там стекла, но на уме у него, видать, другое, и он так и рвется сюда, чтобы все это вам выложить. Я ему объяснил, что сейчас не время ему пришвартовываться, — судья, можно сказать, вырвал дочь прямо из пасти льва! Отчаливай, говорю я ему! Но вам, сэр, ведомо, как назойлив и пронырлив этот красавчик, черт бы его побрал! Я не пускаю, а он знай себе берет курс на дверь. Ну, тут я вижу, делать нечего, и пошел доложить о нем вашей чести.

— Вероятно, его привело ко мне неотложное дело, что-нибудь касательно предстоящего судебного заседания; оно ведь уже не за горами.

— Во-во, сэр, попали в самую точку! Сквайр надумал подать жалобу на Кожаного Чулка. А мне сдается, что из них двоих порядочным можно назвать как раз старого Натти Бампо. Хороший старик и острогой орудует так, будто с ней в руке и родился.

— Жалобу на Кожаного Чулка? — воскликнула Элизабет, приподнявшись на диване.

— Успокойся, дитя мое. Какие-нибудь пустяки, уверяю тебя. Кажется, я догадываюсь, в чем дело. Поверь мне, Бесс, я не дам в обиду твоего спасителя. Впусти мистера Дулитла, Бенджамен.

Заверения отца успокоили мисс Темпл, но она так и впилась взглядом в деревенского архитектора, который, не замедлив воспользоваться разрешением войти, в тот же миг появился в дверях.

Едва Хайрем вошел в комнату, все его нетерпение тотчас испарилось. Поздоровавшись с судьей и его дочерью, он уселся на указанный ему хозяином стул и с минуту сидел, не спеша приглаживая свои прямые черные волосы и напустив на себя чрезвычайно важный вид, как того, по его мнению, требовала занимаемая им должность. Наконец он изрек:

— Правда ли то, что я слышал, будто на мисс Темпл напали в горах пумы и она чудом избежала смертельной опасности?

Мармадьок лишь слегка наклонил голову в знак того, что это верно, но продолжал молчать.

— Ведь за скальпы пум полагается денежная премия, — продолжал Хайрем. — Кожаный Чулок неплохо заработал.

— Я позабочусь о том, чтобы он был вознагражден, — ответил судья.

— Да-да, разумеется. Никто не сомневается в щедрости судьи. А что, не знает ли судья, как решил шериф: будем сооружать внизу под кафедрой аналой или скамью диаконов?

— Последнее время он со мной об этом не заговаривал.

— Гм!.. Гм!.. Нам предстоит довольно скучное судебное заседание. Кажется, Джотем Ридл и тот человек, что купил у него вырубку, хотят решать свои разногласия третейским судом, так что дел разбираться будет немного, не больше двух.

— Рад слышать это, — ответил судья. — Меня искренне огорчает, когда жители

нашего поселка тратят время и средства на пустое сутяжничество. Надеюсь, Джотем действительно не станет доводить дело до судебного разбирательства.

— Нет, нет, он ограничится третейским судом, — сказал Хайрем и добавил неуверенным тоном, хотя судья отлично видел, что это лишь притворство:

— Джотем, кажется, хочет, чтобы одним из судей был я, а подзащитный просит, чтобы вторым судьей был капитан Холлистер. Ну, а мы с Холлистером сошлись на том, что третьим судьей будет сквайр Джонс.

— Есть ли преступники, которых надлежит предать суду?

— А вот те фальшивомонетчики, которых поймали с поличным. Они уже арестованы, остается только вынести им приговор.

— Да, конечно, я про них совсем забыл. И это все, надеюсь?

— В прошлый День Независимости затеяли тут ссору, но до драки дело, кажется, не дошло. Слышал еще, что один из скваттеров подстрелил оленя в неположенное для охоты время.

— Непременно привлечь виновного к ответственности! — воскликнул Мармадьюк. — Я решительно стою за то, чтобы подобных нарушителей карали по всей строгости закона.

— Конечно, конечно, я был уверен, что вы именно так и посмотрите на дело. Я отчасти затем сюда и пришел.

— Вот как! — проговорил судья, мгновенно поняв, как ловко провел его Хайрем. — Так что же вы имеете сказать, сэр?

— У меня есть подозрение, что Натаниэль Бампо припрятал у себя в хижине оленью тунгу. Я пришел, чтобы получить от вас ордер на обыск.

— У вас есть подозрение! Разве вам не известно, сэр, что я не могу выдать ордер, пока свидетель не принес присяги, как это следует по закону? Я не могу допустить, чтобы по первому подозрению нарушалась неприкосновенность жилища.

— Ну что ж, я могу принести в том присягу, — ответил мистер Дулитл невозмутимо. — Кстати, и Джотем тоже готов быть свидетелем и присягнуть. Он тут неподалеку, я его кликну, он мигом придет.

— Но почему вы обращаетесь ко мне? Выпишите ордер сами, вы магистрат и имеете на это право.

— Да ведь это первый у нас здесь такой случай, и раз уж судья принимает так близко к сердцу подобные преступления, пусть он сам и распорядится. Да к тому же мне частенько приходится бывать в лесу по моим плотничьим делам, я не хотел бы наживать себе врага в лице Натаниэля Бампо. Ну, а вас, мистер Темпл, все очень уважают, вам бояться нечего.

Мисс Темпл посмотрела прямо в лицо хитрому магистрату.

— А почему честный человек может страшиться такого доброго и безобидного старика, как Натти Бампо? — спросила она.

— Да очень просто, мисс: старый Натти не только в одних пум стреляет, — чего доброго, он и на магистрата курок спустит. Но, если судья отказывается дать ордер, что ж, я выпишу его сам.

— Я не говорил, что отказываюсь, — сказал судья, тотчас поняв, что под угрозой его репутация беспристрастного человека. — Зайдите ко мне в кабинет, я приду туда и выпишу ордер.

Элизабет попыталась было возразить, но судья остановил ее и, как только Хайрем вышел, сказал:

— Успокойся, дружок. На словах это страшнее, чем на деле. Возможно, что Кожаный Чулок подстрелил оленя, ведь срок, в который охота на них запрещена, уже на исходе. Ты сама рассказывала, что, когда Натти так своевременно подоспел к тебе в лесу, при нем были его собаки, — очевидно, он охотился. Но ведь к нему всего лишь зайдут в хижину, обыщут ее, обнаружат убитого оленя, и тогда ты сможешь из собственного кошелька заплатить штраф за старого охотника. Боюсь, что штраф придется наложить долларов в двенадцать с половиной, на меньшем этот каналья Хайрем не успокоится. Но, право, моя репутация судьи

стоит этих денег.

Выслушав это, Элизабет почти успокоилась и отпустила отца, который пошел выполнять данное магистрату обещание.

Проделав эту неприятную обязанность, Мармадьюк вышел из кабинета и встретил Оливера Эдвардса. Тот крупными шагами поднимался по усыпанной гравием дорожке, ведущей к дому мистера Темпла. Вид у юноши был взволнованный. Увидев судью, он тотчас направился к нему и с жаром, который не часто проявлял в отношении своего патрона, воскликнул:

— Примите мои поздравления, сэр, поздравляю вас от всей души! Боже мой, даже подумать страшно, какая трагедия разыгралась в лесу! Я только что из хижины Кожаного Чулка. Он показал мне скальпы пум и затем, как бы между прочим, повел рассказ о том, как спас мисс Темпл и мисс Грант от ужасного зверя. Поверьте, сэр, у меня не хватает слов, чтобы выразить вам хотя бы часть того, что я почувствовал в тот момент, когда... — На мгновение юноша умолк и, как будто опомнившись и поняв, что переходит границы дозволенного приличиями, закончил смущенно:

— ...Когда узнал, какой опасности подвергалась... мисс Грант и... и ваша дочь, сэр.

Но Мармадьюк и сам был еще слишком взволнован и растроган, чтобы обратить внимание на такие пустяки. Не заметив замешательства молодого человека, он ответил:

— Спасибо, Оливер, спасибо. Ты прав, об этом страшно и подумать. Но пойдем скорее к Бесс. Луиза уже дома, у отца.

Молодой человек поспешил вперед и быстро распахнул входную дверь — у него едва хватило терпения не войти первым. Через мгновение они были вместе, все трое.

Тот легкий холодок, который часто проскальзывал в обращении молодой наследницы к Эдвардсу, теперь совершенно исчез, и в продолжение двух часов все они беседовали непринужденно и с чувством взаимного доверия, как близкие и уважающие друг друга люди. Судья забыл свои подозрения, зародившиеся у него во время утренней поездки, а молодые люди оживленно болтали, то смеясь, то впадая в грустный тон. Наконец Эдвардс, в третий раз напомнив себе, что следует навестить мисс Грант, покинул особняк Мармадьюка и направился к дому священника, чтобы и там заверить отца и дочь в своих дружеских чувствах.

А в это время подле хижины Кожаного Чулка разыгрывалась сцена, которой суждено было помешать благим намерениям судьи помочь Натти, и нарушить недолговременную гармонию в отношениях между юношей и судьей.

Добившись желанного ордера на обыск, Хайрем Дулитл первым делом поспешил отыскать подходящего человека на роль исполнителя приказа. Шериф в тот день отсутствовал, он лично собирал присяжных к предстоящему судебному разбирательству, а его постоянный помощник уехал с той же целью в другое место. Из официальных представителей власти в поселке оставался один только констебль, который был хром и которому должность блюстителя порядка доверили лишь из чувства сострадания, Хайрем не прочь был присутствовать при обыске в качестве зрителя, но отнюдь не жаждал один вести все сражение. Была суббота, и день клонился к вечеру, тени сосен уже легли на восток. Перенести дело на следующий, воскресный, день благочестивый магистрат, пекшийся о спасении своей души, разумеется, ни за что не хотел. Но, если отложить обыск до понедельника, Натти успеет скрыть оленину и все следы преступления! Тут, к счастью для мистера Хайрема, на глаза ему попался слонявшийся без дела Билли Керби, и Хайрем, всегда находчивый в делах подобного рода, тотчас увидел для себя выход. Джотем, действовавший заодно с мистером Дулитлом и, так же как и он, не жаждавший столкновения с Кожаным Чулком, получил распоряжение немедленно доставить лесоруба в дом к магистрату.

Когда Керби явился, ему любезно предложили сесть на стул, на который он уже уселся, не дожидаясь приглашения, и повели с ним разговор очень вежливо, совсем как с равным.

— Судья Темпл твердо решил соблюдать закон об охоте на оленей, — начал Хайрем, как только был окончен обмен приветствиями. — К нему поступила жалоба, что у него в

лесу убили оленя. Судья выписал ордер на обыск и поручил мне найти человека, который взял бы на себя исполнение приказа.

Керби не подозревал, что всякий раз, когда на него возлагают то или иное дело, ему почему-то никогда не достается совещательной роли. Он поднял лохматую голову, поразмыслил немного и вместо ответа сам начал спрашивать:

— А шериф куда подевался?

— Его нигде не могут разыскать.

— Ну, а его помощник?

— Они оба уехали куда-то в конец «патента».

— А констебль? Ведь он с час назад ковылял где-то здесь неподалеку, я сам видел.

— Да, он-то здесь, — сказал Хайрем, многозначительно кивая головой и сопровождая свои слова льстивой улыбкой, — но в этом деле требуется настоящий мужчина, а не калека.

— Вот оно что! — засмеялся Билли. — Неужто тот парень, что застрелил оленя, полезет в драку?

— Он из тех, кто иной раз любит пошуметь, и возомнил о себе, будто в кулачной расправе ему не сыщешь равного.

— Да-да, — поддакнул Джотем, — мне тоже доводилось слышать, как он хвастал, что в рукопашной схватке не найдется никого от долины Мохока до Пенсильвании, кто смог бы его одолеть.

— Ишь ты! — воскликнул Керби, расправляя свое грузное тело, словно лев, который потягивается в логове. — Как видно, он еще не попробовал кулаков уроженца Вермонта. Да кто же этот бахвал?

— Как — кто? — сказал Джотем, — Ну конечно, это...

— Мы не можем сейчас назвать тебе его имя, — перебил Джотема магистрат. — Согласно закону, этого делать нельзя, пока ты еще не дал согласия взять на себя поручение. Ты, Билли, самый подходящий человек для этого дела. Я в одну минуту сделаю все необходимые формальности, и тебе сразу вручат деньги.

— А сколько мне дадут? — спросил Керби, кладя огромную ручищу на книгу свода законов, которую подsunул ему Хайрем для вящей внушительности. Со свойственной ему неуклюжестью лесоруб перелистывал страницы, будто еще не зная, согласиться ему на предложение или нет, хотя сам давно уже решил для себя этот вопрос. — Оплатят они человеку разбитую голову?

— Тебе заплатят хорошо, — сказал Хайрем.

— Да наплевать мне на деньги, — ответил Билли, снова рассмеявшись. — Так, значит, этот парень задрал нос и думает, что уж не сыщется никого с кулаками покрепче? Что он, рослый малый?

— Он выше тебя и один из самых больших...

«Больших болтунов», — хотел сказать Джотем, но Керби нетерпеливо прервал его. Во внешности лесоруба не было ничего свирепого, ни даже грубого, выражение его физиономии говорило о незлобivosti и добродушном тщеславии: он явно гордился своей необычайной физической силой, как все те, кому больше нечем похвастать. Вытянув ручищу ладонью книзу и поглядывая на свои крепкие мускулы, он сказал:

— Ладно, давайте-ка вашу святую книгу. Я присягну, как полагается, вы увидите, что я из тех, кто свое слово держит.

Хайрем, не давая лесорубу времени передумать, без излишней канители принял от него присягу, и все трое достойных джентльменов покинули дом магистрата и тут же направились к хижине Натти.

Они уже были возле озера и свернули с проезжей дороги, когда Билли вспомнил, что теперь он обладает правом посвященного, и снова пожелал узнать, как зовут того, кто преступил закон.

— А куда же это мы идем? — удивился простодушный лесоруб. — Я думал, вы позвали меня дом обыскивать, а не лес. Ведь на этой стороне озера на шесть миль вокруг

никто не живет, если не считать Кожаного Чулка и старого Джона. Ну, выкладывайте, как зовут парня, и уж не сомневайтесь, я проведу вас к его участку по другой дороге, малость получше, чем эта. Ведь я на две мили в округе знаю каждое деревце.

— Вот куда нам идти, — сказал Хайрем, указывая вперед и ускоряя шаг, как будто опасаясь, что Керби вдруг бросит их и уйдет. — Мы идет к Бампо.

Керби остановился как вкопанный и изумленно поглядывал то на одного, то на другого своего спутника. Потом он разразился громким смехом и воскликнул:

— К Бампо? К Кожаному Чулку? Он может хвастать тем, что глаз у него зоркий и ружье бьет без промаха, и это будет сущей правдой, в том я ему перечить не стану. Я помню, как он тогда подстрелил на лету голубя, которого я вспугнул для него. Но насчет того, кто покрепче в драке... Да я могу схватить его двумя пальцами и завязать у себя на шее вместо банта. Ведь старику уже семьдесят лет, а он и смолоду особой силой не отличался.

— Это он нарочно таким прикидывается, — сказал Хайрем. — Все охотники на один лад. Он сильнее, чем это кажется. И потом, не забудь, у него есть ружье.

— Как же, испугался я его ружья! — воскликнул Билли. — Натти Бампо старик безобидный. Да разве станет он стрелять в человека? И должен сказать, что оленей убивать он вправе, как и всякий в «патенте». Ведь старик только тем и живет, а у нас страна свободная, каждый волен заниматься чем хочет...

— Если так рассуждать, значит, каждый, кому только вздумается, может убить оленя.

— Да ведь Натти охотник, охота его промысел, — возразил Керби. — Закон о том, что нельзя бить оленей, относится не к таким, как Натти Бампо.

— Закон один для всех, — заметил Хайрем, уже начав побаиваться за свою собственную персону. — И он особенно строг к тем, кто нарушает присягу.

— Послушайте-ка, сквайр Дулитл, — проговорил бесстрашный лесоруб, — плевал я и на вас и на ваши присяги. Но коли уж я пошел и отшагал так много, я найду к Натти, потолкую со стариком. Может, он меня угостит хорошим куском жареной оленины.

— Ну, если тебе удастся войти в хижину мирно, тем лучше, — сказал магистрат. — Драки да буйство мне вовсе не по душе. Я всегда предпочту спокойное поведение.

Шли они очень быстро и вскоре очутились подле хижины охотника. Хайрем почел благоразумным остановиться возле верхушки поваленной сосны, которая служила рогаткой, прикрывавшей доступ к хижине со стороны поселка, но Керби не любил откладывать начатое дело. Он приложил ладони рупором ко рту и заорал во все горло. Собаки выскочили из своих конур, и почти одновременно в дверях хижины показалась покрытая редкими седыми волосами голова Натти.

— Ложись, ложись, ты, старый дурень! — приказал Натти Гектору. — Или тебе все еще мерещатся пумы?

— Эй, Кожаный Чулок, у меня к тебе дело! — крикнул Билли. — Тут тебе наши судейские написали письмецо, а меня наняли почтальоном, чтоб я, значит, передал тебе его.

— Какое же у тебя может быть ко мне дело, Билли Керби? — спросил Натти. Он перешагнул через порог и, приставив к глазам руку козырьком, чтобы защитить их от лучей заходящего солнца, разглядывал посетителя. — Участка у меня нет, и вырубать мне нечего, да и к тому же я скорее посажу в лесу шесть деревьев, чем вырублю хоть одно, бог тому свидетель... Замолчи, Гектор, иди-ка к себе в конуру!

— Ну что ж, старина, — громогласно заявил лесоруб, — так оно для меня только лучше, сажай побольше! Но мне надо сделать то, что мне поручено. Вот тебе письмо, Кожаный Чулок. Умеешь читать — читай, а коли нет, тут рядом сквайр Дулитл, он тебе все разъяснит. Похоже на то, приятель, что ты двадцатое июля принял за первое августа, только и всего.

Натти уже заметил Хайрема, прятавшегося за толстый ствол дерева, и все добродушие его тотчас исчезло, уступив место явному недовольству и подозрительности. Повернув голову, он заглянул в хижину и проговорил что-то вполголоса. Затем голова его снова появилась в дверях, и он сказал:

— У меня тут ничего для вас нет. Отправляйтесь-ка восвояси, пока я не задал вам хорошей трепки. Против тебя, Билли Керби, я зла не имею. И чего ради беспокоишь ты старика, который не причинил тебе никакого вреда?

Керби был теперь уже в нескольких шагах от охотника. Он спокойно уселся на конец лежавшего на земле бревна и стал внимательно рассматривать нос Гектора: лесоруб хорошо знал собаку, часто встречал ее в лесу, а иной раз и кормил, делясь с ней собственным обедом.

— Ты победил меня в стрельбе, Натти, я не стыжусь признать это, — сказал он. — И я ничуть на тебя за то не обижен. Но нынешний выстрел, сдастся мне, тебя подведет. Ходят слухи, что ты убил оленя.

— Я сегодня сделал всего два выстрела, и оба в пуму, — ответил Кожаный Чулок. — Вот, поглядите, это скальпы обеих пум. Я как раз собирался пойти с ними к судье, получить за них премию.

И с этими словами он бросил в руки Керби оба кошачьих скальпа, а тот, смеясь, начал поддразнивать собак, дав им понюхать эту необычную дичь.

Видя, как успешно идут переговоры Билли, Хайрем осмелел. Он подошел поближе и заговорил повелительным тоном, как то надлежало представителю власти. Прежде всего он зачитал вслух ордер, тщательно упирая на основные его пункты, и под конец особенно отчетливо и громко назвал имя судьи, подписавшего этот документ.

— И Мармадьюк Темпл поставил свое имя на этом клочке бумаги? — спросил Натти, качая головой. — Ну-ну. Как видно, для этого человека законы, принадлежащая ему земля да всякие новшества дороже родной плоти и крови. Но я уверен, что девушка тут ни при чем. Глаза у нее как у молодой лани. Бедняжка не виновата, она себе отца не выбирала. Вот что, мистер Дулитл, я законы знаю плохо. Говорите, что следует делать дальше.

— Да ведь это простая формальность, Натти, — сказал Хайрем, стараясь говорить дружелюбным тоном. — Давайте зайдем в дом, и там все обсудим. Деньги на уплату штрафа найдутся. Как я понял, судья готов вынуть их из своего кармана.

Старый охотник, который с самого начала зорко следил за тремя посетителями, не покидал своей позиции на пороге хижины. Вид у старика был непреклонный, можно было не сомневаться, что уговорить Натти Бампо не так-то легко. Едва Хайрем шагнул чуть поближе, вообразив, очевидно, что Натти готов впустить его в дом, как Натти повелительно поднял руку и заставил магистрата отступить.

— Должно быть, вы забыли, что я вам сказал. Не вводите меня в искушение, — проговорил старый охотник. — Я никого не тревожу, почему же мне докучают? Идите-ка прочь, отправляйтесь подобру-поздорову и передайте судье, что он может оставить себе свои премии. Но я не допущу, чтобы по приказу Мармадьюка Темпла хозяйничали в моем доме.

Эти слова, вместо того чтобы утихомирить магистрата, только еще сильнее подстрекнули его любопытство, а Керби воскликнул:

— Вот это по-честному! Натти не будет требовать себе награды за пум, а с него пусть не берут штрафа за оленя, и дело с концом. Это я называю поступать по всей справедливости. Люблю, когда зря не тянут канители и никто не в обиде.

— Я требую, чтобы нас впустили в дом, — заявил Хайрем самым авторитетным тоном, на какой только был способен. — Именем закона! Впусти нас обоих, меня и исполняющего обязанности понятого Билли Керби.

— Ну-ка, назад, сквайр, назад! Не испытывайте моего терпения, — сказал Кожаный Чулок очень серьезно, выразительным жестом предлагая Хайрему отступить.

— Ладно, ладно, ты за это заплатишься! — не унимался Хайрем. — Ну-ка, Билли, Джотем, бросайтесь смелее! Мне нужны доказательства.

Тут Хайрем, ошибочно приняв спокойное, хотя и твердое выражение на лице Кожаного Чулка за готовность повиноваться, ступил было на порог, но охотник мгновенно схватил магистрата за плечи и отшвырнул от хижины шагов на десять. Внезапность и неожиданная сила Натти заставили всех оцепенеть, но уже в следующее мгновение Керби залился веселым смехом, шедшим, как видно, прямо от души.

— Вот это здорово, старина! — заорал он. — Стало быть, сквайр-то знает тебя лучше, чем я! Ну-ка, ну-ка, выходите вон на ту зеленую лужайку, посмотрим, кто из вас кого одолеет. А мы с Джотемом последим, чтобы все было по правилам.

— Уильям Керби, я призываю тебя к твоим обязанностям! — вопил издали Хайрем. — Хватай его! Я требую именем закона! Хватай!..

Но Кожаный Чулок принял еще более угрожающую позу, и вдруг все увидели, что в руке у него ружье, дуло которого обращено прямо на Билли Керби.

— Отойди, прошу тебя, — сказал охотник лесорубу. — Ты ведь знаешь, я бью без промаха. Я не хочу проливать твою кровь, но, если ты попытаешься ступить на порог моего вигвама, наша с тобой кровь обагрит эту зеленую лужайку.

Пока все происходившее казалось лесорубу лишь забавными пустяками, он держал сторону слабейшего, но при виде ружья настроение его резко изменилось. Он поднялся с бревна во весь рост и, глядя прямо в лицо охотнику, ответил:

— Я пришел сюда, Кожаный Чулок, не как враг. Твоя железная палка пугает меня не больше, чем старое, сломанное топориче. Скажи только слово, сквайр Дулитл, и чтоб все было по закону, — и тогда увидим, кто из нас посильнее.

Но магистрат исчез. В то самое мгновение, как в руках охотника появилось ружье, оба, и Хайрем и Джотем, словно испарились. Не слыша ответа, лесоруб обвел вокруг себя недоумевающим взглядом, но заметил лишь две фигуры, стремительно мчавшиеся в направлении поселка: как видно, достойные джентльмены не только успели прикинуть в уме скорость ружейной пули, но и вероятную дальность ее полета.

— Ты их до смерти напугал, — проговорил Керби, и на его широкой физиономии появилось выражение презрения. — Но меня ты не застрашаешь. Опустит-ка ружье, мистер Бампо, не то мы с тобой поспоримся.

Натти опустил ружье и ответил:

— Я не желаю тебе ничего дурного, Билли Керби, но посуди сам: мыслимо ли, чтобы такой негодяй командовал в доме честного человека? От тебя, Билли, я не утаю, оленя я убил, это верно. Можешь забрать его шкуру, она послужит тебе вещественным доказательством. Премия, что причитается мне за убитых кошек, покроет штраф, вот мы и будем квиты.

— Верно, верно, старик! — воскликнул Керби, обрадовавшись этому мирному предложению. Все недовольство мигом исчезло с его честной, открытой физиономии. — Давай-ка сюда шкуру, и все будет по-хорошему.

Натти вошел в хижину и скоро вернулся, неся требуемое вещественное доказательство. Лесоруб тут же ушел, настроенный по отношению к охотнику вполне миролюбиво, как если бы решительно ничего не произошло. Он шагал по берегу озера и время от времени разражался смехом, вспоминая, как Хайрем покатился кубарем от пинка Натти. В общем, вся эта история показалась Билли лишь презабавной шуткой.

Но он еще не успел дойти до поселка, как там уже разнеслись слухи о неповиновении Натти закону, о том, что старый охотник угрожал ему, Билли, ружьем, и о том, как Натти расправился с Хайремом, отшвырнув его от своего порога. Уже поговаривали, что не худо бы послать за шерифом, а некоторые даже высказывались в том духе, что следует собрать ополчение граждан и принять меры против нарушителя порядка. Устроили даже нечто вроде совета, чтобы обдумать на нем, как поступить со старым Натти Бампо. Прибытие Билли Керби, тащившего оленью шкуру, уничтожало всякие основания для обыска и совершенно изменяло положение дел. Оставалось лишь получить с охотника штраф и тем самым удовлетворить закон. Все единогласно порешили, что это может быть с равным успехом проделано и в понедельник, так как субботний вечер для большинства поселенцев был праздничным. Таким образом, все дальнейшие действия были отложены на тридцать шесть часов.

*Так ты посмеешь, может быть,
В его берлоге льва дразнить
И Дугласа в доме его?*
Вальтер Скотт, «Мармион»

Волнение мало-помалу улеглось, и жители поселка стали один за другим расходиться по домам, каждый храня на лице серьезную мину человека, внесшего свою лепту в дело общественного порядка, когда Оливер Эдвардс, возвращаясь от священника, встретил на своем пути молодого юриста, уже известного читателю под именем мистера Липпета. Между этими двумя молодыми людьми было очень мало схожего как во взглядах, так и во всем их внешнем облике, но оба принадлежали к наиболее образованной прослойке этой маленькой общины и потому, разумеется, были знакомы. Сейчас они уже успели заметить друг друга — разойтись молча было неудобно, и между ними произошел следующий разговор.

— Прекрасный вечер, мистер Эдвардс, — начал адвокат, которому явно хотелось побеседовать. — Но нужен дождь, весьма нужен. Всегда или засуха, или потоп, таков основной недостаток здешней погоды. Вы, вероятно, привыкли к более ровному климату?

— Я родился в этом штате, — сухо ответил Эдвардс.

— Да? Мне приходилось слышать на этот счет разные мнения. Впрочем, человек так легко свыкается с новым местом, что совершенно несущественно, где именно он родился. Интересно, как отнесется судья к делу Натаниэля Бампо?

— К делу Натаниэля Бампо? — переспросил Эдвардс. — О чем вы говорите, сэр?

— А вы разве не слышали? — воскликнул тот с удивлением, разыгранным столь ловко, что оно показалось Эдвардсу искренним. — Может получиться весьма неприятная история. Дело в том, что старик нынче утром подстрелил в горах оленя, а в глазах судьи это серьезное преступление.

— Ах, вот как! — сказал Эдвардс и отвернулся, чтобы скрыть краску, вдруг проступившую на его загорелом лице. — В таком случае, охотнику придется уплатить штраф.

— Пять фунтов, — заметил адвокат. — Наберется ли у старого Натти столько денег?

— Наберется ли? — воскликнул юноша. — Я не богат, мистер Липпет, нет, я беден и весь свой заработок откладываю ради цели, чрезвычайно для меня важной. И все же я не дам Кожаному Чулку пробывать в тюрьме даже часа, я истрачу последний свой цент, но выручу старика. Кроме того, он ведь убил двух пум; премия за них с лихвой покроет сумму штрафа.

— Да, да, — сказал адвокат, потирая руки. На физиономии его появилось выражение удовольствия, отнюдь не притворного. — Я не сомневаюсь, что мы распутаем это дело.

— Что распутаем? Какое дело? Прошу вас, сэр, объясните.

— Натти подстрелил оленя, но это сущие пустяки в сравнении с тем, что случилось потом, — продолжал мистер Липпет доверительным тоном, который подкупил молодого человека, сколь ни мало он был расположен к юристу. — На него поступила жалоба, свидетели присягнули в том, что в хижине у Натти Бампо спрятана оленина, судья дал ордер на обыск, и...

— Обыск? — в ужасе воскликнул Эдвардс и снова отвернулся, теперь уже для того, чтобы скрыть покрывшую его лицо бледность. — И что же было обнаружено, что увидели...

— Только дуло ружья старого Бампо, а это зрелище способно усмирить чье угодно любопытство.

— Так, так! — воскликнул с облегчением Эдвардс, разражаясь громким смехом. — Значит, старый герой вынудил отступить противника? Вынудил ведь, правда?

Адвокат удивленно уставился на юношу, но тут же снова заговорил на занимавшую его тему.

— Позвольте заметить вам, сэр, дело это не шуточное, — сказал он. — Сорок долларов премии и ваш полугодовой заработок сильно подтают к тому времени, когда оно будет

улажено. Бампо нанес магистрату оскорбление при исполнении им служебных обязанностей и вдобавок угрожал оружием констеблю. Это вина немалая, она наказуема не только штрафом, но и тюремным заключением.

— Как! Посадить Кожаного Чулка за решетку? Нет, нет, сэр, это сведет старика в могилу! Нет, этого они не сделают!

— Знаете что, мистер Эдвардс, о вас поговаривают, что вы человек странный, — сказал вдруг юрист, переходя на откровенный тон. — Если вам известно, как можно заставить присяжных не выносить приговора виновному, когда дело для них ясно и доказательства неоспоримы, то я готов признать, что вы более моего сведущи в вопросах юриспруденции, хотя я получил диплом и занимаюсь судебной практикой целых три года.

Но у Эдвардса разум уже начинал брать верх над чувствами, и, по мере того как юноша все яснее видел подлинную сложность дела, он больше вникал в то, что говорил ему адвокат.

Волнение, в первый момент невольно вырвавшееся наружу, улеглось, и, хотя было очевидно, что Оливер еще очень взбудоражен всем тем, что только что узнал, он сумел взять себя в руки и теперь внимательно слушал советы мистера Липпета.

Несмотря на растерянность в мыслях, Оливер вскоре сообразил, что почти все, что предлагает юрист, сводится к хитрым уловкам, требующим при этом немало времени для своего осуществления, — это не соответствовало ни нраву юноши, ни его материальным средствам. Однако Эдвардс дал понять мистеру Липпету, что в случае, если дело будет передано в суд, он готов полностью оплатить его адвокатские услуги, что было принято юристом весьма положительно. На этом они расстались — один чинно прошествовал к небольшому строению, деревянная вывеска над дверью которого гласила: «Мистер Липпет, юрист», а второй энергично зашагал к «дворцу» Мармадьюка Темпла. Мы же на время предоставим юриста самому себе и направим внимание читателя на его клиента.

Войдя в холл, широкие двери которого были раскрыты настежь, давая доступ теплomu вечернему воздуху, Эдвардс увидел Бенджамена, выполнявшего обычные свои домашние обязанности, и торопливо спросил, где судья.

— У себя в кабинете, и с ним плотник Хайрем. А мисс Лиззи в гостиной. Ну, скажу я вам, мистер Оливер, вот было натворила нам беды эта кошка или пума, как ее там. Я этого зверя знаю плохо, в Англии у нас таких не водится. Еще в прошлом году я говорил, что в горах бродит дикая кошка, я сам слышал ее мяуканье как-то осенним вечером, когда возвращался в ялике с рыбной ловли. Кабы она вышла, так сказать, на открытую воду, чтоб было ясно, куда вести судно, я бы тут же разделался со зверюгой. Но попусту водить глазами по верхушкам деревьев, выискивать ее — это для меня все одно что стоять на палубе одного корабля и глазеть на марсы другого. Все равно не отличишь одну снасть от другой, и...

— Да, да, разумеется, — прервал его Эдвардс. — Я должен видеть мисс Темпл.

— Это нетрудно, сэр, она в соседней комнате. Ах, мистер Эдвардс, какая б то была утрата для судьи, кабы мисс Лиззи погибла! Провались я на этом месте, если знаю, где бы ему тогда раздобыть себе другую дочку — совсем взрослую, я хочу сказать. Да, сэр, на мой взгляд, мистер Бампо человек достойный и маху не даст, коли дело дойдет до ружья или остроги. Я почитаю его своим другом, как и вас, мистер Оливер.

— Спасибо, Бенджамен, она может понадобиться! — воскликнул Эдвардс, порывисто сжимая руку дворецкого. — Она может очень скоро нам понадобиться, и тогда я дам тебе об этом знать.

И, не дожидаясь, пока честный малый обдумает ответ, юноша высвободил руку из его мощного пожатия и прошел в гостиную.

Элизабет была одна и сидела все так же, откинувшись на диване. Погруженная в глубокое размышление, девушка прикрыла глаза рукой, по форме и цвету являвшей собой совершеннейший образец искусства. Пораженный прелестью изящной фигуры и ее позы, юноша умерил нетерпение и приблизился к Элизабет осторожно и почтительно.

— Надеюсь, я не помешал вам, мисс Темпл, — начал он, — но мне необходимо поговорить с вами.

Элизабет отняла руку от лица, и Эдвардс увидел, что глаза девушки подернуты влагой.

— Это вы, Эдвардс? — произнесла она тоном мягким и кротким — обычным в ее разговорах с отцом, но в отношении юноши это было впервые и взволновало его до глубины души. — Как чувствует себя бедняжка Луиза?

— Она с отцом, спокойна и преисполнена благодарности богу. Я еще никогда не был свидетелем проявления столь горячих чувств, какие она выразила мне в ответ на мою радость по поводу ее спасения. Мисс Темпл, когда я услышал о том, что вам пришлось пережить, я от волнения потерял дар речи. Я опомнился лишь на пути к дому мистера Гранта. Мне кажется... мне кажется, там я сумел лучше выразить свое сочувствие, потому что мисс Грант даже расплакалась, слушая мои незамысловатые речи.

Элизабет ответила не сразу и снова закрыла лицо рукой. Но уже в следующую минуту, подавив волнение, она поглядела прямо на Эдвардса, не спускавшего с нее глаз, и сказала с улыбкой:

— Ваш друг Кожаный Чулок отныне и мой друг, Эдвардс. Я все думаю, как бы мне лучше отплатить ему. Быть может, вы, так хорошо знающий всю его жизнь, все его нужды, поможете мне.

— Да! — воскликнул юноша с жаром, изумив тем свою собеседницу. — Благослови вас бог за ваше доброе сердце! Натти имел неосторожность преступить закон: сегодня утром он убил оленя. Я считаю, что я должен понести наказание вместе с ним, потому что я тоже принимал участие в этой охоте. Вашему отцу подали жалобу, он отдал распоряжение обыскать...

— Да, я все это знаю, — прервала его Элизабет. — Закон обойти нельзя — хижину Натти обыщут, обнаружат оленя и возьмут штраф с охотника. Но я хочу задать вам ваш же вопрос: вы столько времени живете под нашей крышей и все еще не знаете нас? Взгляните на меня, Оливер Эдвардс. Неужели вы можете поверить, что я позволю посадить в тюрьму человека, который только что спас мне жизнь, что я пожалею денег на уплату за него штрафа? Нет, сэр. Мой отец судья, но он прежде всего человек и христианин. Дело будет улажено, никто не обидит Натти.

— Какую тяжесть сняли вы с моей души! — воскликнул Эдвардс. — Значит, старика больше не будут тревожить, ваш отец не даст его в обиду? Я должен верить, раз это говорите вы, мисс Темпл.

— Вы имеете возможность выслушать заверения и самого судьи, мистер Эдвардс, — вот идет отец, он вам скажет то же.

Но вошедший в эту минуту Мармадьок всем своим видом сразу рассеял радужные надежды Элизабет. Лоб его был нахмурен, лицо озабоченно. Ни Элизабет, ни Оливер не произнесли ни слова. Судья несколько раз прошелся по комнате и затем сказал:

— Все наши планы рухнули, дочка. Своим упрямством Кожаный Чулок навлек на себя негодование судебных властей, и теперь я уже не в силах остановить ход дела.

— Как! Почему, отец? Штраф — это пустяки. Я, конечно...

— Я не мог предвидеть, что такой безобидный человек, как Натти, станет оказывать сопротивление представителю власти, — сказал судья. — Я был уверен, что он подчинится распоряжению, у него произведут обыск, возьмут с него штраф и закон будет удовлетворен. Но теперь Старику придется изведать всю его суровость...

— И какое же наказание грозит ему, сэр? — спросил Эдвардс, стараясь говорить спокойно.

Мармадьок круто повернулся в сторону юноши.

— Вы здесь? Я вас не заметил. Судья не может ничего сказать, пока не выслушает свидетельские показания и присяжные не вынесут свой приговор. Однако в одном я могу заверить вас, мистер Эдвардс: все будет сделано по закону, хотя и у меня были моменты слабости — желание простить Натти его вину, потому что он оказал моей дочери неоценимую услугу.

— Никто, я полагаю, не сомневается в чувстве справедливости, присущем судье

Темплу, — проговорил Эдвардс с горечью. — Но обсудим все спокойно, сэр. Неужели возраст, образ жизни моего старого друга и незнание законов не являются смягчающими вину обстоятельствами?

— Обстоятельства могут смягчить преступление, но могут ли они оправдать его? Скажите, молодой человек, должно ли общество терпеть, когда представителям власти угрожают оружием? Разве для того старался я укротить этот дикий край?

— Если бы вы укротили тех диких зверей, сэр, что еще сегодня утром угрожали жизни вашей дочери, ваши доводы звучали бы убедительнее.

— Эдвардс! — воскликнула Элизабет.

— Спокойно, дитя мое, — остановил ее отец. — Молодой человек несправедлив ко мне, я не давал ему для этого повода. Я оставлю без внимания ваши слова, Оливер, я знаю, вы друг Натти и, ратуя за него, перешли границы благоразумия.

— Да, он мой друг! — воскликнул Эдвардс. — И я горжусь этим! Он человек простой, необразованный, даже невежественный и, быть может, с предрассудками, хотя, мне думается, его взгляды на жизнь во многом правильны. Но главное — это доброта его сердца, сэр, она с лихвой покрывает тысячи недостатков. Он верен друзьям, он никогда не покинет в беде друга — не только человека, но даже и собаку.

— Это хорошая рекомендация, мистер Эдвардс, — мягко проговорил судья. — Но мне не удалось заслужить расположение Кожаного Чулка, со мной он всегда резок, однако я терпел это как причуду старого человека. И теперь, когда он предстанет передо мной как его судьей, он убедится, что прежнее его вызывающее поведение, равно как и оказанные мне большие услуги, не повлияют на решение.

— Да разве это преступление — прогнать от своих дверей наемного негодяя? Нет, сэр, если во всем этом деле и есть преступник, то это не Натти Бампо.

— А кто же, по-вашему, сэр? — спросил судья, глядя прямо в глаза разгорячившемуся юноше.

Лицо Мармадьюка Темпла уже вновь приняло свое обычное спокойное выражение.

Молодой человек не выдержал — он уже и без того был крайне взволнован, и теперь, при этом вопросе судьи, он окончательно отбросил всякую сдержанность.

— Кто преступник? И вы спрашиваете об этом меня? — воскликнул он запальчиво. — Спросите-ка собственную совесть, судья Темпл. Подойдите к двери, взгляните на долину, на мирное озеро, на темные горы и скажите своему сердцу, если оно у вас есть: откуда пришли к вам все эти богатства, как случилось, что вы стали их обладателем? Неужели вы не сгораете со стыда, когда видите, как бродят по этим землям обнищавшие, обездоленные — могикинин и Кожаный Чулок?

Мармадьюк в глубоком изумлении внимал этому бурному взрыву негодования, но, когда юноша умолк, он знаком остановил дочь, проявлявшую признаки нетерпения, и сказал:

— Вы забываетесь, Оливер Эдвардс. Я уже слышал, что вы утверждали, будто вы потомок туземных властителей этих земель. Но, право, ваше образование ни к чему вам не послужило, если вы не знаете, что земли эти достались мне по соглашению с вашими собственными предками — если вы действительно претендуете на туземное происхождение. И пусть небо будет мне свидетелем, оно знает, как я использовал эти права. После того, что вы осмелились мне сказать, мы должны расстаться. Я слишком долго предоставлял вам мой кров, настало для вас время покинуть его. Зайдите в кабинет, я выплачу все, что остался вам должен. Если хотите прислушаться к совету того, кто намного вас старше, опасайтесь, чтобы ваша невоздержанность не повредила вам в будущем.

Гнев юноши уже остыл, он стоял и глядел отсутствующим взглядом вслед удалявшемуся Мармадьюку — мысли Эдвардса были далеко. Наконец он опомнился и, медленно обведя взглядом комнату, увидел, что Элизабет опустила голову на грудь и вновь закрыла лицо руками. Вся горячность его исчезла.

— Мисс Темпл... Я позволил себе лишнее, я забыл о вашем присутствии. Вы слышали, что сказал ваш отец. Я нынче же покину ваш дом, но с вами я хотел бы расстаться

по-дружески.

Элизабет медленно подняла голову, и на мгновение в глазах ее мелькнула грусть, но тут же они зажглись всегдашним огнем, щеки девушки запылали: в ней произошла резкая перемена. Она встала и двинулась к двери.

— Я прощаю вас, Эдвардс, и отец мой тоже простит вас, — сказала она, обернувшись у самого выхода. — Вы судите о нас неверно, но придет время, и вы измените мнение...

— Изменить мнение о вас, мисс Темпл? — прервал ее юноша. — Нет, никогда! Я...

— Я не хочу вас слушать, сэр, говорить буду я. Во всем, что произошло, есть нечто, чего я не понимаю. Но передайте Кожаному Чулку, чтобы он, видел в нас не только судей, но и друзей. Пусть наш разрыв с вами не причинит ему лишних огорчений. Все равно, что бы вы ни говорили, вы не в силах ни облегчить его участь, ни усугубить его вину. Мистер Эдвардс, желаю вам счастья и более добрых друзей.

Юноша хотел что-то сказать, но Элизабет скрылась за дверью, и, когда он вышел, девушки уже нигде не было видно. Мгновение Эдвардс стоял в оцепенении, затем бросился вон из дома и поспешил к хижине охотника.

Глава 32

*Измерил землю, звезд постиг он ход,
Узнал, каким был древле лунный год.
Александр Поп, «Храм славы»*

Ричард вернулся из своей поездки только на следующий день лишь поздно ночью. Среди остальных дел ему пришлось также возглавить поимку шайки мошенников, которые уже в те далекие времена, укрываясь в лесах, чеканили фальшивые монеты и затем распространяли их по всей стране. Поимка фальшивомонетчиков закончилась успешно, и среди ночи шериф во главе констеблей и стражников, сопровождавших четверых скованных преступников, въехал в поселок. Подле ворот «дворца» судьи мистер Джонс остановился и, велел своим подчиненным препроводить арестованных в тюрьму, сам двинулся по усыпанной гравием дорожке, преисполненный того самодовольства, какое должен испытывать человек подобного склада, когда он чувствует, что ему наконец действительно удалось доказать, на какие великие дела он способен.

— Эй, Агги! Куда ты запропастился, черномазый бездельник? — заорал шериф, подъезжая к крыльцу. — Я что ж, всю ночь буду торчать в этой тьме?.. Воин, Воин! А ты-то где? Вот так сторож! Я вижу, все спят, кроме меня! А мне, бедному, приходится не смыкать глаз, чтоб остальные спокойно почивали... Воин! Воин!.. Признаться, это впервые, что пес, хоть он и стал порядочным лентяем, не откликнулся и подпустил к дому в ночное время чужого, не проверив, честный то человек или вор. Носом он чует плутов так же безошибочно, как я угадываю их с первого взгляда... Эй, Агамемнон! Да куда вы все провалились? Ну, вон хоть пес-то наконец показался!

Шериф уже слез с коня и теперь смотрел, как из конуры медленно вылезает кто-то темный, кого он, естественно, принял за Воина, но, когда этот «кто-то», к его изумлению, выпрямился и встал не на четыре, а на две ноги, мистер Джонс в свете звезд разглядел курчавую голову и темную физиономию негра.

— Что ты тут делаешь, черная бестия, дьявол тебя возьми? — закричал шериф. — Неужто для твоей африканской крови недостаточно тепла в доме, что ты выгнал бедного пса из его конуры и забрался туда сам поспать на его соломе?

С негра уже слетел весь сон, и он, всхлипывая и причитая, пытался ответить своему хозяину:

— Ох, масса Ричард, масса Ричард!.. Что тут случилось, ох, что случилось!.. Никогда и не думал, что такое может случиться... Я думал, он никогда не умрет... Его не хоронили, все

ждали, когда вернется масса Ричард... только могилу выкопали...

И тут бедняга, вместо того чтобы толком объяснить, что именно произошло, громко заревел.

— Кто? Что? Кого хоронить, кому могила? Кто умер? — дрожащим голосом расспрашивал Ричард. — Что тут у вас стряслось? Уж не с Бенджаменом ли?.. У него болела печень, но ведь я дал ему...

— Нет, не Бенджамен, — хуже, хуже! — рыдал Аг-ги. — Ох, господи... Мисс Лиззи и мисс Грант гуляли... в горах. Бедный Воин!.. Он загрыз дикую кошку... Ох, господи... Натти Бампо... у него разорвано все горло... Посмотрите сами, масса Ричард, вон он лежит...

Все это для шерифа было полной загадкой, и он уже был рад терпеливо дожидаться, пока негр принесет из кухни фонарь, и вслед за своим слугой пошел к конуре, где действительно увидел труп бедняги Воина, окровавленный и окоченевший, но почтительно покрытый теплой одеждой негра. Ричард хотел было начать расспросы, но горе Агги, уснувшего на добровольном карауле возле мертвой собаки, вновь ожившее теперь, когда он окончательно проснулся, совершенно лишило негра способности вразумительно изъясняться. По счастью, в этот момент открылась парадная дверь и на пороге появился Бенджамен; держа высоко над головой свечу, он прикрывал ее другой рукой так, что тусклый свет падал прямо на его грубую физиономию. Ричард бросил негру уздечку, велел ему позаботиться о коне и быстро вошел в дом.

— Что такое, почему пес издох? — крикнул он Бенджамену. — Где мисс Темпл?

Указав большим пальцем левой руки через правое плечо, Бенджамен ответил:

— У себя.

— А судья?

— Спит.

— Ну-ка объясни, что случилось с Воином и почему так ревет Агги?

— Там все записано, сквайр, — сказал Бенджамен, кивнув на грифельную доску, лежавшую на столе подле кружки с пуншем, короткой трубки, еще не потухшей, и молитвенника.

Среди других увлечений у Ричарда была страсть вести дневник. Дневник этот, похожий на корабельный журнал, включал в себя не только все то, что касалось его, Ричарда, собственной персоны, но и сведения о погоде, а также хронику всех семейных событий, а подчас и происшествий в поселке. Со времени назначения на должность шерифа, обязывавшую к частым отлучкам из дому, Ричард поручил Бенджамену в свое отсутствие записывать на грифельной доске все то, что дворецкий почтет достойным внимания, и по возвращении переносил эти записи в журнал, датируя их и снабжая необходимыми примечаниями. Правда, при выполнении Бенджаменом подобных обязанностей имелось одно серьезное препятствие, преодолеть которое была способна только изобретательность Ричарда. Бенни Помпа не читал ничего, кроме своего молитвенника, да и то лишь некоторые страницы в нем, притом по складам и с ошибками. Но написать он не смог бы ни единой буквы. Большинству это обстоятельство показалось бы непреодолимым барьером в секретарской деятельности, но Ричард был не из тех, кто легко сдается. Он изобрел для Бенджамена нечто вроде системы иероглифов, каждый из которых обозначал то или иное повседневное явление природы: солнце, дождь, ветер, часы и тому подобное. А для особых случаев, дав к тому ряд необходимых наставлений, шериф полагался на смекалку дворецкого. Читатель, конечно, понял, что именно на этот свой «дневник» и указал Бенджамен, вместо того чтобы прямо ответить на вопросы.

Подкрепившись кружкой пунша, мистер Джонс извлек свой хранимый в тайном месте «корабельный журнал», уселся за стол и приготовился расшифровывать записи Бенджамена, чтобы выяснить наконец, что же произошло, пока он отлучался из поселка, а заодно и перенести их с грифельной доски на бумагу. Бенджамен фамильярно оперся одной рукой на спинку кресла шерифа и указательным пальцем второй руки, согнув его крючком,

напоминающим собственные каракули, водил по доске, истолковывая содержание записей.

Шериф прежде всего обратился к изображению компаса, им же самим вырезанного в углу доски. На компасе были четко обозначены страны света и нанесены необходимые деления, так что всякий, кому когда-либо приходилось управлять судном, легко бы тут во всем разобрался.

— Ого, я вижу, и здесь всю прошлую ночь дул юго-восточный ветер! — начал шериф, удобно расположившись в кресле. — Я надеялся, что он нагонит дождь.

— Ни единой капли не выпало, сэр. Видно, там, наверху, опустела бочка с пресной водой. Коли со всей округи собрать ту воду, что пролилась с небес за три недели, на ней не проплыть и пироге Джона, а ей и дюйма глубины достаточно.

— Но ведь, кажется, к утру ветер стал другой. Там, куда я ездил, погода переменилась.

— И здесь у нас тоже. Я это отметил.

— Что-то не вижу.

— Как это «не вижу»? — проговорил дворецкий несколько ворчливым тоном. — А это что? Вот отметка, как раз напротив норд-норд-оста, и тут я еще пририсовал дужку, восходящее солнце, чтоб, значит, показать, что дело было в утреннюю вахту.

— Да-да, все понятно. Но где же отмечено, что ветер переменял направление?

— Неужто не видите? Вот чайник, из носика у него валит пар — сначала вверх, а потом малость отклоняется к зюйд-зюйд-весту. Вот это, стало быть, и значит «ветер переменялся». Ну, а дальше, там, где вы нарисовали мне голову борова, рядом с компасом...

— Борова? Ага, ты хочешь сказать — Борея. Так зачем же ты провел линии от его рта ко всем сторонам света?

— Это не моя вина, сквайр, это все ваш треклятый климат. Вот, скажем, сегодня. Ветер дул по всему компасу, а в полдень завернул небольшой ураган — вон он у меня помечен. Я помню, однажды такой же вот зюйд-вест — дело было на Ла-Манше — дул три недели подряд, да еще сеял дождик, так что умываться можно было водой не из бочки, а прямо из небес.

— Хорошо, хорошо, Бенджамен, — остановил его шериф, записывая в журнал. — Кажется, я понял. Так-так, над восходящим солнцем туча, значит, утро было туманное.

— Ну понятно.

— Вчера было воскресенье, и ты отметил, сколько длилась проповедь. Раз, два, три, четыре... Как, неужели мистер Грант читал ее сорок минут?

— Да, что-то вроде того. По моим песочным часам вышло, что говорил он добрых тридцать минут. Теперь присчитайте время, которое я потратил, чтобы перевернуть часы, да прикиньте еще пару минут, потому что проделал я это не очень-то ловко.

— Послушай, Бенджамен, по твоим подсчетам проповедь эта получается что-то уж очень длинная. Не может быть, что тебе понадобилось десять минут на то, чтобы перевернуть часы.

— Да видите ли, сквайр, пастор говорил так торжественно, я даже глаза закрыл, чтобы обдумать его слова получше, ну вот как прикрывают иллюминаторы, чтоб было поуютнее. А когда я снова их открыл, народ уже собрался уходить. Вот я и прикинул: минут десять пошло на то, чтобы перевернуть часы, и... А глаза-то я зажмурил всего на минуту...

— Э, мистер Бенджамен, не клевети зря на духовное лицо, ты просто-напросто заснул во время проповеди. — Ричард записал в журнале, что проповедь мистера Гранта длилась двадцать девять минут. — А что это у тебя тут изображено против десяти часов утра? Полная луна? Она что же, появилась среди дня? Говорят, такие случаи бывают, мне доводилось слышать. А что рядом с ней? Песочные часы?

— Вот это? — сказал Бенджамен невозмутимо, заглянув через плечо шерифа и с довольным видом пожеывая табак. — Тут записаны мои собственные делишки. Это не луна, сквайр, это лицо Бетти Холлистер. Я прослышал, что она получила новый бочонок ямайского рома, ну и заглянул к ней по дороге в церковь — ровно в десять часов утра — и хлебнул стаканчик. Я записал это на доску, чтобы мне не забыть потом уплатить ей за

выпитое, как подобает честному человеку.

— Вот оно что! — проговорил шериф, с весьма недовольным видом рассматривая эти новшества в дневнике. И неужели ты не мог нарисовать стакан получше? Он больше смахивает на череп и песочные часы.

— Признаться, сквайр, ром так пришелся мне по вкусу, что после проповеди я опять завернул к Бетти, опорожнил второй стаканчик и поставил его на дно первого, вот это у меня здесь и нарисовано. Но я побывал у Бетти и в третий раз и уже заплатил за выпитое сполна, так что ваша честь может преспокойно стереть губкой все разом.

— Я куплю тебе отдельную доску для твоих личных дел, — сказал шериф. — Мне не нравится, что твои записи в журнале пестрят такими вот пометками.

— Да нет, сквайр, не надо мне доски. Я уже смекнул, что, как видно, пока в этом бочонке не покажется дно, мне придется частенько заглядывать к Бетти Холлистер, ну, я и договорился с ней, и уж она сама начала теперь вести счет выпитым стаканам, все отмечает у себя на внутренней стороне двери. А я делаю зарубки вот тут. И Бенджамен показал шерифу деревянную палку, на которой было старательно сделано пять крупных, глубоких зарубок.

Шериф, мельком глянув на этот новый вид бухгалтерского гроссбуха, спросил:

— А что такое произошло в субботу в два часа дня? Ба, да тут, я вижу, была настоящая пирушка! Стоят две опрокинутые вверх дном рюмки!

— Нет, ваша честь, то не рюмки, то мисс Лиззи и дочка пастора.

— Но они-то зачем попали в твои записи? — воскликнул шериф удивленно.

— Они потому попали сюда, сэр, что чуть не попали в пасть пумы, вот почему, — последовал невозмутимый ответ. — Вот этот зверь — он малость похож на крысу, это верно, но на самом-то деле это и есть пума. А это, килем вверх, валяется бедняга Воин. Погиб на поле брани, словно адмирал, сражающийся за своего короля и отечество. А вот это...

— ...огородное пугало?

— Может, он и смахивает на пугало, но только, ваша честь, я так полагаю, что лучшего портрета мне рисовать еще не доводилось. Это Натти Бампо, он застрелил пуму, которая разорвала собаку и которая съела бы обеих мисс.

— Черт возьми, объясни же толком, что все это значит! — воскликнул шериф, теряя терпение.

— Как «что значит»? Здесь все точно записано, как в настоящем корабельном журнале.

Тут шериф перешел к прямым вопросам, получил на них уже более вразумительные ответы и наконец кое-как разобрался во всем случившемся. Когда изумление Ричарда, а также, скажем мы к чести шерифа, и его волнение несколько улеглись, он снова принялся разбирать иероглифы своего дворцового.

— А это еще что? Кулачный бой? В поселке произошла драка? Стоит мне уехать, и...

— Это судья и молодой мистер Эдвардс, — весьма бесцеремонно перебил его Бенджамен.

— Дьюк дрался с Оливером? Дьявол, что ли, во всех вас вселился? За те тридцать шесть часов, что меня здесь не было, событий произошло больше, чем за последние полгода.

— Верно, сквайр. Я помню, однажды была погоня и потом большое сражение, так и то в корабельном журнале не столько было записано, сколько у меня здесь на доске. Впрочем, до настоящей потасовки у них дело не дошло, только обменялись крепкими словечками.

— Ну говори, говори же! — воскликнул Ричард. — Они, конечно, ссорились из-за тех копей... Вот это фигура человека с киркой на плече. Значит, ты слышал весь их разговор?

— Да, кое-что слышал, окно-то в гостиной было открыто, и, верно, копий они наломали немало. Но только это не кирка на плече человека, а якорь: видите, вторая лапа якоря у него на спине, — пожалуй, я нарисовал ее малость близко, — а это значит: парень снялся с якоря.

— Эдвардс покинул дом?

— Ну да!

После длительных и подробных расспросов Ричарду удалось вытянуть у Бенджамена все, что тому было известно, включая историю с обыском у Кожаного Чулка, на стороне

которого были нежнейшие симпатии Бенджамена, и последовавшие затем события. Выслушав до конца, шериф схватил шляпу и вышел из дому, велел опешившему дворецкому запереть за ним дверь и ложиться спать.

Еще минут пять после того, как шериф ушел, Бенджамен стоял, уперши руки в бока и уставясь на дверь. Наконец, опомнившись, он отправился выполнять распоряжение шерифа.

Выше было сказано, что окружной суд, возглавляемый судьей Темплом, должен был заседать на следующее утро. Констебли, сопровождавшие арестованных фальшивомонетчиков, прибыли в поселок не только по этой причине, но также и затем, чтобы выполнить обычные свои обязанности во время судебной сессии. Шериф, хорошо знавший своих подчиненных, был уверен, что большинство из них, если не все, находятся сейчас у тюремного смотрителя и обсуждают качества его вин. Поэтому он сразу направился по тихим в этот час улицам поселка к небольшому и непрочному на вид строению, в котором сидели горемыки — несостоятельные должники и все те, кто так или иначе провинился перед законом; в этом же здании правосудие разбирало жалобы тех неразумных, которые готовы были выбросить на судебную тяжбу два доллара, лишь бы оттягать один доллар у соседа. Прибытие четверых преступников под охраной десятка стражников являлось в те времена настоящим событием в Темплтоне, и еще издали, только подходя к тюрьме, шериф убедился, что его подручные задумали отметить это событие достойным образом.

В ответ на знак шерифа к двери подошли двое констеблей, вызвавшие затем, в свою очередь, еще шестерых или семерых. С этим отрядом Ричард прошествовал через весь поселок до берега озера в полной тишине, нарушаемой лишь лаем двух-трех дворняжек, встревоженных мерным топотом отряда да тихими голосами переговаривавшихся между собой и с шерифом констеблей, желавших выяснить цель похода. Пройдя по сложенному из нетесаных бревен мосту через Саскуиханну, они свернули с проезжей дороги и двинулись дальше по долине, где еще недавно была одержана победа над голубями. Затем предводительствуемый шерифом отряд вошел в чащу молодых елей и орешника, разросшихся по берегу озера там, где старые деревья были срублены, но плуг так и не прошелся по земле. Вскоре отряд углубился в чащу; здесь Ричард остановился и собрал всех вокруг себя.

— Мне потребовалась ваша помощь, друзья мои, — начал он вполголоса, — чтобы арестовать Натаниэля Бампо, известного здесь под именем Кожаного Чулка. Он оскорбил магистрата и оказал вооруженное сопротивление констеблю, пытавшемуся произвести у него обыск. Короче говоря, Бампо восстал против властей, и теперь он как бы вне закона. Его подозревают и в других проступках — в нарушениях закона о неприкосновенности частной собственности. Сегодня ночью, во исполнение своего служебного долга, я намерен произвести арест вышеупомянутого Бампо и отправить его в тюрьму, а завтра утром он предстанет перед судом и ответит на все предъявленные ему тяжкие обвинения. Исполняйте ваш долг смело, друзья мои и сограждане, но соблюдайте осторожность: будьте смелы и не дайте запугать себя какими-либо незаконными попытками преступника воспротивиться вам — он, возможно, станет угрожать огнестрельным оружием или натравит на вас собак, — но смотрите также, чтобы он не ускользнул от вас, и следите за тем, как бы не случилось чего-нибудь такого, о чем, я думаю, мне вам и говорить не надо. Окружите хижину и по моему приказу «вперед», не дав Натти времени опомниться, врываются в дом и хватайте преступника. Для этого рассыпьтесь по одному, а я с кем-нибудь из вас спущусь с пригорка к берегу и займу там позицию. Все сообщения докладывайте непосредственно мне туда, где я буду стоять, — под обрывом перед хижинкой.

Эта речь, которую шериф готовил про себя всю дорогу, произвела соответствующее впечатление, то есть заставила констеблей очень ясно представить себе всю опасность операции. Отряд разделился — одни углубились дальше в лес, чтобы первыми неслышно занять позиции, остальные продолжали идти вперед, соразмеряя шаг так, чтобы подоспеть к месту всем одновременно; но каждый думал о том, как ему отбиться от собак и не попасть под пулю. Все затаили дыхание, момент был крайне напряженный.

Когда, по расчетам шерифа, обе части отряда уже добрались до хижины, он громко выкрикнул пароль, нарушив тем безмолвие леса: раскаты зычного голоса шерифа глухо прокатились под сводами деревьев и замерли. Однако вместо ожидаемого ответного шума, крика и воя собак не послышалось ничего, кроме треска веток и сучьев, — это все еще пробирались сквозь чащу констебли. Но вскоре затихли и эти звуки — все разом, как по команде. Нетерпение и любопытство шерифа взяли верх над его осторожностью, и он бросился вверх по пригорку. В следующее мгновение он уже стоял на широкой вырубке перед тем местом, где так долго жил Натти. К несказанному своему изумлению, на месте хижины шериф увидел лишь дымящиеся развалины.

Постепенно весь отряд собрался возле кучи золы и тлеющих бревен. Небольшое пламя в середине пожарища все еще находило себе пищу и бросало вокруг бледный, колеблющийся в порывах слабого ветра свет: он вдруг освещал то одно застывшее в изумлении лицо, то другое, в то время как первое снова погружалось во мрак. Никто не проронил ни звука, ни у кого не вырвалось ни единого возгласа удивления. Резкий переход от напряженного ожидания опасности к разочарованию лишил всех дара речи, и даже шериф на мгновение утратил редко изменявшее ему красноречие.

Они все еще стояли так, не шелохнувшись, когда внезапно из темноты в круг света выступила высокая фигура человека, который шел, ступая прямо по горячей золе и тлеющим углям. Когда он снял шапку, все увидели седую голову и обветренное лицо Кожаного Чулка. Несколько мгновений он смотрел на смутно видневшиеся фигуры стражников, стоявших вокруг пепелища; взгляд старика выражал скорее горечь, чем гнев.

— Что надо вам от старого, беззащитного человека? — заговорил Натти. — Вы изгнали божьих тварей из их лесных убежищ, где им было предназначено жить на радость их творцу. Вы принесли с собой зло и беды и проклятые ваши законы туда, где человек никогда не обижал человека. Вы изгнали меня, прожившего здесь долгих сорок лет, из моего дома и лишили меня крыши над головой — мне пришлось сжечь свой дом, чтобы только не дать вам войти в него, дом, где я полвека принимал в пищу и в питье лучшие дары лесов и прозрачных лесных ручьев. И теперь я оплакиваю пепел под моими ногами, как человек оплакивает свою плоть и кровь. Вы истерзали сердце старика, который никогда никому не причинил вреда, ни на кого не злобствовал и который в его возрасте должен был бы уже думать о спасении своей души. Вы заставили его пожалеть, что его родней были люди, а не звери, которые никогда не обижают своих сородичей. И теперь, когда старый Натти пришел в последний раз взглянуть на свою хижину, пока она еще не вся обратилась в золу, вы преследуете его глухой ночью, идете, как псы по следу истекающего кровью, умирающего оленя. Что вам еще надо? Я один, а вас много. Я пришел проститься со своим домом, а не бороться с вами. Делайте со мной что хотите, если такова воля божия.

Старик умолк. На его поредевших сединах дрожали отблески огня. Он все стоял и смотрел прямым и честным взглядом на стражников, а те невольно отступили в темноту от груды догорающих бревен и мерцающих лучей, тем самым освободив старику проход в чащу, где погоня за ним в кромешной тьме была бы невозможна. Натти как будто не замечал этого и не уходил, он только поочередно заглядывал в лицо то одному, то другому, как будто стараясь угадать, кто первым бросится схватить его. Но тут к Ричарду вернулось его самообладание, он подошел к охотнику и, объяснив свои действия велением долга, объявил Натти, что тот арестован. Отряд с шерифом во главе выстроился и окружил старика, и все двинулись обратно в поселок.

По дороге констебли пытались выспросить у охотника, почему он сжег хижину и где могиканин, но старик на все отвечал глубоким молчанием. Наконец шериф и его подчиненные, уставшие от дел предыдущего дня и событий этой ночи, прибыли в поселок и отправились на покой, каждый, куда ему было положено, предварительно закрыв двери тюрьмы за старым и, по-видимому, одиноким Натти Бампо.

*Подать сюда колодки!
Ты посидишь в них, неуч и хвастун!
Я проучу тебя!*
Шекспир, «Король Лир»

В июле дни большие, солнце встает рано, и еще задолго до того, как колокольчик в «академии» возвестил наступление часа, когда суд обычно приступал к своим обязанностям «защищать обиженных и карать виновных»; перед зданием, где заседал суд, собрались те, кому предстояло на нем присутствовать. Уже с рассвета по лесным дорогам и тропам, которые, сбегая по горным склонам, сходились в Темплтоне, двигались пешие и конные — все те, кто стремился в храм правосудия. Тут ехал верхом на поджаром иноходце зажиточный фермер в хорошей, добротной одежде; задрав кверху красную физиономию, он всем своим видом, казалось, заявлял: «Я оплатил свой участок, и теперь мне сам черт не брат!» Грудь у него так и распирало от гордости — ведь он был назначен одним из присяжных большого жюри. Бок о бок с ним ехал также верхом на коне другой жрец правосудия. Держался он, пожалуй, столь же независимо, но в отношении благосостояния находился ступенью ниже фермера. То был стряпчий, человек, имя которого поминалось в каждом списке дел, назначенных к слушанию, но чьи немалые доходы, приносимые ему любителями посутяжничать, попадали в лапы алчных судейских гарпий. Сейчас, беседуя с фермером, он старался растолковать ему суть предстоящего судебного разбирательства. Неподалеку от них шагал пешеход в охотничьей куртке и надвинутой на загорелый лоб парадной войлочной шляпе. Этот тоже должен был фигурировать на суде, но уже в более скромной роли — присяжного малого жюри. Он спустился из леса по горной тропинке и старался держаться в компании с остальными, как и они направляясь в Темплтон, чтобы судить и рядить своих ближних. Таких маленьких групп, конных и пеших, на дорогах в то утро можно было насчитать не менее полусотни, и все они двигались к одному и тому же месту, с одной и той же целью.

К десяти часам улицы поселка заполнились народом. Одни с деловым видом обсуждали свои личные дела и заботы, другие обменивались мнениями по вопросам политики. Некоторые прохаживались подле уже открытых лавок, глаза на выставленные товары: кто восхищался нарядами и украшениями, кто приглядывался к серпам и топорам. В толпе были и женщины, почти все с младенцами на руках; за женами неторопливо, с равнодушным видом брели их мужья и повелители. Среди остальных можно было увидеть и молодую парочку. Влюбленные шли, держась поодаль друг от друга, но учтивый кавалер направлял робкие шаги своей дамы, галантно протянув ей в помощь большой палец.

При первых же звуках колокольчика в дверях «Храброго драгуна» появился Ричард, размахивая саблей в ножнах, с которой, как он любил рассказывать, кто-то из его предков сражался в одной из победных битв Кромвеля. Шериф громко потребовал, чтобы очистили дорогу суду. Толпа немедленно подчинилась приказу, но в этом повиновении не было ничего рабского, многие даже фамильярно кивали участникам судебной процессии. Шериф прошел вперед, за ним двинулись констебли с жезлами в руках, затем Мармадьок и четверо простых степенного вида фермеров, которым предстояло заседать на сессии вместе с главным судьей. По внешности эти четверо присяжных ничем не отличались от большинства тех, что стояли в толпе, разве что на физиономии каждого из четырех избранных была начертана особая торжественность да еще один из них был облачен в допотопный военный мундир, полы которого не доходили ему до колен, а плечи были украшены серебряными эполетами размером вполовину меньше современных аксельбантов. Владелец мундира звался полковником милиции, его обязанностью было присутствовать на военных трибуналах, но он все же улучал время и для гражданского судопроизводства. Никто и словом не обмолвился по поводу его несуразного костюма, никто не обратил на это ни малейшего внимания. Далее шли несколько судебных деятелей, все с гладко выбритыми

подбородками; вид у этих джентльменов был смиренный, как у овечек, ведомых на бойню. Кое-кто из них, чтобы придать себе «ученость», нацепил на нос очки. Шествие замыкал еще один отряд констеблей, а уж за ними двигалась толпа любопытных, и в таком порядке все вошли в помещение, где обычно заседал суд.

Низ здания сложен из тесаных бревен, и в его толстых стенах кое-где были прорублены крохотные, закрытые решетками окошки, из которых сейчас выглядывали унылые лица — пристыженные, виноватые физиономии фальшивомонетчиков и честное, открытое лицо Кожаного Чулка. От помещения для несостоятельных должников тюрьма отличалась только размером окон, толщиной решеток да еще тем, что острые концы решеток были загнаны в бревна — мера, предотвращающая возможность использования острого оружия. Верхний этаж был также бревенчатый, но обшит досками. Именно здесь и заседал суд, и все помещение было надлежащим образом устроено и обставлено. Вдоль стены, на помосте высотой в рост человека, за легким барьером находилась судейская скамья, в середине ее было нечто вроде кресла с грубыми деревянными подлокотниками — постоянное место главного судьи, мистера Темпла. Напротив скамьи, посреди комнаты, помещался большой, покрытый зеленым сукном стол, вокруг которого стояли скамейки. По обе стороны от него тянулись амфитеатром места присяжных заседателей, отделенные одно от другого перилами. Все свободное пространство комнаты предназначалось для публики.

Когда судьи и все остальные участники суда расселись по своим местам и шарканье ног стихло, члены жюри присягнули на Библии, получили напутствие судьи, и суд по соблюдении всех необходимых формальностей принялся за разбирательство дел. Мы не будем докучать читателю пересказом всех деталей предварительной судебной процедуры, длившейся первые два часа. Судья Темпл напомнил присяжным о необходимости быть гуманными и думать прежде всего о самих подсудимых. Наконец стражник возвестил:

— Дорогу большому жюри!

Затем старшина присяжных вручил суду два иска, и судья Темпл сразу же увидел, что в обоих стоит имя Натаниэля Бампо. Шериф пошептался с судьями и подал знак своим подчиненным. Через несколько минут с улицы донесся гул голосов, и почти тут же под конвоем двух констеблей в зал суда ввели Кожаного Чулка и водворили на скамью подсудимых. Гул утих, расступившаяся было толпа зрителей вновь сомкнулась, и воцарилось гробовое молчание; слышно было даже тяжелое дыхание арестованного.

Натти был в своей обычной одежде, только без куртки; его клетчатую рубашку грубого полотна стягивал у ворота шнур, сплетенный из оленьих жил; красная, обветренная шея старика была обнажена. Он впервые в жизни переступил порог здания суда, и потому на его лице, помимо волнения и обиды, отражалось и любопытство. Он обвел взглядом судейский стол, скамьи присяжных, толпу зрителей. Глаза всех присутствующих были прикованы к нему, и Натти оглядел самого себя, как бы доискиваясь причины столь пристального к своей особе внимания, затем снова посмотрел на всех и вдруг засмеялся своим странным беззвучным смехом.

— Подсудимый, обнажите голову, — обратился к нему судья Темпл.

Но приказ его или не был услышан, или ему не пожелали подчиниться.

— Натаниэль Бампо, вам следует обнажить голову, — повторил судья.

Натти вздрогнул, услышав свое имя, поднял вопрошающе глаза на судью и произнес:

— Не пойму что-то.

Мистер Липпет встал из-за стола и шепнул что-то на ухо арестованному. Натти кивнул и снял с головы свою кожаную шапку.

— Господин прокурор, подсудимый готов к допросу, — проговорил судья. — Мы ждем оглашения обвинительного акта.

Обязанности прокурора нес Дэрк Вандерскол. Он поправил на носу очки, бросил осторожный взгляд на своих коллег, слегка наклонил голову, глянул поверх очков и только после этого приступил к чтению обвинительного акта. Это был обычный обвинительный акт по делу об оскорблении «словом и действием», составленный на архаичном судейском

языке, и писец приложил особые старания к тому, чтобы не пропустить названия ни одного известного закону вида оружия. Дочитав до конца, мистер Вандерскол снял очки, сложил их и водворил на прежнее место в карман, по-видимому, исключительно ради удовольствия тут же снова их вынуть и водрузить на нос. Повторив всю эту процедуру раза два, он вручил акт защитнику с таким видом, словно хотел сказать: «Попробуйте тут к чему-нибудь придраться!» Натти чрезвычайно внимательно выслушал обвинение, он даже наклонился всем туловищем вперед, чтобы не упустить ни слова из сказанного. По окончании чтения он выпрямился во весь свой высокий рост и глубоко вздохнул. Глаза всех были устремлены на обвиняемого, все тщетно ждали, что вот сейчас его голос нарушит тишину.

— Натаниэль Бампо, вы слушали выдвинутое против вас обвинение, — проговорил судья. — Признаете вы себя виновным или нет?

Старик низко опустил голову, как будто призадумавшись, потом вдруг засмеялся и ответил:

— Я с ним обошелся малость круто, спорить не буду, но что я будто бы проделал все то, о чем тут поминали, — это сушая ложь. Я в кулачной расправе не очень-то силен, стар становлюсь. Но вот однажды довелось мне столкнуться с ирландцами. В каком же году это было? Дайте-ка вспомнить... Должно быть, в начале той войны, когда...

— Мистер Липпет, если вы выступаете официальным защитником обвиняемого, — вмешался судья Темпл, — объясните ему, как следует отвечать суду. В противном случае суд сам назначит ему защитника.

Адвокат, занимавшийся в этот момент изучением обвинительного акта, встал и, обменявшись с Натти несколькими словами, произнесенным вполголоса, заявил, что допрос можно продолжать.

— Подсудимый, признаете вы себя виновным или нет? — повторил судья.

— С чистой совестью могу сказать, что нет, — ответил старый охотник. — Потому что не может быть виноват тот, кто поступает правильно. А я скорее умер бы на месте, чем позволил бы ему тогда ступить ногой в мою хижину.

Услышав это, Ричард встрепенулся и многозначительно глянул на Хайрема, на что тот слегка повел бровями.

— Теперь ваше слово, господин прокурор, — сказал судья. — Господин секретарь, занесите в протокол заявление подсудимого «не виновен».

Мистер Вандерскол произнес краткую вступительную речь, после чего суд вызвал Хайрема. Возможно, что факты он изложил точно, но всему происшедшему придал особую окраску тем, что все время вставлял выражения вроде «не имея никаких дурных намерений», «считая своим непреложным долгом магистрата», «видя, что констебль не проявляет достаточной решительности» и тому подобное. Прокурор от дальнейшего допроса отказался, и тут встал мистер Липпет и, всем своим видом выражая крайнюю пронизательность, задал Хайрему следующие вопросы:

— Вы констебль округа, сэр?

— Нет, сэр, — ответил Хайрем, — я только мировой судья.

— Скажите, мистер Дулитл, перед лицом суда, как подсказывает вам совесть и ваше знание законов: имели вы право насильно войти в дом обвиняемого?

— Гм!.. Я полагаю... — промямлил Хайрем, раздираемый двумя чувствами: жадной мщенья и желанием щегольнуть своими юридическими познаниями. — Я полагаю, что... если следовать букве закона, то... пожалуй, у меня не было настоящего... законного права, но, поскольку Билли мешкал... я рассудил, что мне следует взять на себя...

— Я повторяю, сэр: правда ли, что старый, одинокий человек неоднократно предупреждал вас, чтобы вы не входили к нему в дом? — продолжал адвокат, стараясь закрепить свой успех.

— Должен сказать, что он вел себя чрезвычайно грубо, — ответил Хайрем, — я бы даже сказал — неумно. Когда к тебе приходит сосед...

— Ах, так, значит, вы утверждаете, что с вашей стороны это было лишь дружеским

визитом, не санкционированным законом? Запомните, джентльмены, слова свидетеля: «Когда к тебе приходит сосед...» Теперь, сэр, скажите: действительно ли Натаниэль Бампо снова и снова повторял, что решительно запрещает вам вход в его дом?

— Да, на этот счет разговоры были, но я вслух прочитал ему ордер на обыск.

— Я повторяю вопрос: он заявил вам, что не хочет впускать вас к себе в дом?

— Да, мы долго препирались, но... Да вот у меня в кармане ордер. Быть может, суд желает с ним ознакомиться?

— Свидетель, отвечайте на вопросы прямо, — вмешался судья Темпл. — Обвиняемый заявил вам о своем нежелании впустить вас к себе в дом или нет?

— Мне кажется...

— Отвечайте прямо, — строго сказал судья. — И, несмотря на это, вы все же пытались войти?

— Да. Но ведь у меня на руках был ордер.

— Мистер Липнет, продолжайте допрос.

Но защитник, заметив, что впечатление на суде слагается в пользу его клиента, лишь небрежно отмахнулся, как бы выражая этим свою уверенность в том, что присяжные и сами все поняли и ему незачем докучать суду.

— Нет, сэр, пока я больше вопросов не имею, — сказал он.

— Господин прокурор, — сказал судья, — имеете ли вы что-либо заявить суду?

Мистер Вандерскол снял очки, сложил их, снова поместил на нос, посмотрел на второй иск, который держал в руке, и ответил, глядя поверх очков:

— С разрешения суда, я на этом обвинение закончу.

Судья Темпл встал.

— Господа присяжные заседатели, вы слышали свидетельские показания, — начал он. — Я буду краток. Если официальному лицу при исполнении им служебных обязанностей оказывают сопротивление, он располагает неотъемлемым правом призвать себе на помощь любого гражданина, действия которого с этого момента оказываются под эгидой закона. Я предлагаю вам, господа присяжные заседатели, решить, исходя из свидетельских показаний, можно ли считать таковым мистера Дулитла. Я позволяю себе подойти к данному делу не слишком официально, так как против подсудимого, увы, имеется еще другое и более серьезное обвинение.

Мармадьок говорил мягко и вдумчиво, и его явная беспристрастность не преминула произвести должное впечатление на присяжных. Степенные фермеры, составлявшие большую жюри, совещались в течение нескольких минут, даже не покинув для того своих мест. Затем старшина присяжных встал и провозгласил:

— Не виновен.

— Натаниэль Бампо, суд снимает с вас обвинение, — сказал судья.

— Не пойму что-то, — сказал Натти.

— Суд оправдал вас, с вас снято обвинение в том, что вы оскорбили и ударили мистера Дулитла.

— Нет, нет, я не отрекаюсь, я малость тряхнул его за плечи, — признался Натти чистосердечно, — и я...

— Вы оправданы, — перебил его судья, — и говорить об этом больше нечего.

Лицо старика вдруг осветилось радостью, когда он наконец понял, в чем дело. Быстро надев шапку, он откинул барьер, отделявший его от всех остальных, и сказал прочувствованно:

— Ну, судья Темпл, должен признать, суд обошелся со мной не так уж сурово, как я того опасался. Да благословит вас бог за вашу доброту ко мне!

Но жезл констебля загородил ему дорогу, мистер Липпет шепнул на ухо своему подзащитному несколько слов, и старый охотник сел на прежнее место, снова снял шапку и пригладил свои редкие седые волосы; на лице у него были написаны уныние и покорность.

— Господин прокурор, огласите следующее обвинение, — сказал судья Темпл, делая

вид, что озабоченно просматривает какие-то бумаги.

Мистер Вандерскол принял все меры к тому, чтобы ни единое слово в документе, который он зачитывал вслух, не пропало для слушателей. Подсудимый обвинялся в том, что он с оружием в руках оказал сопротивление официальному лицу, явившемуся к нему с обыском. В обвинительном акте, составленном на путаном судебском языке, с многократным повторением перечня оружия, особенно подчеркивалось, что Натти грозил магистрату охотничьим ружьем. Это и в самом деле являлось более серьезным преступлением, чем оскорбление действием. Интерес зрителей заметно возрос. Обвиняемого вновь по всем правилам «привлекли к суду», вновь потребовали ответа, виновен он или нет, и мистер Липпет попытался шепотом подсказать ему, как нужно говорить. Но некоторые выражения, стоявшие в обвинительном акте, задели за живое старого охотника, и он, забыв всякую осторожность, воскликнул:

— Все это бессовестная ложь, я не хотел проливать ничьей крови! Даже разбойники-ирокезы не осмелятся сказать мне в лицо, что я когда-либо жаждал человеческой крови. Я сражался как солдат, повинуюсь богу и командиру, но я никогда не спускал курка ни на кого, кроме как на воина в открытом бою. Никто не скажет, что я хоть раз напал на спящего врага. Некоторые, я вижу, думают, что мы здесь в лесах совсем безбожники и что совести у нас нет!

— Не отвлекайтесь, Бампо, — сказал судья. — Вы поняли, в чем вас обвиняют? В том, что вы направили ружье на блюстителя порядка. Признаете вы себя виновным или нет?

Однако вспышка гнева у Натти Бампо уже прошла. С минуту он молчал, задумчиво облокотившись на барьер, потом вдруг поднял голову и рассмеялся своим беззвучным смехом, указывая на стоявшего среди зрителей лесоруба:

— Вы думаете, что Билли Керби стоял бы сейчас здесь, кабы я пустил в ход свое ружье?

— Значит, вы отрицаете свою вину, — сказал мистер Липпет, — вы заявляете, что невиновны?

— Ну понятно, — сказал Натти. — Билли-то знает, что я не спускал курка. Помнишь, Билли, ту индюшку прошлой зимой? Да, в нее попасть было не так-то просто. Но теперь я уже не тот, что был в молодости.

— Занесите в протокол: подсудимый не признает себя виновным, — сказал судья Темпл. Простодушие старого охотника произвело на него сильное впечатление.

Хайрема снова привели к присяге, и он дал показания по второму обвинению. Он уже понял, какую ошибку допустил при первом допросе, и теперь действовал осторожнее. Он изложил весьма толково и с поразительной для такого, как он, человека лаконичностью, свои подозрения относительно Натти Бампо, рассказал и обо всем, том, что засим последовало, — о своем заявлении по этому поводу судье, о получении ордера на обыск, о том, что Билли Керби принял присягу, — и особенно подчеркнул, что все было сделано строго по форме закона. Затем он описал, какой прием оказал Натти констеблю, утверждая, что охотник навел на Керби ружье в упор, угрожая пристрелить его, если тот попытается выполнить свой служебный долг. Все сказанное было подтверждено Джотемом, его отчет о событиях полностью совпал со всем тем, что сообщил магистрат. Мистер Липпет повел ловкий перекрестный допрос обоих свидетелей, но, после того как потратил на то немало времени, был вынужден, отчаявшись, бросить попытку добиться чего-либо в пользу своего подзащитного. Наконец прокурор потребовал, чтобы вызвали свидетеля Керби. Лесоруб дал очень сбивчивые показания, хотя было ясно, что он старается говорить только правду. Мистер Вандерскол пришел ему на помощь, задав ряд прямых вопросов.

— Свидетель Уильям Керби, документы подтверждают, что вы требовали допуска в дом охотника на законном основании. Почему же вы не вошли? Вас испугали ружье и угрозы?

— Ни вот настолечко я их не испугался, — ответил Билли, прищелкнув пальцами, — Grosh мне цена, коли я стану бояться Кожаного Чулка.

— Но из сказанного вами в начале ваших показаний явствует, что вы не усомнились в том, что он действительно намеревается выстрелить в вас.

— Еще бы! И вы бы, сквайр, не усомнились, кабы на вас наставили ружье, что бьет без промаха, да прищурились таким наметанным глазом. Тут, я вижу, дело заварилось нешуточное, ну, я сразу на дыбы, а Кожаный Чулок взял и отдал мне оленью шкуру по-хорошему, ну, дело тем и кончилось.

— Да, Билли, хорошо, что я вовремя сообразил выбросить тебе шкуру, — сказал Натти и покачал головой. — Иначе не обойтись бы без кровопролития. И коли бы из нас двоих отдал душу ты, я бы тебя горько оплакивал весь недолгий остаток моей жизни.

— Ну-ну, Кожаный Чулок, — ответил ему Билли, глядя на подсудимого без малейшего стеснения, словно забыл, что они здесь не одни. — Уж коли ты заговорил об этом, то, может, у тебя...

— Продолжайте допрос, господин прокурор.

Прокурор с явным неудовольствием слушал эту приятельскую беседу свидетеля с подсудимым и дал знак судьям, что больше вопросов не имеет.

— Следовательно, старый Натти Бампо не напугал вас, мистер Керби? — спросил адвокат.

— Меня? Напугал? Ну, нет! — сказал Билли и окинул самодовольным взглядом свою внушительную фигуру. — Меня не так-то легко испугать.

— Вы, по-видимому, обладаете большой физической силой. Где вы родились?

— В штате Вермонт. Местность там у нас гористая, но и леса много, все буки да клены.

— Да, мне приходилось об этом слышать, — сказал мистер Липнет примирительным тоном. — Вы у себя на родине тоже привыкли иметь дело с ружьем?

— По части стрельбы из ружья я здесь на втором месте. На первом месте Натти, с тех пор как он подстрелил на лету того голубя.

Кожаный Чулок вскинул голову, рассмеялся и вдруг быстрым движением протянул вперед морщинистую руку:

— Ты еще молод, Билли, и еще не встречался с умелыми стрелками, как это доводилось мне. Но я к тебе зла не питаю, вот тебе в том моя рука.

Мистер Липнет не препятствовал этой попытке к примирению и благоразумно выжидал, пока подсудимый и свидетель изливались в дружеских чувствах один к другому, но тут вмешался судья.

— Здесь не место для подобных разговоров, — сказал он. — Продолжайте допрос свидетеля, мистер Липнет, в противном случае я вызову других свидетелей.

Адвокат вздрогнул, сделав вид, будто сам не усмотрел в происходящем ничего неуместного, и продолжал:

— Итак, вы тогда же уладили дело миром?

— Ведь он отдал шкуру, чего же было ссориться со старым охотником? Сказать по совести, не такой уж это великий грех — убить оленя.

— И вы расстались дружелюбно? У вас не было намерения самому подавать в суд на Бампо, вы явились сюда лишь по вызову?

— Нет, жаловаться я не собирался. Шкуру-то он ведь не утаил, и я на старика не серчал. А вот сквайр Дулитл, видать, сильно на него разобиделся.

— Больше вопросов не имею, сэр, — проговорил мистер Липпет, вероятно рассчитывая теперь на поддержку судьи, и уселся на место с видом человека, уверенного в успехе.

Тут мистер Вандерскол обратился к присяжным заседателям со следующей речью:

— Господа присяжные заседатели! Я бы прервал наводящие вопросы господина защитника — под наводящими вопросами я разумею вопросы, которые сами подсказывают ответы, — если бы не был убежден в том, что закон нашей страны сильнее тех адвокатских уловок — я имею в виду законных уловок, — которыми господин защитник думает выгородить обвиняемого. Господа присяжные заседатели, защитник пытался заставить вас поверить, вопреки вашему собственному суждению, что направить ружье на констебля,

человека, облеченного законными правами, — поступок вполне невинный и что для общества — я имею в виду жителей нашего края — он не таит в себе никакой угрозы. Но позвольте мне обратить ваше внимание на некоторые подробности этого пренеприятного дела.

И мистер Вандерскол зачитал суду отчет о событиях, изложенных в такой форме, что окончательно сбил с толку своих почтенных слушателей.

Дочитав, он заявил:

— А теперь, господа присяжные заседатели, когда вам уже вполне ясно, в чем состоит преступление этого несчастного — несчастного, потому что он невежествен и повинен в преступлении, — я предоставляю вашей совести решать дело — вынести справедливый приговор. И я не сомневаюсь, что, невзирая на заявления защитника, который, памятуя ваш приговор по первому делу, уверен в своем успехе и на этот раз, вы накажете преступника, как того требуют законы правосудия.

Теперь слово было за судьей Темплом. Его обращение к присяжным представляло собой краткое, но исчерпывающее резюме свидетельских показаний, в котором разоблачались уловки адвоката и факты были изложены столь ясно, что все наконец вполне поняли, что, собственно, произошло.

— Мы живем почти на границе цивилизации, господа присяжные заседатели, и потому для нас вдвойне важно поддерживать авторитет служителей закона, — сказал в заключение судья. — Если вы видите факты такими, какими они были представлены вам в свидетельских показаниях, вы обязаны осудить виновного; но, если вы верите, что старый человек, представший перед вашим судом, не имел умысла причинить вред констеблю и его действия были продиктованы скорее привычными побуждениями охотника, нежели преступными намерениями, ваш долг судить его, но оказать ему снисхождение.

Как и в первый раз, члены большого жюри посовещались тут же, не покидая зала суда, и затем старшина присяжных встал и провозгласил:

— Виновен.

Решение это никого, собственно, не удивило: все свидетельские показания, большая часть которых была здесь опущена, явно говорили о вине Кожаного Чулка. Судьи, казалось, предугадали, каково будет решение присяжных, и одновременно с совещанием жюри шло совещание и за судейским столом: видимо, в приговоре никто не сомневался.

— Натаниэль Бампо... — начал судья и сделал обычную в таких случаях паузу.

Старый охотник, который опять было задумался и сидел, положив голову на барьер, тотчас встал и выкрикнул быстро, по-военному:

— Здесь!

Судья поднял руку, водворяя тишину, и сказал:

— Вынося этот приговор, суд руководствовался как тем обстоятельством, что вы плохо знаете законы, так и твердой уверенностью в необходимости наказывать за те нарушения их, в которых суд счел вас повинным. Суд решает не подвергать вас обычному в таких случаях наказанию плетью, оказывая снисхождение вашему преклонному возрасту. Но, так как по закону наказание должно быть проведено публично, суд постановляет посадить вас в колодки сроком на один час. Затем вы обязаны уплатить в государственную казну штраф размером в сто долларов, после чего вы должны отбыть тюремное заключение сроком в один месяц, а в случае, если штраф не будет уплачен вовремя, заключение будет длиться до его уплаты. Я считаю своим долгом, Натаниэль Бампо...

— Да откуда же раздобыть мне такую уйму денег? — воскликнул Кожаный Чулок с жаром. — Где мне их достать? Ну ладно, я убил оленя — так заберите в казну мои премии за убитых пум. Где же старому человеку найти в лесу столько денег? Нет, судья, подумайте-ка хорошенько, не говорите, что вы собираетесь засадить меня за решетку на то короткое время, которое мне осталось прожить!

— Если у вас есть возражения против решения суда, суд готов вас выслушать, — сказал Мармадюк Темпл мягко.

— Да у меня их сколько угодно! — воскликнул Натти, судорожно вцепившись рукой в барьер. — Где мне взять деньги? Отпустите меня в леса и горы, туда, где я привык дышать чистым воздухом, и, хотя мне уже семь десятков, я буду охотиться день и ночь, если только вы еще не погубили всю дичь в этом краю, и до конца охотничьего сезона принесу вам деньги, все сполна. Да-да, вы же сами понимаете, что я прав, что грех вам запирать в тюрьму старика, который всю свою жизнь провел там, где у него всегда над головой было небо.

— Я должен руководствоваться существующим законом...

— Не говорите мне о законах, Мармадьук Темпл, — прервал его охотник. — Разве звери в лесу подчинялись законам, когда готовы были растерзать ваше родное детище? Ваша дочь стояла на коленях и просила помощи у неба — просила милости большей, чем я прошу сейчас у вас, и мольбы ее были услышаны. А если вы не внемлете моим словам, думаете, бог меня оставит?

— Мои личные соображения не должны...

— Послушайте-ка, Мармадьук Темпл, — вновь прервал его старик, глядя серьезно и печально, — послушайте, что я вам скажу. Я бродил по этим горам, когда вы были еще младенцем на руках у матери. И я знаю, что у меня есть право бродить по этой земле до конца моей жизни. Вы забыли те времена, когда пришли сюда в первый раз. Тогда здесь еще не понастроили тюрем. Вспомните, я отдал свою медвежью шкуру, чтобы устроить вам постель, и я дал вам мясо благородного оленя, чтобы утолить ваш голод. Да, тогда вы не считали преступлением убить оленя! Я сделал для вас все это, хотя относиться к вам дружелюбно мне было не за что, ведь вы причинили столько зла и вреда тем, кто любил меня и давал мне кров. И теперь за все мое добро к вам вы посадите меня за решетку? Сто долларов! Где мне их добыть? Нет, нет... Есть такие, что иной раз говорят о вас дурно, Мармадьук Темпл, но вы не так уж злы, чтобы упрятать старика в тюрьму и смотреть, как он там умирает, потому что стоял за правое дело. Ну-ка, друг, открой барьер, выпусти меня. Я слишком долго был на людях, я хочу вернуться в свои леса. И не бойтесь, судья, — пока в ручьях еще водятся бобры и за оленью шкуру платят по шиллингу, вы свой штраф получите, все до последнего пенса. Ну, мне и моим собачкам будет немалая работа, правду сказать, не по возрасту, но ничего, мы справимся... Да, да, я обещаю это, я все сделаю, как сказал.

Нечего и говорить, что едва он сделал шаг к выходу, как его тут же задержал стражник. Но не успел Кожаный Чулок сказать и слова, как в то же мгновение в толпе послышался гул голосов и громкий шум, и взгляды всех устремились в дальний конец комнаты.

Через толпу протиснулся Бенджамен, и все увидели его коренастую фигуру: встав одной ногой на подоконник, он оперся другой о барьер у скамьи присяжных и, к изумлению всех присутствующих, как видно, собирался произнести речь. С немалыми усилиями вытащив из кармана кошелек, он заявил:

— Если ваша честь согласна отпустить беднягу в новый рейс среди его лесного зверья, — вот возьмите, вроде бы в задаток. Тут у меня есть кое-что — ровно тридцать пять испанских дублонов. От всей души желал бы я, чтоб то были британские гинеи, тогда бы этого хватило старику на уплату штрафа. Но уж сколько есть, столько есть, и, коли сквайр Джонс сделает такую милость и подведет итог вот этому маленькому счету и вынет из кошелька, сколько с меня полагается, все остальное судья может забрать себе и пусть держит до того времени, пока Кожаный Чулок возьмет на бордаж этого своего бобра, а в случае чего, пусть и навсегда себе оставит. И никакой благодарности за то не требуется.

И Бенджамен протянул сразу обе руки: в одной он держал свой «гроссбух» — деревянную палку с зарубками, запись долга в «Храбром драгуне», а во второй — кошелек с деньгами. От изумления никто не проронил ни звука, но тут шериф, стукнув по столу саблей, крикнул Бенджамену:

— Молчать!

— Да, пора прекратить все это, — сказал судья, стараясь сдержать собственное волнение. — Констебль, отведите арестованного к позорному столбу. Господин секретарь, какое у нас на очереди дело к слушанию?

Натти, казалось, покорился неизбежному. Свесив голову на грудь, он молча шел следом за стражником. Толпа расступилась, пропуская арестованного. Когда он спускался с крыльца, зрители кинулись вон из зала и устремились к месту, где должно было состояться позорное наказание Натти Бампо.

Глава 34

Ха-ха-ха! Жесткие на нем подвязки!
Шекспир, «Король Лир»

В ту пору, о которой ведется наш рассказ, в штате Нью-Йорк применялись публичные наказания — позорный столб и колодки, которых еще не сменило тюремное заключение как более гуманная мера. Оба эти анахронизма были установлены напротив здания, где вершился суд, являясь как бы предостережением бдительного правосудия всем местным нарушителям порядка.

Сюда-то и последовал за констеблями старый Натти, склонив голову перед силой, с коей не мог бороться. Его окружила толпа, все глядели на него с жадным любопытством. Один из констеблей приподнял верхнюю часть колодок и пальцем указал старику на отверстия, куда несчастный должен был просунуть ноги. Не оказав ни малейшего сопротивления, Кожаный Чулок спокойно сел на землю и без единого звука жалобы сунул ноги в отверстия колодок. Он только посмотрел на тех, кто стоял вокруг, ища в их взглядах сочувствия, в котором так нуждается всякий страждущий. Если никто не выразил ему открыто сострадания, то не увидел он и злорадства, не услышал ни одного недоброжелательного слова. Толпа молча наблюдала за происходящим. Констебль начал уже опускать верхнюю доску колодок, когда вдруг Бенджамен, успевший пробраться совсем близко к старику, нарочито грубо и резко, словно ища повода для ссоры, обратился к констеблю:

— Скажите-ка мне, мистер констебль, чего это ради заковывают человека в деревянные? Ведь ни спине его, ни ребрам вреда от того не будет — для чего же это с ним проделывают?

— Таков приговор суда, мистер Пенгиллен, а суд, надо полагать, в законах разбирается.

— Знаю, знаю, что все это по закону. Но прок-то в том какой? В самих колодках ведь ничего плохого нет — просто держат человека попусту за пятки целых две склянки.

— По-твоему, Бенни Помпа, в них нет ничего плохого? — проговорил вдруг Натти, устремив на стюарда жалобный взгляд. — Значит, это хорошо, когда семидесятилетнего старика выставляют на посмешище, чтоб на него, как на ручного медведя, глазели зеваки? Значит, это хорошо посадить в колодки старого солдата, который сражался в войну 1756 года и участвовал в семидесяти шести схватках с врагом? Опозорить его так, чтобы мальчишки потом указывали на него пальцами и говорили: «А я знаю этого старика, его выставляли на позор перед всей округой!» Значит, это хорошо, когда так унижают гордость честного человека, уподобляют его дикому зверю?

Бенджамен метал в толпу свирепые взгляды. Попадись ему на глаза чья-нибудь дерзкая физиономия, и он бы немедленно затеял драку. Но все смотрели серьезно, некоторые с жалостью, и Бенджамен, медленно опустившись на землю, уселся возле охотника. Сунув ноги в два пустых отверстия в колодках, он сказал:

— Опускай доску, констебль, опускай, говорю я тебе! Если есть тут такие, что хотят увидеть представление ручного медведя, пусть любуются, черт их подери! Их будет двое, ручных медведей, но берегитесь, может, один из них умеет не только рычать, но и кусаться!

— Да ведь я не получал приказа сажать вас в колодки, мистер Помпа, — запротестовал констебль. — Поднимайтесь-ка с земли, не мешайте мне делать мое дело.

— Какой еще нужен тебе приказ, коли я сам тебе приказываю? Кто, кроме меня, может распоряжаться моими ногами? Поворачивайся живее, слышишь? А коли увижу, что

кто-нибудь открыл рот и ухмыльнулся, тому не поздоровится.

— Нет, право, стоит посадить в колодки того, кто сам в загон, лезет, — проговорил вдруг констебль смеясь и закрепил колодки на обоих пленниках разом.

Вид Бенджамена в колодках всех насмешил, и лишь немногие сочли за благо подавить в себе приступ веселья. Стюард яростно силился высвободиться, как видно готовый ринуться в драку с теми, кто стоял поближе, но, на их счастье, констебль действовал решительно и уже повернул ключ, так что все усилия Бенджамена Помпы пропали зря.

— Эй, послушай-ка, мистер констебль! Открой дверяшки всего на пару минут — я только хочу бросить лаг. Слышишь? Я покажу, что я за человек, кое-кому из тех, кто вздумал надо мной потешаться!

— Ну, нет, вы сами пожелали сесть в колодки, мистер Помпа, так теперь уж сидите, — ответил констебль. — Придется вам вместе с Натти Бампо отсидеть все положенное время.

Видя, что его угрозы и сопротивление не оказывают действия, Бенджамен счел благоразумным взять пример с терпеливо сидевшего рядом с ним старика. Грубоватое, с резкими чертами лицо старого матроса выражало теперь презрение; ярость его сменилась отвращением. Когда буря в груди Бенни Помпы несколько утихла, он повернулся к своему товарищу по несчастью, пытаясь его утешить, и это доброе стремление, быть может, оправдало бы и более резкое проявление негодования, чем то, о котором мы только что рассказали.

— По правде сказать, мистер Бампо, дело это пустяковое, — начал он. — Я знавал на борту «Боадицеи» ребят — и не плохого они были сорта, — их сажали в колодки ну прямо-таки ни за что ни про что. Всей и вины-то их бывало сущие пустяки — иной раз запомнят, что деньги у них уже все пропиты, да по ошибке и хлебнут еще по стаканчику грога, коли попадется он им на глаза. Сидеть здесь — все равно что стоять на двух якорях, которые заброшены впереди судна: знай себе жди, когда начнется прилив или переменится ветер. И дно мягкое, и для ног простора сколько угодно, верно?

Охотник, видимо, оценил добрые намерения Бенджамена, хотя и не очень хорошо понял его красочные сравнения. Подняв лицо, выражавшее теперь смирение, и силясь улыбнуться, он проговорил:

— Не пойму что-то.

— Это все пустяки, говорю я, всего лишь легкий шквал: налетел, и нет его, — продолжал Бенджамен. — Для тебя, с твоим длинным килем, это сущая безделица. А я вот малость коротковат в нижних шпангоутах, и мне так подтянули пятки, что только держись. Но я, мистер Бампо, и ухом не веду, когда судно немного натягивает якорь, ведь это всего только на полувахту, а потом, провалиться мне на этом месте, если судно не отправится в плавание за этими самыми бобрами. Я не очень-то привычен к ручному огнестрельному оружию, я ведь стоял у ящиков с боеприпасами: оснастка у меня слишком низкая, я могу видеть не выше подвесной койки. Ну что ж, буду таскать дичь, может, и западни пособлю расставлять. И коли ты по части западней действуешь так же ловко, как и по части остроги, плавание наше с тобой надолго не затянется... Я уже уладил все свои дела со сквайром Джонсом и нынче же пошлю передать ему, что пусть уж до конца моего плавания как-нибудь без меня обходится.

— Ты привык жить среди людей, — ответил Кожаный Чулок печально, — жизнь в лесу покажется тебе трудной.

— Как бы не так! — воскликнул стюард. — Я не из тех неженков, мистер Бампо, что способны плавать только по спокойному морю. Уж коли у меня завелся друг, я его в беде не брошу, понятно? Признаться, на свете, пожалуй, и не сыщешь человека лучше сквайра Джонса, он мне, может, люб не меньше того нового бочонка ямайского рома, который стоит у миссис Холлистер. — Помолчав, стюард повернул к охотнику свою простоватую физиономию и лукаво ему подмигнул; лицо его расплылось в широкую улыбку, и, сверкнув белыми зубами, он сказал вполголоса:

— Я тебе скажу, мистер Кожаный Чулок, ром этот покрепче и погорячее голландского

рома, и мы сейчас пошлем кого-нибудь к миссис Холлистер, пусть пришлет вам бутылочку, а то проклятые деревяшки так стиснули мне шпангоуты, что требуется немного облегчить верхний корпус.

Натти вздохнул, глянул на уже заметно поредевшую толпу — люди постепенно расходились по своим домам, — затем на Бенджамена, но ничего ему не ответил. Горе и забота, казалось, вытеснили в нем все остальные чувства, невеселые мысли омрачили морщинистое лицо старика.

Стюард уже решил, что молчание Натти — знак его согласия, но в этот момент из толпы вышел Хайрем Дулитл и вместе с ним Джотем. Пройдя расстояние, отделявшее толпу от узников, магистрат миновал Бенджамена и остановился как раз напротив Кожаного Чулка, стараясь, однако, держаться на почтительном расстоянии от стюарда. Под пристальным взглядом Натти он весь будто съежился, испытывая, как видно, необычное для него смущение. Потом, несколько овладев собой, он поднял голову, взглянул на небо и на дрожащее море и проговорил, как всегда, сухо-официально и нерешительно, но таким тоном, как будто беседовал с приятелем:

— Последнее время что-то мало дождей. Я так думаю, будет засуха.

Бенджамен в эту минуту был занят тем, что развязывал кошелек, и потому не сразу заметил магистрата, а Натти, ничего не ответив, отвернулся в негодовании; лицо его исказилось. Однако Хайрема такое явное выражение неприязни к его особе отнюдь не обескуражило, а, скорее, даже приободрило, и немного погодя он заговорил снова:

— Облака такие, словно в них нет и капли воды, а земля совсем растрескалась. Если в ближайшее время не выпадут дожди, урожай в этом году, я полагаю, будет плохой.

Сие пророчество мистер Дулитл изрек тоном, весьма характерным для людей подобного склада: иезуитски холодно и равнодушно, будто говорил: «Я знать ничего не знаю, я поступил строго по закону». И это человеку, которого он кровно обидел! Тут выдержка, стоившая старому охотнику такого труда, оставила его, негодование Натти бурно вырвалось наружу.

— Зачем падать дождю с неба, когда здесь, на земле, вы исторгаете ручьи слез из глаз стариков, из глаз сирых и убогих? — воскликнул он. — Уходи отсюда, уходи прочь! С виду ты создан по образу и подобию божию, но в сердце тебе вселился сам сатана. Уходи отсюда, говорю я! И так на душе у меня тяжело, а вид твой еще больше растравляет мне душу!

Бенджамен перестал считать свои доллары и поднял голову, как раз когда Хайрем, забыв об осторожности при обрушившихся на него горьких упреках Натти, подошел близко к стюарду. Тот мгновенно ухватил плотника за ногу своей огромной ручищей и, держа ее крепко, словно клещами, свалил врага на землю, прежде чем тот успел опомниться и пустить в ход свою собственную, отнюдь не малую силу. Голова, плечи и руки Бенджамена были достаточно внушительных размеров, хотя туловище предназначалось как будто для человека совсем других пропорций. В данном случае он применил свою силу довольно осмотрительно, но, так как его противник с первого же момента оказался в невыгодном положении, борьба очень быстро закончилась тем, что Бенджамен усадил магистрата в позу, несколько похожую на свою собственную, так что оба они оказались на земле лицом друг к другу.

— Вы, мистер Дулитл, порядочный негодяй, вот что я вам скажу! — прогремел стюард. — Вы произносите перед сквайром Джонсом свои цветистые речи, а потом ходите и сплетничаете по поселку со всеми старыми бабами. Да, да! Или мало вам того, что вы заковали в деревянные честного, порядочного старика, — вам еще нужно напирать на него всем корпусом, когда бедняга стоит на якоре! Но я, мистер Дулитл, давно уже точу на вас зубы, и вот пришло наконец-то время поквитаться мне с вами, понятно? Ну ты, сухопутная крыса, держись, обороняйся! Посмотрим, кто кого!

— Джотем! — завопил перепуганный магистрат. — Джотем!.. Вызови констеблей! Мистер Пенгиллен, именем закона я требую прекратить эту ссору!

— Ссориться нам прежде не случалось, но и дружбы между нами не было! — крикнул

стюард, довольно недвусмысленно выказывая намерения перейти к открытым враждебным действиям. — А теперь берегись! Ну, защищайся! Понюхай-ка, чем пахнет этот кузнечный молот!

— Только попробуй! — кричал Хайрем, насколько это было для него возможно, ибо Бенджамен крепко держал его за глотку. — Только попробуй поднять на меня руку!

— Коли ты это называешь поднять руку, то что с тобой будет, если я ее опущу? — И старый матрос расхохотался во все горло.

Неприятный долг повелевает нам добавить, что Бенджамен повел себя затем уже вовсе не любезно: он со всего маху опустил свой молот на наковальню, то бишь на физиономию мистера Дулитла. Тут сразу поднялись шум и суматоха, их окружила толпа; некоторые поспешили в здание суда бить тревогу, а кое-кто из самых молодых стремглав помчался наперегонки к жене магистрата, каждый надеясь оказаться тем счастливым, который первым сообщит ей, какая участь постигла ее супруга.

Бенни Помпа с большим уменьем и без отдыха стучал молотом по наковальне. Одной рукой сшибая с ног мистера Дулитла, он другой рукой тотчас поднимал его. Бенни перестал бы уважать себя, если бы позволил себе бить лежащего противника. Он уже успел совершенно изуродовать лицо Хайрема, когда к месту битвы подоспел сам шериф. Впоследствии Ричард говорил, что, помимо негодования, которое вызвало у него, как у блюстителя закона, это нарушение общественной тишины, он в жизни не испытывал большего огорчения, чем при виде раздора между двумя своими любимцами. Хайрема он жаловал за то, что тот льстил его самолюбию, а Бенджамена, сколь бы удивительным сие ни показалось, искренне любил. Это его отношение к Бенни Помпе сказало в первых же произнесенных им словах:

— Сквайр Дулитл, мне стыдно за вас! Как мог человек вашего положения и характера настолько забыть, что позволил себе нарушить общественный порядок, нанести оскорбление суду и избить несчастного Бенджамена?

Услышав голос мистера Джонса, стюард прекратил военные действия, и Хайрем получил возможность поднять кверху свою распухшую физиономию. Ободренный появлением шерифа, мистер Дулитл вновь обрел дар речи и завопил:

— Я тебя привлеку к ответу за такое самоуправство! Ты мне за все ответишь! Господин шериф, прикажите схватить этого человека, я требую, чтобы его заключили под стражу!

Ричард, повернувшись к стюарду, сказал ему с упреком:

— Бенджамен, как это ты оказался в колодцах? Я всегда считал, что нрав у тебя кроткий и тихий, как у ягненка. Я тебя ценил больше всего за эту кротость. Ах, Бенджамен, Бенджамен, ты не только себя, но и друзей своих опозорил таким недостойным поведением. Бог ты мой! Да он вам, мистер Дулитл, все лицо свернул на сторону!

Хайрем, успевший встать на ноги и убраться подальше от стюарда, вопил теперь во все горло, требуя кары для своего обидчика. Оставить без внимания его жалобу было невозможно, и шериф, памятуя беспристрастное отношение, выказанное судьей Темплом во время суда над Кожаным Чулком, пришел к грустному выводу, что необходимо будет посадить своего дворецкого в тюрьму.

Когда истек срок наказания Кожаного Чулка, выяснилось, что оба, и Натти и Бенджамен, будут заключены в тюрьму и проведут по крайней мере одну ночь вместе за тюремной решеткой. Бенджамен принял это очень смиренно и не стал просить, чтобы его отпустили на поруки, когда стражники, возглавляемые шерифом, повели их обоих в тюрьму.

— Насчет того, что мне переночевать эту ночь за решеткой вместе с Бампо, я спорить не буду, сквайр Джонс, — сказал он, — Однако, Натти старик честный, рыбак и охотник первый сорт. Но вот почему человеку, который сбил на сторону физиономию канальи Дулитла, не дали за то награды? Это я называю поступить не по-христиански. Уж если у вас имеется здесь кровосос, так именно он и есть. Я-то его знаю, и, если в башке у него не гнилая труха, он, думаю, тоже понял теперь, что я за человек. И что я плохого сделал, сквайр Джонс, что вы так на меня разобиделись? Ведь все было как оно бывает во всяком сражении борт о

борт, только оба мы стояли на якоре, точь-в-точь как, помнится, в порту Прайя. Ну, уж будьте спокойны, он получил от нас по заслугам!

Ричард счел ниже своего достоинства отвечать на все эти речи, и, когда пленников благополучно водворили в тюремную камеру, он приказал задвинуть дверные засовы и запереть двери на ключ и после этого удалился.

Весь конец дня Бенджамен вел нескончаемые дружеские беседы с разного рода людьми, стоявшими по ту сторону решетки, в то время как его товарищ, уныло опустив голову на грудь, мерил быстрыми, нетерпеливыми шагами узкое пространство камеры, и, если на мгновение он поднимал голову и взглядывал на толпу любопытных, лицо его вдруг озарялось почти детской наивностью, которая тотчас вновь сменялась глубокой и нескрываемой тревогой.

К вечеру у окна тюрьмы видели Эдвардса. Он долго и серьезно разговаривал со своим другом и, очевидно, сумел его утешить, ибо едва только молодой человек ушел, как Натти бросился на соломенный тюфяк и вскоре уже спал глубоким сном. Любопытной толпе в конце концов надоели разговоры с Бенни Помпой, который все время выпивал в компании своих дружков и приятелей, и к восьми часам Билли Керби, последний из стоявших у окна, не видя больше Натти, отправился в кофейную Темплтона. И тогда Натти встал, завесил окно одеялом, и оба заключенных, по-видимому, улеглись спать.

Глава 35

*Чтоб от врагов уйти успеть,
Не стали шпор они жалеть,
Все без оглядки вскачь неслись
И так от гибели спаслись.*
Сэмюэль Батлер, «Гудиброс»

С наступлением вечера присяжные, свидетели и остальные участники суда стали расходиться, и к девяти часам поселок стих, улицы его почти опустели. Именно в этот час судья Темпл с дочерью и в сопровождении Луизы Грант, державшейся от них чуть поодаль, медленно шли по аллее в негустой тени молодых тополей. Между отцом и дочерью происходил следующий разговор:

— Ты лучше моего сможешь утешить старика, смягчить его, душевную боль, — сказал Мармадюк. — Но заговаривать с ним о его проступке рискованно: закон следует уважать.

— Но, право, сэр, — пылко воскликнула Элизабет, — нельзя считать вполне справедливыми законы, если по ним выносят столь суровый приговор такому человеку, как Кожаный Чулок, за провинность, даже на мой взгляд вполне заслуживающую снисхождения.

— Элизабет, ты рассуждаешь о делах, в которых мало смыслить! — возразил ей отец. — Общество не может существовать без разумных ограничений. Эти ограничения невозможно проводить в жизнь, если не пользуются доверием и уважением те, кто их осуществляет, и будет весьма прискорбно, если вдруг станут говорить: судья потворствовал осужденному преступнику, потому что тот спас жизнь его дочери.

— Да, дорогой отец, да, я понимаю всю трудность твоего положения! — воскликнула девушка. — Но, расценивая вину Натти, я не могу отделить служителя закона от человека.

— Ты рассуждаешь по-женски, дочка. Натти осужден не за нападение на Хайрема Дулитла, а за то, что угрожал оружием официальному лицу, находившемуся при исполнении своих обязанностей...

— Неважно, за что именно, — прервала его мисс Темпл с убежденностью, продиктованной больше чувствами, чем логикой. — Я уверена, что Натти не виновен, и, значит, вынуждена считать неправыми всех тех, кто его преследует.

— В том числе и его судью, то есть твоего отца, Элизабет?

— Нет, нет, не надо так говорить!.. Изложи мне твое поручение, отец, и я его выполню.

Судья помолчал немного, нежно улыбнулся дочери, потом ласково положил руку ей на плечо и сказал:

— Ты не лишена здравого смысла, дочка, отнюдь нет, но ты слишком подчиняешься голосу сердца. Так слушай же. В этом бумажнике двести долларов. Отправляйся в тюрьму и отдай вот эту записку тюремщику, а когда увидишь Бампо, поговори с бедным стариком. Ты можешь дать волю своим чувствам, но не забывай, Элизабет: законы — это то, что отличает цивилизованное общество от дикого. И еще помни, что Натти совершил преступление и что судьей его был твой отец.

Мисс Темпл ничего не ответила, только прижала к груди руку, державшую бумажник, и, взяв Луизу под руку, вместе с ней вышла на главную улицу поселка.

Они шли молча, держась поближе к домам, где вечерние тени почти полностью скрывали их обеих; до слуха девушек не доносилось ничего, кроме неспешной поступи бычьей упряжки и поскрипывания телеги, двигавшейся впереди и в том же направлении, что и они. При слабом свете едва можно было различить силуэт погонщика, который медленно и лениво брел рядом со своими быками, как видно устав после тяжелого трудового дня. На повороте, там, где стояло здание тюрьмы, бычья упряжка на мгновение преградила путь молодым девушкам: поставив быков головой к тюремной стене, погонщик в награду за их покорный труд давал им клоч сена, которое висело в торбах на шеях у быков. Все это было обычным зрелищем, Элизабет и не глянула бы вторично на упряжку, если бы не услышала, что погонщик вполголоса разговаривает со своими быками.

— Веди себя прилично, Брайндл, ну пожалуйста! — говорил он.

И обращение к быкам, резко отличавшееся от принятого в здешних краях, и сам звук голоса говорившего заставили мисс Темпл вздрогнуть. Поворачивая за угол, она неизбежно должна была оказаться рядом с погонщиком и, несмотря на его грубую одежду, узнала в нем Оливера Эдвардса. Глаза их встретились, и ни темнота, ни широкий плащ, в который была закутана Элизабет, не помешали молодому человеку также узнать ее.

— Мисс Темпл?!

— Мистер Эдвардс?! — воскликнули девушки одновременно, но голоса их прозвучали еле слышно: молодых людей, по-видимому, обуревали сходные чувства.

— Возможно ли это? — проговорил Эдвардс, уже не сомневаясь более, что перед ним действительно Элизабет. — Почему вы оказались подле тюрьмы? Ах да, вы, наверное, идете в дом священника. Ведь это мисс Грант с вами, если не ошибаюсь? Примите мои извинения, мисс Грант, я не сразу узнал вас.

Вздых, вырвавшийся у Луизы, был так слаб, что его услышала лишь Элизабет, и она поспешила ответить Эдвардсу:

— Мы не только находимся подле тюрьмы, но именно в нее и направляемся. Мы хотим заверить Кожаного Чулка в том, что не забыли его подвига. Мы обязаны быть справедливыми, но и не хотим быть неблагодарными. Я полагаю, вы также пришли навестить его. Я буду вам признательна, если вы позволите нам пройти первыми, мы пробудем там не более десяти минут. Доброй ночи, сэр. Поверьте, мне... мне очень прискорбно видеть, что вам приходится заниматься таким трудом, и я уверена, что мой отец...

— Я к вашим услугам, мисс Темпл, — холодно прервал ее юноша. — Не могу ли я просить вас ни слова не говорить о том, что вы видели меня здесь?

— Извольте, — проговорила Элизабет, легким наклоном головы отвечая на его поклон и слегка подталкивая вперед мешкавшую Луизу.

Когда они входили к тюремщику, мисс Грант все же успела прошептать:

— Не предложить ли нам часть этих денег Оливеру? Ведь на уплату штрафа Бампо хватит и половины суммы. Бедный юноша так не привык к трудностям жизни! Мой отец охотно отдаст значительную долю своих скромных доходов, чтобы только помочь Оливеру занять более высокое положение, я в том уверена.

Невольная улыбка, скользнувшая по лицу Элизабет, тотчас сменилась выражением

неподдельного, глубокого сострадания. Однако она ничего не ответила, и тут появление тюремщика вернуло обеих девушек к цели их прихода.

Тюремщик не выказал ни малейшего удивления, когда мисс Темпл и мисс Грант попросили у него разрешения повидать Бампо, — ему было известно, что Натти спас их обеих, и он счел вполне естественным проявлением со стороны девушек интереса и сочувствия к судьбе старого охотника. Впрочем, при той простоте нравов, которая господствовала в этих краях, такое посещение никому не показалось бы странным, а если бы у тюремного стража и могли возникнуть какие-либо возражения, достаточно было записки судьи Темпла, чтобы немедленно их устранить. Он, не колеблясь, повел молодых девушек в помещение, где содержались узники. Едва он сунул ключ в замочную скважину, как послышался хриплый голос Бенджамена:

— Эй, кто там еще?

— Гости, которых вам будет приятно увидеть, — ответил тюремщик. — Что вы тут натворили с замком, почему он не открывается?

— Не спеши, не спеши, приятель, — снова услышали они голос стюарда. — Я его застопорил, вбил гвоздь рядом, чтобы мистер Дулитл не смог притащиться сюда и снова втянуть меня в драку. Ох, боюсь, скоро для меня начнется великий пост: выудят у меня все мои денежки за то, что я проучил эту сухопутную крысу. Ну, ставьте паруса и малость обождите. Сейчас я вышибу гвоздь.

Послышались удары молотка, подтверждающие, что стюард не шутит, и вскоре замок поддался и дверь открылась.

Бенджамен, предвидя, что в недалеком будущем ему все равно придется расстаться со своими испанскими дублонами, в течение дня неоднократно посылал в кабочок «Храбрый драгун» за полюбившимся ему ромом и пребывал теперь в том состоянии, которое по морской терминологии образно именуется «море по колено». Не так-то было легко при помощи спиртного вывести из равновесия этого морского волка: по его собственному выражению, он был «достаточно хорошо оснащен, чтобы идти под парусами в любую погоду», но сейчас его, что называется, «качало». Увидев, какого рода посетители вошли в камеру, он удалился в угол, где стояла его койка, и, не обращая внимания на присутствие своей юной госпожи, преспокойно уселся на кровать и привалился спиной к стене.

— Если вы будете портить мне замки, мистер Помпа, — заявил тюремщик, — я, как вы изволили выразиться, «застопорю» вам ноги и привяжу вас к койке.

— А зачем это вам надо? — проворчал Бенджамен. — Я нынче и так выдержал шквал — целый час на двух якорях торчал, — с меня хватит. И что плохого в том, что я поступаю точно так, как вы? Не вешайте замков снаружи — и не найдете запоров изнутри, вот вам мое слово.

— В девять часов мы здесь все запираем на ночь, — предупредил тюремщик девушек, — а сейчас сорок две минуты девятого.

Он поставил на грубый сосновый стол небольшую свечку и вышел.

— Кожаный Чулок, мой добрый друг!.. — проговорила Элизабет, едва тюремщик повернул в скважине ключ, запирая дверь снаружи. — Я пришла отблагодарить вас. Если бы вы дали тогда согласие на обыск, все обошлось бы хорошо. Вы, правда, нарушили закон об охоте на оленей, но это сущий пустяк...

— Дать согласие на обыск? — перебил ее Натти; он все время сидел в углу согнувшись, низко, до колен, опустив голову, и сейчас он поднял ее, но с места не встал. — Неужели ты думаешь, что я мог бы пустить к себе в хижину этого негодяя? Да я тогда не открыл бы дверь даже при виде твоего милого личика! А теперь, если желают, пусть ищут среди углей и золы, им не найти ничего, кроме того, что находят в ямах с древесной золой для поташа.

Старик снова понурил голову и, казалось, целиком погрузился в горестные размышления.

— Хижину нетрудно отстроить вновь, она будет еще лучше прежней, — сказала Элизабет. — Я беру это на себя, я позабочусь обо всем, как только окончится срок вашего

пребывания здесь.

— Разве можно вернуть к жизни мертвых? — печально проговорил Натти. — Разве можно прийти туда, где похоронены отцы, матери и дети, собрать их прах и сотворить из них заново мужчин и женщин? Тебе неизвестно, что значит для человека больше сорока лет спать под одной и той же крышей, почти всю жизнь видеть вокруг себя одни и те же предметы. Ты еще молода, но ты одно из лучших божьих творений. Ради тебя я надеялся, что все это обойдется... Но теперь все кончено. Теперь мысль эта навсегда уйдет из моей головы.

Очевидно, мисс Темпл лучше остальных присутствующих поняла смысл слов, сказанных охотником, ибо она отвернулась, пряча лицо, в то время как стоявшая рядом с ней Луиза всем своим простодушным видом выражала лишь искреннее сочувствие страданиям старика. Быстро справившись с охватившим ее волнением, Элизабет продолжала:

— Новая крыша вашей хижины будет еще лучше прежней, добрый мой спаситель. Срок вашего заключения быстро подойдет к концу, и я позабочусь о том, чтобы вам выстроили новый дом, где вы сможете мирно прожить до конца вашей жизни в покое и довольстве.

— Дом... покой и довольство... — медленно повторил Натти. — Намерения твои благородны, и мне горько, что им не суждено сбыться. Он видел, как меня выставили на посмешище... посадили в колодки...

— Да ну их ко всем чертям, твои колодки! — завопил Бенджамен, размахивая бутылкой, к которой он то и дело прикладывался; свободной рукой он возмущенно жестикулировал. — Кому какое до этого дело? Если моя нога целый час торчала вверх, как утлегарь, ну и что из того, я вас спрашиваю, что из того?

— Мистер Помпа, мне кажется, вы забываете, в чьем присутствии вы находитесь, — проговорила Элизабет.

— Забыть про вас, мисс Лиззи? — ответил стюард. — Да будь я проклят, коли я когда про вас забуду! Вы ведь не то что эта старая ханжа Петтибон. Ты знаешь, стрелок, может, у этой Добродетели нутро и добродетельное, но снаружи она мне что-то не по вкусу. Кожа у нее на костях болтается вроде как одежда с чужого плеча, а на лице словно новый парус: где туго натянут, а где провис...

— Перестаньте, Бенджамен, я приказываю вам замолчать! — остановила его Элизабет.

— Есть, мэм! — отрапортовал стюард. — А насчет того, чтобы не пить, от вас приказа не было.

Мисс Темпл вновь обратилась к охотнику.

— Не будем говорить о том, что станет с другими, — сказала она. — Надо подумать о вашей судьбе, Натти. Я постараюсь сделать так, чтобы вы до конца ваших дней жили легко, без забот и в достатке.

— Без забот и в достатке... — снова повторил Кожаный Чулок. — Разве может быть легкой и беззаботной жизнь старого человека, который иной раз отшагает целую милю по голым равнинам, прежде чем доберется до тени и укроется от палящего солнца? И какой может быть достаток у охотника в здешних лесах, где за целый день охоты не удастся поднять оленя и где не встретишь пушного зверя крупнее норки или случайно забредшей сюда лисицы? Да, немало придется мне потрудиться, чтобы заработать на уплату штрафа. За бобрами надо будет идти в сторону Пенсильвании, может, миль за сто отсюда, здесь их не сыщешь. Ваши вырубki и пашни прогнали всех разумных тварей; теперь вместо плотин бобров, как то было спокон века, всюду ваши запруды, — вы обратили вспять реки, как будто человеку позволительно сворачивать с пути воды, направленные богом... Бенни, если ты не перестанешь то и дело подносить бутылку ко рту, ты не сможешь двинуться с места, когда придет время.

— Скажешь тоже! За Бена не тревожьтесь. Когда придет время вахты, поставьте меня на ноги, укажите курс и дистанцию, и я помчусь на всех парусах не хуже любого из вас.

— Время пришло, — сказал охотник, прислушавшись. — Я слышу, как трутся о стену рога быков.

— Ну что ж, слово за тобой, давай сниматься с якоря.

— Ты нас не выдашь? — спросил Натти, доверчиво глядя в лицо Элизабет. — Ты не выдашь старика, который ждет не дожидается, как бы поскорее вдохнуть в себя чистый, свободный воздух? Я не делаю ничего дурного. Раз закон говорит, что я должен уплатить сто долларов, я поохочусь до осени и внесу деньги. А этот добрый человек поможет мне.

— Ты только знай лови своих бобров, — проговорил Бенджамен, широко разводя руками, — и, если им удастся удрать от нас, можешь тогда бранить меня последними словами.

— Что все это значит? — воскликнула мисс Темпл в изумлении. — Ведь вы должны пробыть здесь тридцать дней. А деньги в уплату штрафа у меня вот в этом бумажнике. Возьмите деньги, внесите их завтра же утром и запаситесь терпением на месяц. Мы с моей подругой Луизой будем часто навещать вас, мы сами, своими руками, сошьем вам новую одежду. Ну право же, вам будет совсем не так уж плохо!

— Неужто это правда, детки? — сказал Натти, пройдя через всю камеру и ласково взяв Элизабет за руку. — Неужто вы и впрямь собираетесь так заботиться о старике, и только за то, что он без всякого труда убил дикую кошку? Я вижу, ты не забываешь про оказанные тебе услуги, а я не думаю, чтоб это было у вас в крови. Твои нежные пальчики не справятся с оленьей кожей, и вряд ли тебе приходилось шить сухожилиями вместо ниток. Но, если кое-кто другой не будет глух, он услышит и узнает обо всем и пусть, как и я, увидит, что есть люди, которые умеют помнить добро.

— Не рассказывайте ему ничего, — с жаром проговорила Элизабет. — Если вы любите меня, если вы с уважением относитесь к моим чувствам, не рассказывайте ему ничего. Я хочу говорить только о вас, и все, что я делаю, — это тоже только для вас. Поверьте, я очень скорблю, оттого что закон требует, чтобы вас держали здесь так долго. Но ведь, в конце концов, это всего один короткий месяц, а потом...

— Месяц? — воскликнул Натти, смеясь своим беззвучным смехом. — Ни одного дня, ни одной ночи, ни одного часа не останусь я здесь! Судья Темпл может выносить свои приговоры, но, для того чтобы задержать меня, ему понадобится тюрьма покрепче. Я однажды попал в плен к французам. Посадили нас шестьдесят два человека в один блокгауз, поблизости от Фронтинака; но для тех, кто привык иметь дело с деревом, ничего не стоило проделать дыру в сосновых бревнах. — Охотник замолчал, осторожно оглядел камеру, потом, засмеявшись, слегка сдвинул стюарда в сторону и, убрав постель, показал в стене дыру, проделанную, как видно, недавно с помощью деревянного молотка и стамески. — Тут, надо только чуть ударить, все вылетит наружу, и тогда...

— Вперед! Вперед! — закричал Бенджамен, вдруг очнувшись. — Вперед, в открытое море! Ты их только лови получше, своих бобров, а уж я буду крепко держаться за эти бобровые шапки.

— Боюсь, с этим парнем не оберешься хлопот, — сказал Натти. — Коли на наш след нападут скоро, мешкать нам будет нельзя, а этот вряд ли сможет быстро бежать.

— Бежать? — откликнулся стюард. — Не бежать, а отступать от курса, и давайте-ка откроем бой.

— Замолчите! — приказала Элизабет.

— Есть, мэм!

— Не может быть, чтобы вы покинули нас, Кожаный Чулок, — проговорила мисс Темпл. — Умоляю вас, подумайте о том, что вас ждет: вы будете вынуждены жить только в лесу, а ведь вы стареете. Потерпите немного, и вы сможете выйти отсюда открыто, с честью.

— Разве можно здесь охотиться на бобров?

— Нет. Но я же принесла вам деньги на уплату штрафа, а через месяц вы будете свободны. Смотрите, вот они, золотые монеты...

— Золотые? Давненько не доводилось мне видеть золотую монету, — произнес Натти с каким-то детским любопытством. — В войну у нас их было сколько угодно, как сейчас медведей в лесах. Помню, убили одного солдата из армии Дискау и нашли у него дюжину

золотых — в рубашке были защиты. Я их своими глазами видел, хотя не я их вырезал. Только те монеты были побольше и блестели ярче, чем эти.

— Это английские гинеи, и принадлежат они вам, — сказала Элизабет. — И это лишь задаток в счет того, что будет сделано для вас в будущем.

— Мне? Почему ты отдаешь мне такую уйму денег? — проговорил Натти, серьезно посмотрев на девушку.

— Как! Разве не вы спасли мне жизнь? Разве не вы избавили меня от когтей и клыков страшного зверя? — воскликнула Элизабет и прикрыла рукой глаза, словно желая отогнать от себя ту страшную картину в лесу.

Охотник взял деньги и стал перебирать их по одной монете, продолжая говорить:

— Я слышал, в Вишневой долине продается ружье, которое попадает в цель и убивает за тысячу шагов. Я за свою жизнь много хорошего оружия повидал, но такого мне видеть еще не приходилось. И не в прицеле дело — главное, что оно бьет на тысячу шагов, вот что здорово! Да ничего, я уже стар, мне на мой век и моего ружья хватит. Вот, дочка, бери назад свое золото. Ну, время наступило. Я слышу, как он разговаривает с быками. Пора идти. Ты ведь не донесешь на нас, правда?

— Донести на вас? — воскликнула Элизабет. — Но возьмите же деньги! Даже если вы уходите в горы!

— Нет, не надо, — сказал Натти ласково и покачал головой. — Я не стану грабить тебя и ради двадцати новых ружей. Но одну услугу ты можешь мне оказать, если захочешь. Кроме тебя, сделать это сейчас некому.

— Говорите же, говорите — что именно?

— Купи банку пороха, это будет стоить два серебряных доллара. У Бенни Помпы деньги есть, но нам нельзя показываться в поселке. Хороший порох можно достать только у француза. Ну как, сделаешь ты это для меня?

— Я не только куплю — я принесу его вам, даже если мне целый день придется разыскивать вас по всему лесу. Скажите, где и как мне найти вас?

— Где? — проговорил Натти и на мгновение задумался. — Я встречу тебя завтра, на Горе Видения, на самой вершине, когда солнце будет прямо над головой. Только смотри, чтобы порох был размельчен как следует. Ты определишь это по блеску и по цене.

— Я выполню все, что надо, — твердо Произнесла Элизабет.

Тут Натти присел, уперся ногами в проломанное отверстие и с небольшим усилием выломал проход наружу. Девушки услышали шуршание сена и теперь прекрасно поняли, почему Эдвардс вдруг оказался в роли погонщика.

— Пошли, Бенни, — сказал охотник. — Темнее сегодня уже не будет, через час взойдет луна.

— Подождите! — закричала Элизабет. — Так нельзя — пойдут слухи, что вы сбежали в присутствии дочери судьи Темпла. Вернитесь, Кожаный Чулок, дайте нам прежде уйти.

Натти хотел было что-то ответить, но приближающиеся шаги тюремщика заставили его поспешно встать. Он едва успел подняться на ноги и прикрыть одеялом дыру, возле которой тут же весьма кстати разлегся Бенджамен, как ключ в замке повернулся и дверь отворилась.

— Ну что, мисс Темпл, собираетесь вы уходить? — спросил любезный страж. — У нас к этому времени всем дверям полагается быть на запоре.

— Идите, я следую за вами, — ответила Элизабет. — Спокойной ночи, Кожаный Чулок.

— Так не забудь — бери самый мелкий порох: я думаю, он будет посылать пулю дальше, чем обыкновенный. Я старею, мне уж теперь трудно угнаться за дичью.

Мисс Темпл подала знак рукой, чтобы он замолчал, и первой вышла из комнаты. Луиза и тюремщик последовали за ней. Тюремщик повернул ключ в замке всего один раз и сказал, что еще вернется и запрет узников как следует после того, как проводит посетительниц к выходу на улицу. Там они распрощались — страж побрел обратно, а молодые девушки с замиранием сердца направились к углу дома.

— Раз уж Кожаный Чулок отказался от денег, — зашептала Луиза, — их можно отдать мистеру Эдвардсу.

— Тише! — проговорила Элизабет. — Я слышу шорох сена. Они убегают. Ах, конечно, их сразу же заметят!

Едва девушки завернули за угол, как тут же увидели, что Эдвардс и Натти протаскивают через отверстие в стене почти бесчувственное тело Бенджамена.

Быки перестали жевать сено — теперь их поставили вдоль тюремной стены, чтобы беглецам было удобнее действовать.

— Надо подобрать сено с земли и уложить его в телегу, — сказал Эдвардс, — не то стражники догадаются, как все было проделано. Скорее, нельзя, чтобы оно попало им на глаза.

Натти едва успел выполнить распоряжение Эдвардса, как сквозь дыру в стене заблестел свет от свечи тюремщика и тут же послышался его голос, зовущий узников.

— Что же теперь делать? — сказал Эдвардс. — Из-за этого пьяницы нас обнаружат, мы не можем терять ни секунды.

— Кто это пьяница, ты, желторотый сухопутный моряк? — пробормотал стюард.

— Побег! Побег!.. — слышались голоса из тюрьмы.

— Придется бросить его здесь, — сказал Эдвардс.

— Это будет нехорошо с нашей стороны, сынок, — вмешался Натти. — Он сегодня по своей воле разделил со мной позорное наказание. У него доброе сердце.

Тут из «Храброго драгуна» вышло несколько человек, среди их голосов легко было различить голос Билли Керби.

— Луны уже нет, — громогласно заявил дровосек, — но ночь светлая. Ну, кто домой собрался, пошли. Эй, что это там за возня в тюрьме? Надо пойти взглянуть, в чем там дело.

— Если мы не оставим этого человека здесь, мы погибли, — сказал Эдвардс.

Но тут Элизабет подошла к нему и быстро прошептала:

— Положите его в телегу и пустите быков. Никто туда и не заглянет.

— Вот пример быстроты женского ума, — сказал юноша.

Предложение мисс Темпл было немедленно осуществлено. Стюарда водрузили поверх сена и погнали быков вперед — теперь Бенджамен мог наслаждаться покоем и понукать быков кнутом, который сунули ему в руки. Быки весело побежали вперед. Как только с этим было покончено, Эдвардс и охотник, прокравшись вдоль ряда домов, скрылись в первом же проходе между ними: на улице раздались крики преследователей. Молодые девушки ускорили шаг, желая избежать встречи с констеблями и целой толпой праздных зевак, уже приближавшихся к месту происшествия. Кто ругался, а кто и добродушно посмеивался над ловкой проделкой узников. Во всем этом шуме ясно выделялся голос Керби: дровосек вопил и клялся, что поймает беглецов и притащит в одном кармане Натти, а в другом Бенджамена.

— Разбегайтесь по всему поселку, ребята! — кричал Керби. Он прошел мимо девушек, и топот от его тяжелых шагов был такой, словно это двигалось человек десять. — Расходитесь в разные стороны, бегите в горы — через четверть часа они уже будут там, и тогда берегитесь длинного ружья.

Ему вторили крики из двух десятков глоток, потому что теперь к погоне присоединились и посетители обоих кабачков. Одни принялись за дело всерьез, другие — просто желая позабавиться.

Уже входя в ворота отцовской усадьбы, Элизабет увидела, что лесоруб остановился возле телеги. Девушка решила, что Бенджамен погиб. Когда они вместе с Луизой торопливо зашагали по аллее, они вдруг заметили две фигуры, осторожно кравшиеся в тени деревьев. То были Эдвардс и старый охотник, и уже в следующее мгновение они стояли перед девушками.

— Мисс Темпл, возможно, мне никогда больше не придется увидаться с вами! — воскликнул юноша. — Позвольте мне отблагодарить вас за вашу доброту. Вы не знаете, вы не можете знать мотивов моих поступков.

— Бегите, бегите! — крикнула ему Элизабет. — Весь поселок поднят на ноги. Нельзя, чтобы вас увидели в такую минуту здесь, да еще со мной.

— Нет, я должен поговорить с вами — пусть даже мне грозит опасность быть схваченным.

— Ваш путь к мосту отрезан. Прежде чем вы успеете добраться до леса, ваши преследователи будут уже там. Разве только если...

— Только если что? Говорите же! — воскликнул молодой человек. — Однажды вы уже спасли меня своим советом. Говорите — я приму ваш совет не задумываясь.

— На улице сейчас пусто и тихо, — сказала Элизабет, помолчав. — Перейдите на ту сторону. На берегу озера вы увидите лодку моего отца. В ней вам будет легко добраться до любого места в горах.

— Но судье Темплу может не понравиться такое самоуправство.

— Его дочь ответит за это, сэр.

Юноша проговорил что-то очень тихо, что услышала одна лишь Элизабет. Затем Натти подошел к девушкам и сказал:

— Вы не забудете про банку с порохом, детки? Бобров добыть надо, чего бы это ни стоило, а мы стареем, я и мои собачки. Нам теперь требуется самое хорошее снаряжение.

— Пойдем, Натти, — нетерпеливо позвал его Эдвардс.

— Иду, сынок, иду. Благослови господь вас обоих за вашу доброту к старому человеку.

Девушки подождали, пока темные фигуры беглецов не скрылись из виду, и тогда уже поспешно вошли в дом.

В то время как происходила эта сцена в аллее, Керби успел догнать бычью упряжку, которая как раз ему-то и принадлежала: Эдвардс, не спросив на то разрешения у владельца, увел ее с того места, где обычно по вечерам терпеливые быки поджидали своего хозяина, пока тот развлекался в кабачке.

— Эй, эй! Ну-ка, стой, золотко! — закричал Керби. — Как это вы ухитрились сбежать? Я ж вас привязал!

— Пошевеливайтесь, лентяи! — пробормотал Бенджамен, ударяя наугад кнутом, который опустился прямо на плечо Керби.

— Черт подери, это еще кто? — закричал Билли, с изумлением оборачиваясь. В темноте он не мог разглядеть лица, едва видневшегося над краем телеги.

— Кто я? Я рулевой на этом судне, и здорово же я им управляю! Двигаюсь по курсу на мост, и колодки остались далеко за кормой. Эй вы, лежебоки, пошевеливайтесь!

— А ну-ка положи кнут на место, Бенни Помпа, — сказал лесоруб, — не то я сейчас схвачу тебя за шиворот и надеру как следует уши. Куда это ты собрался с моей упряжкой?

— С какой еще упряжкой?

— Ну да, с моей телегой и быками.

— Ты же должен знать, Керби, что Кожаный Чулок и я, Бенни Помпа, — ты же знаешь Бенджамена Помпу? Так вот, Бенни и я...нет, я и Бенни... В общем, черт меня подери, если я знаю, как это получилось. Только кто-то из нас должен отправиться за бобровыми шкурами. Вот мы и взяли эту телегу, чтобы было куда их складывать. А знаешь, Керби, ты грести не умеешь. Ты с веслом обращаешься вроде как корова с мушкетом...

Билли понял, в каком состоянии находится стюард, и некоторое время шагал рядом с телегой, раздумывая, потом взял кнут из рук Бенджамена — тот завалился на сено и тут же уснул. Керби повел быков по улице, затем через мост и в гору, к той вырубке, где ему предстояло работать на следующий день; по дороге его ничто не задержало, только отправившиеся на розыски констебли торопливо перекинулись с ним двумя-тремя словами относительно беглецов.

Элизабет долго простояла у окна своей комнаты. Она видела, как по склону горы мелькают факелы преследователей, слышала шум голосов. Но час спустя все вернулись, усталые и разочарованные неудачей, и поселок снова затих. Все в нем было мирно и спокойно, как в начале вечера, когда Элизабет выходила из дому, направляясь в тюрьму к

Глава 36

*Онейдов молвил вождь: «Хочу
Я плакать, глядя на него,
Но горем я не омрачу
Песнь смерти брата моего.»*

Томас Кэмпбелл, «Гертруда из Вайоминга»

Было еще довольно рано, когда на следующее утро Элизабет и Луиза встретились, как было условлено накануне, и направились в лавку мосье Лекуа, чтобы выполнить обещание, данное Кожаному Чулку. На улицах уже вновь начиналось оживление, но в лавке в такой ранний час народу было мало, и, кроме любезного хозяина, молодые девушки застали там только Билли Керби, одну покупательницу и мальчугана, выполнявшего в лавке обязанности помощника и приказчика.

Мосье Лекуа был занят чтением писем, вызывавших в нем восторг, в то время как дровосек стоял с топором под мышкой, засунув одну руку за пазуху, а другую спрятав в карман куртки, и с добродушным сочувствием поглядывал на француза, разделяя, казалось, его радость. Свобода обращения, обычно наблюдавшаяся в новых поселениях, стирала грани между различными слоями общества и вместе с этим часто заставляла забывать и преимущества ума и образования. Когда девушки вошли в лавку, не замеченные хозяином, тот говорил, обращаясь к Керби:

— Ах, мосье Биль, это письмо делает меня самым счастливым из людей! Ах, *ma chere France*⁶¹, я снова тебя увижу!

— От души рада всему, что может дать вам счастье, мосье, — сказала Элизабет, — но, надеюсь, нам не придется расстаться с вами навеки.

Галантный лавочник тотчас перешел на французский язык и незамедлительно поведал Элизабет свои надежды на то, что ему можно будет вернуться на родину. Новый образ жизни и занятий наложил, однако, сильный отпечаток на его податливую натуру, и он, рассказывая прекрасной посетительнице об отрадных переменах в своей жизни, не забывал в то же время отвешивать табак лесорубу.

Дело в том, что мосье Лекуа, бежавшему из своей страны больше от страха, нежели оттого, что правящий класс относился к нему враждебно, удалось наконец получить заверения в том, что на его возвращение в Вест-Индию посмотрят сквозь пальцы. И француз, так просто я легко превратившийся в лавочника, собирался вернуться в общество и занять в нем подобающее ему положение.

Мы не станем приводить здесь все те учтивости, которыми обменялись по этому поводу обе стороны, не станем перечислять бесконечные выражения печали сияющего француза оттого, что он будет вынужден лишиться очаровательного общества мисс Темпл. Во время обмена любезностями Элизабет, улучив минуту, незаметно купила порох у мальчика-помощника, отзывавшегося на имя Джонатан. Прежде чем расстаться, мосье Лекуа, очевидно полагая, что сказал еще недостаточно, просил чести удостоиться личной беседы с наследницей: торжественность, с которой это было сказано, выдавала серьезный характер предстоящего разговора. Изъявив свое согласие и отложив встречу до более благоприятного времени, Элизабет покинула лавку, куда уже начали приходиться покупатели и где их встречали с не меньшей любезностью, чем всегда.

Некоторое время Элизабет и Луиза молчали; дойдя до моста, Луиза вдруг остановилась, как бы желая что-то сказать, но от застенчивости не решаясь вымолвить ни

⁶¹ Моя милая Франция (франц.).

слова.

— Вы нездоровы, Луиза? — с беспокойством спросила ее мисс Темпл. — Быть может, нам лучше вернуться и как-нибудь в другой раз постараться найти старика?

— Нет, я не больна, но я ужасно боюсь... Я никогда, никогда не смогу подняться на эту гору только вдвоем с вами! У меня ни за что не хватит духу...

Признание это явилось полной неожиданностью для Элизабет, которая, хотя и не испытывала пустого страха по поводу не существующей более опасности, все же остро ощущала естественную девичью робость. Она постояла, немного раздумывая, потом, решив, что в такую минуту надо действовать, а не размышлять, усилием воли поборола свои колебания и твердо сказала:

— Что ж, в таком случае мне придется идти одной. Кроме вас, я никому не могу довериться, не то беднягу Кожаного Чулка поймают. Подождите меня здесь, на опушке, чтобы никто не увидел, что я одна брожу по горам. Нельзя давать повод к сплетням, если... если... Луиза, дорогая, вы будете ждать меня здесь?

— Здесь, откуда виден поселок, я согласна ждать хоть целый год, — ответила Луиза взволнованно, — но умоляю, не просите меня сопровождать вас дальше!

Поняв, что ее подруга действительно не в состоянии продолжать путь, Элизабет оставила ее неподалеку от дороги, в стороне от взглядов случайных прохожих, в таком месте, откуда Луизе была видна вся долина, и отправилась дальше одна. Легким, но твердым шагом поднялась она по дороге, неоднократно упоминавшейся в нашем повествовании, опасаясь, что задержка в лавке мосье Лекуа и длина пути до вершины горы помешают ей явиться точно в назначенное время. Всякий раз, как чаща редела, Элизабет останавливалась перевести дыхание или, плененная красотой ландшафта, полюбоваться расстилавшейся внизу долиной — длительная засуха сменила ее зеленый убор на коричневый, и, хотя все оставалось на прежних местах, пейзажу недоставало живости и веселья, присущих ему в начале лета. Даже сами небеса, казалось, разделяли участь пересохшей земли: солнце спряталось за серою пеленой, похожей на тонкий слой дыма и, по-видимому, лишенной малейших признаков влаги. Голубого неба почти не было видно, но кое-где, сквозь небольшие просветы, можно было заметить, что на горизонте скапливаются массы облаков, словно природа собиралась с силами для того, чтобы послать наконец живительные потоки на благо людям. Сам воздух, которым сейчас дышала Элизабет, был сухой и горячий, и к тому времени, когда она сворачивала с проезжей дороги, девушка почувствовала какое-то удушье. Но, торопясь выполнить данное ей поручение, она думала лишь о том, как огорчится и в каком затруднительном положении окажется старый охотник, если не получит ее помощи.

На вершине горы, которую судья Темпл в свое время назвал Горой Видения, была расчищена небольшая площадка, чтобы лучше видеть оттуда и поселок и всю долину. Именно к этой площадке и направилась Элизабет, полагая, что как раз здесь она встретит Натти. Девушка шла очень быстро, насколько то позволяли трудности подъема и глухая лесная чаща. Бесчисленные обломки скал, поваленные деревья, ветви — все затрудняло путь, однако решимость Элизабет преодолела все препятствия, и за несколько минут до назначенного времени, проверив его по своим часам, она уже стояла на условленном месте.

Немного отдохнув на краю ствола упавшего дерева, мисс Темпл огляделась, ища глазами Кожаного Чулка, но на площадке его явно не было. Девушка встала и, войдя в заросли по краям вырубки, осмотрела все укромные уголки, где из предосторожности мог бы спрятаться Натти. Поиски ее оказались безрезультатными. Измучившись и исчерпав всю свою фантазию в предположениях о том, что могло случиться с охотником, Элизабет решила нарушить тишину этого уединенного места.

— Натти! Кожаный Чулок! — позвала она, оборачиваясь то в одну, то в другую сторону.

Но ответа не последовало — лишь эхо ее собственного чистого голоса отчетливо прозвенело в пересохшем от зноя лесу.

Элизабет подошла к склону горы, откуда вдруг слышались, как бы отвечая на ее зов, странные звуки, будто кто-то ударял себя по губам ладонью, одновременно с силой выдыхая воздух. Не сомневаясь, что это подает ей сигнал Кожаный Чулок, указывая, где он спрятался, Элизабет спустилась футов на сто и оказалась на второй площадке, или небольшом уступе, где из трещин в скалах, едва прикрытых слоем почвы, росли редкие деревья. Девушка заглянула за край уступа, который обрывался отвесной стеной, уходящей далеко вниз, но тут шорох сухих листьев заставил ее обернуться. То, что предстало ее глазам, несомненно, испугало ее, но наша героиня быстро взяла себя в руки и решительно, испытывая даже некоторый интерес, вернулась на площадку.

На стволе поваленного дуба, повернувшись темным лицом в ее сторону, сидел могиканин. Его горящие глаза смотрели на Элизабет так странно, что насмерть перепугали бы любую женщину с менее твердым характером. Одежда спустилось с плеч старика, обнажив торс, руки и почти все его тело. На груди у него висела медаль Вашингтона — награда, которую, как Элизабет знала, индеец надевал лишь в самых важных и торжественных случаях. Да и все во внешнем виде престарелого вождя было необычным, как бы особо продуманным и даже устрашающим. Длинные черные волосы, заплетенные в косы, были откинута назад и не закрывали высокого лба и горящих глаз; в широких отверстиях, сделанных в мочках ушей, были вдеты и висели, переплетаясь между собой, украшения из серебра, бус и игл дикобраза; гроздь подобных же украшений была подвешена к хрящу носа и спускалась почти до самого подбородка. Полосы красной краски пересекали его морщинистый лоб и щеки узором то ли случайным, то ли по строгому требованию обычаев племени. Все тело могиканина было также раскрашено: индейский вождь, несомненно, приготовился к какому-то событию исключительной важности.

— Как поживаешь, достойный вождь? — спросила Элизабет, подходя к нему. — Тебя давно не видно в поселке. Ты обещал мне сплести ивовую корзинку, а у меня еще с каких пор припасена для тебя ситцевая рубашка.

Индеец долго смотрел на девушку, не отвечая, потом покачал головой и заговорил своим низким, гортанным голосом:

— Руки Джона больше не могут плести корзины. И рубашка Джону не нужна.

— Но, если она ему понадобится, Джон теперь знает, куда прийти за ней, — сказала мисс Темпл. — Сознаюсь, Джон, у меня такое чувство, что ты имеешь законное право требовать от нас все, чего ни пожелаешь.

— Послушай меня, девушка, — заговорил индеец. — Шесть раз по десять горячих лет прошло с тех пор, как Джон был молодым — высокий, как сосна, прямой, как полет пули Соколиного Глаза, сильный, как бизон, ловкий, как дикая горная кошка. Он был сильным воином, таким, как Молодой Орел. Если племени нужно было много дней подряд выслеживать врагов, зоркий глаз Чингачгука находил отпечатки их мокасин. Если люди его племени праздновали и веселились и считали скальпы врагов, скальпы эти висели на шесте Чингачгука. Если женщины плакали, потому что у них не было мяса для еды, Чингачгук был первым на охоте. Его пуля догоняла оленя. И тогда Чингачгук делал своим томагавком зарубки на деревьях, чтобы ленивые знали, где нужно искать его и мингов. И корзин в те времена он не плел.

— Но ведь те времена давно прошли, храбрый воин, — отвечала Элизабет. — С тех пор народ твой исчез, а ты, вместо того чтобы преследовать врагов, научился бояться бога и жить мирно.

— Подойди и встань здесь, дочка, — отсюда видны и великий Прыжок Воды, и вигвамы твоего отца, и земли по берегам Извилистой Реки. Джон был еще молодым, когда его племя отдало свои земли, те, что тянутся от синих гор, где они нависают над водой, и до того места, где Саскуиханна прячется за деревьями. Все эти земли и все, что росло на них, и все, что ходило по ним, и все, что кормилось на них, — все мы отдали Пожирателю Огня, потому что мы любили его. Он был сильным, а наше племя было слабым, и он помогал нам. Ни один делавар не позволил бы себе убить оленя, пробегающего по его лесам, или

подстрелить птицу, пролетающую над его землями, потому что все это принадлежало ему. Жил ли Джон мирно? Еще во времена его молодости он видел, как белые люди из Фронтинана шли войной на своих белых братьев из Олбани. Боялись они бога? Джон видел, как английские и американские воины из-за этой самой земли погружали томагавки друг другу в головы. Боялись они тогда бога и жили мирно? Джон видел, как земля ушла от Пожирателя Огня и его детей, и от сына его сына, и новый вождь стал владеть ею. Жили они в мире, те, кто так поступал? Боялись они бога?

— Таковы нравы белых, Джон. А разве делавары не сражаются, разве они не променивают свои земли на порох, одеяла и всякие товары?

Индеец обратил взгляд своих черных глаз на собеседницу и так пристально уставился на нее, что она даже немного испугалась.

— Где же одеяла и товары, которые купили право Пожирателя Огня? — заговорил он уже не таким бесстрастным голосом, как прежде. — Или они у него в вигваме? Разве сказали ему: брат, продай нам свою землю, возьми взамен вот это золото, это серебро, или вот эти ружья, или даже вот этот ром? Нет, они отняли у него земли так, как снимают скальп у врага. И те, кто сделал это, даже не оглянулись посмотреть, жив он или умер. Разве такие люди живут в мире и страшатся Великого Духа?

— Но ты, наверное, не понимаешь всех обстоятельств, — заговорила Элизабет, испытывая смущение, в котором не хотела бы признаться даже самой себе. — Если бы ты лучше разбирался в наших обычаях и законах, ты бы по-иному судил и о наших действиях. Не думай плохо о моем отце, могиканин, он справедлив и добр.

— Брат Микуона добр, и он поступит как нужно. Я так и сказал Соколиному Глазу. И я сказал Молодому Орлу, что брат Микуона восстановит справедливость.

— Кого ты называешь Молодым Орлом? — спросила Элизабет, отворачиваясь от пристального взгляда индейца. — Откуда он и каковы его права?

— И ты задаешь такой вопрос, после того как столько времени прожила с ним под одной крышей? — осторожно спросил индеец. — Старость замораживает кровь, как зимний холод сковывает воды Великого Источника. А у юности потоки крови горячи, как солнце в ту пору, когда цветут цветы. У Молодого Орла есть глаза — разве у него нет языка?

Красота, на которую намекал старый воин, нисколько не померкла под действием его аллегорических фраз; напротив, румянец на щеках девушки запылал так ярко, что казалось, еще ярче засверкали ее черные глаза. Но, поборов смущение, Элизабет засмеялась, словно не желая всерьез принимать его слова, и шутливо ответила:

— Он никогда не посвящал меня в свои тайны. В нем слишком много от делавара, чтобы он стал доверять свои сокровенные мысли женщине.

— Послушай, что я скажу. Великий Дух сотворил твоего отца с белой кожей, а моего отца — с красной. Но сердца их он одинаково окрасил алой кровью. Пока человек молод, кровь его горяча и бежит быстро, но, когда он стареет, кровь его стынет и замедляет свое течение. Разве под кожей не все люди одинаковы? Когда-то у Джона была жена. Она была матерью вот столько сыновей, — старик поднял вверх три пальца, — а ее дочери принесли бы счастье молодым делаварам. Она была добра и послушна, она делала то, что я ей говорил. У вас другие обычаи, но ты думаешь, Джон не любил свою жену, мать своих детей?

— А что случилось с твоей семьей, Джон, — с женой и детьми? — спросила Элизабет, тронутая рассказом индейца.

— Где тот лед, который покрывал воды Великого Источника? Он растаял и ушел с потоками воды. Джон дожил до такого времени, когда все покинули его и ушли в Страну Духов. Теперь и его время наступило, и Джон готов.

Могиканин склонил голову и умолк. Мисс Темпл не знала, что сказать. Она желала бы отвлечь мысли старого воина от грустных воспоминаний, но в выражении его печали было столько величия и достоинства, что девушка не решалась заговорить. Однако после продолжительной паузы она все же возобновила разговор.

— А где Кожаный Чулок? — спросила она. — Я принесла по его просьбе вот эту банку

с порохом. Но его что-то нигде не видно. Быть может, ты возьмешь порох и передашь его своему другу?

Старый индеец медленно поднял голову и серьезно посмотрел на сверток, который Элизабет положила ему в руку.

— Вот страшный враг моего народа, — сказал он. — Разве без него смогли бы белые люди победить делаваров? Великий Дух научил твоих предков делать ружья и порох для того, чтобы прогнать индейцев с их земли. Скоро уже не останется здесь ни одного краснокожего. Когда умрет Джон, последний индеец покинет эти холмы, и род его исчезнет вместе с ним. — Упершись локтем в колено, старый воин весь подался вперед и, казалось, окидывал прощальным взглядом долину, которую еще можно было разглядеть сквозь марево, хотя с каждой минутой воздух как будто сгущался, и мисс Темпл почувствовала, что ей становится трудно дышать. Взгляд могикинина постепенно утрачивал выражение печали и приобретал какую-то особую силу, похожую на одержимость пророка.

— Но Джон пойдет в страну, где собрались его предки, — продолжал старик. — Там много дичи, и в озерах много рыбы, и женщины не плачут оттого, что у них нет мяса для еды; туда не может прийти ни один минг. Охота там — лишь детская забава, и все честные краснокожие живут, как братья.

— Джон, это не христианский рай! — воскликнула мисс Темпл. — Ты сейчас во власти суеверий твоих предков.

— Отцы, дети, — вдруг твердо произнес могикинин, — никого больше нет, никого! У меня только один сын — Молодой Орел, и в нем течет кровь белого человека.

— Скажи мне, Джон, — заговорила Элизабет, стараясь направить мысли старика на другие темы и, кстати, удовлетворить собственное острое любопытство, которое внушал ей юноша. — Скажи мне, кто этот мистер Эдвардс? Почему ты так любишь его и откуда он пришел?

Индеец вздрогнул — вопрос этот вернул его мысли к земной жизни. Взяв мисс Темпл за руку, он усадил ее рядом с собой и показал на земли, раскинувшиеся перед их взором.

— Посмотри туда, — сказал он, направляя ее взгляд в сторону севера. — Вся эта земля, насколько могут видеть твои молодые глаза, принадлежала его...

Но он не договорил. Огромные клубы дыма вдруг обволокли их и, кружась вихрем, образовали завесу, заслонившую все, что находилось впереди. Мисс Темпл в страхе вскочила на ноги и, глянув на вершину горы, увидела, что и она окутана дымом; из лесу доносился приглушенный рев, похожий на завывание ветра.

— Что это, Джон? — закричала Элизабет. — Все заволочло дымом, и я уже чувствую жар, он идет словно из печи.

Прежде чем индеец успел ответить, из чащи послышался голос:

— Джон! Где ты, могикинин? Лес горит — беги, спасайся, не то будет поздно!

Вождь приложил руку ко рту, и вновь раздались звуки, привлечшие в свое время внимание Элизабет. Тут послышался шум торопливых шагов сквозь сухую поросль и кустарник, и на площадку с искаженным от ужаса лицом выбежал Эдвардс.

Глава 37

И двор, и лагерь, и леса

Любви покорны.

Вальтер Скотт, «Песнь последнего менестреля»

— Как было бы ужасно, если бы ты вдруг погиб такой смертью, мой старый друг! — воскликнул Оливер, с трудом переводя дыхание. — Вставай скорее, надо бежать. Быть может, уже слишком поздно... Внизу пламя вокруг скалы замыкается, и, если не удастся прорваться здесь, единственным путем к спасению останется тропинка над пропастью.

Скорее, скорее! Да очнись же, Джон! Нельзя терять ни минуты.

Узнав голос Эдвардса и сразу забыв про опасность, Элизабет отпрянула к ближайшему выступу скалы, а могоканин, на мгновение как будто стряхнув с себя апатию, проговорил, указывая на девушку:

— Это ее надо спасти. А Джона оставь умирать.

— Ее? О ком ты говоришь? — закричал юноша, поспешно оборачиваясь в ту сторону, куда указал старик.

При виде Элизабет он, казалось, онемел. Лицо девушки выражало ужас, к которому примешивалось смущение оттого, что ей пришлось встретиться здесь с молодым человеком.

— Мисс Темпл? Вы?.. Здесь?! — воскликнул Эдвардс, как только вновь обрел дар речи. — Неужели вам уготована такая страшная смерть?..

— Нет, нет, мистер Эдвардс, надеюсь, смерть не грозит никому из нас, — ответила Элизабет, изо всех сил стараясь говорить спокойно. — Дыма много, но огня пока не видно. Попытаемся уйти отсюда.

— Возьмите мою руку, — сказал Эдвардс. — Где-нибудь должен еще оставаться проход, вы сможете спуститься вниз. Хватит ли у вас сил?

— Разумеется. Право, мистер Эдвардс, вы преувеличиваете опасность. Ведите меня тем путем, каким сами пришли сюда.

— Конечно, конечно! — закричал юноша в каком-то исступлении. — Опасности нет, я только зря напугал вас.

— Но ведь мы не оставим, не можем же мы оставить старика умирать здесь?

Лицо молодого человека исказилось душевной мукой. Он с тоской взглянул на могоканина, потом, увлекая за собой упиравшуюся девушку, двинулся огромными шагами к проходу, через который сам только что вошел в это кольцо пламени.

— Не беспокойтесь за Джона, — проговорил Оливер спокойным тоном, за которым скрывалось отчаяние. — Старик — лесной житель и привык к подобным положениям. Он сумеет проползти по скале, а возможно, и здесь будет в полной безопасности.

— Минуту назад вы говорили иначе. Не бросайте его, Эдвардс, не обрекайте его на столь ужасную смерть! — воскликнула Элизабет, глядя на своего проводника так, будто сомневалась в здравости его рассудка.

— Слыханное ли дело, чтобы индеец сгорел в лесном пожаре! Сама мысль об этом нелепа. Торопитесь, торопитесь, мисс Темпл, не то мы не пробьемся сквозь дым.

— Что с вами, Эдвардс? У вас такое выражение лица... вы меня пугаете! Скажите правду: опасность страшнее, чем это кажется? Говорите, я все смогу вынести.

— Если мы успеем добраться до вершины той скалы, прежде чем туда продвинется огонь, мы спасены! — воскликнул юноша, не в силах более сдерживать себя. — Бегите же — речь идет о жизни и смерти!

Разговор этот происходил на уже описанной нами скалистой площадке, или террасе, какие часто встречаются в гористой местности; площадка, как было сказано выше, круто обрывалась пропастью. По форме она представляла собой полукруг, концы которого сливались со скалами. Спуск с этих скал был более пологим, и как раз с одного из них Эдвардс поднялся на площадку и сюда же тянул теперь Элизабет, делавшую отчаянные усилия бежать быстрее.

Огромные клубы белого дыма окутывали вершину горы, скрывая наступление бушующей стихии. Поддерживаемая Эдвардсом, мисс Темпл бежала по площадке, как вдруг какой-то треск привлек ее внимание, и она увидела, что из-за дымовой завесы пробивается извивающееся пламя, то поднимаясь вверх, то стелясь по самой земле, сжигая своим горячим дыханием каждый кустик, каждую веточку, которых оно касалось. Зрелище это удвоило силы беглецов, но, к несчастью, на их пути оказались груды высохшего валежника, и в тот момент, когда они оба уже считали себя спасенными, порыв горячего ветра занес раздвоенный язык пламени на валежник, который тут же вспыхнул; юноше и девушке преградило дорогу грозно ревущее пламя, вставшее перед ними подобно огнедышащей

топке. Почувствовав жар, молодые люди отшатнулись и стояли словно в оцепенении, глядя, как пламя быстро сползает вниз по горе, склон которой превратился в сплошное огненное полотнище. Для Элизабет в ее легком воздушном платье опасно было даже близко подходить к буйной стихии: эти развевающиеся одежды, которые придавали столько изящества и нежности ее фигуре, могли теперь стать причиной гибели девушки.

Жители поселка имели обыкновение ходить в горы за строительным материалом и топливом, но брали только стволы деревьев, предоставляя верхушкам и сучьям валяться и догнивать. Таким образом, почти все склоны горы были покрыты ворохами этого легкого топлива, которое, высохнув в последние два месяца под жарким солнцем, загорелось от первой искры. Пламя как будто даже не касалось сухого валежника, а перелетало с места на место, как легендарный огонь, зажигающий потухший светильник храма.

Зрелище, хотя и внушало ужас, было не лишено красоты. Эдвардс и Элизабет наблюдали за губительным продвижением огня со смешанным чувством страха и восхищения. Юноша, однако, скоро опомнился и повлек за собой Элизабет, снова пытаясь найти путь к спасению. Они прошли по краю дымовой завесы; Оливер, в поисках прохода, не раз входил в самую гущу дыма, но все безуспешно. Так они обогнули верхнюю часть уступа, пока не достигли его края, в стороне, противоположной той, откуда пришел Эдвардс, и тут они, к отчаянию своему, убедились, что огонь окружает их плотным кольцом. До тех пор, пока оставался неисследованным хотя бы один проход вверх или вниз по горе, в них еще теплилась надежда, но теперь, когда все пути к отступлению казались отрезанными, до сознания Элизабет вдруг дошел весь ужас положения, как будто она внезапно поняла всю грозящую им опасность.

— Этой горе суждено было стать для меня роковой, — прошептала она. — Видно, мы найдем здесь свою смерть.

— Не говорите так, мисс Темпл, еще не все потеряно, — ответил Эдвардс таким же шепотом, но отчаянное выражение лица юноши противоречило его ободряющим словам. — Вернемся к вершине скалы, там есть... там должно быть место, где мы сможем спуститься.

— Ведите же меня туда! — воскликнула Элизабет. — Надо испробовать все возможное. — И, не дожидаясь ответа, она повернулась и побежала к краю пропасти, сквозь рыдания повторяя как бы про себя: Бедный отец, бедный мой отец, что ждет его!..

В одно мгновение Эдвардс очутился рядом с ней. Глаза у него мучительно болели, он изо всех сил напрягал зрение, пытаясь найти в скалах хотя бы трещину, которая могла бы облегчить спуск, но на их ровной, гладкой поверхности не видно было ни единого места, могущего послужить опорой для ноги, а тем более настоящих уступов, необходимых при спуске с высоты в сотню футов. Эдвардс сразу же убедился, что и эта надежда рухнула, однако безумное отчаяние понуждало его к действию: ему пришла в голову еще одна возможность спасения.

— Вот последний выход, мисс Темпл: спустить вас вниз. Будь здесь Натти или если бы удалось вернуть к реальной действительности индейца, сноровка и многолетний опыт этих стариков помогли бы найти для этого средство. А я сейчас как дитя: способен на дерзкое мечтание, но не способен его осуществить. Каким же образом проделать это? Моя куртка слишком легка, да ее и недостаточно. Есть, правда, одеяло могиканина. Мы должны, мы непременно должны испробовать и это — все лучше, чем видеть вас жертвой страшной смерти.

— А что станет с вами? — возразила Элизабет. — Нет, нет, ни вы, ни Джон не должны жертвовать собой ради меня.

Но Эдвардс даже не слышал ее. Он уже стоял возле могиканина, который, не произнося ни слова, отдал свое одеяло и продолжал сидеть со свойственными индейцам достоинством и невозмутимостью. Одеяло было тут же разрезано на полосы, а те, в свою очередь, связаны вместе; к ним Эдвардс прикрепил свою полотняную куртку и легкий муслиновый шарф Элизабет. Эту своеобразную веревку юноша с быстротой молнии перекинул через край уступа, но ее не хватило и на половину расстояния до дна пропасти.

— Нет, нет, ничего не выйдет! — воскликнула Элизабет. — Для меня нет больше надежды. Огонь движется медленно, но неотразимо. Смотрите, сама земля горит!

Если бы пламя распространялось на площадке даже вполовину той скорости, с какой оно переносилось с куста на дерево по склонам горы, наш печальный рассказ быстро пришел бы к концу: пламя поглотило бы свои жертвы. Но некоторые обстоятельства дали им передышку, во время которой молодым людям удалось испробовать те возможности, о которых мы только что рассказали.

На тонком слое почвы, покрывавшей скалистую площадку, трава росла редкая и тощая, большинство деревьев, которым удалось проникнуть корнями в расселины и трещины, уже успели погибнуть во время засух в предыдущие годы; на некоторых, еще сохранивших признаки жизни, болталось по несколько увядших листьев, а остальные представляли собой лишь жалкие высохшие остатки того, что когда-то было соснами, дубами и кленами. Трудно отыскать лучшую пищу для огня, найди он только возможность сюда добраться; но тут не оказалось растительности, покрывавшей гору в других местах, где она способствовала разрушительному продвижению огня. Помимо этого, выше по склону на поверхность выбивался источник, которыми так изобилует эта местность; ручеек сначала не спеша вился по ровной площадке, пропитывая влагой мшистый покров скал, потом огибал основание небольшого конуса, образующего вершину горы, а затем, уходя под дымовую завесу где-то у края площадки, прокладывая себе дорогу к озеру, не прыгая с утеса на утес, а прячась в каких-то тайниках земли. Иной раз в дождливый сезон ручей то здесь, то там показывался на поверхности, но в летнюю засуху его путь можно было проследить лишь по заболоченным участкам и порослям мха, выдававшим близость воды. Когда пламя достигло этой преграды, ему пришлось задержаться до тех пор, пока сильный жар не уничтожил влагу; так войска ждут, пока авангард не освободит им дорогу для дальнейшего опустошительного продвижения.

Роковая минута была теперь, казалось, неотвратима — пар, с шипением поднимавшийся от русла ручья, почти уже исчезал, мох на скалах закручивался под действием жара, остатки коры, которые все еще держались на стволах засохших деревьев, стали отваливаться и падать на землю. Воздух словно дрожал от дыхания пламени, скользившего среди опаленных стволов деревьев. Были мгновения, когда черные клубы дыма застилали всю площадку, — глаза теряли способность видеть, но другие органы чувств заменяли зрение, давая полное представление об ужасе всего происходящего. В такие мгновения рев и треск бушующего пламени, шум падающих на землю ветвей, а иногда и грохот рухнувшего дерева повергали в трепет несчастные жертвы, ожидавшие своей участи. Из них троих больше всех волновался Эдвардс. Элизабет, смирившись с мыслью, что на спасение нет никакой надежды, показывала теперь то самообладание, с каким особо тонкие натуры прекрасного пола встречают неотвратимое несчастье. А могикинин, положение которого было самым опасным, продолжал сидеть на прежнем месте с непоколебимым хладнокровием, свойственным индейскому воину. Несколько раз взгляд старого вождя, почти не покидавший далеких холмов, обращался в сторону молодых людей, обреченных на безвременную гибель, и на его неподвижном лице показывались проблески жалости, но тут же глаза его снова затуманивались, как будто он уже смотрел в далекое грядущее. Почти все время он пел на делаварском наречии нечто вроде тихой погребальной песни, издавая глубокие гортанные звуки, присущие языку его народа.

— В такую минуту, мистер Эдвардс, исчезают все земные различия, — прошептала Элизабет. — Уговорите могикинина приблизиться к нам, и будем умирать вместе.

— Нет, я знаю, он не сдвинется с места, — ответил юноша жутким, еле слышным голосом. — Он считает это мгновение счастливейшим в своей жизни. Ему уже за семьдесят, и в последнее время старик начал сильно сдавать. К тому же он немного поранил себя во время той злополучной охоты на оленя, — там, на озере. Ах, мисс Темпл, это была поистине злополучная охота. Боюсь, что именно она явилась причиной и теперешнего нашего ужасного положения!

По лицу Элизабет скользнула какая-то необычайно спокойная улыбка.

— К чему вспоминать о таких пустяках? В подобную минуту сердце должно быть глухо ко всем житейским волнениям.

— Если что может примирить меня со столь страшной смертью, то это возможность встретить ее вместе с вами!

— Не говорите так, Эдвардс, не надо, — прервала его мисс Темпл. — Я не достойна таких речей, и вы несправедливы к себе. Мы должны умереть — да, да, это воля неба, — и давайте примем смерть покорно.

— Умереть? — закричал юноша. — Нет, нет! Еще должна быть надежда. Вы, во всяком случае, не можете умереть, вы не умрете...

— Каким же образом удастся нам спастись, выйти отсюда? — спросила Элизабет с безмятежным спокойствием, указывая на огонь. — Взгляните, Эдвардс, пламя уже преодолевает полосу влажной земли: оно продвигается не очень быстро, но неотступно. Смотрите — дерево... Дерево уже загорелось!..

Увы, то была горькая правда. Огромной силы жар сломил наконец сопротивление ручья, и огонь крался теперь по наполовину просохшему мху, а вырвавшийся с порывом ветра язык пламени на мгновение обвился вокруг ствола сосны, и сухое дерево тут же вспыхнуло. Огонь заплясал по стволу, как отблески молнии по стеклу, и вот уже не ствол, а огненный столб пылал на террасе. Скоро пламя начало прыгать от дерева к дереву, и трагедия, по-видимому, стала близиться к развязке. Бревно, на котором сидел могиканин, уже занялось с дальнего конца, и он очутился окруженным пламенем. Но он по-прежнему сидел не шелохнувшись. Тело его даже не было защищено одеждой, поэтому он должен был испытывать нестерпимые муки, но выдержка его была потрясающей. Даже шум пожара не заглушал его пения.

Элизабет отвернулась от ужасного зрелища и обратила взгляд на долину. Как раз в этот момент под действием бешеных порывов ветра, рожденного пожаром, дымовая завеса над долиной рассеялась, открывая вид на мирный поселок внизу.

— Это отец!.. Смотрите, вон мой отец! — закричала Элизабет. — Неужели мне суждено еще и такое испытание? Но надо покориться всему...

Расстояние до поселка было не слишком велико, и действительно можно было разглядеть судью Темпла, который стоял возле своего дома и, по-видимому, рассматривал охваченную пламенем гору, не подозревая об опасности, грозящей его дочери. Для Элизабет эта картина была еще более мучительной, чем надвигавшаяся из леса угроза, и девушка снова повернулась к огню.

— Всему причиной моя неуместная горячность! — в отчаянии воскликнул Эдвардс. — Если бы я имел хоть частицу вашего самообладания, мисс Темпл, все могло бы обернуться иначе.

— Не говорите об этом, — произнесла Элизабет. — Теперь это ни к чему не послужит. Мы должны умереть, Эдвардс, давайте же умрем, как подобает христианам. Но подождите — для вас, возможно, еще есть выход, и вы спасетесь. Ваша одежда не так опасна, как моя. Бегите, оставьте меня. Вдруг вы найдете проход? Во всяком случае, вам надо непременно попробовать. Бегите же!.. Нет, стойте. Вы увидите моего отца, моего бедного, осиротевшего отца. Расскажите ему, Эдвардс, все, что сможет смягчить его горе: передайте ему, что в момент смерти я была спокойна и счастлива, что я ухожу к своей любимой матери, что часы нашей земной жизни — ничто в сравнении с вечностью. Напомните ему, что мы с ним снова встретимся в другом мире. — От возбуждения девушка говорила громко, но вдруг понизила голос, как бы устыдившись своих земных слабостей. — И еще расскажите ему, как велика, как безгранично велика была моя любовь к нему: она была близка, даже слишком близка к моей любви к богу...

Молодой человек слушал ее трогательные излияния, но молчал и не двигался с места. Наконец он ответил:

— И это мне вы приказываете покинуть вас? Покинуть вас на краю могилы? Ах, мисс

Темпл, как мало вы меня знаете! — воскликнул Оливер, падая на колени к ногам Элизабет и обвивая руками ее разлетающиеся одежды, словно пытаюсь защитить девушку от пламени. — Отчаяние погнало меня в лес, но я увидел вас, и вы укротили во мне свирепого зверя. Я дичал и опускался, но вы приручили меня. Я забыл свое имя и род, но ваш образ воскресил их в моей памяти. Я забыл нанесенные мне обиды — это вы научили меня милосердию. Нет, нет, дорогая, я умру с вами, покинуть вас я не в силах!

Элизабет не двигалась и не отвечала. До этой минуты мысли ее были уже далеко от земли — воспоминания об отце и страдания по поводу разлуки с ним были смягчены высокими религиозными чувствами, и на пороге вечности девушку уже покидала слабость, присущая ее полу. Но, внимая словам Эдвардса, она вновь становилась женщиной. Она боролась с этим чувством и улыбалась при мысли, что сбрасывает с себя последнюю, медлящую оставить ее человеческую слабость — женское тщеславие, и вдруг жизнь со всеми ее соблазнами и искушениями снова ворвалась в ее сердце при звуках человеческого голоса, который громко кричал:

— Где ты, девушка? Откликнись, успокой старика, если ты еще жива!..

— Вы слышите? — проговорила Элизабет. — Это Кожаный Чулок, он меня ищет!..

— Да, это Натти! — закричал Эдвардс. — Мы еще можем спастись!

Широкий круг пламени вспыхнул на мгновение перед их глазами ярче, чем огонь пожара, и тут же раздался сильный взрыв.

— Порох... банка с порохом! — послышался тот же голос, прозвучавший уже значительно ближе. — Это порох! Бедняжка погибла!

В следующую секунду Натти ринулся к ним и очутился на площадке; волосы на его непокрытой голове были спалены, клетчатая рубашка вся почернела, и в ней зияли дыры, а всегда красное, обветренное лицо старика от жара стало теперь темно-красным.

Глава 38

Явился из страны теней

Отца ужасный призрак...

Томас Кэмпбелл, «Гертруда из Вайоминга»

Луиза Грант с лихорадочным беспокойством поджидала подругу в течение часа после того, как мисс Темпл ее оставила. Но время шло, а Элизабет не показывалась, и страх Луизы все возрастал; испуганное воображение рисовало ей те многочисленные опасности, с какими можно встретиться в лесу, — все, кроме той, которая действительно подстерегала дочку судьи. Огромные клубы дыма стали заволакивать долину и закрывать собою небо, а Луиза все еще ничего не подозревала. Она укрылась на опушке леса, среди невысоких сосенок и орешника, как раз над тем местом, где проезжая дорога сворачивала с прямого пути к поселку и поднималась в гору. Таким образом, девушке была видна не только расстилавшаяся внизу долина, но и дорога вверх, и Луиза заметила, что те немногие путники, которые иной раз проходили мимо, что-то озабоченно обсуждали, кидая частые взгляды на гору; наконец она увидела, как внизу, в поселке, из помещения суда вышли люди и тоже стали смотреть вверх. Такое непонятное поведение испугало девушку. В душе ее происходила борьба: ей было страшно оставаться здесь, но чувство долга удерживало ее на месте. И вдруг она вздрогнула, услышав негромкое потрескивание сучьев под осторожными шагами: кто-то приближался к ней сквозь кустарник. Луиза уже готова была обратиться в бегство, но из-за кустов появился не кто иной, как Натти. Ласково пожав девушке руку, старик засмеялся, когда почувствовал, что рука эта онемела от страха.

— Хорошо, что я встретил тебя здесь, — сказал он. — На горе пожар, и, пока не сгорит весь валежник, ходить туда опасно. На восточном склоне один глупый человек, приятель того негодяя, который причинил мне все зло, ищет серебряную руду. Я этому рудокопу

разъяснил, откуда взялся пожар: те бестолковые парни, что хотели словить опытного охотника в лесу ночью, набросали повсюду зажженных веток, а они горят, как пакля. Я ему говорю, что надо уходить с горы, но он знай себе копает. Если он еще не сгорел и не погребен в той яме, которую сам себе вырыл, то он не иначе как сродни саламандрам. А что с тобой? У тебя такой испуганный вид, будто ты опять увидела пуму. Хорошо бы мне их встретить, на пумах можно заработать быстрее, чем на бобрах. А где же хорошая дочь такого плохого отца? Неужто она забыла про свое обещание старому Натти?

— Она там, там, на горе! — воскликнула Луиза. — Она ищет вас, чтобы передать вам порох...

При этом неожиданном известии Натти даже отпрянул на несколько шагов назад.

— Господи помилуй! Она на Горе Видения, а там все полыхает... Если ты любишь эту милую девушку, если ты хочешь сохранить верного друга, который всегда выручит тебя в беде, беги в поселок и поднимай тревогу. Люди умеют бороться с огнем, еще есть надежда на спасение. Беги же, заклинаю тебя! Не останавливайся ни на миг, беги!

Едва произнеся эти слова, Кожаный Чулок скрылся в кустах, и Луиза увидела, что он бросился бежать в гору с быстротой, какая под силу лишь человеку очень выносливому и привычному к подъему в горах.

— Неужели я все-таки нашел тебя! — закричал старый охотник, выскакивая из гущи дыма на площадку, где стояли Эдвардс и Элизабет. — Скорей, скорей, сейчас нельзя тратить времени на разговоры.

— Я в слишком легком платье, — ответила Элизабет, — мне опасно приближаться к огню.

— Я подумал об этом! — крикнул Натти и развернул нечто вроде одеяла из оленьей кожи, висевшее у него на руке; старик обернул им девушку с головы до ног. — А теперь вперед, не то мы все поплатимся жизнью.

— А как же могиканин, что станет с ним? — воскликнул Эдвардс. — Неужели мы оставим старого воина погибать здесь?

Натти взглянул туда, куда указывал ему юноша, и увидел индейца, сидевшего неподвижно, хотя сама земля уже горела у него под ногами.

Охотник быстро подошел к старику и заговорил на делаварском наречии:

— Вставай, Чингачгук, и пойдем отсюда. Неужто ты хочешь сгореть подобно мингу, приговоренному к сожжению? Я-то думал, что христианские священники кое-чему тебя все-таки научили. Боже мой, да ему все ноги обожгло порохом, и кожа на спине начала поджариваться! Иди же за мной, слышишь? Пойдем!

— А зачем могиканину уходить? — мрачно произнес индеец. — Он помнит дни, когда был молодым орлом, а теперь глаза его потускнели. Он смотрит в долину, он смотрит на озеро, он смотрит в леса, но не видит ни одного делавара. У всех белая кожа. Праотцы из далекой страны зовут меня, говорят: иди к нам. Женщины, молодые воины, все мое племя — все зовут: иди. И Великий Дух тоже зовет: иди. Дай же могиканину умереть.

— Но ты забываешь о своем друге!.. — воскликнул Эдвардс.

— Нет, сынок, индейцу уж ничего не втолкуешь, коли он надумал помирать, — прервал его Натти и, схватив веревку, которую смастерил Оливер из полосок одеяла, с удивительной ловкостью привязал безучастного ко всему вождя себе на спину и направился туда, откуда только что появился, будто ему были нипочем и собственный преклонный возраст и тяжелый груз.

Едва все успели пересечь площадку, как одно из сухих деревьев, которое уже в течение нескольких минут готовилось упасть, рухнуло, наполнив воздух пеплом, и как раз на то самое место, где они только что стояли.

Событие это заставило беглецов ускорить шаг; подгоняемые необходимостью, молодые люди шли не отставая за Кожаным Чулком.

— Старайтесь ступать по мягкой земле! — крикнул Натти, когда они вдруг очутились в полном мраке: дым уже заслонил все вокруг. — И держитесь в белом дыму. Ты следи,

сынок, чтобы она была плотнее закутана в одеяло, — девушка эта клад, другую такую сыскать будет трудно.

Все наставления старого охотника были выполнены, и, хотя узкий проход вдоль извивающегося ручья шел среди горящих стволов и сверху падали пылающие ветви, всем четверым удалось благополучно выбраться на безопасное место. Только человек, превосходно знавший эти леса, мог находить дорогу сквозь дым, когда дышать было невыносимо трудно, а зрение почти отказывалось служить; опыт Натти помог им пройти между скалами, и оттуда они не без усилий спустились на расположенный ниже уступ, или площадку, где дышать сразу стало легче.

Можно себе представить, хотя трудно описать состояние Эдвардса и Элизабет, когда они наконец поняли, что опасность миновала! Из них троих больше всех радовался сам проводник; продолжая держать на спине могиканина, он повернулся к молодым людям и сказал, смеясь своим особенным смехом:

— Я тут же догадался, что порох — из лавки француза: иначе он не взорвался бы весь сразу. Будь зерно крупнее, он полыхал бы целую минуту. У ирокезов не было такого хорошего пороха, когда мы ходили под началом сэра Уильяма на канадские племена. Я тебе рассказывал, сынок, как...

— Ради бога, Натти, отложи свои рассказы до того времени, когда мы все выберемся отсюда! Куда нам теперь идти?

— Как — куда? Конечно, на ту площадку, что над пещерой. Там уж пожар до вас не доберется, а коли захотите, можете войти и в пещеру.

Молодой человек вздрогнул и, казалось, сразу затревожился. Оглядевшись с беспокойством, он быстро проговорил:

— А там, на той скале, вполне безопасно? Не доберется ли огонь и туда?

— Где твои глаза, мальчик? — произнес Натти с хладнокровием человека, привыкшего к опасностям, подобным той, какую им всем только что пришлось пережить. — Задержись вы на прежнем месте еще с десятков минут, и от вас остался бы только пепел, а вот там можете пробыть сколько вам вздумается, и никакой огонь не доберется, разве только если камни вдруг начнут гореть, как дерево.

Успокоенные таким заявлением, они направились к тому месту, о котором говорил старик. Там Натти снял свою ношу и уложил индейца, прислонив его спиной к скале. Элизабет опустилась на землю и закрыла лицо руками: самые разнородные чувства переполняли ее сердце.

— Мисс Темпл, вам необходимо выпить что-нибудь, подкрепить свои силы, — сказал Эдвардс почтительно, — иначе вы не выдержите.

— Нет, ничего, оставьте меня, — ответила Элизабет, на мгновение подняв на юношу лучистые глаза. — Я не могу сейчас говорить, я слишком взволнована. Я преисполнена чувства благодарности за свое чудесное спасение — благодарна богу и вам.

Эдвардс отошел к краю скалы и крикнул:

— Бенджамен! Где ты, Бенджамен?

В ответ послышался хриплый голос, идущий словно из самых недр земли.

— Я здесь, мистер Оливер, торчу тут в яме. А жарница такая, как у повара в медном котле. Мне все это уж надоело. Если Кожаному Чулку надо еще много дел переделать, прежде чем отчалить за этими самыми бобрами, так я лучше вернусь в гавань и буду выдерживать карантин, пока закон не защитит меня и не вернет мне остаток моих денежек.

— Принеси из ручья воды, — сказал Эдвардс, — и влей в нее немного вина. И, прошу тебя, поторопись!

— Я мало смысла в ваших слабых напитках, мистер Оливер, — ответил стюард, выкрикивая все это из пещеры под уступом. — Остатки ямайского рома пошли на прощальный глоток Билли Керби, когда он тащил меня на буксире прошлой ночью — вот когда вы от меня сбежали, во время вчерашней погони. Но немного красного винишка у меня имеется, может, для слабого-то желудка оно как раз и сгодится. В лодке мистер Керби моряк

неважный, зато среди пней да коряг умеет поворачивать свою телегу на другой галс не хуже того, как лондонский лоцман лавирует среди угольных барж на Темзе.

Произнося эту тираду, стюард не переставая карабкался вверх и вместе с последними словами появился на площадке, держа в руках требуемое питье; вид у дворецкого был помятый, лицо опухло, как у человека, недавно пробудившегося после основательной попойки.

Элизабет приняла стакан воды из рук Эдвардса и знаком попросила, чтобы юноша оставил ее.

Повинуясь ее желанию, Эдвардс отошел и увидел, как Натти заботливо хлопочет над могикианином. Когда глаза молодого человека и охотника встретились, Натти горестно проговорил:

— Час Джона пробил, сынок, по его глазам вижу: коли у индейца такой неподвижный взгляд, значит, он твердо решил помереть. Уж когда эти упрямцы что задумают, обязательно настоят на своем.

Эдвардс ничего не успел ответить, потому что послышались торопливые шаги, и все, к своему изумлению, увидели, что к ним, цепляясь за скалы, пробирается мистер Грант. Оливер кинулся ему на помощь, и вскоре достойный служитель церкви был благополучно водворен на площадку, где находились все остальные.

— Каким образом вы оказались здесь? — воскликнул Эдвардс. — Неужели во время такого пожара на горе есть люди?

Священник прочел краткую, но прочувствованную благодарственную молитву и лишь после этого нашел в себе силы ответить:

— Кто-то видел, как моя дочь шла по направлению к горе, и мне об этом сказали. Когда на вершине вспыхнул огонь, тревога заставила меня подняться вверх по дороге, и там я встретил Луизу. Она была вне себя от страха за судьбу мисс Темпл. В поисках дочери судья я и зашел в это опасное место, и, если бы господь не спас меня, дав мне в помощь собак Натти, я бы и сам погиб в пламени.

— Да, в таких делах на собак положиться можно, — сказал Натти. — Коли есть где хоть одна лазейка, уж они ее непременно разыщут. Им носы служат, как человеку разум.

— Я так и поступил — пошел вслед за собаками, и они привели меня сюда. Благодарение богу, все мы целы и невредимы.

— Не совсем так, — возразил охотник, — Целы-то мы целы, а вот насчет того, что невредимы, про Джона этого сказать нельзя: человек при последнем издыхании, минуты его сочтены.

— Ты прав, Натти Бампо! — воскликнул мистер Грант, приближаясь к умирающему. — Я слишком многих проводил в иной мир, чтобы не понять, что рука смерти уже коснулась этого старого воина. Как утешительно сознавать, что он не отверг предложенную ему благодать христианства еще в ту пору, когда был силен и когда его осаждали земные искушения! Потомок расы язычников, он был поистине «выхвачен, как головня из пламени»⁶².

— Нет, он страдает не от ожогов, — проговорил Натти, не совсем поняв слова священника; старый охотник один стоял подле умирающего воина. — Хотя Джон из-за своей индейской гордости мог и с места не сдвинуться, когда огонь жег ему кожу, — индейцы боль презирают, — но, мне сдается, сожгли его злые людские мысли, они его мучили без малого восемь десятков лет. Ну, а теперь природа сдается, борьба тянулась уж очень долго. Эй, Гектор, ложись! Ложись, тебе говорят! Плоть наша не из железа, вечно жить человек не может. Джону пришлось видеть, как вся его родня, один за другим, переселилась в иной мир, а он вот остался горевать здесь один-одинешенек.

— Джон, ты меня слышишь? — ласково спросил священник. — Хочешь, чтобы я

⁶² Из книги пророка Амоса, «Библия», глава IV, 11.

прочел молитвы, предназначенные церковью для этой скорбной минуты?

Индеец повернул к нему свое землистое лицо. Темные глаза его смотрели прямо, но безучастно: старик, по-видимому, никого не узнавал. Затем, снова обернувшись к долине, он запел по-делаварски. Низкие, гортанные звуки песни становились все громче, и вот уже можно было различить слова:

— Я иду, я иду в Страну Справедливых, я иду! Я убивал врагов, я врагов убивал! Великий Дух зовет своего сына. Я иду, я иду! В Страну Справедливых я иду!

— О чем он поет? — с искренним участием спросил Кожаного Чулка добрый пастор. — Он воздаёт хвалу спасителю нашему?

— Нет, это он себя похваливает, — ответил Натти, с грустью отводя взгляд от умирающего друга. — И все верно, я-то знаю, что каждое его слово правда.

— Да изгонит господь из его сердца такое самодовольство! Смирение и покаяние — вот заветы христианства, и, если не царят они в душе человека, тщетны его чаяния на спасение. Хвалить себя! И это в такую минуту, когда дух и тело должны слиться воедино, вознося хвалу создателю! Джон, ведь ты принял христианское вероучение, ты был избран среди множества грешников и язычников, и я верю — все это для разумной и благой цели. Отвергаешь ли ты суетное довольство своими добрыми делами, проистекающее от гордыни и тщеславия?

Индеец даже не взглянул на того, кто задал ему эти вопросы, и, снова подняв голову, заговорил тихо, но внятно:

— Кто посмеет сказать, что враги видели спину могиканина? Разве хоть один враг, сдавшийся ему на милость, не был пощажён? Разве хоть один минг, за которым гнался могиканин, спел победную песню? Разве сказал когда-либо могиканин хоть одно слово лжи? Нет! Правда жила в нем, и ничего, кроме правды, не исходило от него. В юности своей он был воином, и мокасины его оставляли кровавый след. В зрелые годы он был мудр, и слова его у Костра Совета не разлетались по ветру.

— А, он оставил свои языческие заблуждения, он перестал петь! — воскликнул священник. — Что же говорит он теперь? Сознает ли, что для него в жизни уже все потеряно?

— Ах ты боже мой! Да он не хуже нас с вами знает, что конец его близок, — сказал Натти, — только он считает это не потерей, а, наоборот, большим выигрышем. Джон стал стар и неловок, дичи же по вашей вине нынче не очень-то много, да и пугливая она стала. Охотники помоложе его с трудом добывают себе на жизнь. Он верит, что отправится после смерти туда, где всегда хорошая охота, куда не смогут попасть злые и несправедливые и где он снова встретит свое племя. Это совсем не кажется потерей человеку, у которого руки даже и корзины плести уже не могут. Если есть тут потеря, так это для меня. Когда Джон уйдет, мне останется разве что последовать за ним.

— Его пример и кончина, которая, как я еще смиренно надеюсь, может стать славной, должна направить и тебя, Натти, на размышления о лучшем мире, — заговорил мистер Грант. — Но мой долг — облегчить путь для покидающей сей мир души. Настала минута, Джон, когда сознание того, что ты не отверг помощи спасителя нашего, прольет бальзам на твою душу. Не возвращайся к заблуждениям прежних дней, принеси грехи свои к стопам божьим, и бог тебя не оставит.

— Хоть слова ваши — сущая правда, да и в священном писании то же сказано, но с Джоном теперь ничего не поделать, — проговорил Натти. — С самой войны ему не доводилось видеть священника, а индейцы часто возвращаются к старым верованиям. Я так полагаю, что старику надо дать умереть спокойно. Сейчас он счастлив, я это по глазам его вижу, а такого нельзя было про него сказать с того самого времени, когда делавары покинули земли у истоков реки и двинулись к западу. Да, давненько это было, и немало повидали мы с ним черных дней с тех пор.

— Соколиный Глаз! — позвал могиканин. Казалось, в нем вспыхнула последняя искра жизни. — Соколиный Глаз, слушай слова своего брата.

— Слушаю, Джон, — по-английски ответил ему охотник, взволнованный таким обращением, и подошел поближе к индейцу. — Да, мы были братьями, и этого даже не выразить на твоём языке. Что ты хочешь сказать мне, Чингачгук?

— Соколиный Глаз! Праотцы зовут меня в Страну Счастливой Охоты. Тропа туда свободна, и глаза могоканина снова становятся молодыми. Я смотрю и не вижу людей с белой кожей. Никого не вижу, кроме справедливых и храбрых индейцев. Прощай, Соколиный Глаз, ты отправишься в рай для белых вместе с Пожирателем Огня и Молодым Орлом, а я пойду вслед за своими праотцами. Пусть лук, томагавк, трубку и вампум могоканина положат с ним в его могилу. В путь он отправится ночью, как воин на битву, и ему некогда будет искать свои вещи.

— Что он говорит, Натаниэль? — с явным беспокойством спросил мистер Грант. — Предается ли он благочестивым размышлениям и вверил ли спасение души своей господу богу, оплоту нашему?

— Нет, он надеется только на Великого Духа, в которого верят индейцы, да на свои добрые дела. И, как все индейцы, думает, что снова станет молодым и будет охотиться и жить счастливо на веки вечные. Все цветнокожие верят в это. А вот мне так никогда и в голову не приходило, что я на том свете опять увижу своих собак и ружье, хоть и тяжко старику думать, что надо будет навсегда расстаться с ними. И потому я держусь за жизнь сильнее, чем следует старому человеку, перевалившему за седьмой десяток.

— Бог не допустит, чтобы человек, который был осенен крестным знаменем, умер смертью язычника! — с жаром воскликнул священник. — Джон!..

Но тут мистер Грант вынужден был умолкнуть перед голосом новой стихии. Пока происходили только что описанные события, на горизонте росли и сгущались темные тучи: зловещая неподвижность воздуха предвещала перемену погоды. Пламя, все еще бушевавшее на склонах горы, теперь уже не металось под порывами ветра, но вздымалось вверх, ровное и прямое. Было даже некое спокойствие в разрушительном действии стихии — она как будто сознавала, что скоро ее остановит сила более могучая, чем ее собственная. Клубы дыма над долиной поднимались и быстро рассеивались, и среди туч, нависших над западными горами, уже сверкали короткие слепящие молнии. И вот вслед за особо яркой вспышкой, пронизавшей своим неровным светом тучи и на миг озарившей весь горизонт, раздался страшный удар грома — он прокатился по горам, потрясая землю, казалось, до самых ее недр. Могоканин приподнялся, словно повинувшись призыву, и вытянул исхудавшую руку в сторону запада. Темное лицо его осветилось радостью, которая затем стала медленно потухать, и все мышцы лица как будто застыли — на секунду судорога искривила губы, рука медленно опустилась: мертвый воин так и остался сидеть, прислонившись к скале, как бы глядя остекленевшими глазами на далекие горы, словно осиротевшая теперь земная оболочка следила за полетом души в новую обитель.

Мистер Грант наблюдал все это в немом ужасе, но, как только замерли последние отголоски грома, молитвенно сложил руки и проговорил голосом, в котором звучала твердая, непоколебимая вера:

— «Неисповедимы пути твои, господи, но верю в вечную твою сущность, и, если червь источит мою плоть, она все же узрит тебя — глаза мои узрят тебя, господи!» Окончив жаркую молитву, пастор смиренно склонил голову на грудь: он олицетворял собой кротость и смирение, выраженные этими вдохновенными словами.

Едва мистер Грант отошел от тела индейца, как старый охотник приблизился к своему мертвому другу и, взяв его за неподвижную руку, некоторое время задумчиво смотрел ему в лицо, а затем проговорил с глубокой печалью:

— Красная кожа или белая — теперь уж все кончено. Теперь его будет судить великий судья, и не по тем законам, что придуманы для новых времен и новых порядков. Ну, еще одна смерть — и останусь я сиротой со своими собачками. Я знаю, человек должен ждать, пока господь не призовет его к себе, но я уже начинаю уставать от жизни. Мало осталось деревьев, что росли во времена моей молодости, и редко встретишь лицо, которое знал я в

прежние времена.

Начали падать, ударяя о сухие скалы, крупные капли дождя. Гроза приближалась быстро и неотвратимо. Тело индейца поспешно перенесли в пещеру, а за ним, скуля, поплелись собаки: они тосковали, не видя ласкового взгляда старого вождя.

Эдвардс торопливо извинился перед Элизабет за то, что не может проводить ее в пещеру, вход в которую был закрыт бревнами и корой, и при этом дал какие-то весьма невразумительные объяснения, ссылаясь на то, что в пещере темно и неприятно быть вместе с мертвым телом. Мисс Темпл, однако, вполне надежно укрылась от потоков дождя под выступом скалы. Еще задолго до того, как ливень кончился, снизу слышались голоса, зовущие Элизабет, и вскоре показались люди: на ходу гася тлеющие угли, они осторожно пробирались среди еще не потухших головней.

Улучив момент, когда дождь на минуту затих, Оливер вывел Элизабет на дорогу, но, прежде чем расстаться с девушкой, успел проговорить с жаром, относительно которого она теперь уже не терялась в догадках:

— Я больше не стану таиться, мисс Темпл. Завтра в этот самый час я сброшу покров. По своей слабости я, возможно, слишком долго скрывал за ним себя и свои дела. Но у меня были глупые романтические мечты и желания: кто свободен от них, если он молод и раздираем противоречивыми страстями? Да хранит вас бог! Я слышу голос вашего отца, мистер Темпл поднимается по дороге. Я не хотел бы, чтобы меня сейчас арестовали. Благодарение богу, вы снова в безопасности, — уж одно это снимает с моей души великую тяжесть.

Не дожидаясь ответа, юноша скрылся в чаще. Элизабет, хотя до нее уже доносился отцовский голос, не откликнулась до тех пор, пока Эдвардс не исчез за дымящимися деревьями, и только после этого обернулась. В следующее мгновение она была в объятиях своего обезумевшего от горя отца.

Вскоре подъехала коляска, и Элизабет поспешно в нее села. Когда разнеслась весть, что нашлась та, которую искали, люди вернулись в поселок, грязные и мокрые, но счастливые, потому что девушка избежала страшного безвременного конца.

Глава 39

*Пусть будут мечи наши обнажены,
Гремит барабан о начале войны.
О горы, что гордо глядите нам вслед,
Вернемся мы к вам лишь дорогой побед.*
Байрон, «Паломничество Чайльд Гарольда»

Сильный ливень шел, почти не переставая, до самого вечера и окончательно остановил продвижение огня, хотя еще и ночью на горе поблескивало пламя там, где для него имелось достаточно топлива. На следующий день лес на протяжении многих миль казался совсем черным и дымился, в нем не осталось ни кустарника, ни сухостоя; одни лишь сосны да хемлок гордо устремляли в небо свои кроны и кое-где деревья пониже сохранили слабые признаки жизни.

Досужие языки болтали без устали, разнося сильно преувеличенные слухи о чудесном спасении Элизабет и о смерти могиканина. Все поверили, что Джон погиб в пламени, и версия эта показалась правдоподобной и убедительной, когда до поселка дошли ужасные вести о Джотеме Ридле: его нашли в выкопанной им самим яме, где он почти задохнулся и очень сильно обгорел; положение несчастного казалось безнадежным.

Внимание всех было целиком поглощено событиями последних дней, и именно в это беспокойное время осужденные фальшивомонетчики, вдохновившись примером Натти, ухитрились в ночь после пожара прорубить стену своей бревенчатой тюрьмы и безнаказанно скрыться. Когда эта новость вместе с рассказом об участии Джотема и приукрашенными и

искаженными описаниями событий, происшедших на вершине горы, облетела поселок, все стали открыто говорить, что следует принять меры в отношении хотя бы тех беглецов, которых можно поймать. Утверждали, что пещера стала «очагом зла», а когда в путаницу догадок вплелись еще и рассказы о залежах серебряной руды, неутомимая фантазия жителей поселка тотчас нарисовала картину изготовления фальшивых денег и все прочее, что только могло представлять собой вред и опасность для общества.

Пока шло такое брожение умов, кто-то пустил слух, что лес подожгли Эдвардс и Кожаный Чулок и, следовательно, они и ответственны за все причиненные пожаром разрушения. Слух этот распространился очень быстро при особом содействии тех, кто из-за своей беспечности оказался подлинным виновником бедствия. Все единодушно требовали поимки и наказания преступников. Шериф, разумеется, не остался глух к этому призыву и уже к полудню всерьез занялся претворением в жизнь строгих велений закона.

Отобрав несколько бравых молодцов, он с видом заговорщика отвел их в сторону и дал им важный наказ, все это хотя и на глазах у всего поселка, но так, что никто ничего не слышал. Бравые молодцы, узнав, какая на них возложена миссия, немедленно зашагали по направлению к горе. На лице у каждого из них было такое выражение, будто от его проворства зависят судьбы мира, и при этом все напустили на себя необычайную таинственность, словно выполняли секретное государственное дело.

Ровно в полдень возле «Храброго драгуна» послышалась продолжительная барабанная дробь, и появился Ричард в сопровождении капитана Холлистера, облаченного в мундир командующего отрядом пехоты Темплтона: шериф просил у капитана отряд ополчения в помощь властям, дабы успешнее выполнить свой долг перед законом. Мы не имеем возможности приводить здесь речи, произнесенные по этому поводу обоими достойными джентльменами, но они сохранились на страницах «синей» газетки, которую и сейчас еще можно найти в подшивке. Говорят, что речь шерифа строго соответствовала юридической форме, а выступление капитана Холлистера отличалось военной точностью и сжатостью. Все было подготовлено заранее, и, пока барабанщик в красном мундире продолжал выбивать дробь, откуда-то появилось человек двадцать пять волонтеров, и все они выстроились в боевом порядке.

Поскольку войско это состояло только из волонтеров, а командовал им человек, тридцать пять лет своей жизни проведший на биваках и в гарнизонах, оно считалось в этих краях непревзойденным образцом боевой науки; знающие люди в Темплтоне уверенно заявляли, что по выучке и внешнему виду оно не уступит никакому другому войску, а что касается физических достоинств воинов, то тут уж они не найдут себе равных. Против этого утверждения поднималось лишь три голоса и имелось также одно невысказанное мнение. Мнение это принадлежало Мармадьоку, но он, однако, не считал нужным его обнародовать. Один из голосов, и достаточно громкий, исходил от супруги, самого командующего, которая частенько упрекала мужа за то, что он «опустился», став во главе такого сборища вояк, — и это после того, как он на протяжении почти всей войны носил почетное звание ротного старшины в отряде виргинской кавалерии!

Такое же скептическое отношение к темплтонскому гарнизонному войску, стоило ему где-либо показаться, неизменно выказывал мистер Помпа, причем говорил он в этих случаях всегда с той снисходительностью, какую обычно напускает на себя уроженец страны наших предков, когда удостоивается похвалы своих нерадивых отпрысков:

— Ладно, может, по части того, как заряжать ружье и стрелять, они кое-что и смыслят, а вот насчет того, чтобы управлять кораблем? Да одна сторожевая охрана с «Боадицей» за полвахты могла бы всех их окружить и взять в плен.

Поскольку опровергнуть это утверждение было некому, матросы «Боадицей» не преминули получить в Темплтоне свою долю признания.

Третьим скептически настроенным был мосье Лекуа, который не упускал случая, посмеиваясь, шепнуть на ухо шерифу, что более великолепного боевого отряда ему не доводилось видеть и что отряд этот может уступить разве только мушкетерам «добрého

Людовика».

Но на этот раз миссис Холлистер, угадав, по-видимому, что предстоят наконец настоящие боевые действия, занялась своими приготовлениями к этому событию, и голоса ее никто не слышал; Бенджамен, как известно, и вовсе отсутствовал, а мосье Лекуа был слишком счастлив, чтобы осуждать своих ближних, и потому темплтонский отряд избежал критики и нелестных сравнений в тот памятный день, когда он особенно нуждался в поддержке, чтобы быть уверенным в себе. Что касается Мармадьюка, то говорили, будто он снова заперся с мистером Вандерсколом, и, таким образом, ничто не препятствовало действиям войска.

Ровно в два часа воины все, как один, начав с правого фланга, где стоял заслуженный ветеран капитан Холлистер, вскинули ружья на плечо, и это движение повторила вся шеренга до левого фланга. Когда все мушкеты оказались в нужном положении, капитан отдал приказ:

— Левое плечо вперед, шагом марш!

Поскольку этим новичкам в военном деле предстояло немедленно отправиться на встречу с врагом, нельзя утверждать, что приказ был выполнен с обычной для них точностью, но, когда оркестр заиграл вдохновляющую мелодию «Янки Дудл», а Ричард и мистер Дулитл решительно направились впереди всех по улице, капитан Холлистер бодро повел за ними свой отряд: ветеран шел, вскинув голову под углом в сорок пять градусов; на макушке у него красовалась низенькая треуголка, свою огромную драгунскую саблю он держал в правой руке, а длинные стальные ножны волочились за ним по пятам, даже своим позвякиванием выражая воинственность. Немалых усилий стоило добиться, чтобы все шесть подразделений шли ровно, но к тому времени, как они подошли к мосту, отряд был, казалось, в полном порядке и начал подниматься в гору, направляясь к ее вершине. Расположение боевых сил несколько изменило лишь то обстоятельство, что шериф и магистрат дружно пожаловались на одышку, которая постепенно привела обоих джентльменов в самый арьергард отряда. Едва ли стоит перечислять здесь все подробности продвижения ополченцев. Надо лишь сказать, что командование распорядилось выслать вперед разведчиков, и те, вернувшись, доложили, что враг не только не отступил, как это предполагалось, но, по-видимому узнав о готовящемся нападении, укрепляет позиции и собирается защищаться до последней капли крови. Эти известия, естественно, отразились не только на планах командования, но и на физиономиях воинов: бравые молодцы переглядывались с несколько обеспокоенным видом, а Хайрем и Ричард отошли в сторону и стали совещаться.

Тут к отряду присоединился Билли Керби, который с топором под мышкой шел по дороге как раз на таком же расстоянии впереди своей упряжки, какое отделяло капитана Холлистера от его войска во время подъема на гору. Билли немало удивился, увидев перед собой вооруженный отряд, но шериф поспешил воспользоваться столь мощным подкреплением и немедленно потребовал помощи лесоруба. Билли слишком уважал мистера Джонса, чтобы ослушаться его распоряжения, и в конце концов было решено, что именно Уильям Керби отправится во вражескую крепость с приказом сдаться, прежде чем власти будут вынуждены прибегнуть к крайним мерам.

Отряд теперь разделился: часть его капитан повел через Гору Видения, с тем чтобы подойти к пещере слева, остальные же, под командованием его помощника, стали заходить к ней справа. Мистер Джонс и доктор Тодд — ибо и хирург находился здесь же — вскоре появились на скалистой площадке как раз над крепостью врагов, хотя и вне поля их зрения. Хайрем счел такое приближение слишком рискованным и потому, пройдя вдоль по склону вместе с Билли Керби, остановился на почтительном расстоянии от крепости и спрятался за деревом. Большинство вояк обнаружили исключительную точность глазомера — каждый устроился так, чтобы между ним и осажденными непременно находился какой-либо предмет, и только двое со стороны нападающих остались на виду у врага: с одного края пещеры — капитан Холлистер, а с другого его края — лесоруб Керби. Старый ветеран стоял, храбро

повернувшись лицом к крепости, держа саблю в одном неизменном положении и твердо уставившись на врага своим единственным глазом, в то время как поза Билли выражала безмятежное спокойствие и полную непринужденность: высоченный лесоруб стоял сложа руки на груди и держа топор под мышкой — он умел, подобно его быкам, дышать стоя.

Пока враждующие стороны еще не обменялись ни единым словом. Осажденные нагромодили перед входом в пещеру обгоревшие стволы и сучья, устроив таким образом небольшой полукруглый вал. Фортификацию эту отнюдь нельзя было назвать пустяковой, так как во все стороны от вала спуск был крутой и скользкий и подступы с фронта были весьма затруднены, да к тому же с одного края крепость защищал Бенджамен, а с другого — Натти. Получив свое задание, Керби стал спокойно подниматься по горе, выбирая дорогу с таким невозмутимым видом, словно шел к очередному участку, предназначенному на вырубку. Когда он оказался в сотне шагов от крепости, из-за вала высунулось длинное дуло знаменитого ружья Кожаного Чулка и раздался громкий голос охотника:

— Не подходи, Билли Керби, не подходи, говорю! Я тебе зла не желаю, но, если кто из вас подойдет хоть на шаг ближе, прольется кровь, уж этого не миновать. Да простит бог того, кто на это решится, но так оно и будет.

— Да ты не ворчи, старик, послушай лучше, что я тебе скажу, — миролюбиво ответил лесоруб. — Меня все эти ваши дела не касаются, я только хочу, чтобы все было по справедливости. Мне наплевать, кто тут из вас кого одолеет, но вон за тем молодым буком стоит сквайр Дулитл, — так вот, он просил меня пойти и сказать тебе, чтоб ты сдался властям, только и всего.

— А, я вижу этого негодяя, вон его камзол! — с возмущением закричал Натти. — Пусть только высунет хоть палец — моя пуля его не пропустит, я уж дам о себе знать. Уходи, Билли, по-хорошему, прошу тебя. Ты знаешь, как я умею целиться, а я ведь тебе худа не желаю.

— Уж очень ты расхвастался, Натти, — проговорил лесоруб, прячась за ближайшую сосну. — Не хочешь ли ты сказать, что сумеешь пристрелить человека через ствол толщиной в три фута? Да я могу завалить на тебя это дерево в десять минут и даже того быстрее. Так что будь-ка повежливее, я, думается, делаю все по закону.

Лицо Натти выражало бесхитростную прямооту, и, хотя видно было, что старик шутить не собирается, не оставалось сомнения в том, что доводить дело до кровопролития он не хочет. В ответ на речи лесоруба Натти крикнул:

— Я знаю, Билли Керби, тебе ничего не стоит свалить любое дерево, но, если ты при этом высунешь из-за ствола руку или хоть палец, придется тебе потом останавливать кровотечение, а может, и вправлять кости. Если все, что тебе нужно, — это войти в пещеру, так подожди, когда до заката солнца останется два часа, и тогда входи, сделай милость. Но сейчас я тебя не пущу. Здесь и так уж один труп лежит на холодном камне, и есть еще такой, в ком жизнь еле теплится. Коли попробуешь войти силой, мертвецы будут не только в пещере, но и возле нее.

Лесоруб бесстрашно вышел из-за своего укрытия и крикнул:

— Вот это по-честному, а что по-честному, то и справедливо. Натти говорит, чтоб подождали до времени, когда останется два часа до заката, и я думаю, возразить тут нечего. Человек всегда сдается, коли в чем виноват, если только на него не слишком уж наседаешь. А вы вот наседаете на него, и он начинает упрямиться, как сноровистый бык: чем больше его колотишь, тем больше он брыкается.

Смелое заявление и независимый тон Билли не соответствовали ни напряженности момента, ни состоянию духа мистера Джонса, который сторгал от нетерпения, желая поскорее проникнуть в пещеру и раскрыть ее тайны, и потому он прервал дружеский диалог между Натти и Билли.

— Натаниэль Бампо, именем закона приказываю вам сдаться! — крикнул шериф. — А вам, джентльмены, приказываю содействовать мне в выполнении мною служебного долга. Бенджамен Пенгиллен, вы арестованы! Приказываю вам проследовать в тюрьму.

— Я б последовал за вами, сквайр Дик, — проговорил Бенджамен, вынимая изо рта трубку, которую все это время преспокойно покуривал, — я б понесся за вами на всех парусах и на край света, коли б он имелся, но только края-то нет, потому что земля круглая. Вот мистер Холлистер прожил всю свою жизнь на суше и, быть может, не знает, что земля, так сказать...

— Сдавайтесь! — крикнул капитан таким громовым голосом, что все вздрогнули, а подначальные ему войска, даже отступили на несколько шагов. — Сдавайтесь, Бенджамен Пенгиллен, иначе не ждите пощады!

— Да шут с ней, с вашей пощадой, — ответил Бенджамен, поднимаясь с бревна, на котором сидел, и, прищурившись, глянул в дуло пушечки, которую беглецы ночью заблаговременно втащили на гору и которая теперь служила средством обороны с внутренней стороны вала. — Послушай-ка, мистер, или, как вас там — капитан, хоть мне не больно верится, что вы хоть раз понюхали пороха и помахали саблей в настоящем бою, — чего это вы так орете, будто матросу на брамстеннге? И вы небось считаете, что у вас там в вашей писульке правильно записано мое имя? Да английский матрос никогда не пойдет в плавание, не имея про запас второго имени — на всякий случай, понимаете? Думаете, меня зовут Пенгиллен? Нет, так величали того джентльмена, на чьей земле я появился на свет. То был человек знатного рода, а уж этого никак нельзя сказать ни о ком из семьи Бенджамена Стабса.

— Передайте мне ордер на арест, я впишу туда «он же»! — завопил Хайрем, не вылезая, однако, из-за своего укрытия.

— Впишите в свой ордер «осел», и это про вас и будет сказано, мистер Дулитл! — крикнул Бенджамен, не отрывая взгляда от прицела фальконета.

— Сдавайся! Даю тебе минуту на размышление! — крикнул шериф. — Ах, Бенджамен, Бенджамен, не ожидал я от тебя такой неблагодарности!

— Слушайте, что я вам скажу, мистер Джонс, — заговорил Натти, который знал, как сильно влияние шерифа на его друга, и опасался этого. — Тот порох, что принесла мне девушка, взорвался, это верно, но у меня его в пещере столько, что хватит поднять на воздух всю скалу — ту самую, где вы сейчас стоите. Коли вы не оставите нас в покое, придется мне разнести в куски крышу над нашей головой.

— Я, как шериф, считаю, что вести дальнейшие переговоры с беглыми преступниками ниже моего достоинства! — заметил шериф своему приятелю.

И тут оба они ретировались с такой поспешностью, что капитан Холлистер принял это за сигнал к атаке.

— Штыки наперевес! Вперед! — гаркнул ветеран. Хотя осажденные и ждали этой команды, она все же застигла их несколько врасплох, а капитан Холлистер успел приблизиться к крепости с криками: «Смелей, ребята! Если будут артачиться, не давайте им пощады!» При этом он так взмахнул саблей, что непременно разрубил бы стюарда надвое, если бы не своевременное вмешательство дула пушечки. Своей саблей капитан поднял его вверх, и как раз в этот критический момент Бенджамен подносил свою зажженную трубку к запалу — в результате из жерла пушечки вылетело почти перпендикулярно вверх с полсотни ружейных пуль. Наука утверждает, что свинец удержаться в воздухе не может, и потому два фунта этого металла, описав в небе эллипс, возвратились на землю, прогремев в ветвях деревьев как раз над частью отряда, стоявшей позади капитана. Успех атаки солдат нерегулярного войска во многом зависит от того, в каком направлении их будут двигать с самого начала. В данном случае движение пошло вспять, и через какую-нибудь минуту после того, как прокатился пушечный выстрел, вся тяжесть атаки с левого фланга легла на единственную руку вояки Холлистера. От резкой отдачи своего орудия Бенджамен получил сильную контузию и некоторое время, ничего не сознавая, лежал, распростершись на земле. Воспользовавшись этим обстоятельством, капитан Холлистер вскарабкался на бастион перед пещерой и занял на нем позицию. Едва оказавшись в стане врага, он бросился к краю фортификации и, размахивая над головой саблей, закричал:

— Победа! За мной, мои храбрые солдаты крепость наша!

Все это прозвучало вполне по-военному и явило собой прекрасный образец того, как должен держать себя офицер перед своим войском, но воинственный этот клич, увы, оказался причиной поворота успеха. Натти, все время зорко следивший за лесорубом и за врагом прямо перед собой, круто повернулся на голос капитана Холлистера и был поражен, увидев, что товарищ его лежит недвижим на земле, а на их собственном бастионе стоит капитан и издает победные крики. Дуло длинного ружья мгновенно повернулось в сторону капитана. Была минута, когда жизнь старого солдата подвергалась большому риску, но мишень для ружья Натти была слишком велика, а расстояние до нее слишком мало. Вместо того чтобы спустить курок, Кожаный Чулок направил ружье в зад врагу и мощным толчком наподдал капитана так, что тот слетел с бастиона значительно быстрее, чем на него взобрался. Место, куда опустился капитан Холлистер, оказалось как раз перед пещерой, и, едва ноги его коснулись почвы, ему показалось, что она проваливается под ним, настолько склон был крутым и скользким. Все произошло так быстро и неожиданно, что старый солдат даже не успел ничего понять. Пока он летел вниз, ему мерещилось, что он в седле и пробивается сквозь вражеские полчища. По пути он стучался о каждое дерево и воображал, что это налетают на него пехотинцы. Наконец, почти врезавшись в полуобгоревший ствол, он шлепнулся посреди проезжей дороги, и притом, к полному своему изумлению, прямо к ногам собственной супруги. Миссис Холлистер в сопровождении по крайней мере двух десятков любопытных мальчишек поднималась по дороге в гору: одной рукой она опиралась на палку, без которой никогда не выходила из дому, а в другой несла пустой мешок. При виде подвига своего достойного мужа она вознегодовала — возмущение взяло верх не только над религиозными убеждениями, но и над философской натурой почтенной дамы.

— Что же это такое, сержант! Да, никак, ты отступаешь? — закричала она. — Неужто я дожидая до такого позора, чтобы мой муж удирал от врага — и какого врага! А я-то тут иду и рассказываю мальчуганам об осаде Нью-Йорка и о том, как тебя там ранило. И еще о том, каким героем ты себя сегодня покажешь. И что же я вижу? Ты отступаешь при первом же выстреле! Да, мешок можно выбросить: если и будет пожива, так все достанется другим, а не такому вояке, как ты. Там, в пещере, говорят, полным-полно золота и серебра. Да простит мне господь мирские помыслы, но и в писании сказано, что военная добыча по справедливости принадлежит победителю.

— Кто отступает? — с изумлением воскликнул ветеран. — Где мой конь? Он убит подо мной, и я...

— Да ты, никак, рехнулся! — прервала его жена, — Откуда у тебя взяться коню — кто ты такой? Всего-навсего никуда не годный капитан всякого сброда. Будь здесь настоящий капитан, ты бы летел в другую сторону!

Пока достойная чета подобным образом обсуждала происходящие события, бой над их головами разгорелся не на шутку. Кожаный Чулок, увидев, что враг его, как выразился бы Бенджамен, «идет на большой скорости», сосредоточил внимание на правом фланге осаждающих. Силачу Керби ничего не стоило бы, воспользовавшись удобной минутой, взобраться на бастион и отправить двух ее защитников вслед за капитаном Холлистером, но в эту минуту лесоруб был, по-видимому, настроен отнюдь не враждебно, ибо он гаркнул так, что его услышал и весь отступающий левый фланг:

— Ура! Ай да капитан! Вот это здорово! Гляньте, как он разделяется с кустарником! Да ему и молодые деревца нипочем — начисто срезает.

Подобными восклицаниями он подбадривал летевшего вниз ветерана до тех пор, пока наконец, не в силах больше сдерживаться, добродушный малый плюхнулся на землю и, от восторга выбивая пятками барабанную дробь, дал волю веселому смеху.

Все это время Натти стоял в угрожающей позе, направив ружье вверх бастиона и зорко следя за каждым движением противника. Шум, производимый Керби, ввел в искушение безмерно любопытного Хайрема, и тот неосторожно выглянул из-за своего укрытия, дабы ознакомиться с ходом боя. Прделано это было с величайшей

осмотрительностью, но, тщательно прикрывая фронт, мистер Дулитл, что бывает свойственно и командирам получше его, подставил тыл под огонь врага. По своему физическому складу Хайрем Дулитл принадлежал к той породе людей, которым природа при их создании отказала в закругленных линиях. Все в нем было или прямо, или угловато. Но обшивала его портниха, а она, подобно войсковому подрядчику, действовала, следуя некоему своду правил, сводящих к одной конфигурации все имеющиеся в природе человеческие типы. Поэтому, как только мистер Дулитл высунулся, слегка согнувшись, вперед, с другой стороны дерева показались пышные складки его кафтана, и Натти мгновенно взял их на прицел. Менее опытный человек стал бы целить именно в эти складки, но Кожаный Чулок отлично знал и мистера Дулитла и кто служил ему портным, и потому, едва щелкнул ружейный затвор, Керби, наблюдавший весь этот эпизод затаив дыхание, увидел, что от бука отлетел кусок коры и чуть повыше густых складок взметнулась пола кафтана. Никогда еще ни одно оружие не могло выпалить с такой скоростью, с какой выскочил из-за дерева Хайрем на призыв Натти.

Ступив с необычайной осторожностью два-три шага и поддерживая одной рукой пострадавшее место, а другую вытянув вперед, он двинулся затем с угрожающим видом к Натти, громко восклицая:

— Ну, на этот раз ты так легко не отделаешься, дьявол тебя побери совсем! Я найду на тебя управу, я доберусь и до верховного суда!

Такие резкие выражения в устах всегда столь уравновешенного сквайра Дулитла и бесстрашие, с каким он шел прямо на ружье Натти, сообразив, вероятно, что оно теперь не заряжено, подняли воинственный дух в арьергарде отряда — воины с громким воем дали залп вверх, послав свои пули туда же, куда попал и заряд пушечки. Разгорячившись от ими самими произведенного шума, они затем бросились вперед уже с подлинно воинственным пылом, и Билли Керби, полагая, что шутка, как она ни забавна, зашла слишком далеко, хотел было уже взобраться на бастион, когда вдруг с другой его стороны появился судья Темпл.

— Я требую тишины и порядка! — воскликнул он. — Что я вижу? Тут проливают кровь и чуть ли не убивают друг друга! Неужели для того, чтобы творить правосудие, властям необходимо прибегать к поддержке всякого сброда, как будто в стране сейчас война и неурядицы!

— Это вооруженные ополченцы! — крикнул шериф с отдаленного утеса. — Они...

— Скажи лучше — вооруженные разбойники. Я требую прекратить все это!

— Остановитесь! Не надо кровопролития! — раздался голос с вершины Горы Видения. — Заклинаю вас небом, не стреляйте! Все будет улажено, вы можете спуститься!

Измумление заставило всех замереть на месте. Натти, успевший перезарядить ружье, спокойно уселся на бревно и опер голову на руки; «легкая инфантерия», прекратив военные действия, застыла в напряженном ожидании. В следующую минуту с горы сбежал Эдвардс, за ним с проворством, удивительным для его возраста, следовал майор Гартман. В одно мгновение они добежали до площадки, оттуда спустились к пещере и оба в ней скрылись. Все молчали, изумленно глядя им вслед.

Глава 40

Антонио. Я онемел!

Бассанио. Ты доктором была — и не узнал я!

Шекспир, «Венецианский купец»

В течение тех пяти или шести минут, по прошествии которых снова появились юноша и майор, судья Темпл и шериф вместе с большинством волонтеров поднялись на площадку, и храбрые воины принялись излагать друг другу свои предположения относительно исхода дела и хвастаться боевой доблестью, проявленной ими в недавнем столкновении. Но вдруг

все умолкли: от пещеры шли Оливер и мистер Гартман. Они несли человека, сидевшего в грубом кресле, застеленном неотделанными оленьими шкурами, которое тут же почтительно опустили среди собравшихся. Длинные волосы сидевшего в кресле спадали на плечи гладкими белоснежными прядями; одежда, безукоризненно чистая и опрятная, сшитая из материи, доступной лишь людям наиболее зажиточных классов, сильно обветшала и была залатана; обувь старику служили мокасины, украшенные самой нарядной отделкой, какую только способны изобрести индейцы. Черты его лица были строги и полны достоинства, однако блуждающий взгляд, которым он медленно обвел стоящих вокруг, ничего не выражал: не оставалось сомнения в том, что старец уже достиг тех лет, когда человек вновь возвращается к бездумному состоянию дитяти.

Натти, пришедший следом за теми, кто нес кресло — этот столь неожиданный здесь предмет, — остановился неподалеку, позади него. Опершись о ружье, охотник стоял среди своих преследователей, и бесстрашие его показывало, что Кожаного Чулка волнует дело гораздо более важное, чем личная безопасность. Майор Гартман встал с непокрытой головой подле старца, и, казалось, в его глазах, обычно выражавших веселость и юмор, сияет сама душа. Эдвардс непринужденным, любовным жестом положил руку на поручень кресла, хотя от волнения сердце у юноши готово было разорваться и он не мог произнести ни слова.

Все смотрели на эту картину не отрывая глаз, но никто не проронил ни звука. Но тут старец, вновь обведя всех своим бездумным взглядом, сделал попытку приподняться, на его увядшем лице мелькнула улыбка, выражавшая привычную любезность, и он произнес глухим, дрожащим голосом:

— Не угодно ли присесть, джентльмены? Прошу вас. Совет начнется незамедлительно. Все, кто предан нашему всемилостивейшему королю, будут рады слышать, что колонии по-прежнему остаются ему верны. Присядьте, прошу вас, присядьте, господа. Войска на ночь отправятся на отдых.

— Это бред безумного, — сказал Мармадюк. — Кто потрудится мне объяснить, что все это значит?

— Нет, сэр, это не безумие, — твердо произнес Эдвардс, — это лишь дряхлая, беспомощная старость, и нам предстоит выяснить, кто тут несет ответственность.

— Скажи, сын мой, джентльмены останутся к обеду? — спросил старец, обернувшись на голос, который он так хорошо знал и любил. — Распорядись, чтобы приготовили обед, достойный офицеров его величества. Ты знаешь, у нас всегда к услугам превосходнейшая дичь.

— Кто этот человек? — быстро спросил Мармадюк: голос старца пробудил в нем живейший интерес и какие-то догадки.

— Этот человек, сэр, который, как вы видели, прятался в пещере, лишенный всего, что составляет радость нашей жизни, был когда-то другом и советчиком тех, кто правил нашей страной, — спокойно ответил Эдвардс; голос его, по мере того как он говорил, звучал все громче. — Этот человек, которого вы видите теперь слабым и беспомощным, был когда-то воином столь храбрым и неустрашимым, что отважные туземцы дали ему прозвище «Пожиратель Огня». Этот человек, который не имеет сейчас даже крова над головой, когда-то обладал огромным состоянием; он был законным владельцем этой самой земли, которая у вас под ногами, судья Темпл. Этот человек был отцом...

— Так, значит, это... так, значит, это пропавший без вести майор Эффингем? — вскричал Мармадюк в глубочайшем волнении.

— Да, именно пропавший, — ответил юноша, устремляя на судью пронзительный взгляд.

— А вы? А вы?... — продолжал судья, с трудом выговаривая слова.

— Я его внук.

Целую минуту длилось глубокое молчание. Глаза всех были прикованы к говорившим, и даже старый немец с большой тревогой ждал, чем все это кончится. Но вот Мармадюк, опустивший голову на грудь — не от стыда, а потому, что мысленно возносил благодарность

богу, — вновь поднял глаза: крупные слезы катились по его красивому мужественному лицу. Он горячо сжал руку юноше и проговорил:

— Оливер, прощаю тебе твою резкость, твои подозрения. Теперь я все понимаю. Прощаю тебе все, кроме того, что ты позволил престарелому человеку обитать в таком неподобающем месте, когда не только мой дом, но все мое состояние в его и твоём распоряжении.

— Он твердый, как сталь! — воскликнул майор Гартман. — Я говорил тебе, юноша, что Мармадьюк Темпл — верный друг, он никогда не покидал друга в нужде.

— Да, судья Темпл, этот достойный джентльмен сильно поколебал мое мнение о вас. Когда выяснилось, что перевезти моего деда обратно, туда, откуда извлекла его преданная любовь старого слуги, невозможно — его бы тут же обнаружили, — я отправился в долину Мохок к одному из его старых товарищей, в надежность которого я верил. Он ведь и ваш друг, судья Темпл, и если то, что он говорит, справедливо, и мой отец и я судили о вас неверно...

— Твой отец действительно погиб на том пакетботе? — спросил Мармадьюк с нежным участием.

— Да. После нескольких лет бесплодных усилий и жизни на очень скромные средства он оставил меня в Нова-Скотии и отправился получать компенсацию за понесенные убытки, которую присудили наконец британскому офицерству. Он провел в Англии год и возвращался в Галифакс, чтобы занять там назначенный ему правительством пост в Вест-Индии, намереваясь заехать туда, где мой дед пребывал с начала и во все время войны, и взять его с собой.

— Но как ты уцелел? — воскликнул Мармадьюк с живейшим интересом. — Я был уверен, что ты погиб вместе с отцом.

На щеках Эдвардса выступил румянец. Юноша посматривал на недоумевающие лица волонтеров и молчал. Мармадьюк обернулся к подошедшему в эту минуту капитану Холлистеру и сказал:

— Уведите солдат и распустите их по домам; излишнее усердие шерифа внушило ему неверное представление о его долге. Доктор Тодд, я буду весьма признателен, если вы займетесь раной Хайрема Дулитла, которую тот получил в этом неприятном деле. Ричард, ты окажешь мне услугу, если распорядишься прислать сюда карету. Бенджамен, возвращайся домой и приступай к своим домашним обязанностям.

Хотя распоряжения эти большинству не очень-то пришлись по душе, подозрение, что они и в самом деле несколько превысили границы законного, а даже привычное уважение к судье заставили всех немедленно подчиниться.

Когда те, кому надлежало уйти, скрылись из виду и на скале остались лишь лица, особо заинтересованные в том, чтобы раскрыть наконец тайну, Мармадьюк, указывая на майора Эффингема, сказал, обращаясь к его внуку:

— Не унести ли нам твоего деда под укрытие, пока не прибудет моя карета?

— Нет, сэр, воздух ему полезен, он всегда старался быть под открытым небом, если при этом не грозила опасность быть обнаруженным. Я не знаю, как мне поступить дальше, судья Темпл: должен ли я, могу ли я позволить, чтобы майор Эффингем стал членом вашей семьи?

— Ты сам будешь судить об этом, — ответил Мармадьюк. — Твой отец — друг моей юности. Он доверил мне все свое состояние. Когда мы расставались, он, полностью на меня полагаясь, не пожелал брать никаких расписок, никаких документов, подтверждающих передачу мне его имущества, хотя, правду сказать, для того и не было ни времени, ни подходящих обстоятельств. Ты знал об этом?

— Несомненно, сэр, — ответил Эдвардс или, как отныне мы будем называть его, Эффингем.

— Наши политические взгляды разошлись, и мы решили, что, если здесь победит революция, я смогу сохранить для него все его состояние, ибо никто не знал о том, что оно принадлежит ему. Если же король удержится, то такому лояльному подданному, как

полковник Эффингем, нетрудно будет вернуть свое имущество. Это тебе ясно?

— Пока все верно и правильно, — сказал юноша, все еще сохраняя недоверчивый вид.

— Слушай, слушай, мальшик, — проговорил немец. — Судья Темпл — самый шестной шеловек.

— Нам всем известно, каков был исход войны, — продолжал Мармадьюк, не обращая внимания ни на того, ни на другого. — Твой дед остался в Коннектикуте, и его сын регулярно высылал ему вспомоществование, достаточное для того, чтобы старик ни в чем не нуждался. Все это я хорошо знал, хотя мне не приходилось встречаться с майором Эффингемом даже в разгар нашей дружбы с его сыном. Вместе с войсками твой отец вернулся в Англию хлопотать о возвращении своего имущества. Он потерпел огромные убытки, все поместья его были проданы, но купил их я. Это было продиктовано вполне естественным желанием устранить все препятствия, когда для него придет время получить все свои владения обратно.

— Никаких препятствий и не было, кроме одного: нашлось слишком много претендентов.

— Но никто бы не мог тягаться с законным владельцем, и я открыто объявил, что распоряжаюсь капиталом, с течением времени и моими собственными усилиями умноженным во сто крат, только как опекун. Ты знаешь, что сразу же после войны я снабжал твоего отца значительными суммами.

— Да, вы посылали ему деньги до тех пор, пока...

— Мои письма стали приходить обратно нераспечатанными. Характером твой отец походил на тебя: порой он бывал излишне тороплив и резок. Но, возможно, тут была и моя вина, — сказал судья, как бы с упреком самому себе. — Быть может, я, как всегда, заглядывал слишком далеко вперед, слишком тщательно рассчитывал. Признаться, для меня было тяжким испытанием позволять человеку, которого я искренне любил, на протяжении семи лет думать обо мне дурно, и все это для того, чтобы он смог в свое время открыто заявить о своих правах на имущество и получить компенсацию за убытки. Но, если бы он прочитал мои последние письма к нему, ты бы знал всю правду. Те, что я послал ему в Англию, твой отец прочитал, об этом сообщил мне мой поверенный. Твой отец умер, Оливер, зная все. Он умер моим другом, и я был убежден, что ты погиб вместе с ним.

— Мы были бедны и не могли оплатить проезд за двоих, — ответил юноша с необычным волнением, которое охватывало его всякий раз, когда разговор касался плачевного положения его семьи. — Я дожидался возвращения отца, и, когда до меня дошла печальная весть о его гибели, у меня не оставалось ни гроша.

— И что же ты предпринял, мой мальчик? — спросил Мармадьюк с дрожью в голосе.

— Я поехал разыскивать деда. Я понимал, что он остался без всяких средств к существованию теперь, когда перестали приходить деньги от его сына. Добравшись до места, где жил старый майор Эффингем, я узнал, что он выехал неизвестно куда, хотя наемный слуга, покинувший старого человека в его бедности, после моих настойчивых расспросов признался, что моего деда увез какой-то старик, бывший слуга майора. Я тотчас догадался, что это был Натти, потому что мой отец часто...

— Так, значит, Натти был слугой твоего деда? — воскликнул судья.

— И этого вы тоже не знали? — спросил явно изумленный юноша.

— Как мог я это знать? Я никогда не встречался с майором Эффингемом, при мне никто не упоминал тогда имени Бампо. Для меня Натти был всего лишь охотник-траппер, лесной житель. Таких здесь немало, и потому он не вызывал во мне особого интереса.

— Натти вырос в семье моего деда, служил ему на протяжении многих лет, сопровождая его во всех походах на Западе, где и пристрастился к лесам. Его оставили здесь как «туземца» на земле. Могиканин — мой дед когда-то спас ему жизнь — уговорил делаваров отдать майору эту землю, когда те приняли моего деда как почетного члена своего племени.

— А отсюда, стало быть, и разговоры о твоей «индейской крови»?

— Да, это моя единственная «кровная» связь с индейцами, — ответил Эдвардс, улыбаясь. — Майор Эффингем стал как бы сыном могиканина, в то время одного из величайших людей своего народа, и мой отец, посетивший делаваров, когда был еще мальчиком, получил от них прозвище «Орел», вероятно, за свой орлиный профиль. Это прозвище перешло и на меня. Другого родства и связей с индейцами у меня нет, хотя, признаюсь, судья Темпл, порой я готов был пожелать, чтобы именно таким было — и мое происхождение и мое воспитание.

— Продолжай свой рассказ, — сказал Мармадьюк.

— Мне осталось мало что добавить, сэр. Я отправился к озеру Отсега — я часто слышал, что Натти живет именно там, — и действительно нашел своего деда в хижине старого охотника — верный слуга скрывал от всех своего старого господина, он не хотел, чтобы люди видели, как обнищал и впал в старческое слабоумие человек, которого народ когда-то так уважал и почитал.

— И что же ты предпринял затем?

— Что я предпринял? Я истратил последние деньги и купил ружье, надел грубую одежду и стал охотиться вместе с Кожаным Чулком. Остальное, судья Темпл, вам известно.

— А почему ты не искал старый Фриц Гартман? — сказал немец с упреком, — Разве ты никогда не слышал имя старый Фриц Гартман, твой отец не говорил обо мне?

— Быть может, я поступил неправильно, джентльмены, — возразил юноша, — но гордость не позволяла мне открыть то, что сегодня наконец обнаружилось и что даже и теперь мне не легко. У меня были свои планы, быть может фантастические, но я предполагал, если бы мой дед дожил до осени, увезти его с собой в город, где живут наши дальние родственники, — я надеялся, что они уже успели позабыть про ненавистных им тори. Но он быстро угасает, — печально продолжал Оливер, — и вскоре ляжет в землю рядом со старым могиканином.

Воздух был свежий, погода прекрасная, и все оставались на скале до тех пор, пока не послышался стук колес поднимавшейся по склону кареты судьи Темпла. Разговор продолжался с неослабевающим интересом, и постепенно выяснилось все то, что доселе было непонятно; антипатия юноши к Мармадьюку таяла с каждой минутой. Он уже не возражал против того, чтобы деда его увезли в дом судьи, а сам майор Эффингем выказал поистине детскую радость, когда его усадили в карету. Оказавшись в зале «дворца» Мармадьюка, старый воин медленно обвел глазами комнату, останавливаясь взглядом на каждом предмете, и на мгновение лицо его как будто озарялось разумной мыслью, но в то же время он то и дело рассыпался в ненужных любезностях по адресу тех, кто находился возле него, с трудом связывая слова и мысли. Ходьба и перемены скоро истощили силы старика, и его пришлось уложить в постель. Там он лежал в течение долгих часов, очевидно сознавая происшедшие в его жизни изменения и являя собой жалкую картину, слишком ясно показывающую, что животные инстинкты все еще живут в человеке после того, как более благородная его сущность уже исчезла.

Пока его престарелого родственника укладывали в удобную постель, возле которой тут же уселся Натти, Оливер не отходил от деда, но затем по приглашению судьи проследовал в библиотеку, где его уже поджидали хозяин дома и майор Гартман.

— Прочти эту бумагу, Оливер, — проговорил Мармадьюк, — и ты увидишь, что я не только не имел намерений нанести ущерб твоей семье, пока я жив, но считал своим долгом позаботиться и о том, чтобы справедливость восторжествовала хотя бы и после моей смерти.

Юноша взял бумагу и с первого взгляда на нее понял, что это завещание Мармадьюка Темпла. Как ни был он взбудоражен и взволнован, он тут же заметил, что стоявшая на документе дата совпадала с тем временем, когда судья находился в столь мрачном и подавленном состоянии. Оливер читал завещание, и глаза его подернулись влагой, а рука, державшая бумагу, начала дрожать.

Завещание начиналось с обычных формальных заявлений, составленных искусным в подобного рода делах мистером Вандерсколом, но далее Оливер сразу почувствовал стиль

самого судьи. Ясно, решительно и даже красноречиво он излагал свои обязательства в отношении полковника Эффингема, сущность взаимоотношений между ними и те обстоятельства, которые их разъединили. Затем он разъяснил причину своего продолжительного молчания, упомянув, однако, те крупные суммы, которые пересылал другу, но которые тот возвращал ему обратно с нераспечатанными письмами, после чего рассказал и о том, как разыскивал отца своего друга, неизвестно куда исчезнувшего, и о своих опасениях, что прямой наследник доверенного ему состояния погребен в океане вместе со своим отцом.

Короче говоря, он поведал все те события, которые наш читатель может теперь связать воедино, а затем дал полный и точный отчет о суммах, оставленных на его попечение полковником Эффингемом. Все состояние вверялось нескольким ответственным душеприказчикам, на которых возлагалась обязанность разделить его следующим образом: одну половину передать дочери, а вторую — Оливеру Эффингему, бывшему майору войск Великобритании, и его сыну, Эдвардсу Эффингему, и его внуку, Эдвардсу Оливеру Эффингему, или их потомкам. Завещание сохраняло свою силу до тысяча восемьсот десятого года — если до этого времени не объявится никто из прямых наследников рода Эффингемов, то определенная сумма, из расчета основного капитала и процентов, передавалась государству, с тем чтобы выплатить ее, согласно закону, побочным родственникам майора Эффингема; остальное наследовала дочь судьи.

Из глаз молодого человека катились слезы — он видел перед собой неоспоримое доказательство благородных намерений Мармадьюка. Смущенный взгляд Оливера был все еще прикован к бумаге, когда он услышал рядом с собой голос, от которого затрепетал каждый его нерв:

— Вы все еще сомневаетесь в нас, Оливер?

— Лично в вас, мисс Темпл, я никогда не сомневался! — воскликнул юноша, обретя дар речи и память, и, вскочив, схватил руку Элизабет. — Нет, в вас моя вера всегда была твердой.

— А в моего отца?

— Благослови его бог!

— Спасибо, мой мальчик, — сказал судья и обменялся с юношей крепким рукопожатием, — но мы оба с тобой поступали ошибочно: ты был слишком поспешен, а я слишком медлителен. Половина всех моих владений станет твоей, как только можно будет совершить формальную их передачу, и, если мои догадки правильны, к тебе скоро перейдет и вторая половина.

И, взяв руку юноши, которую держал в своей, он соединил ее с рукой дочери, а затем сделал знак майору Гартману, приглашая его в соседнюю комнату.

— Я вот што сказаль тебе, девушка, — добродушно проговорил немец. — Если бы Фриц Гартман бил молодым, как тогда, когда служил с его дедом, он бы еще потягался с ленивый мальчишка!

— Ну-ну, старина Фриц, — остановил его судья. — Ведь вам семьдесят, а не семнадцать годков. Пойдемте, Ричард уже поджидает вас с чашей пунша.

— Рихарт? Ах, он шорт этакий! — воскликнул немец, поспешно направляясь к двери. — Он делает пунш, как лошадиный пойло. Я покажу ему, как надо готовить пунш. Ах, шорт! Шестное слово, он подслащивает его своей американской патокой!

Мармадьюк улыбнулся, любовно кивнул молодой паре и тоже вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь. Если кто-либо из наших читателей полагает, что сейчас мы снова откроем ее ради его удовольствия, то он ошибается.

Элизабет и Оливер беседовали довольно долго — сколько именно, мы вам не скажем, но к шести часам беседу пришлось прекратить, так как явился мосье Лекуа, как то было условлено накануне, и выразил желание сказать что-то мисс Темпл с глазу на глаз. Ему в том отказано не было. С превеликой учтивостью француз предложил Элизабет руку и сердце, а также всех своих друзей, близких и далеких, папа, мама и «сахаристый тростник». Мисс

Темпл, надо полагать, уже связала себя некими обязательствами в отношении Оливера, ибо отклонила лестное предложение француза в выражениях не менее учтивых, чем его собственные, но, пожалуй, более решительных.

Мосье Лекуа вскоре присоединился к немцу и шерифу, которые усадили его рядом с собой за стол и с помощью пунша, вина и других горячительных напитков вскоре заставили француза рассказать им о цели его визита. Делая предложение, он, как видно, лишь выполнял долг, который воспитанный человек, прежде чем покинуть гостеприимную страну, обязан выполнить в отношении девушки, живущей в этом отдаленном месте, — сердце его при этом было весьма мало задето. После некоторых дополнительных возлияний подгулявшие собутыльники шутки ради убедили повеселевшего француза, что было бы непростительной бестактностью предлагать руку одной даме и не проявить такой же любезности в отношении другой. И около девяти часов вечера мосье Лекуа отправился в дом священника с теми же матримониальными намерениями и вышел оттуда с таким же результатом, что и при первой своей попытке.

Когда в десять часов он вернулся в дом судьи Темпла, Ричард и майор все еще сидели за столом. Они хотели заставить «галла», как называл шериф француза, попытаться сделать третье предложение — почтенной мисс Добродетели Петтибон, но мосье Лекуа отверг этот совет с упрямством, поистине удивительным в столь благовоспитанном человеке.

Провожая мосье Лекуа до двери со свечой в руке, Бенджамен сказал ему на прощанье:

— Если вы, мусью, приметесь ухаживать за мисс Петтибон, как уговаривает вас сквайр Дик, я так полагаю, вас подцепят крепко, и не так-то уж легко будет вам отцепиться. Если мисс Лиззи и дочка пастора вроде как бы легкие парусные лодочки, которые стремглав несутся по ветру, то мисс Добродетель — тяжелая баржа: стоит взять ее на буксир, и уж тащи до конца своей жизни.

Глава 41

Плывите ж! Хоть ваш громок смех,

Для вас мы не оставим тех,

Чье горе велико.

Плывут веселые ладьи...

Рассказ певец

О скромном поведет челне.

Вальтер Скотт, «Владыка островов»

Лето меж тем миновало, год уже подходил к концу, и последние действия нашего романа разворачиваются в приятном месяце октябре. За истекшее время произошло, однако, немало важных событий, и часть их необходимо поведать читателю.

Два самых значительных были свадьба Оливера и Элизабет и смерть майора Эффингема. Оба события случились в начале сентября, и первое из них лишь на несколько дней опередило второе. Старик угас, как меркнет догорающая свеча, и хотя смерть его овеяла печалью всю семью, однако столь легкая кончина глубокого старца не могла вызвать слишком большое горе у его близких.

Основной заботой Мармадюка было примирить необходимость действовать в отношении преступников строго по закону, как то подобает судье, с тем, что подсказывало ему сердце. Впрочем, на следующий день после того, как раскрылась наконец тайна пещеры, Натти и Бенджамен беспрекословно возвратились в тюрьму, где и пробыли, ни в чем не теряя лишений, пока не вернулся из Олбани нарочный, привезший Кожаному Чулку помилование от губернатора. Тем временем были приняты соответствующие меры, дабы удовлетворить Хайрема за нанесенные его личности оскорбления, и оба наших приятеля в один и тот же день вновь оказались на свободе, ничуть не испортив себе репутации пребыванием в тюрьме.

Мистер Дулитл постепенно начал убеждаться, что его познания в области архитектуры, равно как и в юриспруденции, уже не удовлетворяют население поселка. Пойдя на известный компромисс в своем судебном преследовании Натти Бампо и потребовав все то, что ему, согласно договоренности сторон, полагалось, не упустив при этом ни одного цента, он, по местному выражению, «свернул шатер» и стал продвигаться дальше на запад, озаряя свой путь светом архитектурных и юридических знаний, следы которых можно обнаружить и ныне.

Бедняга Джотем, поплатившийся жизнью за свое безрассудство, перед смертью признался: заверения в том, что в горах есть залежи серебряной руды, он получил из уст некой сивиллы, которая, глядя в магический стеклянный шар, могла обнаруживать скрытые сокровища земли. Суеверия подобного рода среди поселенцев встречаются нередко, и, подивившись неожиданному обороту дел, вскоре все забыли об этом. Но Ричарда это не только заставило отказаться от таившихся в его душе подозрений относительно троих охотников, но и дало ему горький урок, что надолго обеспечило спокойствие его кузену Мармадьоку. Следует вспомнить, как шериф в свое время с большим апломбом заявлял, что в истории с серебряными залежами нет ничего «гадательного», и на протяжении последующих десяти лет достаточно было помянуть это слово, чтобы заставить его немедленно умолкнуть.

Мосье Лекуа, которого мы должны были ввести в наш роман, ибо картина края была бы неполной без персонажа подобного рода, обнаружил, что остров Мартиника и его собственный «сахаристый тростник» находятся в руках англичан, но вскоре Мармадьок и все члены его семьи с удовлетворением узнали о возвращении француза в Париж, откуда он с тех пор слал им ежегодно бюллетени о своем процветании, изливаясь в чувствах благодарности к американским друзьям.

После этого краткого отчета мы вновь займемся нашим рассказом. Пусть читатель представит себе приятнейшее октябрьское утро, когда солнце кажется шаром из серебристого пламени и с каждым вздохом в тело и душу вливаются сила и бодрость, когда не мучают ни жара, ни холод, но в воздухе разлита чудесная ровная прохлада, которая живит кровь, а не расслабляет ее, как то бывает весной. Именно в такое утро, приблизительно в середине месяца, Оливер вошел в зал, где Элизабет давала слугам обычные хозяйственные распоряжения на предстоящий день, и попросил жену сопровождать его на небольшую прогулку к озеру. Заметив печальную задумчивость на лице мужа, Элизабет тотчас оставила дела, накинула на плечи легкую шаль, спрятала свои волосы цвета воронова крыла под широкополую шляпу и, взяв Оливера под руку, ни о чем его не расспрашивая, вышла вместе с ним из дому. Перейдя мост и свернув с проезжей дороги, они пошли затем по берегу озера, все еще не обменявшись ни словом. Элизабет уже поняла цель прогулки и, уважая чувства своего спутника, считала неуместным заводить беседу. Но, когда они очутились в открытом поле и взору Элизабет предстало мирное озеро, сплошь покрытое птицами, — целые стаи их уже улетали с великих вод Севера в поисках более теплого солнца, но некоторые еще замешкались на прозрачной водной равнине Отсега, — когда она увидела склоны гор, расцвеченные веселыми красками осени и словно приветствующие новобрачную, юная супруга не могла более сдержать переполнявшие ее чувства.

— В такую минуту нельзя молчать, Оливер! — сказала она, еще нежнее приняв к его руке. — Смотри, вся природа как будто воздаст хвалы богу — почему же мы, столь многим ему обязанные, молчим?

— Говори, говори, — улыбаясь, проговорил ее муж, — я люблю слушать твой голос. Ты, я думаю, уже угадала, куда и зачем мы идем. И я рассказал тебе о своих планах — одобряешь ли ты их?

— Прежде всего я должна в них разобраться, — возразила ему жена. — Но и у меня тоже есть свои планы, и, мне кажется, пора мне поделиться ими с тобой.

— Вот как! Я знаю, это что-нибудь относительно моего старого друга Натти — ты хочешь помочь ему.

— Да, и ему тоже, разумеется. Но у нас есть друзья и помимо Кожаного Чулка, о них нам тоже следует позаботиться. Разве ты забыл про Луизу и ее отца?

— Нет, конечно, нет. Ведь я передал почтенному священнику одну из лучших наших ферм. Что касается Луизы, то я бы хотел, чтобы она всегда жила с нами.

— Ты бы хотел! — сказала Элизабет, слегка надув губки. — Но, быть может, у бедняжки Луизы имеются собственные планы. Что, если она желает последовать моему примеру и тоже выйти замуж?

— Не думаю, — после минутного размышления ответил Эффингем. — Право, я не знаю здесь никого, кто был бы ее достоин.

— Здесь, возможно, и не сыщется достойных, но ведь есть на свете и другие места, кроме Темплтона, и другие церкви, кроме новой церкви святого Павла.

— Послушай, Элизабет, неужели ты хочешь отпустить мистера Гранта? Хоть он звезд с неба и не хватает, но человек превосходный. Нам никогда не найти второго такого пастора, который столь почтительно соглашался бы с моими ортодоксальными религиозными убеждениями. Ты низвергаешь меня из святых, и я стану обычным грешником.

— Ничего не поделаешь, — ответила Элизабет, пряча улыбку, — придется вам, сэр, превратиться из ангела в человека.

— Ну, а как же быть с фермой?

— Он может сдать ее в аренду, как поступают многие. Кроме того, разве тебе будет приятно видеть, что священник трудится в полях и на пашне?

— Но куда он пойдет? Ты забываешь про Луизу.

— Нет, я не забываю про Луизу, — ответила Элизабет, снова надув губки. — Ведь мой отец уже сказал вам, мистер Эффингем, что прежде я командовала им, а теперь буду командовать мужем. И я намерена доказать вам это теперь же.

— Все, все, что только тебе угодно, дорогая Элизабет, лишь бы не за счет всех нас и не за счет твоей подруги.

— С чего вы взяли, сэр, что я собираюсь делать что-либо за счет моей подруги? — ответила Элизабет, испытующе глядя на супруга, но не увидела на его лице ничего, кроме выражения прямой и бесхитростной доброты.

— С чего я взял? Но ведь Луиза будет скучать без нас, это так естественно!

— С некоторыми естественными чувствами следует бороться, — возразила ему на это молодая жена. — Впрочем, едва ли есть причины опасаться, что разлука как-либо повлияет на девушку, обладающую такой душевной силой.

— Но каковы же твои планы?

— Сейчас узнаешь. Мой отец выхлопотал для мистера Гранта приход в одном из городков на Гудзоне. Там пастор может жить с гораздо большим комфортом, чем здесь, где ему приходится вечно путешествовать по лесам. Там он сможет провести конец своей жизни в покое и довольстве и дочь его найдет подходящее для себя общество и завяжет отношения, соответствующие ее возрасту и характеру.

— Бесс, ты меня изумляешь! Вот не предполагал, что ты так предусмотрительна!

— Я предусмотрительнее, чем вы полагаете, сэр, — ответила ему жена, лукаво улыбаясь. — Но такова моя воля, и вы обязаны ей подчиниться, во всяком случае — на этот раз.

Эффингем рассмеялся, но, по мере того как цель прогулки становилась ближе, молодые супруги, как бы по обоюдному согласию, переменяли тему разговора.

Они подошли к небольшому ровному участку, где когда-то, на протяжении долгих лет, стояла хижина Кожаного Чулка. Теперь участок, полностью очищенный от всякого сора, был красиво выложен дерном, и трава на нем, как и повсюду вокруг, под влиянием обильных дождей выросла густая и яркая, как будто над этим краем прошла вторая весна. Небольшая зеленая площадка была окружена каменной оградой, и, войдя в маленькую калитку, Элизабет и Оливер, к удивлению своему, увидели, что к ограде прислонено ружье Натти. На траве подле ружья разлеглись Гектор со своей подругой, как будто сознавая, что хотя многое

здесь переменялось, все же осталось немало старого и привычного. Сам охотник, вытянувшись во весь свой длинный рост, лежал прямо на земле подле белого мраморного камня и отгибал в сторону пучки травы, пышно разросшейся на этой почве и вокруг основания камня, — очевидно, Натти хотелось разглядеть вырезанную на камне надпись. Рядом с этим простым надгробием стоял богатый памятник, украшенный урной и барельефами.

Тихо ступая по траве, молодые люди приблизились к могилам так, что охотник их не слышал. Загорелое лицо старика подергивалось гримасой душевной боли, он усиленно моргал глазами, как будто что-то мешало ему видеть. Немного погодя Натти медленно поднялся с земли и громко произнес:

— Ну, надо полагать, все сделано как следует. Что-то тут написано, только мне не разобрать, но вот трубка, томагавк и мокасины вырезаны отлично, а ведь небось человек, который все это сделал, сам ничего из этих вещей и в глаза никогда не видел. Эх, эх! Вон они лежат оба рядом — неплохо им здесь... А кто положит в землю меня, когда пробьет и мой час?

— Когда наступит этот горький час, Натти, у тебя найдутся друзья, чтобы отдать тебе последний долг, — проговорил Оливер, тронутый словами старого охотника.

Натти обернулся и, не выказав удивления — манера, перенятая им у индейцев, — провел рукой по лицу, как будто этим жестом стирая все следы грусти.

— Вы пришли взглянуть на могилы, детки, а? — спросил он. — Ну что ж, на них приятно поглядеть и молодым и старым.

— Надеюсь, тебе нравится, как все здесь сделано, — сказал Эффингем. — Ты больше всех заслужил, чтобы с тобой по этому поводу советовались.

— Ну, я не привык к богатым могилам, — возразил охотник, — так что это неважно, по вкусу они мне или нет, и советоваться со мной толку мало. Вы положили майора головой на запад, а могикинина — головой на восток, так, мой мальчик?

— Да, сделали, как ты желал.

— Вот и хорошо, — сказал охотник. — Они ведь думали, что после смерти пойдут разными дорогами, но мы знаем, что тот, кто стоит над всеми, в свое время соединит их — он сделает белой кожу мавра и поставит его рядом с принцами.

— В том не приходится сомневаться, — ответила Элизабет, решительный тон которой сменился мягким и грустным. — Я верю, что когда-нибудь мы снова все встретимся и будем счастливы вместе.

— Это правда, детки, встретимся потом? Это правда! — воскликнул охотник с необычным для него жаром. — Думать так утешительно. Но, пока я еще не ушел, я хотел бы знать, что рассказали вы тем, которые, словно голуби весной, так и летят сюда, — что рассказали вы о старом делаваре и о храбрейшем из белых, какой когда-либо бродил по этим горам?

Эффингем и Элизабет удивились внушительному и торжественному тону, каким Кожаный Чулок произнес эти слова, и приписали это необычности обстановки. Молодой человек повернулся к памятнику и прочел вслух:

— «Вечной памяти Оливера Эффингема, эсквайра, майора его величества шестидесятого пехотного полка, солдата испытанной храбрости, верного подданного, человека чести и истинного христианина. Заря его жизни прошла в почестях, богатстве и силе, но закат ее был омрачен бедностью, людским забвением и недугами, и единственный, кто облегчал ему все тяготы, был его старый, верный и преданный друг и слуга, Натаниэль Бампо. Потомки воздвигли этот памятник высоким добродетелям хозяина и честности его слуги».

Услышав свое имя, Кожаный Чулок сперва было замер, потом морщинистое его лицо осветилось улыбкой.

— Вот так здесь и сказано, сынок? Значит, вы рядом с именем хозяина вырезали имя его старого слуги? Благослови вас бог, детки, за вашу доброту, — а когда стареешь, доброта

идет к самому сердцу...

Элизабет повернулась спиной к ним обоим. Эффингем, силившийся сказать что-то, наконец все же овладел собой:

— Да, твое имя лишь вырезано на простом мраморе, но его следовало бы написать золотыми буквами!

— Покажи мне, сынок, где оно стоит, — попросил Натти с детским любопытством, — я хочу посмотреть на него, раз уж ему оказана такая честь. Это щедрый подарок человеку, который не оставил после себя никого, кто продолжал бы носить его имя в краю, где он так долго прожил.

Эффингем показал старику его имя на мраморной доске, и тот с глубоким интересом провел пальцем по всем буквам, затем поднялся с земли и сказал:

— Да, душевная то была мысль, и по-душевному все сделано. Ну, а что вы написали на могиле краснокожего?

— Слушай, Натти, — сказал Оливер и прочел:

— «Сей камень возложен в память об индейском вожде делаварского племени, известном под именем Джона Могиканина и Чингагука».

— Не Чингагука, а Чингачгука, что значит «Великий Змей». У индейцев имя всегда что-нибудь значит, надо, чтобы оно было написано правильно.

— Я позабочусь, чтобы ошибку исправили. «...Он был последним представителем своего племени, когда-то обитавшего в этих краях, и о нем можно сказать, что его грехи были грехами индейца, а добродетели — добродетелями человека».

— Более верных слов тебе еще не приходилось говорить, мистер Оливер. Эх, кабы ты знал его, как я, когда он был в расцвете сил, кабы видел ты его в том самом сражении, где старый джентльмен, который спит теперь в могиле с ним рядом, спас его от разбойников-ирокезов, те уже привязали могиканина к столбу, чтобы сжечь, ты бы написал все это здесь и мог бы, добавить еще очень многое. Я перерезал ремни, которыми его связывали, вот этими самыми руками, — я отдал ему свой томагавк и нож — ведь для меня всегда самым подходящим оружием было ружье. Да, он умел действовать в бою, раздавал удары направо и налево, как подобает настоящему воину. Я встретил Джона, возвращаясь со слежки за зверем, и увидел на шесте индейца одиннадцать вражьих скальпов. Не вздрагивайте так, миссис Эффингем, то были скальпы всего лишь воинов. Когда я теперь гляжу на эти горы, где когда-то мог насчитать над лагерями делаваров до двадцати дымков, стелющихся над верхушками деревьев, меня охватывает печаль: ведь ни одного человека не осталось от племени, разве встретишь какого-нибудь бродягу из Онидас или индейцев-янки, которые, говорят, переселяются от берегов моря, их, по-моему, и людьми-то назвать нельзя — так, что называется, ни рыба ни мясо, не белые и не краснокожие. Ну ладно, мне пора, надо уходить.

— Уходить? — воскликнул Эдвардс. — Куда ты собрался уходить?

Кожаный Чулок, незаметно для себя усвоивший многие из индейских привычек, хотя он всегда считал себя человеком цивилизованным по сравнению с делаваарами, отвернулся, чтобы скрыть волнение, отразившееся на его лице; он нагнулся, поднял большую сумку, лежавшую за могилой, и взвалил ее себе на плечи.

— Уходить?! — воскликнула Элизабет, торопливо подходя к старику. — Вам нельзя в вашем возрасте вести одинокую жизнь в лесу, Натти. Право, это очень неблагоприятно. Оливер, ты видишь Натти собрался на охоту куда-то далеко.

— Миссис Эффингем права, Кожаный Чулок, это неблагоприятно, — сказал Эдвардс. Тебе вовсе незачем взваливать на себя такие трудности. Брось-ка сумку, и уж если желаешь поохотиться, так, охоться неподалеку, в здешних горах.

— Трудности? Нет, детки, это мне только в радость, это самая большая радость, какая еще осталась у меня в жизни.

— Нет, нет, вы не должны уходить далеко, Натти! — воскликнула Элизабет, кладя свою белую руку на его сумку из оленьей кожи. — Ну да, конечно, я была права: в сумке

походный котелок и банка с порохом! Оливер, мы не должны его отпускать от себя — вспомни, как неожиданно быстро угас могиканин.

— Я так и знал, детки, что расставаться нам будет нелегко, — сказал Натти. — Потому-то я зашел сюда по пути, чтобы одному попрощаться с могилами. Я думал, коли я отдам вам на память то, что подарил мне майор, когда мы с ним впервые расстались в лесах, вы примете это по-хорошему и будете знать, что старика следует отпустить туда, куда он рвется, но что сердце его остается с вами.

— Ты что-то затеял, Натти! — воскликнул юноша. — Скажи, куда ты намереваешься идти?

Тоном одновременно и доверительным и убеждающим, как будто то, что он собирался сказать, должно было заставить умолкнуть все возражения, охотник сказал:

— Да говорят, на Великих Озерах охота больно хорошая — простора сколько душе угодно, нигде и не встретишь белого человека, разве только такого же, как я, охотника. Мне опостылело жить среди этих вырубков, где от восхода до захода солнца в ушах раздается стук топоров. И, хоть я многим обязан вам, детки, и это сушая правда, — поверьте, меня тянет в леса.

— В леса! — повторила Элизабет, дрожа от волнения. — Вы называете эти непроходимые дебри лесами?

— Э, дитя мое, человеку, привыкшему жить в глуши, это все нипочем. Я не знал настоящего покоя с того времени, как твой отец появился здесь вместе с остальными переселенцами. Но я не хотел уходить отсюда, пока здесь жил тот, чьи останки лежат под этим камнем. Но теперь его уже нет в живых, нет в живых и Чингачгука, а вы молоды и счастливы. Да, за последнее время во «дворце» Мармадьюка звенит веселье. Ну вот, подумал я, пришла пора и мне пожить спокойно на закате моих дней. «Дебри»! Здешние леса, миссис Эффингем, я и лесами не считаю, на каждом шагу натыкаешься на вырубку.

— Если ты в чем терпишь нужду, скажи только слово, Кожаный Чулок, и мы сделаем все возможное.

— Я знаю, сынок, ты говоришь это от доброго сердца и миссис Эффингем тоже. Но пути наши разные. Вот так же, как у этих двух, лежащих теперь рядом: когда они были живы, то один думал, что отправится в свой рай на запад, а другой — что на восток. Но в конце концов они свидятся, как и мы с вами, детки. Да, да, живите и дальше так, как жили до сих пор, и когда-нибудь опять будем вместе в стране праведных.

— Все это так внезапно, так неожиданно! — проговорила Элизабет, задыхаясь от волнения. — Я была уверена, Натти, что вы будете жить с нами до конца вашей жизни.

— Все наши уговоры напрасны, — сказал ее муж. — Привычки сорокалетней давности не осилишь недавней дружбой. Я слишком хорошо тебя знаю, Натти, и больше не настаиваю, но, быть может, ты все же позволишь мне выстроить тебе хижину где-нибудь в отдаленных горах, куда мы смогли бы иногда приходить повидать тебя и увериться в том, что тебе хорошо живется.

— Не тревожьтесь за Кожаного Чулка, детки, господь сам позаботится о старике, а потом пошлет ему легкую кончину. Верю, что вы говорите от чистого сердца, но живем-то мы по-разному. Я люблю леса, а вы хотите жить среди людей; я ем, когда голоден, пью, когда испытываю жажду, а у вас и еда и питье по часам и по правилам. Нет, у вас все по-другому. От вашей доброты вы даже перекормили моих собак, а ведь охотничьи псы должны уметь хорошо бегать. Самому малому из божьих творений уготован свой удел — я рожден, чтобы жить в лесной глуши. Если вы любите меня, детки, отпустите меня в леса, куда я стремлюсь всей душой.

Эта мольба решила все — больше уговаривать его не стали, но Элизабет плакала, склонив голову на грудь, и муж ее тоже смахивал набежавшие слезы. Вытащив неловкой от волнения рукой свой бумажник, он взял из него пачку ассигнаций и протянул охотнику.

— Возьми, Натти, — сказал он, — возьми хотя бы это. Прибереги их, и в час нужды они тебя выручат.

Старик взял деньги и поглядел на них с любопытством.

— Так вот они какие, новые деньги, которые делаются в Олбани из бумаги! Тем, кто не больно учен, пользы от них нет. Забирай-ка их обратно, сынок, мне от них проку мало. Я уж постарался закупить у француза весь порох в его лавке, прежде чем мусью уехал, а там, куда я иду, свинец, говорят, растет прямо из земли. А эти бумажки не годятся и для пыжей, я ведь бумажных не употребляю, только кожаные... Ну, миссис Эффингем, позволь старику поцеловать на прощанье твою ручку, и да ниспошлет господь бог все свои наилучшие дары тебе и твоим детям.

— В последний раз умоляю вас остаться с нами, Натти! — воскликнула Элизабет. — Не заставляйте нас горевать о человеке, который дважды спас меня от смерти и верно служил тем, к кому я питаю преданную любовь. Ради меня, если не ради себя, оставайтесь! Мне будут сниться ужасные сны, — они еще мучают меня по ночам, — что вы умираете от старости, в нищете, и подле вас нет никого, кроме убитых вами диких зверей. Мне будут всегда мерещиться всевозможные напасти и болезни, которые одиночество может навлечь на вас. Не покидайте нас, Натти, если не ради собственного благополучия, то хотя бы ради нашего.

— Мрачные мысли и страшные сны, миссис Эффингем, недолго станут мучить невинное создание, — торжественно проговорил охотник, — божьей милостью они скоро исчезнут. И если когда тебе опять приснятся злые горные кошки, то не потому, что со мной стряслась беда, — это бог показывает тебе свою силу, которая привела меня тогда к тебе на спасение. Уповай на бога да на своего мужа, и мысли о таком старике, как я, не будут ни тяжкими, ни долгими. Молю бога, чтобы он не оставил тебя — тот бог, что живет и на вырубках и в лесной глуши, — и благословил тебя и все, что принадлежит тебе, отныне и до того великого дня, когда краснокожие и белые предстанут перед судом божьим и судить их будут не по земным, а по божьим законам.

Элизабет подняла голову и подставила старику для прощального поцелуя свою побледневшую щеку, и Кожаный Чулок почтительно коснулся этой щеки. Юноша, не произнеся ни слова, судорожно сжал руку старика. Охотник приготовился отправляться в путь. Он подтянул ремень потуже и еще некоторое время стоял, делая, как всегда бывает в минуту грустного расставания, какие-то лишние, ненужные движения. Раза два он попытался было сказать что-то, но комок в горле помешал ему. Наконец, вскинув ружье на плечо, он крикнул громко, по-охотничьи, так, что эхо его голоса разнеслось по всему лесу:

— Эй, эй, мои собачки, пора в путь! А к концу этого пути вы порядком натрете себе лапы!

Заслышав знакомый клич, собаки вскочили с земли, обнюхали все вокруг могилы, потом подошли к молчаливо стоявшей паре, как будто понимая, что предстоит разлука, и покорно побежали за хозяином. Некоторое время молодые люди не произносили ни слова, и даже юноша скрыл лицо, нагнувшись над могилой деда. Когда мужская гордость победила наконец в нем эту слабость чувств, он обернулся, думая возобновить свои уговоры, но увидел, что подле могилы они остались только вдвоем, он и его жена.

— Натти ушел! — воскликнул Оливер.

Элизабет подняла голову и увидела, что охотник, уже подходивший к опушке, на мгновение остановился и обернулся. Взгляды их встретились, и Кожаный Чулок поспешно провел по глазам жесткой ладонью, потом высоко поднял руку в прощальном приветии, крикнул с усилием, подзывая собак, которые было уселись на землю, и скрылся в лесу.

То был последний раз, что они видели Кожаного Чулка, чье быстрое продвижение намного опередило тех, кто по распоряжению и при личном участии судьи Темпла отправился за ним вдогонку. Охотник ушел далеко на Запад — один из первых среди тех пионеров, которые открывают в стране новые земли для своего народа.